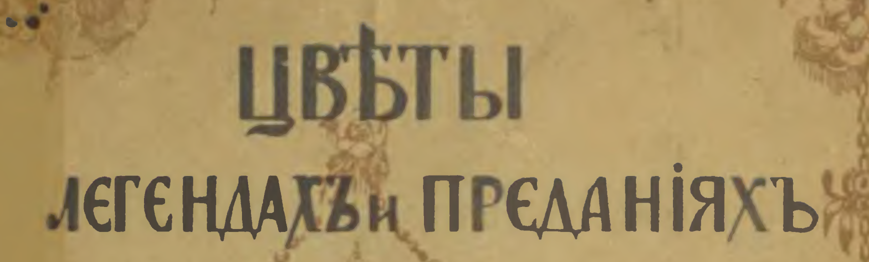

ЦВѢТЫ
ЛЕГЕНДАХЪ И ПРЕДАНІЯХЪ

Н.Ф. ЗОЛОТНИЦКІЙ

Изданіе А.Ф. Девріена.

ЦВѢТЫ

ВЪ

ЛЕГЕНДАХЪ и ПРЕДАНІЯХЪ.

Памяти

симпатичнѣйшаго

Александра Владимiровича

Феррейна,

такъ искренне увлекавшагося
растенiями и ихъ исторiей.

Н. Ѳ. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

ЦВѢТЫ

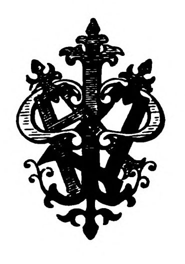
ВЪ

ЛЕГЕНДАХЪ и ПРЕДАНІЯХЪ.

„Въ исторіи цвѣтовъ заключается часть исторіи человѣчества".

Ауэрбахъ.

СЪ ВИНЬЕТАМИ ПО РИСУНКАМЪ ХУДОЖНИЦЫ
К. Ф. ЦЕЙДЛЕРЪ.

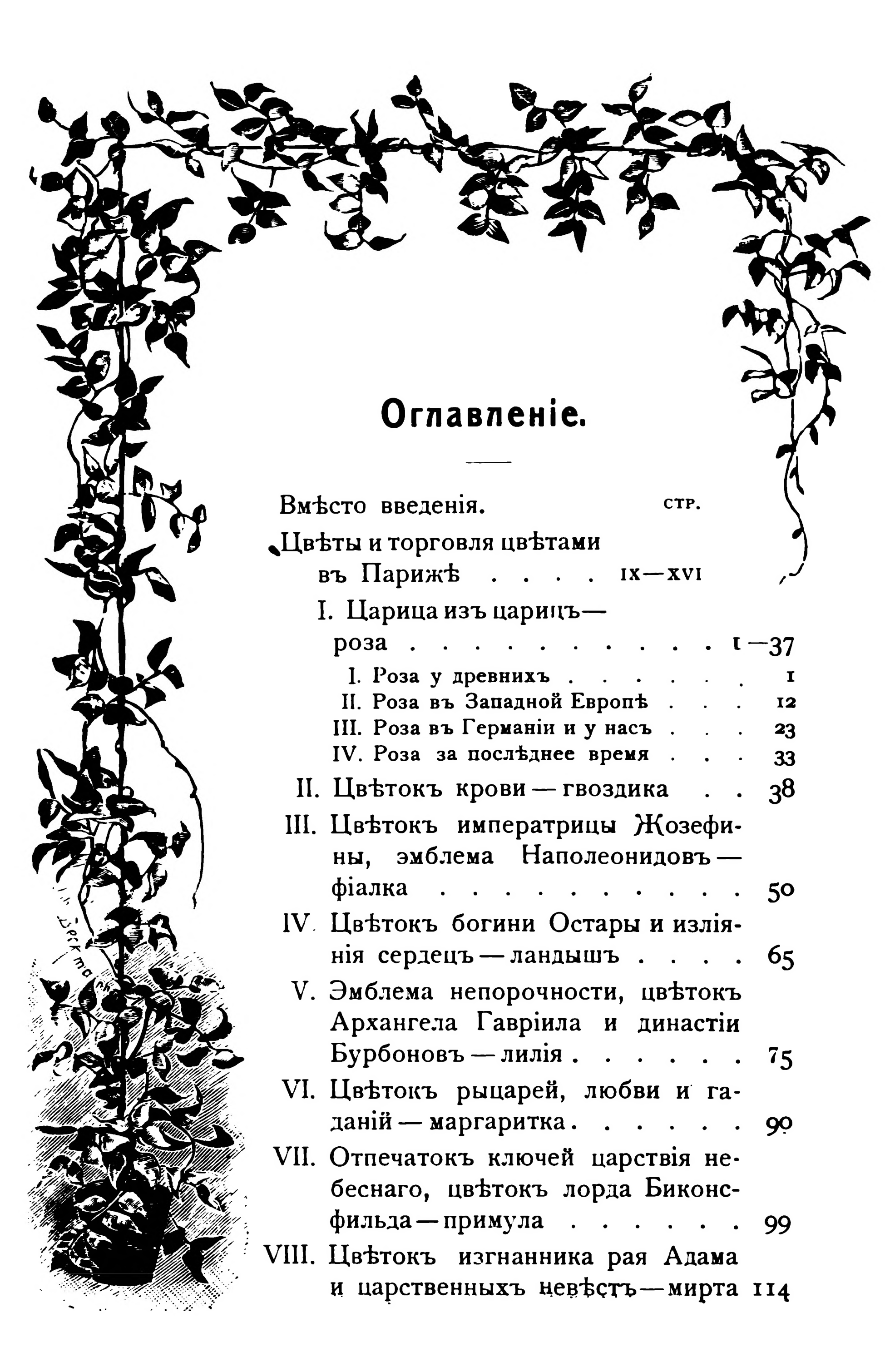

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

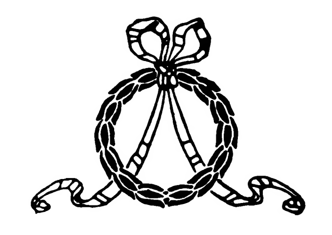
(Право перевода удерживается за авторомъ).

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. („Герольдъ“).
Изм. п., 7 рота, 26.

Оглавленіе.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Цвѣты и торговля цвѣтами въ Парижѣ.

Кто не былъ раннимъ утромъ на центральномъ цвѣточномъ рынкѣ въ Парижѣ, тотъ не можетъ себѣ и представить той суеты, той кипучей дѣятельности, какая царитъ тамъ въ это время.

Сотни фургоновъ, нагруженныхъ снизу доверху цвѣтами, съѣзжаются со всѣхъ окрестностей Парижа, сотни фуръ везутъ цвѣты съ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ, присылаемыхъ изъ Ниццы, Грасса, Ліона и другихъ южныхъ городовъ.

Цѣлыя сотни, тысячи людей занимаются разгрузкой, разборкой, разстановкой и продажей цвѣтовъ, другія сотни, тысячи—ихъ покупкой, сортировкой и разноской по Парижу.

Снятые съ повозокъ цвѣты располагаются здѣсь красивыми группами на сколоченныхъ наскоро подставкахъ, столикахъ или прямо на полу, причемъ каждый изъ торговцевъ старается со свойственнымъ, всѣмъ французамъ, вкусомъ расположить свой товаръ эффектно и красочно. И получается такая прелестная картина, какую, не видавъ, трудно себѣ представить.

Прелесть картины этой усугубляется еще тѣмъ чуднымъ чарующимъ запахомъ, который несется ото всѣхъ этихъ сотенъ тысячъ цвѣтовъ.

Бьетъ три часа утра и торговля начинается. Любителей, конечно, еще нѣтъ: для нихъ это часъ слишкомъ

ранній, а главными покупателями являются такъ называемые regrattiers — скупщики, которые стараются скупить все, что получше и какъ можно подешевле и затѣмъ, нанявъ тутъ-же себѣ мѣстечко для торговли, поджидаютъ, чтобы цвѣты поднялись въ цѣнѣ и тогда продаютъ ихъ разносчикамъ и торговцамъ въ палаткахъ.

Въ девять часовъ торгъ на центральномъ рынкѣ (Halles centrales) уже конченъ и продавцы, и покупатели отправляются восвояси. Разносчики, наполнивъ свои тележки доверху, расходятся по улицамъ Парижа, болѣе крупные торговцы везутъ накупленный товаръ въ свои палатки, а садовники и огородники, сладко заснувъ подъ навѣсами своихъ кибитокъ, плетутся шажкомъ домой.

Но здѣсь кончается только первая часть торговли цвѣтами. Теперь пріобрѣтенные цвѣты везутся прежде всего на девять цвѣточныхъ рынковъ.

Всѣ эти рынки имѣютъ крайне своеобразный видъ рядовъ, открытыхъ съ одной стороны, парусинныхъ палатокъ или навѣсовъ, внутренность которыхъ уставлена снизу доверху размѣщенными на полкахъ горшками и букетами цвѣтовъ, большинство которыхъ обернуто въ бѣлую или цвѣтную бумагу въ формѣ большого фунтика.

Среди разставленнаго такимъ образомъ товара сидитъ торговка въ теплой кофтѣ, съ ногами, поставленными на грѣлку. Она громко выхваляетъ свой товаръ, обращая вниманіе покупателей на его замѣчательную свѣжесть и гораздо высшее его качество въ сравненіи съ товарами ея сосѣдей.

Въ теплые, солнечные весенніе дни, когда зажиточные парижане и богатые иностранцы еще не разъѣхались, эти рынки бываютъ особенно красивы. Цвѣтовъ тамъ всегда такая масса и всѣ они такъ прелестны, что многочисленные покупатели находятся въ затрудненіи, что имъ выбрать.

Но кромѣ сейчасъ описанныхъ рынковъ цвѣты расходятся еще по городу, благодаря множеству всевозможныхъ разносчиковъ цвѣтовъ и продавщицъ бук тиковъ, встрѣчающихся всюду, на всѣхъ улицахъ и бульварахъ.

Среди нихъ однимъ изъ отживающихъ типовъ является продавецъ цвѣтовъ въ корзиночкѣ или плетенкѣ. Онъ предлагаетъ публикѣ желтые нарциссы, душистыя фіалки и вообще самые скромные цвѣты, нарванные, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Парижа. Онъ продаетъ ихъ крайне дешево и потому находитъ покупателей даже среди бѣдняковъ, которые, благодаря ему, за нѣсколько грошей получаютъ возможность разукрасить свою скромную комнатку живыми цвѣтами.

Но наиболѣе популярнымъ торговцемъ цвѣтами въ Парижѣ является такъ называемый «торговецъ четырехъ временъ года» (marchand des quatre saisons). Это торговецъ, торгующій то цвѣтами, то овощами, а иногда даже и другими товарами, но примѣшивающій, однако, къ нимъ всегда цвѣты.

Товаръ его помѣщается въ небольшой телѣжкѣ, которую онъ катитъ самъ. Главными его покупателями являются всегда тѣ, которые по своимъ обязанностямъ или по другимъ обстоятельствамъ не имѣютъ возможности уходить изъ дома.

Число такихъ торговцевъ въ самомъ Парижѣ насчитывается до 4.000, да въ окрестностяхъ около 2.000. Такъ что 6.000 однихъ только этого рода торговцевъ развозятъ уже ежедневно цвѣты по Парижу и окрестностямъ.

Далѣе слѣдуетъ продажа цвѣтовъ въ кіоскахъ, представляющихъ собой, такъ сказать, переходъ отъ разносчика и рыночнаго торговца къ дорогимъ цвѣточнымъ магазинамъ.

Это наиболѣе дешевые изъ торговцевъ цвѣтами средней руки. Ихъ кіоски встрѣчаются всюду, на всѣхъ площадяхъ, улицахъ и бульварахъ, гдѣ только можетъ быть публика.

Часто кіоски эти располагаются близъ церковныхъ папертей и выбираютъ своей спеціальностью цвѣты, служащіе для украшенія алтаря церквей и стараются заставить пріобрѣтать ихъ набожныхъ покупателей.

Нѣкоторые праздники особенно цѣнятся парижскими торговцами цвѣтовъ въ кіоскахъ — это праздники наиболѣе

популярныхъ въ народѣ святыхъ и, слѣдовательно, имѣющихъ среди парижанъ множество носящихъ ихъ имя. А такъ какъ въ Парижѣ принято идти къ имяниннику, а особенно къ имянинницѣ, съ букетомъ или горшкомъ цвѣтовъ, то чтобы объ этихъ, дорогихъ для торговцевъ цвѣтами, имянинникахъ не забывали, въ каждомъ кіоскѣ среди растеній можно всегда видѣть табличку именъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ съ указаніемъ дня празднованія ихъ церковью.

Но особенно обильнымъ по количеству, требующихъ массу и притомъ, преимущественно, только бѣлыхъ цвѣтовъ, является май мѣсяцъ — мѣсяцъ, именуемый въ странахъ католическихъ — мѣсяцемъ Пресвятой Дѣвы Маріи (mois de Marie), когда въ церквахъ ежедневно служатъ обѣдню въ честь Пресвятой Богородицы и алтари, а иногда даже и вся церковь, украшаются бѣлыми цвѣтами. Цвѣты эти пріобрѣтаются благочестивыми прихожанами и многіе берутъ на себя эту обязанность въ качествѣ подвига благочестія въ продолженіе всего мѣсяца.

Что-же касается до тѣхъ большихъ цвѣточныхъ магазиновъ, которые являются у насъ главнымъ центромъ цвѣточной торговли, то такіе, конечно, имѣются и въ Парижѣ и притомъ въ значительно большемъ количествѣ, но они почти уже не пользуются цвѣтами, привозимыми на центральный рынокъ, а держатъ только болѣе рѣдкія экзотическія растенія или особенно роскошно выращенные цвѣты, разводимые въ собственныхъ теплицахъ и садоводствахъ.

Число такихъ магазиновъ въ Парижѣ доходитъ до 500. При этомъ замѣчательно, что почти вся торговля цвѣтами ведется здѣсь исключительно женщинами.

Причины тому весьма ясны: для составленія бутоньерокъ, вѣнковъ, букетовъ, плато и разнаго рода жардиньерокъ требуется много вкуса, много изящества, а въ этомъ отношеніи женщины, конечно, неизмѣримо превосходятъ мужчинъ.

Знаменитыми артистками по устройству цвѣточныхъ эталажей большею частью являются здѣсь великосвѣтскія

дамы, которыя каждое утро сами присутствуютъ при уборкѣ цвѣтами оконъ и магазина и, окруженныя цѣлой толпой исполняющихъ ихъ приказанія помощницъ, принимаютъ и сами, въ случаѣ надобности, дѣятельное въ ней участіе. Точно также наблюдаютъ онѣ и за выполненіемъ выдающихся цвѣточныхъ работъ и вообще дорогихъ, требующихъ особаго изящества, заказовъ.

А потому эталажи парижскихъ цвѣточныхъ магазиновъ являются истиннымъ наслажденіемъ для глазъ. Особенно-же они поражаютъ зимой, когда сквозь гигантскія зеркальныя окна взоръ окоченѣвшаго отъ холода зрителя видитъ передъ собой всю роскошь тропиковъ или знойнаго юга, увеличенную искусной группировкой растеній и полнымъ артистическаго вкуса подборомъ цвѣтовъ и аксессуаровъ. Такъ какъ не надо забывать той выдающейся роли, какую можетъ сыграть красота вазы, оригинальный стиль корзины, жардиньерки, цвѣтъ и роскошь ленты и особенно оригинальность, эффектъ сдѣланнаго изъ нея банта или перевязи, что, конечно, является также, главнымъ образомъ, неотъемлемымъ достояніемъ женщины...

Спрашивается: сколько-же тратится Парижемъ и его летучимъ чужестраннымъ населеніемъ ежегодно на цвѣты?

На это точная статистика отвѣчаетъ слѣдующее.

Въ хорошіе года въ Парижъ ввозится на 30.000.000 франковъ цвѣтовъ. Изъ нихъ половина отсылается въ провинцію и заграницу, а другая половина распредѣляется между жителями Парижа и его окрестностей. Но эта половина удваиваетъ еще свою цѣнность, такъ какъ попадаетъ въ руки торговцевъ, изъ которыхъ львиную долю, конечно, наживаютъ богатые магазины.

Такимъ образомъ, парижане тратятъ въ годъ на цвѣты по меньшей мѣрѣ 30 милліоновъ франковъ.

Кто-же является покупателемъ такой массы цвѣтовъ, на которыхъ, какъ можно вычислить, ежедневно расходуется среднимъ числомъ крупная сумма около 100.000 франковъ?

Они всѣ расходятся по рукамъ, по домамъ положительно всего Парижа.

Кого вы только ни встрѣтите въ Парижѣ: молодую-ли дѣвушку, пожилую-ли даму, мужчину-ли, ребенка-ли — у всѣхъ почти увидите всегда цвѣты или въ рукахъ, или на груди, или въ петлицѣ.

Взойдете-ли вы въ комнату скромнаго работника или работницы — вы увидите на окнѣ или въ стаканчикѣ цвѣты. Взойдете-ли въ богатый домъ — увидите ихъ не только всюду разставленными въ роскошныхъ вазахъ, жардиньеркахъ, но и украшающими обѣденные столы, украшающими всѣ гостиные, будуары и даже лѣстницы.

Цвѣты встрѣчаютъ въ Парижѣ и новорожденнаго, провожаютъ и покойника. Цвѣтами украшаются въ театръ, на балъ, на скачки. Цвѣтами привѣтствуютъ имянинника, цвѣтами убираютъ невѣсту, цвѣты подносятъ артистамъ. Ими украшаютъ свадебное помѣщеніе, ими украшаютъ торжественные обѣды, ими убираютъ экипажи, ими убираютъ могилы. Словомъ, нѣтъ въ Парижѣ событія, веселаго или печальнаго, гдѣ-бы ихъ не было.

Но особенно много тратится ихъ въ дни какихъ-нибудь особыхъ экстренныхъ торжествъ, напр. въ дни цвѣточныхъ праздниковъ въ Булонскомъ лѣсу, когда за отдѣлку одного какого-нибудь экипажа цвѣтами нерѣдко платятъ по 5—10.000 франковъ и болѣе; въ дни блестящихъ оперныхъ представленій, въ дни битвъ цвѣтовъ, гдѣ ихъ уничтожаютъ на сотни тысячъ франковъ и особенно въ дни пріема какихъ-нибудь чужестранныхъ высокопоставленныхъ гостей.

Такъ, напримѣръ, во время пребыванія покойнаго Государя Александра III въ Парижѣ во время празднествъ на украшеніе цвѣтами города и внутренностей зданія ратуши и дворцовъ было истрачено по меньшей мѣрѣ 140—150.000 франковъ, во время перваго пріѣзда королевы Викторіи — слишкомъ 100.000 франковъ. А сколько тысячъ франковъ было истрачено на нихъ при пріемѣ нынѣ царствующаго Государя Николая II въ 1896 году!

Въ Версали, какъ разсказываютъ, тогда одна зер-

кальная зала «la salle des glaces» была украшена цѣлыми тысячами букетовъ изъ жонкилей, зала Геркулеса представляла собой огромную оранжерею, всю наполненную гвоздиками и примулами, а большая зала Людовика XV, предоставленная государынѣ императрицѣ, была вся убрана розами Marechal Niel и фіалками.

Но больше всего было издержано парижанами на цвѣты на похоронахъ президента Карно. Въ этотъ горестный для всей Франціи день за букеты, вѣнки, украшеніе погребальной колесницы, катафалка и могилы Парижъ уплатилъ громадную сумму болѣе, чѣмъ въ полмилліона франковъ!..

Кромѣ того, въ Парижѣ встрѣчается немало эксцентричныхъ богатыхъ иностранцевъ, которые платятъ иногда сумасшедшія деньги за рѣдкіе цвѣты, лишь-бы блеснуть ихъ новинкой.

Такъ, напримѣръ, извѣстный милліонеръ Вандербильдъ, войдя однажды въ цвѣточный магазинъ, узнаетъ, что продается единственная въ своемъ родѣ хризантемъ, выражаетъ желаніе пріобрѣсти ее и платитъ за одинъ цвѣтокъ 1.500 франковъ.

Или вотъ другой примѣръ: влетаетъ въ магазинъ, какъ буря, какой-то иностранецъ и, показывая на часы, говоритъ: «сейчасъ 5 часовъ, въ 7 часовъ мнѣ нужна во что бы то ни стало корзина самыхъ рѣдкихъ орхидей, но помните, ровно въ 7 часовъ. Что это будетъ стоить?» И платитъ за такой спѣшный заказъ цѣлыя тысячи, даже десятки тысячъ франковъ.

Но больше всѣхъ платятъ за цвѣты въ Парижѣ американцы. Одинъ американецъ, уѣзжая къ себѣ на родину, пожелалъ, чтобы ему на пароходъ было послано 7 ящиковъ разныхъ цвѣтовъ, по числу дней переѣзда въ Нью-Іоркъ, чтобы каждый день каюта его была убрана свѣжими, новыми цвѣтами, и, конечно, заплатилъ за эту фантазію громадныя деньги.

Другой, желая сдѣлать удовольствіе своей невѣстѣ, прислалъ ей такое множество цвѣтовъ, что ихъ пришлось привезти въ нѣсколькихъ фургонахъ и т. д.

Каждый цвѣтокъ въ Парижѣ, скажемъ въ заключеніе, имѣетъ свой смыслъ, свой языкъ. Хризантемъ выражаетъ глубокую, безмолвную печаль; омела, этотъ цвѣтокъ древне-галльскихъ друидовъ — вѣчное обновленіе и потому ее всегда дарятъ на счастье на Рождествѣ и въ Новый годъ; ландышъ служитъ эмблемой нѣжности, безмолвнаго изліянія сердецъ влюбленныхъ и потому день его царства — 1-ое мая; роза — эмблема поклоненія и пламенной любви; фіалка — скромности и обаятельности; гвоздика — жгучихъ чувствъ...

Такова роль цвѣтовъ въ Парижѣ, во всей Франціи, можно сказать, во всемъ современномъ цивилизованномъ мірѣ.

Но цвѣты играли не меньшую роль и всегда и у всѣхъ народовъ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, о какихъ намъ повѣствуетъ только исторія и историческіе памятники.

Мы встрѣчаемся съ ними и у древнихъ евреевъ, персовъ, египтянъ, грековъ, римлянъ и арабовъ, встрѣчаемся у индусовъ, китайцевъ и мексиканцевъ, встрѣчаемся въ среднихъ вѣкахъ, встрѣчаемся какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ.

Они играли у нихъ роль и въ войнахъ, и въ пиршествахъ, и въ торжественныхъ погребальныхъ процессіяхъ, служили для украшенія алтарей и жертвоприношеній, являлись волшебными и цѣлительными травами, являлись охранителями домашняго очага и домашнихъ животныхъ и т. д.

Сколько связано съ ними разныхъ интересныхъ легендъ, разныхъ историческихъ сказаній и преданій, какое важное значеніе они имѣли въ домашней и общественной жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ — это даже себѣ и представить трудно.

И вотъ эти то легенды, сказанія и преданія, то веселыя, то грустныя, то поэтическія, то историческія, и составятъ предметъ слѣдующихъ главъ.

Царица изъ царицъ — роза.

„Роза радость Афродиты,
Роза — музъ цвѣтокъ любимый...“
Изъ Анакреона.

I.

Роза у древнихъ.

Роза — царица цвѣтовъ. Ее любили, ей поклонялись, ее воспѣвали съ незапамятныхъ временъ. О ней создалось столько сказаній, она играла такую выдающуюся роль въ исторіи человѣчества, что объ этомъ можно бы написать цѣлые томы. Выберемъ наиболѣе характерное.

Самыя первыя свѣдѣнія о розѣ мы встрѣчаемъ въ древне-индусскихъ сказаніяхъ, по словамъ которыхъ, она пользовалась въ древней Индіи такимъ почетомъ, что даже существовалъ законъ, по которому каждый принесшій царю розу могъ просить у него все, чего онъ только ни пожелаетъ.

Ею украшали брамины свои храмы, ею усыпали путь, по которому должны были слѣдовать во время торжественныхъ процессій божества, ею убирали цари свои покои, ею уплачивали дань и царскія подати.

Запахъ же ея считался въ Индіи столь пріятнымъ, что индійскіе принцы и принцессы проводили въ чудныхъ садахъ своихъ вдоль всѣхъ дорожекъ канавки, наполненныя розовой водой, чтобы испаряющійся запахъ розы пропитывалъ всю окружающую атмосферу и не покидалъ ихъ даже и на воздухѣ.

О появленіи ея на свѣтъ въ сказаніяхъ этихъ, однако, ничего не говорится; только въ индійскихъ пуранамахъ

(миѳахъ) сообщается, что красивѣйшая на свѣтѣ женщина Лакшми родилась изъ распускавшагося, составленнаго изъ 108 большихъ и 1.008 мелкихъ лепестковъ бутона розы. Вишну, охранитель вселенной, увидѣвъ эту обворожительную красавицу, укрывавшуюся въ своей прелестной розовой колыбелькѣ, увлеченный ея прелестью, разбудилъ ее поцѣлуемъ и, такимъ образомъ, превратилъ ее въ свою супругу.

Съ этой минуты Лакшми сдѣлалась богиней красоты, а укрывавшая ее роза — символомъ божественной тайны и стала считаться у всѣхъ восточныхъ народовъ — священной.

Окутавъ, какъ дымкой, весь Востокъ своими сказаніями, роза нашла главный пріютъ себѣ въ древнемъ Иранѣ, странѣ персовъ, поэты которыхъ написали о ея прелести сотни томовъ.

По словамъ одного изъ этихъ поэтовъ, она была подаркомъ самого Аллаха. Къ нему явились однажды всѣ дѣти флоры съ просьбой назначить имъ новаго повелителя вмѣсто сонливаго лотоса (нильской водяной лиліи), который, хотя и былъ дивно красивъ, но забывалъ среди ночи свои обязанности правителя. Тогда Аллахъ, благосклонно выслушавъ ихъ, внялъ ихъ просьбѣ и далъ имъ правительницей бѣлую дѣвственную розу съ охраняющими ее острыми шипами.

Когда соловей увидѣлъ эту чудную новую царицу цвѣтовъ, то былъ такъ плѣненъ ея прелестью, что въ восторгѣ прижалъ ее къ своей груди. Но острые шипы, какъ кинжалы, вонзились ему въ сердце, и теплая, алая кровь, брызнувъ изъ любящей груди несчастнаго, оросила собой нѣжные лепестки дивнаго цвѣтка. Вотъ почему, говоритъ персидское сказаніе, многіе наружные лепестки розы и по сихъ поръ сохраняютъ свой розоватый оттѣнокъ.

Слово «гюль», роза, для перса и особенно для персіанки является очаровательнѣйшимъ изъ словъ, и сама Персія у поэтовъ получила названіе «Гюлистана» — сада розъ. И дѣйствительно, здѣсь всюду розы. Ими переполнены и сады, и внутренніе дворы, ими украшены всѣ комнаты, купальни, могилы; безъ нихъ не обходится ни одного торжества, ни одного праздника.

Особенно же красивъ бываетъ празднующійся въ Кашмирѣ праздникъ распускающейся розы. Онъ происходитъ обыкновенно въ то время, когда только-что начинаютъ зацвѣтать тамъ розы. Тогда отовсюду стекаются въ Кашмиръ молодые люди и, гуляя по улицамъ съ корзинами

розъ, бросаютъ ими въ прохожихъ. Тотъ или та, въ которыхъ попали розой, считаются счастливцами и обязаны, въ свою очередь, дать попавшему въ нихъ какой-нибудь подарокъ. И всѣ съ удовольствіемъ отдариваются, такъ какъ увѣрены, что осыпавшій ихъ потокъ розъ принесетъ имъ счастье.

Изъ персидскихъ поэтовъ особенно воспѣвалъ розу знаменитый Гафизъ, въ память чего онъ погребенъ даже въ мѣстечкѣ Кессеръ, представляющемъ самый обширный на всемъ свѣтѣ садъ розъ.

Отъ персовъ любовь и благоговѣніе къ розѣ перешли и къ туркамъ или, лучше сказать, ко всѣмъ магометанамъ, которые, согласно Корану, вѣрятъ, что бѣлая роза*) выросла изъ капель пота Магомета при ночномъ его восхожденіи на небо. Поэтому они приписываютъ ей очистительную силу, и ни одинъ магометанинъ не только не позволитъ себѣ наступить ногой на розу, но даже если бы ему пришлось увидѣть валяющійся на землѣ лепестокъ ея, то тотчасъ же его подыметъ и бережно положитъ на чистое мѣсто.

Вслѣдствіе этого, вѣроятно, очистительную силу приписываютъ они и приготовленной изъ нея розовой водѣ, и султанъ Саладинъ, какъ извѣстно, отнявъ у христіанъ въ 1189 г. снова Іерусалимъ, вступилъ въ превращенную крестоносцами въ церковь мечеть Омара не ранѣе, какъ обмывъ весь полъ, всѣ стѣны ея и даже скалы, на которыхъ она была построена, розовой водой. Сколько на это потрачено было этой воды, — можно судить отчасти уже по тому, что для перевозки ея сюда потребовалось слишкомъ 500 верблюдовъ.

Такъ же поступилъ и Магометъ II съ храмомъ св. Софіи послѣ взятія имъ Константинополя въ 1453 г. Прежде чѣмъ превратить этотъ чудный храмъ въ мечеть, онъ велѣлъ его всего снизу доверху вымыть розовой водой.

Розой увлекался, говорятъ, даже и великій Конфуцій, посвящая свои поэзіи ея красотѣ и запаху и воспѣвая ее, какъ царицу цвѣтовъ. Говорятъ также, что изъ 18,000 томовъ, составляющихъ библіотеку китайскаго императора, болѣе 500 трактуютъ только о розѣ и что въ императорскихъ садахъ она растетъ въ такомъ ко-

*) По Корану же изъ капель пота бывшаго при Магометѣ животнаго выросла желтая роза, а изъ капель сопровождавшаго его архангела Гавріила — красная.

личествѣ, что цвѣты ея даютъ ежегодно болѣе, нежели на 50.000 франковъ эссенціи.

Интересное примѣненіе имѣютъ въ Турціи еще и лепестки розъ, особенно же розовыхъ. Въ нихъ обертываютъ или, лучше сказать, ими осыпаютъ въ сераляхъ новорожденныхъ, и только за неимѣніемъ ихъ употребляютъ для этой цѣли напоминающій ихъ своимъ цвѣтомъ розово-красный газъ, который вслѣдствіе этого, какъ извѣстно, ежегодно выписывается въ Турцію и Египетъ цѣлыми тысячами аршинъ.

Знали ли древніе евреи розу, — является вопросомъ спорнымъ, такъ какъ нѣкоторые ученые находятъ, что встрѣчающееся въ Библіи еврейское слово «шошамъ» переведенное Лютеромъ словомъ «роза», обозначаетъ не розу, а красную лилію. Съ другой же стороны, по Талмуду красная роза выросла изъ неповинно пролитой крови Авеля и потому должна служить украшеніемъ каждой еврейской невѣсты въ день ея свадьбы. Скорѣе всего, однако, евреи ознакомились съ ней лишь по возвращеніи своемъ изъ Египта, который, въ свою очередь, ознакомился съ ней не ранѣе VII столѣтія, до Р. X., такъ какъ до этого времени изображеніе ея не встрѣчается ни на одномъ изъ египетскихъ памятниковъ, ни въ одномъ изъ папирусовъ.

Что же касается до извѣстнаго романа знатока египетской жизни Эберса «Уарда» (роза), гдѣ этимъ именемъ названа героиня древне-египетскаго романа, то это, повидимому, просто увлеченіе почтеннаго египтолога.

Въ VII же столѣтіи во времена Птоломеевъ, своими чудными розами стало славиться въ Египтѣ мѣстечко Арсиное, гдѣ даже изъ нихъ готовили розовую воду, и знаменитая египетская царица Клеопатра, принимая у себя Марка Антонія, велитъ покрыть весь полъ залы, гдѣ долженъ былъ происходить въ честь его пиръ, слоемъ около $^1/_2$ аршина вышины (въ 1 локоть) розовыхъ лепестковъ. Слой этотъ представлялъ родъ мягкаго ковра и, чтобы удобно по немъ можно было ходить, былъ покрытъ мелкой шелковой сѣткой. Одно это украшеніе обошлось въ $1^1/_2$ таланта серебра, т. е. болѣе 2.000 р.

Розовые же лепестки, какъ разсказываетъ Плиній, сыграли немаловажную роль и въ дальнѣйшей жизни Клеопатры — они помогли ей убѣдить подозрительнаго Марка Антонія въ искренности ея любви.

Какъ извѣстно, во время дружескихъ пиршествъ, было въ обычаѣ у римлянъ бросать въ вино лепестки изъ своихъ вѣнковъ и вмѣстѣ съ виномъ выпивать ихъ.

въ знакъ расположенія къ тому, кто ихъ бросилъ. Когда Антоній сдѣлался крайне подозрителенъ и до того проникся мыслію о вѣроломствѣ Клеопатры, что заставлялъ пробовать всѣ кушанья своего слугу, то послѣдняя, чтобы успокоить его, сдѣлала слѣдующее.

Она приказала опрыскать сильнымъ ядомъ розы своего вѣнка и, когда Антоній, въ минуту опьянѣнія, клянясь ей въ своей любви, осыпалъ розы съ ея вѣнка въ свою чашу съ виномъ и хотѣлъ ее выпить, то она, вырвавъ спѣшно у него ее изъ рукъ, сказала: «Посмотри, дорогой Антоній, какъ мнѣ легко было бы отъ тебя избавиться, если бы только я могла безъ тебя жить!» И, велѣвъ привести осужденнаго на смерть невольника, приказала ему выпить чашу Антонія.

Смерть невольника послѣдовала моментально и, какъ говорятъ, до того отрезвила Антонія, что въ благодарность онъ просилъ Клеопатру, если только онъ умретъ раньше ея, не забывать постоянно убирать розами его могилу.

Описавъ въ краткихъ чертахъ роль розы у восточныхъ народовъ, перенесемся теперь въ Грецію — этотъ центръ всей умственной жизни древняго міра.

Греки считали розу даромъ боговъ, и знаменитая поэтесса Сафо дала ей названіе царицы цвѣтовъ. Появленіе этого прелестнѣйшаго изъ цвѣтовъ греческіе поэты облекли въ цѣлый рядъ чудныхъ сказаній.

По словамъ Анакреона, она родилась изъ бѣлоснѣжной пѣны, покрывавшей тѣло Афродиты (Венеры), когда эта богиня любви во всей своей дивной красотѣ вышла послѣ купанья изъ моря. Увидѣвъ на ней этотъ не менѣе ея прелестный цвѣтокъ, очарованные боги обрызгали его сейчасъ же нектаромъ, который и придалъ ему его чудный запахъ. Однако, дававшій безсмертіе нектаръ, вслѣдствіе зависти нѣкоторыхъ боговъ, не далъ его розѣ, и она осталась такой же смертной, какъ и все, что рождается на землѣ.

Явившуюся во всей ея дѣвственной прелести и чистотѣ бѣлую розу жрицы Афродиты снесли въ храмъ этой богини и украсили ею ея алтарь и окружавшій ихъ садъ. И такъ роза оставалась бѣлой до тѣхъ поръ, пока сердце Афродиты не было поражено ужасной вѣстью о томъ, что возлюбленный ею Адонисъ лежитъ раненый на смерть вепремъ.

Забывъ все, въ неописуемомъ горѣ, богиня устремляется въ рощу Пиѳона, гдѣ находится ея дорогой, и бѣжитъ, не обращая вниманія на покрывающіе розы шипы, которые ранятъ ей до крови ноги. Нѣсколько

капель этой божественной крови попадаетъ и на розы и изъ бѣлыхъ превращаютъ ихъ въ ярко-красныя.

По другому сказанію, бѣлая роза сдѣлалась красной во время одного изъ пиршествъ боговъ на Олимпѣ.

Порхая въ веселомъ танцѣ, говоритъ это сказаніе, Амуръ какъ-то нечаянно опрокинулъ своими розово-красными крылышками сосудъ съ нектаромъ, который, разлившись на цвѣтшія тутъ же бѣлыя розы, окрасилъ ихъ въ красный цвѣтъ и сообщилъ имъ ихъ прелестный запахъ.

Еще поэтичнѣе преданіе о сотвореніи красной розы богиней Флорой.

Не любившая и избѣгавшая долгое время Амура, Флора была, все-таки, наконецъ, поражена его стрѣлой и воспылала къ нему съ этой минуты страстной любовью. Но хитрый божокъ, добившись желаемаго, началъ тогда, въ свою очередь, избѣгать Флору, и вотъ тогда-то, въ неудовлетворенной страсти, она рѣшила создать цвѣтокъ, который и смѣется, и плачетъ, и соединяетъ въ себѣ и грусть и радость.

Увидавъ выроставшій въ рукѣ своей чудный цвѣтокъ, богиня въ восхищеньи хотѣла воскликнуть: «Эросъ» (такъ звали греки Амура), но, застѣнчивая отъ природы, запнулась, покраснѣла и, проглотивъ первый слогъ, крикнула только: «росъ». Росшіе вокругъ цвѣты подхватили это слово, и съ той поры цвѣтокъ этотъ и сталъ называться розой.

Наконецъ еще по одному сказанію, роза происхожденіемъ своимъ обязана богинѣ охоты Діанѣ.

Влюбленная въ Амура, богиня эта приревновала его къ дивно красивой нимфѣ Розаліи, полагая, что онъ предпочелъ ей эту послѣднюю. И вотъ, однажды, въ дикомъ гнѣвѣ, она схватила несчастную, повлекла ее въ ближайшій кустъ терновника и, изранивъ страшными шипами этого колючаго кустарника, лишила ее жизни.

Узнавъ о горькой участи своей возлюбленной, Амуръ поспѣшилъ на мѣсто преступленія и, найдя ее бездыханной, въ неутѣшномъ горѣ, залился горючими слезами. Слезы его капали, капали изъ глазъ на терновникъ, какъ роса, и, — о, чудо! — орошаемый ими кустъ началъ покрываться дивными цвѣтами. Цвѣты эти были розы.

Роза играла у грековъ выдающуюся роль не только въ радостныхъ и печальныхъ ихъ торжествахъ, но и въ домашнемъ ихъ быту.

Вѣнками изъ розъ, перевитыхъ миртами, украшалась у нихъ невѣста. Розами убиралась дверь, ведущая

въ ея домъ, и лепестками же розы усыпалось брачное ея ложе. Вѣнки изъ розъ посылали другъ другу влюбленные или клали ихъ у порога въ домъ. Если же у кого-либо изъ молодыхъ людей разрывался вѣнокъ, то говорили, что онъ «влюбленъ», и когда онъ, не желая сознаться, думалъ запираться, то прибѣгали къ помощи такъ-называемаго розаннаго оракула, который, какъ сообщаетъ Теокритъ, состоялъ въ слѣдующемъ.

Брали розовый лепестокъ и клали его на образованное большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки отверстіе (какъ это мы иногда дѣлаемъ съ маковыми лепестками) и затѣмъ ладонью правой ударяли по этому мѣсту. Если лепестокъ оставался цѣлъ, то отрицавшій считался сказавшимъ правду, если же онъ лопался, и притомъ, съ трескомъ, то надъ запиравшимся юношей или дѣвицей начинали подтрунивать, говоря, что они влюблены, но влюблены безъ надежды на взаимность.

Розами и вѣнками изъ розъ греки усыпали путь возвращавшагося съ войны побѣдителя и убирали его колесницу. Ими же убирали тѣло и гробницы дорогихъ умершихъ. Такъ, напримѣръ, Гомеръ говоритъ, что Афродита украсила ими тѣло Гектора и что Анхизъ просилъ розъ, чтобы украсить ими могилу своего друга. Розами убиралась также постоянно могила Софокла.

Розы греки носили на головѣ и на груди также въ знакъ траура, какъ символъ кратковременности нашей жизни, которая такъ же быстро увядаетъ, какъ и душистая роза. Вслѣдствіе этого, у нихъ сложилась даже пословица: «если ты прошелъ мимо розы, то не ищи ея болѣе».

Съ другой стороны они убирали ею памятники и урны съ прахомъ покойниковъ, такъ какъ приписывали ей чудесное свойство сохранять смертные останки отъ разрушенія и думали, что запахъ ея пріятенъ душамъ умершихъ. Кромѣ того, въ бутонѣ розы они видѣли символъ безконечности, выражавшійся въ ея круглой, не имѣющей ни начала, ни конца формѣ, и на этомъ основаніи на греческихъ намогильныхъ памятникахъ можно было то и дѣло встрѣтить изваяніе плотно сомкнутаго бутона розы.

Не менѣе выдающуюся роль играла роза и въ религіозныхъ обрядахъ грековъ.

Вѣнками изъ розъ они украшали чело боговъ и вѣнки же изъ розъ клали у ногъ ихъ. Но особенно украшалась ими, какъ это мы уже говорили выше, статуя

Венеры: увядшія на челѣ ея розы считались даже чудодѣйственными.

Эліанъ приводитъ даже такой случай: у знаменитой куртизанки и первой красавицы во всей Греціи, Аспазіи, въ дѣтствѣ былъ на щекѣ наростъ, отъ котораго она никакъ не могла избавиться, несмотря на всѣ старанія знаменитѣйшихъ того времени врачей. Сильно обезображивавшій лицо, наростъ этотъ приводилъ ее въ такое отчаяніе, что, сдѣлавшись молодой дѣвушкой, она рѣшила даже лучше умереть. Но спасло ее — сновидѣнье. Ей приснилось, будто любимая птица Венеры — голубь, явился ей въ видѣ молодой дѣвушки и предложилъ ей снять увядшіе на челѣ богини розы и, сдѣлавъ изъ ихъ листьевъ родъ мази, натереть ею наростъ. Аспазія сдѣлала, какъ ей было сказано, наростъ исчезъ, и она превратилась въ красивѣйшую изъ женщинъ Греціи.

Самые знаменитые въ Греціи храмы Венеры, находившіеся на островахъ Кирене и Родосѣ, были окружены роскошнѣйшими и обширнѣйшими садами розъ. Здѣсь поклоненіе розѣ доходило до того, что даже самыя монеты были снабжены ея изображеніемъ.

Вообще, надо сказать, что въ Греціи пользовалась величайшимъ почетомъ не только сама роза, но даже и торговля ею и вязаніе изъ нея вѣнковъ. И первая вязальщица вѣнковъ въ древней Греціи, красавица Глицера изъ Сикіона, была даже увѣковѣчена знаменитымъ греческимъ живописцемъ Паузіасомъ, написавшимъ ея портретъ. Впослѣдствіи за одну лишь копію съ этой картины Лукуллъ заплатилъ нѣсколько тысячъ рублей.

Изъ Греціи роза была перенесена колонистами въ Римъ и прижилась тамъ прекрасно. Но чудный цвѣтокъ этотъ получилъ здѣсь совершенно иное значеніе. Въ то время какъ въ Греціи у боговъ онъ служилъ символомъ любви и красоты, а у людей выраженіемъ веселой радости и глубокой печали, у римлянъ, во времена республики, онъ считался символомъ строгой нравственности и служилъ наградой за выдающіяся дѣянія, а во времена паденія Рима являлся символомъ порока и предметомъ роскоши, на который тратились безумныя деньги.

Въ началѣ, какъ сообщаетъ Эліанъ, римскіе воины отправляясь на войну, снимали даже шлемы и надѣвали вѣнки изъ розъ, чтобы вселить въ себя мужество, да и вообще въ это время она служила эмблемой храбрости. Это былъ какъ бы орденъ, который давался въ награду за выдающееся геройство. Такъ, Сципіонъ Афри-

канскій разрѣшилъ солдатамъ 8 легіона, первымъ ворвавшимся въ непріятельскій лагерь, въ день ихъ тріумфальнаго шествія въ Римѣ нести въ рукахъ букеты изъ розъ и въ увѣковѣченіе ихъ выдающейся храбрости выбить изображеніе розы на ихъ щитахъ. Точно такъ же и Сципіонъ-младшій дозволилъ солдатамъ перваго взобравшагося на стѣны Карѳагена легіона украсить вѣнками изъ розъ ихъ щиты и убрать розами всю тріумфальную колесницу.

Вообще, въ первыя времена, вѣнкомъ изъ розъ было дозволено украшать чело только человѣка, сдѣлавшаго что-нибудь выдающееся, и, когда Маркъ Фульвій позволилъ-было послѣ небольшой стычки своимъ солдатамъ украсить ихъ шлемы розовыми вѣнками, то получилъ за это строгій выговоръ отъ цензора Катона.

Роза такъ высоко цѣнилась римлянами этого времени, что было даже запрещено украшать себя вѣнкомъ изъ розъ въ дни скорбей, печали или угрожавшей Риму опасности, и, когда одинъ богатый мѣняла, пренебрегая этимъ постановленіемъ, вздумалъ-было появиться во время 2-й пунической войны у себя на террасѣ въ вѣнкѣ изъ розъ, то онъ немедленно, по приказанію сената, былъ ввергнутъ въ темницу и выпущенъ оттуда не ранѣе, какъ по прекращеніи войны.

Сверхъ того, роза у римлянъ первой республики считалась также предметомъ священнымъ и ежегодно въ Римѣ совершались въ память умершихъ торжества, носившія названія розалій или розалійскихъ дней: «Dies rosationis».

Торжества эти происходили въ разное время года, но не ранѣе 19-го апрѣля и не позже 19-го іюня, и заключались, главнымъ образомъ, въ роскошномъ убранствѣ могилъ умершихъ и урнъ, гдѣ хранился ихъ прахъ, гирляндами и вѣнками изъ розъ.

Вообще, насколько римляне этого времени придавали цѣну розѣ, какъ надгробному украшенію, лучше всего показываетъ обыкновеніе богатыхъ людей завѣщать крупныя суммы на постоянное украшеніе ихъ могилы розами. На уборку могилъ, главнымъ образомъ, употребляли бѣлыя и карминно-красныя розы. Первыя большею частью сажались на могилахъ молодыхъ людей, а вторыя — на могилахъ болѣе пожилыхъ.

Наконецъ, розы играли въ это время немаловажную роль и въ домашнемъ обиходѣ римлянъ, и въ ихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Ими украшали они постоянно свои жилища и свои домашніе алтари, ими усыпали путь во

время торжественныхъ процессій. Особенно же торжественна была процессія корибантовъ, жрецовъ богини Цибелы, охранительницы боговъ, во время которой все усыпалось бѣлыми розами: и статуя богини, и ея жрецы, и весь путь.

Не таково значеніе розы во времена паденія Рима. Изъ царственнаго цвѣтка она дѣлается цвѣткомъ забавы пьяныхъ оргій, выразительницей низменныхъ чувствъ. Теперь ею украшаютъ ужъ не Венеру-Уранію — богиню честнаго брака и благословенія дѣтьми, а позорную Венеру-Пандемосъ — богиню чувственной любви.

Въ это время злоупотребленіе розой, какъ украшеніемъ, достигло крайнихъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, тщеславный проконсулъ Верресъ, обвинявшійся, какъ извѣстно, Цицерономъ въ продажности, передвигался по Риму не иначе, какъ на носилкахъ, которыхъ матрацъ и подушки постоянно набивались свѣжими лепестками розъ, при чемъ онъ и самъ былъ весь обвитъ гирляндами изъ этихъ цвѣтовъ.

Еще болѣе розъ истреблялъ императоръ Неронъ. Въ его знаменитомъ обѣденномъ залѣ, котораго потолокъ и стѣны вращались во время пиршествъ посредствомъ особаго механизма и изображали попеременно четыре времени года, вмѣсто града и дождя на гостей сыпались милліарды свѣжихъ розовыхъ лепестковъ. Для каждой такой пирушки, по словамъ Светонія, тратилось болѣе чѣмъ на 180.000 руб. розъ.

Но розы истреблялись въ громадномъ количествѣ вообще на всѣхъ обѣденныхъ пиршествахъ римлянъ, такъ какъ не только каждый гость долженъ былъ непремѣнно быть увѣнчанъ вѣнкомъ изъ розъ, но розами украшались также и всѣ подававшіе кушанья и прислуживавшіе рабы, всѣ сосуды и всѣ чаши съ виномъ; ими же усыпанъ былъ весь столъ, а иногда даже и полъ. При этомъ надо замѣтить, что подносившіеся гостямъ вѣнки были не просто сплетены изъ розъ, а сдѣланы изъ розовыхъ лепестковъ, которые въ видѣ чешуи обвертывались вокругъ обруча.

Желая какъ можно болѣе упиться запахомъ розъ, нѣкоторые патриціи усыпали ея лепестками даже поверхность моря, когда отправлялись на галерахъ на прогулку, а во время одного изъ празднествъ была ими даже усыпана поверхность цѣлаго Люцинскаго озера.

Но всѣхъ превзошелъ своимъ безобразнымъ истребленіемъ розъ императоръ Геліогабалъ.

На одномъ изъ его пиршествъ, какъ разсказываютъ,

знатные его гости были забросаны такимъ множествомъ падавшихъ съ потолка розовыхъ лепестковъ, что нѣкоторые изъ нихъ, къ величайшему его удовольствiю, задохлись подъ ними. Онъ же купался только въ винѣ изъ розъ, которое послѣ того чернь должна была пить. Наконецъ, по его же приказанiю, этой драгоцѣнной влагой наполнялись и общественныя купальни, которыя подвергались тогда частой осадѣ римскаго простонародья, устремлявшагося сюда со всѣхъ концовъ Рима, не столько для того, чтобы купаться, сколько для того, чтобы напиться.

Но среди всѣхъ вышеупомянутыхъ пиршествъ и оргiй, роза, кромѣ украшенiя, имѣла еще оригинальнѣйшее значенiе. Она служила символомъ молчанiя, вслѣдствiе чего даже была посвящена Гарпократу — богу молчанiя, который, какъ извѣстно, изображался въ видѣ юноши съ приложеннымъ къ губамъ пальцемъ.

Латинская пословица говоритъ: «in vino veritas» (въ винѣ истина), указывая тѣмъ, что опьяненный винной влагой человѣкъ можетъ выболтать иногда всѣ свои тайны. А такъ какъ во время упадка Рима было очень опасно дѣлиться публично своими мыслями, то, чтобы напомнить разгоряченнымъ головамъ, что нужно держать языкъ за зубами, вѣшали во время римскихъ пиршествъ на потолкѣ залы искусственно сдѣланную бѣлую розу. Взглядъ на эту розу заставлялъ сдерживать свою откровенность многихъ. Говорятъ, что отъ этой розы и произошло даже извѣстное латинское выраженiе: «sub rosa dictum» — сказанное подъ розой, въ смыслѣ: подъ секретомъ.

Римляне готовили еще изъ розы всевозможныя питья и яства. Кромѣ вина, о которомъ мы сейчасъ говорили, они дѣлали, подмѣшивая къ лепесткамъ яйца, родъ пуддинга, желе, розовый сахаръ и многочисленныя сладости, по сихъ поръ употребляющiяся на востокѣ.

Вообще на розу у римлянъ этого времени потребность была такъ велика, что обширнѣйшiе розанные сады, находившiеся въ громадномъ количествѣ въ окрестностяхъ Рима и во всей Кампанiи, не были въ состоянiи удовлетворить потребности, и приходилось привозить розы цѣлыми кораблями изъ Александрiи и Карѳагена, гдѣ возникла вслѣдствiе этого даже новая громадная отрасль промышленности. Въ розанные сады превращены были въ это время самыя плодоносныя мѣстности Рима, въ ущербъ хлѣбнымъ полямъ, такъ что большинство благомыслящихъ людей этого времени даже были этимъ возмущены, и Марцiалъ, напримѣръ, съ горькой насмѣш-

кой писалъ: «Египтяне, пришлите намъ хлѣба взамѣнъ нашихъ розъ!»

Всѣ улицы Рима были до того пропитаны запахомъ розъ, что непривычному человѣку становилось дурно. На каждомъ углу, на каждомъ перекресткѣ можно было встрѣтить или торговцевъ розами (rosarii), или торговокъ и вязальщицъ вѣнковъ изъ розъ, которыхъ существовало цѣлыя сотни и которые торговали ими даже на рынкахъ, какъ это было нѣкогда въ Аѳинахъ.

Наконецъ, существовала въ Римѣ даже особая биржа розъ, и были особые, занимавшіеся только куплей и продажей розъ, маклера, такъ какъ розы были, конечно, различныхъ сортовъ и цѣнъ. Самыми знаменитыми и драгоцѣнными считались зацвѣтавшія два раза въ году розы изъ Пестума. Онѣ были не разъ даже воспѣты самыми знаменитыми поэтами Рима Виргиліемъ, Овидіемъ и др.

II.

Роза въ западной Европѣ.

Такое отношеніе римлянъ къ розѣ, конечно, не могло не внушить отвращенія къ ней первыхъ христіанъ, и они смотрѣли на нее сначала, какъ на цвѣтокъ разврата и гибели, вслѣдствіе чего Тертулліанъ написалъ строгое посланіе противъ употребленія вѣнковъ изъ розъ, а Климентъ Александрійскій считалъ даже за грѣхъ увѣнчивать свою главу подобнымъ вѣнкомъ.

Но со временемъ эта непріязнь къ розѣ смягчилась, и, благодаря своей дивной красотѣ и пріятному запаху, она стала мало-по-малу пріобрѣтать расположеніе христіанъ. Прошло нѣсколько столѣтій, и святые отцы, забывъ ея значеніе въ дни упадка Рима, объявили ее райскимъ цвѣткомъ и посвятили ее даже Пресвятой Богородицѣ.

Тогда съ розой начало соединяться множество священныхъ и историческихъ сказаній.

Такъ, напримѣръ, въ нихъ сообщается, что св. Доротеа, растерзанная дикими звѣрями въ Колизеѣ, посылаетъ антіохійскому архіепископу Ѳеофилу, среди зимы, съ ангеломъ розу; что св. Доминикъ, желая быть угоднымъ Богу, искалываетъ себя терніями, и терніи эти превращаются въ розы; что архангелъ Гавріилъ, взявъ бѣлыхъ, желтыхъ, и красныхъ небесныхъ розъ, дѣлаетъ изъ нихъ

три вѣнка для Пресвятой Богородицы. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ обозначаетъ ея радость, изъ красныхъ — ея страданія, а изъ желтыхъ — ея славу и т. д.

Вслѣдствіе этого и древне-германскіе живописцы любили изображать Богоматерь съ Младенцемъ, окруженныхъ тремя вѣнками изъ розъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ только-что указанное значеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ сохранились и до сихъ поръ.

Такъ, напримѣръ, такую картину можно видѣть въ церкви городка Вейльгейма въ Швабіи, а другую въ церкви города Кольмара. Послѣдняя носитъ названіе «Пресвятой Дѣвы Маріи въ розовомъ кустѣ», и считается одной изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ древне-германской живописи.

Бѣлыя розы назывались въ это время также розами Магдалины, и про нихъ разсказывали, будто онѣ потеряли свой цвѣтъ отъ пролитыхъ на нихъ Магдалиной слезъ раскаянія.

Затѣмъ въ одной изъ легендъ о крестѣ Спасителя говорится также о моховой розѣ, которая возникла, будто, изъ капель крови Христовой, упавшихъ на находившійся у подножія креста мохъ.

Кровь эта, говоритъ преданіе, струившаяся по кресту, собиралась ангелами въ золотыя чаши, но нѣсколько капель случайно упали на мохъ, который, чтобы уберечь ихъ отъ оскверненія, сейчасъ же жадно впитывалъ въ себя.

И вотъ изъ этихъ-то божественныхъ капель и выросла чудная красная моховая роза, которой ярко-кровавый цвѣтъ долженъ служить намъ вѣчнымъ напоминаніемъ о пролитой за наши грѣхи крови.

Кромѣ того, роза является въ католическихъ легендахъ иногда небесной защитницей добрыхъ дѣлъ. Такъ, въ одной изъ нихъ повѣствуется про святителя Николая, что, когда онъ, однажды, среди страшно студеной зимы несъ, будто взятый въ монастырѣ, хлѣбъ, чтобы накормить имъ бѣдныхъ, и былъ остановленъ строгимъ настоятелемъ монастыря, то хлѣбъ этотъ превратился въ розы, въ знакъ того, что это доброе дѣло было пріятно и самому Господу. Аналогичныя же сказанія существуютъ про римско-католическихъ святыхъ: про св. Елизавету Тюрингенскую, про св. Радегунду и св. Казильду.

Наконецъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, золотой, усыпанной драгоцѣнными камнями, розой папы увѣковѣчиваютъ выдающуюся добродѣтель.

Въ день, именуемый «Dominica in rosa» (розанное воскресенье), папа благословляетъ такую розу въ присут-

ствіи полнаго собранія кардиналовъ въ церкви св. Петра, окуриваетъ ее ѳиміамомъ, окропляетъ святой водой, обмакиваетъ въ мvро и посылаетъ ее, обыкновенно, тому царственному лицу, которое за истекшій годъ оказалось наиболѣе достойнымъ. Обычай этотъ, начавшійся съ XI вѣка и установленный, какъ говорятъ, папой Львомъ IX, ведется и до сихъ поръ.

Такая роза обходится папѣ около 10.000 рублей. Право ее дѣлать принадлежитъ художнику изъ одной и той же фамиліи, которая пользуется величайшимъ почетомъ.

Такъ, въ настоящее время право это принадлежитъ фамиліи Сантелли, ведущей свою родословную съ XIV столѣтія. Семья эта живетъ постоянно въ одномъ и томъ же домѣ близъ Ватикана, и, когда умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старшій изъ этой семьи Пьетро Сантелли, то похороны его были до того блестящи, что римляне не могли себѣ представить, что хоронятъ простого ремесленника, а не какое-нибудь знатное лицо. На похоронахъ этихъ присутствовали всѣ кардиналы и всѣ епископы, и при томъ въ самыхъ торжественныхъ своихъ ярко-красныхъ облаченіяхъ.

Что касается самой розы, то она крайне оригинальна. Стебель ея, сдѣланный изъ чистаго золота, имѣетъ въ длину почти четыре фута. Большой цвѣтокъ составленъ изъ отдѣльныхъ лепестковъ, на которыхъ выгравированы имя папы и различныя добродѣтели того лица, которому роза назначается. Кромѣ того, на листьяхъ блестятъ безчисленные крошечные брильянтики, изображающіе небесную росу.

Эту громадную вѣтку прежде укладывали въ изящный футляръ, обитый внутри голубымъ атласомъ, а снаружи выложенный инкрустаціями въ видѣ прелестныхъ серебряныхъ розъ. Но послѣ того, какъ папѣ въ 1892 году, когда онъ переслалъ золотую розу королевѣ португальской Амаліи, пришлось заплатить еще громадную сумму за дорогой футляръ, онъ рѣшилъ впредь быть экономнѣе, и теперь розу обертываютъ только въ шелковый платокъ и укладываютъ на подстилкѣ изъ ваты въ простую коробку.

Пересылка золотой розы обходится не менѣе 24.000 лиръ (около 10.000 рублей). Сумма эта выдается двумъ лицамъ, выбраннымъ изъ древнѣйшаго римскаго рода для доставленія цвѣтка къ мѣсту его назначенія, въ видѣ вознагражденія за ихъ трудъ.

Церемонія поднесенія папскаго подарка отличается большою сложностью.

Парадный придворный экипажъ, украшенный гирляндой изъ живыхъ или искусственныхъ бѣлыхъ розъ, ожидаетъ депутатовъ папы у вокзала. На дворѣ дворца знатные римскіе гости той королевы, которой подносится роза, должны быть встрѣчены барабаннымъ боемъ, выстроеннаго тамъ въ парадныхъ мундирахъ, полка. Затѣмъ старшій изъ папскихъ пословъ несетъ розу въ высоко поднятой рукѣ до пріемной залы, гдѣ кладетъ ее на приготовленный съ этою цѣлью столикъ, покрытый бѣлою шелковой скатерью.

Вслѣдъ за тѣмъ дворцовый епископъ служитъ молебствіе, на которомъ королева присутствуетъ, сидя подъ бѣлымъ балдахиномъ. Затѣмъ всѣ отправляются въ тронную залу, и здѣсь ея величество садится на стоящее на возвышеніи кресло. Рядомъ съ ней занимаетъ мѣсто старшій посолъ, младшій же, стоя передъ ней, читаетъ громкимъ голосомъ посланіе папы. При этомъ онъ три раза медленно взмахиваетъ золотою вѣткой и, наконецъ, вручаетъ ее прелату.

Тотъ прикасается розой къ сердцу королевы и произноситъ слѣдующія слова: «Ecce rosa mystica, donum sanctissimi patris». (Вотъ таинственная роза — даръ святѣйшаго отца).

Королева цѣлуетъ золотой цвѣтокъ и отвѣчаетъ: «Deo gratia» (благодарю Господа). Немедленно вслѣдъ затѣмъ король или королева жалуютъ посламъ высшій орденъ своего государства.

Изъ историческихъ лицъ такую розу получили въ 1160 году Людовикъ Молодой, которому она была прислана папой Александромъ III за почетъ, который ему былъ оказанъ при проѣздѣ черезъ Францію; Іоанна Сицилійская, которой послалъ розу папа Урбанъ V за то, что она избавила Италію отъ венгерцевъ; Фридрихъ Саксонскій (до реформаціи); германскій императоръ Генрихъ III; а въ болѣе близкія времена императрица Евгенія, несчастная мексиканская императрица Шарлотта и испанская королева Изабелла.

Говоря объ этой розѣ, нельзя пройти молчаніемъ и другое, играющее важную роль въ католичествѣ, преданіе — о четкахъ, которыя носятъ по-французски также названіе розъ (le rosaire), такъ какъ составляющіе ихъ шарики въ первыя времена дѣлались изъ тертыхъ розовыхъ лепестковъ, связанныхъ гуммиарабикомъ.

У католиковъ четки введены были въ употребленіе основателемъ Доминиканскаго ордена Доминикомъ де-Гузманъ, но собственно ведутъ начало отъ восточныхъ

народовъ, гдѣ онѣ были сначала въ употребленіи у ламайскихъ монаховъ, а затѣмъ отъ нихъ перенесены были къ туркамъ, у которыхъ страннымъ образомъ онѣ носятъ также названіе розъ, хотя и дѣлаются изъ шариковъ земли, взятой въ Меккѣ или Мединѣ.

Теперь, если мы перейдемъ къ отдѣльнымъ христіанскимъ государствамъ, то увидимъ, что изъ нихъ наибольшею любовью пользовалась роза во Франціи.

Здѣсь ее такъ высоко чтили и цѣнили, что даже разводить ее позволялось не всякому. И тотъ, кто получалъ эту привиллегію, обязывался ежегодно доставлять городскому совѣту въ день Благовѣщенія три вѣнка, а въ день Вознесенія — корзину съ розами, изъ которыхъ потомъ готовили дорого стоившую въ то время розовую воду, которая примѣшивалась, по обычаю того времени, почти во всѣ праздничныя кушанья.

Въ XIII вѣкѣ возникаетъ во Франціи обычай ношенія дамами вѣнковъ изъ розъ, которые получаютъ названіе «шапель», а занимающіеся ихъ вязаньемъ — «шапелье» — слово, которымъ теперь обозначаютъ фабрикантовъ шляпъ; такъ что, повидимому, отъ этихъ вѣнковъ произошло и нынѣшнее французское слово «шапо» (chapeau) — шляпа.

Обычай этотъ вскорѣ настолько распространился, что даже самый бѣдный человѣкъ считалъ своею обязанностью подарить своей дочери въ день ея свадьбы подобный «шапель», который она надѣвала на голову во время вѣнчанія. Отсюда же произошло, вѣроятно, и названіе «chaperon de roses» — небольшой подарокъ, который дарили въ средніе вѣка или новобрачнымъ, или ребенку въ день крещенья.

Скажемъ, кстати, что и самое крещенье производилось въ это время часто съ примѣсью розовой воды, которая для этого почти постоянно приносилась въ церковь.

Байе разсказываетъ, что такой водой крестили, напримѣръ, извѣстнаго средневѣковоо французскаго поэта Ронсара и, что вслѣдствіе этого, когда, сдѣлавшись въ царствованіе Генриха II знаменитымъ поэтомъ, онъ получилъ первую награду на состязаніи поэтовъ въ Тулузѣ, то ему, вмѣсто обычной золотой дикой розы (шиповника), поднесли серебряную статую Минервы, желая этимъ какъ бы указать, что, будучи крещенъ розовой водой, онъ еще въ пеленкахъ былъ уже признанъ поэтомъ.

Получивъ эту награду, Ронсаръ, какъ говорятъ, послалъ ее въ подарокъ почитательницѣ своей — королевѣ Маріи Стюартъ, а она въ отвѣтъ прислала ему вѣнокъ

изъ серебряныхъ розъ, на каждомъ листкѣ которыхъ въ видѣ росинокъ блестѣли чудные брильянты. На обвивавшей его лентѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Ronsard, l'Apollon de la source des muses». (Ронсару — Аполлону источника музъ).

Въ XIV вѣкѣ возникаетъ во Франціи еще новый оригинальный обычай, связанный съ розой. Въ палатѣ, составлявшей такъ-называемый королевскій совѣтъ и состоявшей изъ 6 духовныхъ и 6 свѣтскихъ перовъ, входитъ въ обыкновеніе, чтобы каждый изъ перовъ, какъ только у него возникаетъ какое-либо дѣло въ судѣ, подносилъ всѣмъ членамъ палаты розы. Поднесеніе это получаетъ названіе «baillé des roses» и при палатѣ учреждается даже особая должность придворнаго поставщика розъ (rosier de la cour), мѣстопребываніемъ котораго назначается мѣстечко «Фонтене-о-розъ», славившееся уже тогда своей культурой розъ. Мѣстечко это существуетъ и понынѣ.

Но въ XVI столѣтіи обычай этотъ, вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ членовъ палаты изъ-за мѣстъ, — прекращается, и ни въ чемъ неповинная роза подвергается такой опалѣ, что духовный судъ въ Нимѣ предписываетъ, чтобы она отнынѣ служила знакомъ отличія христіанъ отъ евреевъ, которые обязаны носить ее постоянно на груди.

Но такое гоненіе во Франціи на розу было только временнымъ и ограничилось нѣкоторыми мѣстностями, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ спустя возникъ среди садоводовъ небольшого, находившагося недалеко отъ Парижа, городка Провенъ (Provins) обычай выбирать ежегодно короля розъ (le roi des rosiers). Выборъ этотъ производился въ день св. Фіакра. Царствованіе такого короля продолжалось годъ и сопровождалось разнаго рода почестями.

Подобное же избраніе, но не короля, а королевы, или, какъ ее называли, «розьеры», производилось еще и въ мѣстечкѣ Саланси 8-го іюля въ день св. Медара.

Розьера избиралась изъ трехъ наиболѣе добродѣтельныхъ и цѣломудренныхъ дѣвушекъ всей провинціи. А для того, чтобы не могло произойти какой-либо ошибки и чтобы честь эта досталась дѣйствительно наиболѣе добродѣтельной, имена предлагаемыхъ къ избранію провозглашались сначала съ церковной паперти, гдѣ каждый могъ высказать о нихъ свое мнѣніе и, въ свою очередь, предложить, если онъ только знаетъ, еще болѣе достойную.

Какъ скоро выборъ былъ сдѣланъ, избранницу при звукахъ музыки вели въ сопровожденіи 12 паръ празд-

нично одѣтыхъ дѣвушекъ въ господскій замокъ, а оттуда — въ церковь, св. Медара, гдѣ лежалъ приготовленный для розьеры вѣнокъ или, лучше сказать, повойникъ изъ чудныхъ розъ. Повойникъ этотъ съ молитвою, въ присутствіи всѣхъ молящихся, возлагался на главу избранницы священникомъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ. Удостоенная такой чести дѣвушка получала, какъ награду за свое безукоризненное поведеніе, 25 ливровъ и пользовалась своимъ титуломъ розьеры часто въ продолженіе многихъ лѣтъ (обыкновенно до выхода замужъ).

Празднество это, какъ говоритъ преданіе, было установлено еще въ VII столѣтій по Р. Х. св. Медаромъ, архіепископомъ въ Саленси, который для того, чтобы увѣковѣчить его, оставилъ даже по завѣщанію 12 десятинъ земли, изъ дохода которой и составляется выдаваемая розьерѣ премія.

Первой розьерой была его собственная сестра, и изображеніе этого торжества сохранилось и по сихъ поръ на фрескѣ, находящейся въ церкви св. Медара въ Саленси.

Съ другой стороны, существуетъ мнѣніе, будто это празднество было установлено лишь при Людовикѣ XIII, чему доказательствомъ служитъ серебряная пряжка, которая надѣвается въ видѣ украшенія на вѣнокъ изъ розъ и которая, какъ говорятъ, была пожертвована этимъ королемъ.

Подобныя празднества со временемъ стали производиться еще и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Особенной же извѣстностью пользовались празднества въ память Мальзерба, министра Людовика XVI, погибшаго, какъ и этотъ король, на эшафотѣ.

Скажемъ кстати, что, кромѣ подобнаго рода торжествъ, роза играла еще видную роль и въ праздникахъ, которые, какъ кажется, представляли начало нашихъ битвъ цвѣтовъ.

Такъ, въ городкѣ Тревизо существовалъ съ незапамятныхъ временъ праздникъ, во время котораго среди города устраивалась крѣпость, валы и стѣны которой состояли изъ драгоцѣнныхъ ковровъ и шелковыхъ тканей. Знатныя дѣвушки города защищали крѣпость, а знатные юноши осаждали ее. При этомъ орудіями осады и защитой служили яблоки, миндальные орѣхи и цвѣты, главнымъ образомъ розы, которыми бросали другъ въ друга, а также струи розовой воды, которой обдавали защитницы крѣпости осаждавшихъ.

На праздникъ этотъ стекались отовсюду тысячи зрителей, и присутствовавшій на немъ однажды Фридрихъ Барбаросса нашелъ даже, что веселѣе этого праздника ему ничего не приходилось видѣть.

Особенно же славился этотъ праздникъ тѣмъ, что встрѣчавшіеся на немъ юноши и молодыя дѣвушки выбирали себѣ невѣстъ и жениховъ и послѣ него всегда заключалось много браковъ.

Но не всегда роза играла столь пріятную роль въ нравахъ Франціи.

Тяжелая драма жизни разыгралась съ ней на почвѣ любви въ дни молодости Генриха IV.

Тогда онъ носилъ еще титулъ принца Беарнскаго.

Отличаясь замѣчательнымъ искусствомъ стрѣльбы изъ лука, онъ принялъ участіе въ состязаніи въ стрѣльбѣ изъ этого оружія, устроенномъ при дворѣ Карла IX, короля Наварскаго, въ замкѣ Неракъ въ 1566 году.

Ставится цѣлью апельсинъ. Герцогъ Гизъ, которому начинать, сбиваетъ его съ перваго же раза. Тогда Генрихъ подходитъ къ одной прелестной, присутствовавшей на состязаніи, крестьянской дѣвушкѣ, проситъ у нея приколотую на груди розу и предлагаетъ сдѣлать ее предметомъ цѣли.

Гизъ промахивается. Генрихъ пронизываетъ ее насквозь и торжественно подноситъ ее вмѣстѣ съ вонзенной въ нее стрѣлой той, которая ему ее одолжила.

Но стрѣла, пронзившая розу, пронизываетъ въ тоже время и сердце молодого Генриха.

Онъ влюбляется по уши въ эту прелестную крестьяночку и всячески ищетъ случая завести съ ней болѣе близкое знакомство.

Оказывается, что это дочь дворцоваго садовника Флёретта.

Со слѣдующаго же дня садоводство становится любимымъ занятіемъ Генриха.

Онъ разбиваетъ цвѣтники близъ бассейна, куда, какъ онъ узнаетъ, приходитъ часто за водой Флёретта и вмѣстѣ съ отцомъ ея усердно работаетъ надъ посадкой растеній.

Завязывается знакомство. Польщенная вниманіемъ высокопоставленнаго принца и очарованная его красотой и молодостью, Флёретта въ свою очередь влюбляется въ него.

Молодые люди на седьмомъ небѣ, блаженствуютъ... Но въ дѣло вмѣшивается, суровый воспитатель принца, де-ла-Гошери. Находя, что подобнаго рода знакомство

неприлично для принца, онъ всячески убѣждаетъ его бросить Флёретту, а когда этотъ послѣдній не соглашается, устраиваетъ его отъѣздъ домой въ По.

Дѣлать нечего, приходится разстаться, но принцъ клянется Флёреттѣ, что никогда ее не забудетъ и возвратится опять въ Неракъ при первой же возможности.

Бѣдная Флёретта не вѣритъ этому, въ отчаяніи ломаетъ руки, льетъ горькія слезы и говоритъ, что ей остается одно — умереть.

«Видите ли вы», добавляетъ она въ ту минуту, когда раздается звонъ дворцоваго колокола, возвѣщающій, что все готово къ отъѣзду, «видите ли вы этотъ бассейнъ, образованный изъ заводи Гаронны? Откуда бы и когда бы вы ни пріѣхали сюда, вы найдете меня всегда здѣсь!»...

Принцъ уѣзжаетъ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Вѣтреный по своему характеру, онъ вскорѣ забываетъ Флёретту и начинаетъ ухаживать за другими. До Флёретты все это доходитъ. Не разъ онъ даже пріѣзжаетъ въ Неракъ, но всегда увлекается кѣмъ-нибудь другимъ, забывъ о бѣдной Флёреттѣ.

Но вотъ, однажды, гуляя въ саду замка, онъ случайно встрѣчается съ Флереттой, которая за это время сдѣлалась еще прелестнѣе. Любовь моментально вспыхиваетъ въ немъ съ прежней силой.

Онъ ласкаетъ ее, умоляетъ простить его забывчивость и придти къ нему на свиданіе къ бассейну, гдѣ они прежде встрѣчались.

«Хорошо», отвѣчаетъ Флёретта, «въ 8 часовъ я буду тамъ».

Внѣ себя отъ радости принцъ спѣшитъ въ 8 часовъ на свиданіе. Приходитъ, но никого не находитъ.

Ждетъ полчаса, ждетъ часъ.

Тогда разочарованный, раздраженный хочетъ возвратиться въ замокъ, какъ вдругъ замѣчаетъ на мѣстѣ, гдѣ онъ всегда встрѣчался съ Флёреттой, маленькій колышекъ, а на немъ записку.

Но уже вечеръ, темно — ничего не разберешь.

Тогда онъ спѣшитъ въ замокъ. Въ волненіи развертываетъ бумажку и въ ужасѣ читаетъ:

«Я вамъ сказала, что вы всегда найдете меня въ бассейнѣ. Поищите хорошенько... можетъ быть найдете... Вы больше меня не любите. Что мнѣ дѣлать, видно ужъ такая судьба. Боже милостивый, прости меня, грѣшную!»

Угадавъ смыслъ записки, принцъ въ отчаяніи. Звонятъ въ колоколъ, сзываютъ людей. Всѣ съ фонарями и

факелами бѣгутъ къ бассейну и находятъ дѣйствительно въ немъ тѣло утопившейся Флеретты.

Бѣдняжка предпочла смерть терзаніямъ любви.

Горе Генриха было неописуемо.

Сколько разъ онъ послѣ этого ни ухаживалъ за первыми красавицами, сколько разъ ни влюблялся, но никогда не могъ забыть Флёретты.

Невидимая тѣнь ея преслѣдовала его всегда и всюду; и даже, будучи уже старикомъ, онъ не разъ вспоминалъ свою, чистую душой, прелестную деревенскую розу и горько, горько ее оплакивалъ.

Такимъ же цвѣткомъ горя роза явилась вначалѣ и въ исторіи Англіи.

Почти неизвѣстная здѣсь до XIV столѣтія, она появилась при дворѣ англійскихъ королей незадолго до начала кровавой распри между домами іоркскимъ и ланкастерскимъ и такъ плѣнила ихъ своей красотой, что тотъ и другой помѣстили ее въ своемъ гербѣ, при чемъ первый избралъ себѣ бѣлую, а второй алую. Вслѣдствіе этого распря, возникшая при Генрихѣ VI Ланкастерѣ за право на англійскій престолъ съ Эдуардомъ Іоркскимъ и носитъ названіе войны алой и бѣлой розы.

Объ этомъ избраніи розъ мы находимъ у Шекспира въ его хроникѣ «Генрихъ VI» такую сцену.

Дѣло происходитъ въ 1450 году въ паркѣ Тампля (Temple gardens) у куста розъ. Собралось многочисленное собраніе, чтобы обсудить, кого избрать на тронъ.

Приходитъ Плантагенетъ, одинъ изъ имѣющихъ право на престолъ, и всѣ, смутившись, умолкаютъ.

Тогда Плантагенетъ (представитель дома Іорка) говоритъ: «Пусть всякій дворянинъ, кто чтитъ высоко свое званье и вѣритъ въ то, что я не буду лгать, сорветъ со мной вотъ эту бѣлую розу».

Соммерсетъ: «А тотъ же, кто не трусъ, не льстецъ и смѣло стоитъ со мной за правду, пусть тотъ сорветъ эту красную».

Варвикъ: «Я ненавижу всякія румяна и потому сорву безъ всякой лести съ Плантагенетомъ бѣлую».

«Въ такомъ случаѣ», говоритъ Іоркъ во 2 ч. I акт., «я поднимаю высоко молочно-бѣлую, пусть она будетъ красоваться на штандартѣ Іорка, чтобы вести борьбу съ Ланкастеромъ»...

И вотъ въ минуту, когда Ричардъ Плантагенетъ вступаетъ на тронъ, король Генрихъ является со своей свитой, — всѣ съ красной розой на шляпахъ.

Тогда, внѣ себя отъ гнѣва, Ричардъ восклицаетъ: «Нѣтъ, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока моя бѣлая роза не окрасится теплой кровью Ланкастеровъ въ красную»...

И вотъ подъ знаменемъ этихъ-то двухъ мирныхъ розъ и разгоряется вышеупомянутая страшная ожесточенная братская война, которая длилась, какъ извѣстно, слишкомъ 30 лѣтъ, была крайне кровопролитна и отличалась большими жестокостями какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Кусты, съ которыхъ были сорваны эти двѣ историческія розы, находились въ Лондонѣ въ паркѣ Тампль *) до послѣдняго времени и погибли лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Впослѣдствіи въ воспоминаніе объ этой распрѣ англійскіе садоводы даже вывели особый сортъ розы, получившей названіе ланкастеръ-іоркской и отличавшійся тѣмъ, что на одномъ и томъ же кустѣ эта роза давала и бѣлые, и алые цвѣты.

Однако, отпраздновавшая такъ печально свое вступленіе въ Англію, царица цвѣтовъ не замедлила загладить сыгранную ею грустную роль и сдѣлаться всеобщей любимицей.

Служа сначала лишь отличительнымъ знакомъ актеровъ, которые, по предписанію королевы Елизаветы, могли являться внѣ театра въ обыкновенномъ платьѣ, но съ розой на башмакахъ, она вскорѣ сдѣлалась принадлежностью костюма всѣхъ щеголей и щеголихъ Англіи. Щеголи носили ее за ухомъ, при чемъ, чѣмъ крупнѣе былъ цвѣтокъ, тѣмъ это считалось шикарнѣе. Роза носилась ими не только лѣтомъ, но и зимой, а такъ какъ въ зимнее время въ тѣ времена живая роза являлась еще большею рѣдкостью, то людямъ съ средними средствами приходилось замѣнять живую искусственной. Вскорѣ съ живой розой за ухомъ стала появляться и сама королева Елизавета, и даже съ такой розой чеканили одно время ея изображеніе на серебряныхъ монетахъ.

Наконецъ, роза сыграла интересную роль еще и въ жизни покойной королевы Викторіи.

Разсказываютъ, что, когда пріѣхавшій въ Англію свататься за королеву Викторію и, скажемъ между прочимъ, очень нравившійся ей, принцъ Альбертъ Кобург-

*) Этотъ паркъ такъ густъ и прекрасенъ, что въ немъ и до сихъ поръ происходятъ выставки садоводства.

скій появился на данномъ въ честь его придворномъ балу, то королева, въ знакъ своего къ нему расположенія, отшпилила отъ корсажа розу и передала ему.

Очарованный такимъ вниманіемъ, принцъ пришелъ въ восторгъ и, не найдя на своемъ фракѣ петли, куда бы ему прикрѣпить драгоцѣнный подарокъ, не задумавшись ни минуты, сдѣлалъ перочиннымъ ножомъ на фракѣ, какъ разъ противъ сердца, крестообразный надрѣзъ и воткнулъ въ него подаренную ему розу.

Эта находчивость и цѣна, которую онъ придалъ ея небольшому знаку вниманія, окончательно плѣнили Викторію и рѣшили ея участь. Она согласилась на сдѣланное ей принцемъ предложеніе и стала его женой.

Это былъ принцъ-супругъ, дѣдъ нынѣ царствующаго короля Георга III.

Наконецъ, роза была и послѣднимъ цвѣткомъ, унесеннымъ столь любившемъ розы королемъ Эдуардомъ VII изъ этого міра. Прощаясь съ нимъ на вѣки, когда онъ лежалъ уже въ гробу, вся въ слезахъ королева Александра вложила ему въ руку чудную бѣлую розу.

III.

Роза въ Германіи и у насъ.

Въ Германіи роза (шиповникъ) появляется еще во времена язычества.

Въ древне-германскихъ сагахъ она посвящается царицѣ неба Фриггѣ, почему даже и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ ее называютъ Фриггадорнъ. Рвать ее позволялось только въ пятницу — день, посвященный Фриггѣ. Она росла на мѣстахъ, гдѣ прежде были капища и гдѣ совершались кровавыя жертвоприношенія.

Розой пользуется также и германскій богъ огня Локи при наступленіи весны. Онъ смѣется, и отъ его смѣха холодъ бѣжитъ, снѣгъ таетъ и земля покрывается розами.

Она же играетъ роль и въ сказаніи о Брунгильдѣ, когда эта послѣдняя, сдѣлавшись валькиріей, которыхъ долгъ былъ переносить съ поля битвы души геройски-погибшихъ за отечество воиновъ въ Валгаллу, измѣняетъ данному ей обѣту и, вмѣшавшись въ битву двухъ королей, помогаетъ одержать побѣду тому изъ нихъ, которому Вуотанъ, богъ войны, предназначилъ погибнуть. Въ наказаніе за это разгнѣванный Вуотанъ подкладываетъ ей подъ голову вѣтку дикой розы (шиповника) съ мохообразными наростами, и Брунгильда

и все ее окружающее погружается въ глубокій сонъ, отъ котораго она можетъ проснуться только тогда, если какой-либо принцъ придетъ ее разбудить.

Словомъ, происходитъ все то, что служитъ прототипомъ существующей у насъ сказки «О спящей красавицѣ», которая по-нѣмецки носитъ названіе «дикой розочки» (Dornröschen).

Въ это же время красная роза служитъ символомъ меча и смертельной раны, и потому въ танцахъ меча, происходившихъ позднѣе на сѣверѣ, особенно въ Гессенѣ, розой называли также еще и крышу, образованную изъ мечей надъ царицей праздника. Вслѣдствіе же этого въ германскихъ сказаніяхъ розовыми садами назывались часто также и поле битвы, и поле смерти, а впослѣдствіи названіе это перешло и на кладбища.

Съ другой стороны, однако, садомъ розъ называется въ Нибелунгахъ и настоящій садъ розъ. Особенно же оригинально встрѣчающееся тамъ сказаніе о розовомъ садѣ въ Вормсѣ.

Король Гибихъ, говоритъ это сказаніе, послѣ одной кровопролитной битвы устроилъ своей дочери Кримгильдѣ садъ изъ розъ, который имѣлъ $1^1/_2$ версты въ окружности и среди котораго росла гигантская липа, въ тѣни которой могло помѣситься болѣе 500 женщинъ. Этотъ садъ охранялся 12 героями, изъ которыхъ славнѣйшимъ былъ Зигфридъ. Каждому изъ рыцарей давался въ награду поцѣлуй и вѣнокъ изъ розъ. Гильдебрандъ взялъ вѣнокъ, но пренебрегъ поцѣлуемъ. Находившійся же среди рыцарей монахъ Ильзамъ, наоборотъ, не довольствуется однимъ вѣнкомъ и поцѣлуемъ, а требуетъ такое же число вѣнковъ и поцѣлуевъ и для своихъ 52 монастырскихъ братій. Возгорается борьба, и, побѣдивъ 52 рыцарей въ единоборствѣ, монахъ получаетъ желаемое.

Вообще, въ древне-германскихъ сагахъ розовый вѣнокъ служитъ часто или предметомъ вызова на единоборство, или побѣдной наградой рыцарю, передаваемой ему дамой сердца, или же, наконецъ, знакомъ, что любовь его наконецъ услышана.

Съ водвореніемъ въ древней Германіи христіанства, перенеслось въ него и языческое поклоненіе розѣ.

По христіанскому сказанію, бѣлыя садовыя розы обязаны своимъ происхожденіемъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Онѣ выросли на кустѣ, на которомъ она вывѣсила просушивать Христовы пеленки. Вслѣдствіе этого, въ средніе вѣка

роза эта считалась имѣющею устрашающее вліяніе на вѣдьмъ и оборотней. Послѣдніе при прикосновеніи къ ней немедленно превращались опять въ человѣка, а вѣдьмы уличались.

Любопытно также возникшее въ это время сказаніе о происхожденіи загнутыхъ шиповъ розы.

По сказанію этому, сатана, будучи свергнутъ Господомъ съ неба, задумалъ вновь подняться и для этого избралъ шиповникъ, котораго прямые стволы съ ихъ шипами могли бы служить ему какъ бы лѣстницей. Но Господь угадалъ его мысли и согнулъ стволы шиповника. Тогда разсерженный сатана согнулъ и шипы. И вотъ съ тѣхъ поръ шипы розъ не прямые, а загнутые книзу и цѣпляются за все, что до нихъ ни дотронется.

Около того же времени сложилось еще и сказаніе о тысячелѣтнемъ и понынѣ существующемъ въ Гильдесгеймѣ розовомъ кустѣ. Кустъ этотъ растетъ тамъ на кладбищѣ св. Анны, близъ собора, и разростается, опираясь на внѣшнюю стѣну хоровъ небольшой готической капеллы. О происхожденіи его преданіе разсказываетъ слѣдующее.

По смерти Карла Великаго, сынъ его Людовикъ Благочестивый велѣлъ соорудить въ Эльзѣ, въ Саксоніи, церковь и приказалъ считать ее главной. Но вотъ, однажды, охотясь въ этой странѣ, зимой, Людовикъ потерялъ свой тѣльный крестъ, содержавшій въ себѣ частицу св. мощей. Начались поиски, и, наконецъ, слуга нашелъ этотъ крестъ среди снѣга на покрытомъ цвѣтами розовомъ кустѣ. Но когда онъ хотѣлъ снять его, то кустъ не пускалъ, и, несмотря на всѣ усилія, онъ долженъ былъ вернуться домой безъ креста и разсказать объ этомъ чудѣ.

Тогда за крестомъ отправился самъ Людовикъ и, пріѣхавъ на мѣсто, увидѣлъ на снѣгу громадное пятно, которое имѣло форму плана собора, въ верхней части котораго находился розовый кустъ.

Снявъ крестъ, онъ приказалъ построить на этомъ мѣстѣ соборъ и сохранить при немъ, чудесный кустъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ туда было переведено изъ Эльзы епископство и получило названіе Hilde-Schnee, т.-е. глубокій (большой) снѣгъ; отсюда впослѣдствіи образовалось и слово Гильдесгеймъ.

Мало-по-малу кустъ этотъ превратился въ громадное, имѣющее нѣсколько саженъ высоты, дерево, которое существуетъ и понынѣ и покрывается ежегодно тысячами великолѣпныхъ розъ.

Съ среднихъ же вѣковъ роза начинаетъ играть также роль таинственнаго знака разныхъ тайныхъ обществъ.

Прежде всего, ея изображеніе въ видѣ букета розъ, который держитъ въ рукахъ рыцарь, появляется на топорахъ членовъ средневѣковыхъ тайныхъ, иначе, вестфальскихъ судилищъ (Femgerichte), и члены этихъ грозныхъ общинъ обязываются цѣловать каждую розу, которую увидятъ.

Затѣмъ, въ XVI столѣтіи, ею украшаются франмасоны въ Ивановъ день, и она, повидимому, служитъ знакомъ для нѣкоторыхъ изъ ихъ ложъ: По крайней мѣрѣ, при перестройкѣ Гейдельбергскаго замка были найдены въ землѣ изображенія циркуля въ вѣнкѣ изъ пяти розъ.

Наконецъ, развившееся изъ франмасонства, основанное нѣмецкимъ ученымъ Андреасъ, мистическое общество розенкрейцеровъ избрало своимъ знакомъ также вѣнокъ изъ розъ съ шипами, внутри котораго находился Андреевскій крестъ. Подъ изображеніемъ этимъ находилась надпись: «Crux Christi — corona christianorum». (Крестъ Христовъ — вѣнецъ христіанъ.)

Въ противоположность этимъ тайнымъ мистическимъ обществамъ своей эмблемой имѣло розу основанное герцогомъ Шартрскимъ въ 1780 году общество «розана», представлявшее просто собраніе золотой молодежи и куртизанокъ, а также и парижское общество, носившее названіе «Розати», членами котораго могли быть только поэты и, вообще, люди, написавшіе какое-либо стихотвореніе.

Наконецъ, изображеніе вѣнка розъ въ пятиугольникѣ изъ звѣздъ служило знакомъ основаннаго бразильскимъ императоромъ Донъ-Педро I ордена розъ, получить который считалось величайшей честью. Кромѣ того, изображеніе ея то и дѣло встрѣчалось въ гербахъ знатнѣйшихъ рыцарскихъ родовъ, дворянскихъ фамилій и въ гербахъ городовъ. Между прочимъ розу имѣлъ въ своей печати и Мартинъ Лютеръ.

Но оригинальнѣйшимъ памятникомъ, какому когда либо служила роза украшеніемъ, является построенный въ XVII столѣтіи въ городѣ Бременѣ городской винный погребокъ (подвалъ).

Это вакхическое святилище, существующее и понынѣ, было раздѣлено внизу на четыре отдѣленія. Въ концѣ третьяго отдѣленія красовалась на стѣнѣ надпись: «здѣсь цвѣтетъ роза», и хранилось 12 бочекъ Рюдес-

геймера 1624 года, изъ которыхъ каждая содержала въ себѣ 1.500 бутылокъ. Вино это называлось «Виномъ розы». Въ прошломъ столѣтіи погребокъ этотъ служилъ мѣстомъ засѣданій городскаго совѣта. Въ залѣ, гдѣ они происходили, находится гигантское изображеніе розы съ латинской надписью:

„Зачѣмъ залъ Вакха эта роза украшаетъ? А потому, что безъ хорошаго вина и сама Венера зябнетъ".

Подобными же изреченіями, прославляющими красоту и значеніе розы для человѣка, украшены и остальныя стѣны залы. Въ концѣ четвертаго отдѣленія находится зала 12 апостоловъ, въ которой хранятся 12 бочекъ Гохгейма 1718 года; каждая изъ нихъ носитъ названіе одного изъ апостоловъ.

Въ прежнее время «Вино апостоловъ и розы» давали только тяжело больнымъ или въ какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ. Теперь же его прямо продаютъ всѣмъ желающимъ. Нѣсколько капель этого вина распространяютъ удивительно пріятный запахъ, но пить его не представляетъ уже удовольствія, такъ какъ оно черезчуръ густо, вродѣ какого-то масла.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о волшебномъ и цѣлебномъ значеніи розы.

По примѣру ѳессалійскихъ волшебницъ и древнегерманскія ворожеи пользовались ею для привораживанья. Для этого онѣ давали дѣвушкѣ, желавшей приворожить милаго, такой совѣтъ: «Возьми три розы: одну темнокрасную, одну розовую и одну бѣлую, и носи ихъ три дня, три ночи и три часа на сердцѣ, но такъ, чтобы этого никто не видѣлъ. Затѣмъ прочитай три раза «Отче нашъ» и три раза «Богородицу», сопровождая молитвы крестнымъ знаменіемъ. Послѣ чего положи эти три розы на три дня, три ночи и три часа въ бутылку вина и дай выпить этого настоя предмету твоей любви, но опять такъ, чтобы онъ не зналъ, что въ винѣ находилось. И тогда онъ полюбитъ тебя всей душой и будетъ тебѣ вѣренъ до конца своей жизни».

Что касается до врачебнаго ея леченія, то розовые лепестки накладывались на лицо, чтобы придать ему юношескую свѣжесть, настой изъ сваренныхъ въ розовомъ маслѣ пчелъ употребляли, какъ средство для рощенія волосъ, а собранная на розахъ роса считалась лучшимъ средствомъ противъ воспаленія глазъ.

Укажемъ теперь еще на ту роль, которую сыграла роза въ нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ Германіи.

Такъ, при заключеніи Тильзитскаго мира прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III съ Наполеномъ I, когда возникъ вопросъ объ отторженіи отъ Пруссіи всѣхъ лежащихъ на западъ отъ Эльбы провинцій, королева Луиза рѣшилась отправиться къ грозному побѣдителю и попытаться смягчить его суровое требованіе. Наполеонъ I принялъ ее очень любезно и, когда зашелъ разговоръ объ оставленіи за Пруссіей города Магдебурга, какъ галантный кавалеръ поднесъ ей изъ стоявшей на столѣ вазы чудную розу. Думая, что эта роза означаетъ какъ бы знакъ согласія на ея просьбу, королева Луиза, принимая ее, прибавила: «Mais avec Magdebourg?» (и съ Магдебургомъ, не правда ли?). Но тутъ надменный корсиканецъ мгновенно перемѣнился и рѣзко ей сказалъ: «Я долженъ замѣтить вашему величеству, что я одинъ предлагаю, а вамъ вольно соглашаться или не соглашаться». Поступокъ этотъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на всю Пруссію, и съ тѣхъ поръ пруссаки всячески стремились отомстить за тильзитскую розу, что, наконецъ, и исполнили, взявъ Парижъ и контрибуцію въ 5 милліардовъ въ 1871 году.

Тотъ же король Фридрихъ-Вильгельмъ III, любившій, какъ извѣстно, страстно розы, устроилъ у себя въ Потсдамѣ, среди чуднаго парка, небольшой островокъ розъ, извѣстный подъ названіемъ «Павлиньяго острова», гдѣ проводилъ свои лучшіе часы досуга. Здѣсь были собраны всѣ имѣвшіеся тогда сорта и варіететы розъ, такъ что мѣстечко это представляло собой нѣчто въ родѣ римскаго Пестума. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ этотъ уголокъ не менѣе, чѣмъ извѣстный Гарунъ-аль-Рашидъ свой розовый садъ, и не одно доброе дѣло совершилось здѣсь «sub rosa».

Въ 1829 году въ этомъ розовомъ паркѣ произошло выдающееся событіе. Принцесса Шарлотта прусская была помолвлена за императора Николая Павловича, и въ день ея отъѣзда былъ устроенъ праздникъ розъ. Праздникъ этотъ былъ назначенъ какъ разъ въ день ея рожденія, 13-го іюля.

Съ ранней своей юности принцесса Шарлотта была, какъ и отецъ ея, большой любительницей розъ, но особенно любила она бѣлыя розы, за что ее даже въ кругу семьи прозвали «Blanchefleur» — бѣлымъ цвѣточкомъ. И вотъ эти-то бѣлыя розы и должны были послужить центромъ всего предполагавшагося волшебнаго праздника.

Сама будущая всероссійская императрица, сидя подъ золотымъ, изукрашеннымъ драгоцѣнными камнями, балдахиномъ, изображала изъ себя волшебную бѣлую розу, и, ожившіе изъ преданій во всемъ своемъ блескѣ и красотѣ, рыцари круглаго стола Артура окружали ее, готовые копьемъ и мечомъ со щитомъ защитить свою повелительницу.

Наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, изображавшій рыцаря бѣлой розы, былъ одѣтъ въ блестящее, затканное серебромъ платье,съ цѣпью ордена Чернаго Орла на шеѣ и съ шлемомъ съ приподнятыми орлиными крыльями на головѣ. На его блестѣвшемъ, какъ солнце, щитѣ красовалась надпись: «Съ нами Богъ».

Чтобы украсить весь сценарій, были отовсюду свезены тысячи тысячъ бѣлыхъ розъ. Ими украшены были всѣ знамена, онѣ обвивались гирляндами вокругъ древокъ, вѣнками изъ нихъ были убраны головы всѣхъ приглашенныхъ дамъ и самой царицы, ими же, наконецъ, были усыпаны всѣ ступени и разубранъ самый тронъ царицы.

Въ воспоминаніе объ этомъ праздникѣ каждая изъ присутствовавшихъ дамъ получала на память отъ будущей императрицы серебряную розу, на листьяхъ которой были вырѣзаны годъ и число. Въ самой же королевской семьѣ память объ этомъ днѣ сохранилась въ видѣ изящнаго бокала съ серебряной розой на крышкѣ, хранящагося во дворцѣ въ Берлинѣ, и картины аль-фреско на стѣнѣ одной изъ залъ Потсдамскаго дворца, изображающей главную сцену этого памятнаго торжества.

Много лѣтъ прошло со времени этого празднества, и большинство рыцарей и сама роза уплатили дань природѣ — отошли въ вѣчность. Только одинъ продолжалъ оставаться такимъ же бодрымъ, какъ и прежде, — это былъ братъ покойной Blanchefleur (императрицы Александры Ѳеодоровны), будущій императоръ германскій. Къ нему-то 13-го іюля 1869 года собралась, во время его пребыванія въ Эмсѣ, небольшая кучка оставшихся въ живыхъ участниковъ потсдамскаго празника и поднесла изображавшую его самого роскошную серебряную статуэтку и два памятныхъ листка. На одномъ изъ нихъ была изображена сцена передачи принцессой Шарлоттой бѣлой розы бывшему въ то время наслѣдному принцу прусскому.

Прошло еще два года, и совершилось отмщеніе за розу Наполеона I — кровавая побѣда при Седанѣ. Нѣсколько дней спустя магистратъ города Берлина по-

лучилъ пакетъ, въ которомъ оказалась увядшая бѣлая роза и при ней записка слѣдующаго содержанія:

«Высокоуважаемому магистрату города Берлина посылаетъ одинъ изъ борцовъ въ битвахъ при Гравелоттѣ и Седанѣ бѣлую розу, которую онъ сорвалъ на полѣ сраженія, среди грохота пушекъ и адскаго непріятельскаго огня и почтительнѣйше проситъ передать ее той изъ дамъ, которая наиболѣе отличалась въ попеченіи о раненыхъ». Подписано: «стрѣлокъ 3 роты гвардейскаго стрѣлковаго баталіона».

Магистратъ, собравшись въ полномъ своемъ составѣ, рѣшилъ, что никто болѣе не достоинъ этой расцвѣтшей и сорванной на кровавомъ полѣ битвы розы, какъ императрица Августа, которая была истиннымъ ангеломъ-хранителемъ и попечительницей всѣхъ раненыхъ, и съ этой цѣлью отправилъ къ ней для поднесенія розы цѣлую депутацію. Но императрица, со свойственной ей всегда скромностью, отклонила отъ себя это подношеніе и просила отослать розу въ лазареты на поля битвъ, гдѣ работали неустанно сестры милосердія и многія высокопоставленныя дамы и дѣвушки. «Тамъ, — сказала она: — найдется болѣе достойная меня». А до того времени роза была вставлена въ роскошную рамку подъ стекломъ и повѣшена въ маленькой молельнѣ императрицы, гдѣ она проливала столько слезъ и проводила столько безсонныхъ ночей, молясь за родину и за бѣдныхъ героевъ и ихъ матерей. Съ этой-то розы, служившей какъ бы символомъ благороднаго рыцарства, и были сняты многочисленныя фотографіи, хранящіяся, какъ изображеніе памятнаго для всѣхъ историческаго памятника, во многихъ нѣмецкихъ семьяхъ.

Что касается достойнѣйшей, то и на поляхъ битвы не нашлось болѣе достойной, чѣмъ императрица Августа, а потому ей же по окончаніи войны она была и поднесена.

Но не одна императрица удостоилась получить розу съ поля битвы, — такую же розу получилъ и самъ императоръ. Это случилось 19-го августа 1870 года въ Горзѣ, небольшомъ городкѣ недалеко отъ Седана.

У открытаго окна одного изъ деревенскихъ домиковъ сидѣлъ тяжело раненый офицеръ, держа въ оставшейся здоровой рукѣ розу. Вдругъ раздались крики: «Ѣдетъ, ѣдетъ король!», и у самаго окна дѣйствительно показался король. Мгновенно вспыхнули щеки молодого офицера румянцемъ, и, не зная, какъ выразить свою глубокую преданность, свой, можетъ-быть, навѣки прощальный привѣтъ возлюбленному монарху, онъ бросилъ ему един-

ственное сокровище, которымъ въ данную минуту обладалъ, — свою розу!

Король приказалъ поднять эту розу, вложилъ ее въ петлицу, и доказательствомъ тому, что онъ не забылъ объ этомъ подаркѣ, служитъ слѣдующее собственно-ручное письмо, посланное имъ много времени спустя бросившему эту розу полковнику фонъ-Цедлицу:

«Съ благодарностью вспоминая о той незабвенной минутѣ, когда, будучи тяжело раненымъ въ Горзѣ 19-го августа 1870 года, вы, при проѣздѣ моемъ близъ вашего смертнаго одра, поднесли мнѣ розу, посылаю вамъ прилагаемый при семъ мой портретъ. Пусть будутъ знать въ позднѣйшее время, какъ вы вспомнили въ такую тяжелую минуту о вашемъ государѣ и какъ государь остался вамъ за это благодаренъ.

Рождество 1871 г.

Король Вильгельмъ».

Другимъ воспоминаніемъ объ этой розѣ служитъ памятникъ, воздвигнутый въ Горзѣ. Памятникъ этотъ изображаетъ скалу, наполовину прикрытую національнымъ прусскимъ черно-бѣлымъ знаменемъ. Наверху скалы, по серединѣ, стоитъ каска пѣхотинца, обвитая дубовымъ вѣнкомъ, котораго листья покрыты сильной росой слезъ. Къ каскѣ прислоненъ орденъ желѣзнаго креста съ лентой. А подъ всѣмъ этимъ, внизу, въ серединѣ широкой золотой рамы помѣщена сдѣланная изъ матоваго серебра роза императора.

Переходя въ заключеніе къ нашему отечеству, надо сказать, что къ намъ роза впервые попала лишь въ XVI столѣтіи, какъ это мы узнаемъ изъ записокъ. «Rerum Moscovitarum Commentarii» нѣмецкаго посла барона Герберштейна при русскомъ дворѣ въ 1517—1526 годахъ. Роза, конечно, въ это время была лишь достояніемъ царскаго двора и нѣкоторыхъ сановниковъ, народъ же былъ съ ней совсѣмъ незнакомъ.

Нѣкоторые нѣмецкіе ученые, однако, предполагаютъ, что празднуемая у малороссовъ и бѣлоруссовъ испоконъ вѣковъ «русальная седьмица» имѣетъ своимъ происхожденіемъ римскія розаліи, которыя сперва перешли къ славянскимъ племенамъ на Балканскомъ полуостровѣ, а оттуда уже и къ намъ. Седьмица эта, какъ извѣстно, ведущая свое начало отъ языческихъ временъ, совпадаетъ съ праздникомъ Св. Троицы, во время которой и теперь у балканскихъ славянъ уцѣлѣлъ обычай бросать розы съ церковной колокольни.

О русаліяхъ мы не разъ встрѣчаемъ упоминаніе въ разныхъ старинныхъ лѣтописяхъ, между прочимъ и у Нестора, который въ лѣтописи отъ 1067 года, возставая противъ всѣхъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога «трубачи и скоморохи, гусьми и русаліями». Празднества эти сопровождались плясками, музыкой и переряживаніемъ.

Существуетъ даже мнѣніе, что и названіе русалокъ происходитъ отъ русальи, такъ какъ онѣ, по народнымъ повѣрьямъ, начинаютъ выходить изъ воды поиграть, именно только начиная съ Троицына дня, и только тогда уже разгуливаютъ по землѣ и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ.

Что касается до самой розы, то, какъ украшенье нашихъ садовъ, она стала появляться лишь при Петрѣ I и особенно при императрицѣ Екатеринѣ II, что видно изъ слѣдующаго курьезнаго случая.

Однажды, въ царствованіе императора Николая Павловича, генералу Клингену было поручено сопровождать мать государя, императрицу Марію Ѳеодоровну, въ Царское Село. Прогуливаясь по парку, генералъ былъ удивленъ, увидѣвъ часового, стоявшаго съ ружьемъ у совершенно пустого мѣста на дорожкѣ. Заинтересовавшись этимъ, онъ обратился съ вопросомъ о причинѣ нахожденія часового ко всѣмъ придворнымъ, но никто ему не могъ отвѣтить — всѣ говорили только, что такъ полагается по регламенту. Тогда онъ сталъ наводить справки въ С.-Петербургѣ у высшаго начальства и получилъ отвѣтъ, что постъ этотъ занимаетъ часовой уже болѣе 50 лѣтъ, и что въ приказахъ только значится: «сохранять постъ, находящійся въ 500 шагахъ отъ восточнаго павильона».

Пріѣзжая время отъ времени въ Царское Село и отправляясь осматривать почти каждый разъ загадочное мѣсто, охранявшееся часовымъ, генералъ малопо-малу заинтересовалъ этимъ вопросомъ всѣхъ и даже самую императрицу. И вотъ, однажды, онъ, наконецъ, узналъ отъ нея слѣдующее.

Оказалось, что часовой этотъ былъ поставленъ здѣсь по приказанію императрицы Екатерины II, которая, прогуливаясь какъ-то разъ по саду, замѣтила великолѣпную только что распустившуюся розу и, желая поднести ее на слѣдующій день въ подарокъ одному изъ своихъ внуковъ, приказала приставить къ ней часового, чтобъ никто ее до этого времени не сорвалъ. На слѣдующій день, однако, она забыла про понравившуюся ей розу, а часовой такъ и остался.

И вотъ, проходили годы, давно скончалась императрица, давно пропалъ и самый розовый кустъ, а часовые продолжали смѣняться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ когда-то росъ. Вскорѣ, однако, послѣ этого случая загадочный постъ часового былъ отмѣненъ и теперь уже болѣе не существуетъ.

Скажемъ еще, что такъ часто встрѣчающаяся у насъ фамилія Розановъ ведетъ свое начало также отъ розы. Одинъ изъ носящихъ эту фамилію сообщилъ намъ слѣдующее.

Извѣстный петровскій вельможа и первый русскій канцлеръ графъ Г. И. Головкинъ былъ страстный любитель садоводства, особенно же розъ. И вотъ. для того, чтобы разводить ихъ, онъ устроилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Клевинѣ (Серпуховскаго уѣзда), великолѣпный розовый садъ и для ухода за нимъ выписалъ даже изъ Англіи особаго садовника. Но одинъ англичанинъ не въ состояніи былъ управиться со всѣмъ садомъ, и потому ему было дано въ помощь нѣсколько русскихъ крѣпостныхъ, среди которыхъ одинъ вскорѣ такъ навострился въ уходѣ за розами, что перещеголялъ самого англичанина. Графъ былъ отъ него въ восторгѣ, отпустилъ его и всю его семью на волю и приказалъ ему именоваться Розановымъ. И вотъ отъ этого-то садовника и ведетъ свое начало большинство лицъ, носящихъ теперь эту фамилію.

IV.

Роза за послѣднее время.

Все, до сихъ поръ разсказанное нами о розѣ, касалось, главнымъ образомъ, розы центифольной и моховой — тѣхъ чудныхъ махровыхъ розъ, которыя составляли нѣкогда красу нашихъ старинныхъ помѣщичьихъ садовъ и парковъ.

Современныя розы — чайная, бурбонская, ремонтантная, со всѣми ихъ безчисленными гибридами, появились гораздо позднѣе. Это, большею частью, уже дѣти нашихъ дней.

Чайная роза, называемая такъ за свой дивный чайный запахъ, была привезена въ Европу лишь въ началѣ XIX столѣтія и притомъ розовая — въ 1860 году изъ Остъ-Индіи, а желтая — въ 1824 году изъ Китая.

Отъ помѣси этихъ-то двухъ видовъ и получились тѣ сотни, даже тысячи гибридовъ чайныхъ розъ, которые составляютъ красу нашихъ современныхъ цвѣтниковъ.

Сюда относятся — и знаменитая роза Maréchal Niel, La France, Caroline Testout, La belle Siebrecht, Gloire de Dijon, Souvenir d'un ami, Kaiserin и сотни другихъ.

Бурбонская была привезена съ острова Бурбонъ въ 1819 году, гдѣ кустики ея были случайно найдены директоромъ тамошняго Ботаническаго сада г. де-Бреонъ, а такъ называемая ремонтантная получилась отъ помѣси бенгальской розы, привезенной въ Европу въ 1789 г. изъ Кантона, съ сейчасъ упомянутой — чайной.

Гибриды, полученные отъ этихъ розъ, насчитываются также тысячами. Среди нихъ находятся такія красавицы, какъ Ульрихъ Бруннеръ, Paul Neyron, Victor Verdier, Американская красотка, фрау Друшки и т. д.

Всѣ эти чайныя, бурбонскія и ремонтантныя розы получали свои названія отъ городовъ, мѣстностей или лицъ, которымъ были посвящены, и потому многія изъ нихъ имѣютъ также свою интересную исторію.

Знаете ли вы, напр., прелестную, какъ бы изъ воска сдѣланную розовато-бѣлую розу, носящую названіе «Souvenir de la Malmaison» (память о Мальмезонѣ)?

Это дѣйствительно память о когда-то чудномъ садѣ экзотическихъ растеній замка Мальмезонъ, память объ устроившей его страстной любительницѣ розъ императрицѣ Жозефинѣ, первой женѣ Наполеона, его счастливой звѣздѣ, какъ ее когда-то называли. Покинутая, забытая Наполеономъ, бѣдная Жозефина, желая какъ-нибудь смягчить свое горе, ослабить тяжелую для себя разлуку съ человѣкомъ, котораго она обожала до послѣднихъ своихъ дней, увлеклась растеніями.

Собирая со всѣхъ концовъ міра интересныя растенія, она составила въ паркѣ Мальмезонъ коллекцію такихъ цвѣтовъ, какихъ до этого времени въ Европѣ не существовало.

Среди нихъ находилась и присланная ей съ острова Бурбона бурбонская роза, получившая названіе «Сувениръ де-ля-Мальмезонъ». Чудная эта роза и до сихъ поръ является прекраснымъ цвѣткомъ, несмотря на свое слишкомъ столѣтнее существованіе. Жозефина носила всегда эту розу въ волосахъ, когда у нея не было ея любимой фіалки.

Другой интересной розой является сочно-розовая, переходящая въ малиновый цвѣтъ, ремонтантная роза «Paul Neyron» — память объ одномъ молодомъ, подавав-

шемъ блестящія надежды, ліонскомъ студентѣ-медикѣ и въ то-же время страстномъ любителѣ розъ. Отправившись на войну съ Германіей, въ 1871 году, онъ не возвратился болѣе, погибнувъ смертью героя.

Узнавъ объ его отправленіи на защиту дорогого отечества, сосѣдъ его, садоводъ Левэ посвятилъ ему эту чудную, дѣйствительно обезсмертившую его имя розу, а когда онъ погибъ, то въ память его другую, не менѣе прелестную, — бланжевую, носящую названіе «Souvenir de Paul Neyron» — память о Полѣ Нейронъ.

Одной изъ прелестныхъ, несравненныхъ по своей красотѣ и необычайному обилію цвѣтовъ является также чайная роза «Маршалъ Ніель», посвященная этому военному герою, какъ память о его воинскихъ доблестяхъ во время Крымской кампаніи, гдѣ онъ командовалъ корпусомъ инженеровъ, а также и въ память торжественнаго открытія имъ Ботаническаго сада въ Монтобанѣ, гдѣ онъ присутствовалъ въ качествѣ предсѣдателя и страстнаго любителя розъ.

Но самая интересная въ историческомъ отношеніи изъ ремонтантныхъ розъ носитъ названіе «rose Chevette» — имя Шеве — садовода въ Баньоле, въ окрестностяхъ Парижа.

Шеве, жившій въ царствованіе Людовика XVI, былъ преданнѣйшимъ изъ роялистовъ. Онъ славился своимъ искусствомъ получать гибриды розъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающейся была роза, которую онъ окрестилъ своимъ именемъ — «Rose Chevette». Обширное его садоводство, всегда изобиловавшее самыми красивыми розами того времени, привлекало къ себѣ постоянно всеобщее вниманіе высокопоставленной публики и посѣщалось отборнымъ французскимъ обществомъ. Раза два или три въ годъ у него бывалъ даже и самъ король съ королевой Маріей-Антуанетой. Осчастливленный такой высокой, особенно для того времени, милостью, Шеве, само собой разумѣется, обожалъ и того, и другую.

Вдругъ разражается революція. Король гибнетъ на эшафотѣ, а Марію-Антуанету заключаютъ въ темницу въ Тампль.

Мысль о томъ, что обожаемая имъ королева томится въ темницѣ, что ей грозитъ, быть можетъ, также смертная казнь, не покидаетъ его ни на минуту. Онъ мучается и горитъ желаніемъ, какъ бы ей помочь.

И вотъ вдругъ ему сообщаютъ, что образовался тайный заговоръ освободить во что бы то ни стало королеву, и что на него разсчитываютъ, чтобы онъ какъ-нибудь нашелъ возможность извѣстить ее объ этомъ.

Что же дѣлаетъ Шеве? Онъ нарѣзаетъ великолѣпный букетъ своихъ чудныхъ розъ, кладетъ въ него записочку, извѣщающую королеву о часѣ и способѣ побѣга и, отправившись въ темницу, бросаетъ его ей черезъ ограду въ казематъ.

Но стража не дремлетъ. Замѣтивъ брошенный букетъ, она захватываетъ и букетъ, и записку.

Шеве арестуютъ, предаютъ суду и приговариваютъ къ смертной казни.

Возведенный уже на эшафотъ, Шеве однако не теряетъ энергіи. Передъ смертью онъ проситъ позволенія сказать нѣсколько словъ судьямъ, и когда это ему разрѣшаютъ, обращается къ нимъ съ просьбой, чтобы кто-нибудь изъ нихъ по его смерти взялъ себѣ на попеченіе его 17 дѣтей.

Пораженные этимъ неожиданнымъ сообщеніемъ, судьи рѣшаютъ подарить жизнь отцу такого многочисленнаго семейства, но подъ условіемъ (а условіе это вытекало изъ царившей въ то время страшной дороговизны съѣстныхъ припасовъ), чтобы онъ уничтожилъ весь свой садъ и всѣ розы, и засадилъ его картофелемъ.

Пришлось, конечно, согласиться и такимъ образомъ погибла и та самая красивая роза, которая составляла его славу. Но, погибнувъ для садоводства, она оставила память по себѣ въ лѣтописяхъ.

Одной изъ прелестнѣйшихъ новыхъ розъ считается также чудная розовая чайная, носящая названіе «Франціи» — «La France».

Роза эта играла неоднократно роль въ разныхъ проявленіяхъ патріотизма и выраженіяхъ международныхъ симпатій французовъ.

Когда въ 1888 году возникла во Франціи партія буланжистовъ, приверженцевъ генерала Буланже, мечтавшихъ поставить его во главѣ Франціи, то основанная графиней Парижской монархическая лига, не потерявшая надежду возвести когда-нибудь снова на французскій престолъ Бурбоновъ, избрала розу «La France» своей эмблемой въ противоположность буланжистамъ, избравшимъ своей эмблемой «красную гвоздику».

Когда монархистовъ спрашивали, отчего они избрали эту розу, а не старую эмблему Бурбоновъ — бѣлую лилію, — то они отвѣчали: царица цвѣтовъ — цвѣтокъ царицы (королевы). (La reine des fleurs est la fleur de la reine).

Кромѣ того, они сдѣлали себѣ изображеніе этого цвѣтка изъ золота и носили его — дамы въ видѣ броши, а мужчины въ видѣ булавки для галстука.

Та же роза служила привѣтомъ при прибытіи и встрѣчѣ графини Парижской и дочери ея Елены въ 1890 г. въ Клерво — замокъ герцога де-Люинъ, ея сына.

Весь экипажъ и гривы лошадей были убраны этими розами, а когда онѣ уѣзжали обратно въ Парижъ, то группа монархистовъ и представители монархической прессы поднесли имъ громадный, въ видѣ пука, букетъ этихъ дивныхъ розъ.

Та же прелестная роза послужила выраженіемъ симпатій Франціи къ Россіи при кончинѣ императора Александра III. На гробъ его былъ возложенъ присланный изъ Франціи чудный вѣнокъ изъ этихъ розъ въ перемѣжку съ фіалками «Le Tzar», а два года спустя, когда вдовствующая императрица Марія Өеодоровна, возвращаясь изъ Ниццы, была встрѣчена французскимъ президентомъ Форомъ въ Фруарѣ, то, какъ говоритъ dictionnaire de la rose, въ благодарность за любезное вниманіе, оказанное въ Ниццѣ больному цесаревичу Георгію Александровичу, милостиво дала ему розу «La France».

Съ гибридами же новыхъ розъ: «Оливье Метра», «Жоржъ Бараль» и «Эдуардъ Лефоръ» связано появленіе въ свѣтъ надѣлавшаго одно время столь много шума «Вальса розъ» Оливье Метра.

Знаменитый вальсъ этотъ, обошедшій затѣмъ весь міръ, былъ написанъ имъ для одного изъ парижскихъ литературныхъ собраній Арсена Гуссе, носившихъ названіе «желтаго дивана» — «le divan jaune».

Это было въ ноябрѣ 1886 года.

Въ этотъ день у Арсена Гуссе собрался весь цвѣтъ парижскихъ литераторовъ и садоводовъ на блестящій банкетъ, устроенный имъ по поводу посвященія вышеуказаннымъ лицамъ розистомъ Вердье трехъ новыхъ гибридовъ розъ.

Банкетъ вышелъ на славу. Желая въ свою очередь придать нѣкоторую торжественность этимъ крестинамъ и въ то же время отблагодарить Вердье за любезность, Оливье Метра посвятилъ свой новый вальсъ его «Розамъ» и во время банкета онъ былъ сыгранъ въ первый разъ...

Въ заключеніе скажемъ, что изъ выдающихся поэтовъ послѣдняго времени особенно любилъ и увлекался розами величайшій поэтъ XIX столѣтія — Викторъ Гюго. Онъ всегда говорилъ, что ничего такъ не желалъ бы, какъ умереть въ эпоху цвѣтенія розъ. И желаніе его исполнилось. Онъ умеръ какъ разъ въ концѣ мая, когда онѣ въ полномъ расцвѣтѣ; гробъ его буквально утопалъ въ розахъ.

Цвѣтокъ крови — гвоздика.

„Твой яркій цвѣтъ, что капля крови
Эмблема чести и свободы.
Тобой клялись, тебя любили
И храбрый воинъ, и поэтъ...“

Яркопунцовый, пріятно ласкающій взоръ цвѣтъ гвоздики имѣетъ въ себѣ, въ то же время, какъ будто, что-то зловѣщее, что-то напоминающее собою кровь; и на самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ исторія этого цвѣтка, какъ оказывается, связана съ цѣлымъ рядомъ кровавыхъ историческихъ событій, начиная даже съ самаго греческаго миѳа, повѣствующаго о его происхожденіи.

Разсказываютъ, что однажды богиня Діана, возвращаясь очень раздраженной послѣ неудачной охоты, повстрѣчалась съ красивымъ пастушкомъ, весело наигрывавшимъ на своей свирѣли веселую пѣсенку. Внѣ себя отъ гнѣва она укоряетъ бѣднаго пастушка въ томъ, что онъ разогналъ своей музыкой всю ея дичь, и грозится его убить. Пастушекъ оправдывается, клянется, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, и умоляетъ ее о пощадѣ. Но богиня, не помня себя отъ ярости, не хочетъ ничего слышать, набрасывается на него и вырываетъ у него глаза.

Тутъ только она приходитъ въ себя и постигаетъ весь ужасъ совершеннаго ею злодѣянія. Ее начинаетъ мучить раскаяніе, образъ кроткихъ, умоляющихъ о пощадѣ, глазъ пастушка преслѣдуетъ ее всюду и не даетъ ей ни минуты покоя; но поправить дѣла она уже не въ состояніи.

Тогда, чтобы увѣковѣчить эти такъ жалобно смотрѣвшіе на нее глаза, она бросаетъ ихъ на тро-

пинку, и въ ту же минуту изъ нихъ вырастаютъ двѣ красныя гвоздики, напоминающія разрисовкой своей (есть гвоздики, у которыхъ въ серединѣ находится нѣсколько похожее на зрачокъ пятно) совершенное злодѣяніе, а своимъ цвѣтомъ — невинно пролитую кровь.

Таково вступленіе гвоздики въ исторію человѣчества. Дальнѣйшая ея исторія во многомъ соотвѣтствуетъ началу. Но особенно выдающуюся роль она играетъ въ нѣкоторыхъ кровавыхъ событіяхъ Франціи.

Первое ея появленіе здѣсь относится еще ко временамъ Людовика IX святого, когда этотъ благочестивый король предпринялъ въ 1270 году послѣдній крестовый походъ и осадилъ со своими 60.000 рыцарей городъ Тунисъ.

Въ то время, какъ извѣстно, среди крестоносцевъ вдругъ разразилась страшная чума. Люди гибли, какъ мухи, и всѣ усилія врачей помочь имъ оказались тщетными. Тогда Людовикъ святой, твердо убѣжденный, что въ природѣ противъ всякаго яда существуетъ и противоядіе, и обладавшій, какъ говорятъ, нѣкоторымъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ, рѣшилъ, что въ странѣ, гдѣ такъ часто свирѣпствуетъ эта страшная болѣзнь, по всей вѣроятности, можно найти и излѣчивающее ее растеніе.

И вотъ онъ остановилъ свое вниманіе на одномъ прелестномъ, росшемъ на сухой, почти безплодной почвѣ цвѣткѣ. Его красивая окраска, его сильно напоминавшій собою пряную индійскую гвоздику запахъ, заставляютъ его предположить, что это и есть именно то растеніе, которое ему нужно.

Онъ велитъ нарвать какъ можно больше этихъ цвѣтковъ, дѣлаетъ изъ нихъ отваръ и начинаетъ поить имъ заболѣвающихъ. И — о, удивленіе! настой оказывается во многихъ случаяхъ цѣлительнымъ, и чума начинаетъ, какъ будто, немного ослабѣвать. Къ прискорбію, однако, не помогаетъ онъ, когда заболѣваетъ чумой самъ король, и Людовикъ IX вскорѣ становится ея жертвой.

Возвратясь на родину, обожавшіе своего добраго короля крестоносцы приносятъ съ собой на память о немъ и его гвоздику, которая съ этой поры становится во Франціи однимъ изъ любимѣйшихъ цвѣтовъ. Выказанную ею, однако, цѣлебность они приписываютъ не свойствамъ самаго растенія, а святости Людовика IX, котораго, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ этого (1297 г.) папа причисляетъ къ лику святыхъ. По этой же причинѣ, вѣроятно, и давшій ей много столѣтій спустя научное названіе извѣстный

ботаникъ Линней называетъ ее — Dianthus, т.-е. божественный цвѣтокъ.

Проходитъ нѣсколько столѣтій, и гвоздика снова появляется въ исторіи Франціи.

На этотъ разъ она является любимымъ цвѣткомъ Великаго Конде (Людовика II Бурбонскаго), — знаменитаго полководца и побѣдителя испанцевъ въ битвѣ при Рокруа (1649 г.).

Будучи заключенъ, благодаря интригамъ кардинала Мазарини, въ Венсенскую тюрьму, Конде, не зная, что дѣлать, занялся здѣсь садоводствомъ и посадилъ на маленькой грядкѣ у своего окна нѣсколько гвоздикъ. Увлекшись ихъ красотою, онъ такъ ухаживалъ за ними, съ такою любовью растилъ ихъ, что каждый разъ, какъ распускался новый цвѣтокъ, онъ гордился имъ не менѣе, чѣмъ своими побѣдами. Словомъ, цвѣтокъ этотъ замѣнилъ ему здѣсь отсутствующихъ его друзей и сдѣлался единственымъ его утѣшеніемъ.

Современная Конде французская поэтесса м-мъ Скюдери, посѣтившая его какъ разъ въ это время въ темницѣ и бывшая свидѣтельницей того, какъ онъ лелѣялъ эти цвѣты, написала на память объ этомъ слѣдующія строки:

„En voyant ces oeillets qu'un illustre guerrier
Arrose d'une main qui gagna des batailles
Souviens—toi qu'Apollon bâtissait des murailles
Et ne t'étonne pas que Mars soit jardinier..."

(При видѣ этихъ гвоздикъ, которыхъ славный воинъ поливаетъ своей побѣдоносной (выигравшей столько сраженій) рукой, вспомни, что и Аполлонъ строилъ стѣны, и не дивись видѣть Марса садоводомъ).

Между тѣмъ жена его, урожденная де-Майль-Бризъ, племянница знаменитаго Ришелье и женщина чрезвычайно энергичная, не оставалась въ бездѣйствіи. Она подняла возстаніе въ провинціи, склонила на сторону Конде палату въ Бордо и добилась, наконецъ, того, что его освободили изъ темницы. Узнавъ объ этой неожиданной для него радости, Конде пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ: «Не чудеса ли! Въ то время какъ испытанный воинъ ростить старательно свои гвоздики, жена его ведетъ ожесточенную политическую войну и выходитъ изъ нея побѣдительницей!»

Съ этой поры красная гвоздика становится эмблемой приверженцевъ Конде и служитъ выраженіемъ ихъ самоотверженной преданности не только ему самому, но и всему дому Бурбоновъ, изъ котораго онъ происходитъ.

Особенно эту послѣднюю роль она стала играть во времена французской революціи 1793 года, когда невинныя жертвы террора, идя на эшафотъ, украшали себя красной гвоздикой, желая показать, что онѣ умираютъ за своего дорогого короля и безстрашно смотрятъ въ глаза смерти. Въ это страшное время цвѣтокъ этотъ носитъ названіе гвоздики ужаса (oeillet d'horreur).

Въ это же время онъ получаетъ особое значеніе и среди крестьянскаго населенія Франціи.

Букетиками изъ такихъ гвоздикъ одѣляютъ теперь крестьянскія дѣвушки отправляющихся на войну парней своихъ деревень, выражая имъ тѣмъ самымъ пожеланіе, какъ можно скорѣе возвратиться побѣдителями и невредимыми. Да и сами — какъ молодые, такъ и старые, наполеоновскіе солдаты вѣрятъ въ чудодѣйственность этого цвѣтка и бережно хранятъ его при себѣ, считая его талисманомъ противъ вражескихъ пуль и возбуждающимъ храбрость въ битвѣ средствомъ. Сколько, какъ говорятъ, такихъ букетиковъ находили потомъ на поляхъ битвъ на груди храбрецовъ, которымъ не суждено было болѣе увидѣть своей родины!

Вообще понятіе о храбрости и беззавѣтной отвагѣ были настолько связаны — какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ — съ этимъ цвѣткомъ, что Наполеонъ I, учреждая 15 мая 1802 года орденъ «Почетнаго легіона», избралъ даже цвѣтъ гвоздики цвѣтомъ ленты этого высшаго французскаго знака отличія и тѣмъ самымъ увѣковѣчилъ съ одной стороны роль ея въ исторіи Франціи, а съ другой — и ту любовь, которую питалъ къ ней исконі французскій народъ.

Замѣтимъ кстати, что, кромѣ Конде, гвоздика пользовалась во Франціи еще любовью и бѣднаго короля Рене, который, будучи лишенъ Людовикомъ XI своего отцовскаго наслѣдія — герцогства Анжу, удалился въ городъ Э (Aix), въ Провансѣ, и занялся тамъ разведеніемъ гвоздики. Начатая имъ здѣсь культура этого цвѣтка такъ увлекла впослѣдствіи многихъ гражданъ этого городка, что и понынѣ, несмотря на то, что протекли съ тѣхъ поръ цѣлыя столѣтія, городъ Э славится своими гвоздиками.

Гвоздика же была любимымъ цвѣткомъ и тщеславнаго герцога Бургундскаго, внука Людовика XV, который въ юные годы мнилъ себя великимъ садоводомъ. Этому самомнѣнію много содѣйствовалъ, какъ говорятъ, одинъ изъ придворныхъ льстецовъ, который каждый разъ, какъ этотъ принцъ сажалъ гвоздику, въ ту же ночь замѣнялъ

ее гвоздикой въ полномъ цвѣту и увѣрялъ, что принцъ обладаетъ такимъ магическимъ вліяніемъ на природу, что посаженное имъ растеніе развивается въ одну ночь. И какъ ни странно это можетъ показаться, но принцъ былъ настолько ослѣпленъ своимъ величіемъ, что вполнѣ вѣрилъ этой баснѣ...

Наконецъ, сроднившись съ орденомъ Почетнаго легіона, красная гвоздика въ 1815 году, когда наступаетъ вторая реставрація, измѣняетъ свое значеніе и становится эмблемой приверженцевъ Наполеона, между тѣмъ какъ роялисты, особенно пажи и гвардейцы, избираютъ своей эмблемой — бѣлую.

Это избраніе эмблемъ не замедливаетъ, конечно, явиться предметомъ постоянныхъ кровавыхъ столкновеній между сторонниками той и другой партіи, которыя кончаются часто очень печально.

Примѣромъ можно привести исторію несчастнаго молодого Сенъ-При, пажа Людовика XVIII:

Однажды онъ пріѣхалъ въ гости къ своей теткѣ, статсъ-дамѣ герцогини д'Ангулемъ, безъ всякой гвоздики.

«Какъ, ты не носишь никакой эмблемы?» спросила она его съ усмѣшкой; «развѣ ты боишься бонапартистовъ?»

Въ это время какъ разъ входила герцогиня д'Ангулемъ. Услышавъ эти слова, она сказала: «Упреки вашей тетушки несправедливы. Я знаю, что вы, Г. Сенъ-При, какъ Баяръ, — рыцарь безъ страха и упрека и преданы намъ всей душой».

И говоря это, она взяла изъ находившагося тутъ же букета бѣлыхъ гвоздикъ одну и воткнула ее въ петлицу Сенъ-При.

«Глубоко тронутъ вниманіемъ Вашего Высочества», отвѣчалъ, кланяясь Сенъ-При; «можете быть увѣрены, что я докажу, что вы правы».

Вечеромъ, гуляя съ подаренной ему бѣлой гвоздикой въ петлицѣ на бульварѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, онъ повстрѣчался съ группой офицеровъ-бонапартистовъ, имѣвшихъ красную гвоздику въ петлицѣ.

«Очень маркій цвѣтъ, господа, который вы носите», говоритъ дерзко одинъ изъ нихъ.

«Да, правда, слишкомъ маркій, чтобы вы могли его носить», отвѣчаетъ Сенъ-При.

Моментально завязывается ссора. Офицеръ выхватываетъ свою шпагу, Сенъ-При — свою. Шпаги скрещиваются, и начинается поединокъ.

Къ несчастью, офицеръ, вызвавшій ссору, оказывается извѣстнымъ бреттеромъ, и молодой Сенъ-При, несмотря

на всю свою отвагу, не въ состоянiи долго ему противиться.

Пораженный прямо въ грудь, онъ падаетъ на землю какъ разъ въ то время, какъ подбѣгаетъ военный патруль, чтобы разнять ихъ.

Замѣтивъ солдатъ, офицеры разбѣгаются, оставивъ Сенъ-При одного.

Поднятый своими товарищами, раненный Сенъ-При былъ положенъ въ карету и отвезенъ въ училище.

Случайно, въ то время, какъ его подвозили къ училищу, проѣзжала мимо и его тетка съ принцессой д'Ангулемъ.

Не замѣтивъ его блѣдности, но видя на груди окрасившуюся отъ залившей ее крови въ красный цвѣтъ гвоздику, она воскликнула:

«Стыдъ, стыдъ! Негодный, онъ насъ срамитъ, онъ носитъ красную гвоздику!»

«Да, сударыня», отвѣчаетъ слабымъ голосомъ Сенъ-При, «красную, но по прежнему чистую»; она окрашена моей кровью».

«Боже мой», говоритъ, замѣтивъ кровь, растерявшаяся принцесса, да вѣдь, онъ раненъ»; «бѣдное дитя, — это я его убила!..»

Въ тотъ же вечеръ пажъ скончался, выразивъ передъ смертью желанiе, чтобы въ гробъ ему положили и убившую его гвоздику...

И такихъ сценъ за это время было много.

Такова роль гвоздики въ исторiи Францiи. Не менѣе интересную роль она играетъ и въ другихъ государствахъ.

Въ Англiи она появляется лишь въ XVI столѣтiи и съ перваго же своего появленiя завоевываетъ симпатiи царствовавшей въ это время королевы Елизаветы и всей англiйской аристократiи. Ее разводятъ въ садахъ, разводятъ и въ теплицахъ. Королева Елизавета не разстается съ ней и появляется съ ней всюду — какъ запросто, такъ и въ торжественныхъ собранiяхъ. Ея примѣру, конечно, слѣдуетъ и весь ея дворъ.

За цвѣты ея платятъ громадныя, особенно для этого времени, цѣны — по гинеѣ (10 руб.) за цвѣтокъ, а небольшой вѣнокъ изъ гвоздикъ герцогини Девонширской, вздумавшей украсить себѣ голову этими цвѣтами въ день одного придворнаго празднества, обходится ей ни болѣе, ни менѣе, какъ въ 1000 рублей.

Интересно, что гвоздика — любимый цвѣтокъ и теперешней герцогини Девонширской, которая, какъ говорятъ, не только постоянно носитъ эти цвѣты въ бу-

тоньеркѣ, но и не допускаетъ иныхъ цвѣтовъ ни въ букетахъ, которые украшаютъ ея комнаты, ни въ букетахъ, которыми убираютъ ея обѣденные столы.

Первымъ, начавшимъ разводить гвоздику въ Англіи, былъ придворный садовникъ Герардъ, получившій ее откуда-то изъ Польши. Это было въ 1597 году. А въ 1629 году число ея видовъ въ Англіи возросло уже до 50, которые, прославившійся ея разведеніемъ, садоводъ Паркинсонъ дѣлитъ на махровые — carnation и на мелкіе, простые gilly flowers. Среди этихъ сортовъ особенно славился въ то время sweet William, названный имъ такъ въ честь Шекспира, который въ своей «Зимней сказкѣ» заставляетъ говорить о гвоздикахъ Пердиту:

„The fairest flowers o'the season
Are our carnations and streaked gilly flowers".

(Прелестнѣйшіе цвѣты лѣта — это махровыя гвоздики и пестрыя гвоздички).

О гвоздикѣ не разъ упоминаютъ также и другіе знаменитые англійскіе поэты Чаусеръ, Мильтонъ, Спенсеръ и, воспѣвая флору, они никогда не пропускаютъ случая воспѣть и гвоздику съ ея божественнымъ запахомъ.

„The pink of smells divine..."

Будучи во Франціи, и особенно въ Англіи, любимицей, главнымъ образомъ, высшихъ сословій и наиболѣе богатыхъ классовъ государства, въ Бельгіи гвоздика, наоборотъ, сдѣлалась любимицей бѣдняковъ, простонародья, — цвѣткомъ чисто народнымъ.

Здѣсь уходу за нимъ посвящали всѣ свои краткіе досуги горнорабочіе, труженики, работавшіе день и ночь въ каменноугольныхъ копяхъ. Цвѣтокъ этотъ представлялъ для нихъ главную усладу въ ихъ безотрадной жизни, и, выйдя изъ подземнаго мрака, изъ мѣста, гдѣ имъ каждую минуту грозила смерть, на свѣтъ Божій, они съ любовью останавливали свой взоръ на этомъ чудномъ цвѣткѣ, который какъ бы говорилъ имъ, что и для нихъ существуютъ радости. Они слѣдили за его развитіемъ, стараясь его усовершенствовать, перещеголять красотой его формъ и цвѣта цвѣты своихъ сосѣдей.

Среди нихъ возникло даже своего рода соревнованіе, соперничество, которое заполняло пустоту ихъ обыденной жизни и создавало имъ въ ней новую цѣль, новое развлеченіе. Пьянство, разгулъ, развратъ — всѣ эти неизбѣжные спутники праздности и безцѣльнаго существованія рабочаго въ замѣтной степени ослабли,

а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и совсѣмъ исчезли; и такимъ образомъ скромный цвѣтокъ этотъ сдѣлалъ здѣсь то, чего не могутъ достигнуть въ другихъ государствахъ никакія проповѣди, никакія увеселенія.

Страсть эта къ гвоздикѣ сохранилась въ простонародьѣ въ Бельгіи и до сихъ поръ, и не только сохранилась, но даже еще и распространилась на тѣ классы, которые прежде ею не интересовались. Теперь гвоздика представляетъ здѣсь предметъ тщательныхъ заботъ и ухода уже не однихъ углекоповъ, но и другихъ рабочихъ. Теперь культура ея проникла до самыхъ отдаленныхъ мѣстечекъ Арденнъ, и кому приходилось когда-нибудь бывать въ Спа, Вервье и даже Ахенѣ, тотъ, я увѣренъ, былъ не мало пораженъ видѣть на окнахъ каждаго маленькаго рабочаго домика, каждой бѣдной хижины, гвоздику въ такихъ чудныхъ экземплярахъ и такихъ сортахъ, какіе можно рѣдко встрѣтить даже и въ образцовыхъ садовыхъ заведеніяхъ. Великолѣпные цвѣты эти, по бѣдности ихъ владѣльцевъ, не имѣютъ часто даже порядочныхъ горшковъ, а сидятъ просто въ разбитыхъ черепкахъ и, тѣмъ не менѣе, цвѣтутъ роскошно.

Вообще гвоздика сдѣлалась здѣсь символомъ благоустроеннаго домашняго очага, родительской любви и родительскихъ заботъ; и молодой рабочій, отправляясь на тяжелый трудъ на чужбину, встрѣчая здѣсь цвѣтокъ этотъ, соединяетъ съ нимъ всегда воспоминаніе объ отеческомъ домѣ. Въ день его благословенья мать подноситъ ему букетъ изъ гвоздикъ, какъ единственное сокровище и украшеніе, которое она можетъ ему дать; онъ, въ свою очередь, сажаетъ кустъ гвоздики на ея бѣдную могилку, какъ послѣднее выраженіе его глубокой сыновней любви. Букетъ же изъ гвоздикъ служитъ и первымъ подаркомъ, первымъ выраженіемъ любви молодого рабочаго своей невѣстѣ.

Все это вмѣстѣ взятое служитъ причиной также и того, что на многихъ картинахъ старинныхъ голландскихъ мастеровъ мы, то и дѣло, встрѣчаемъ женщинъ съ букетомъ гвоздикъ въ рукахъ, а на одной изъ картинъ въ Феррарскомъ соборѣ видимъ съ букетомъ этихъ цвѣтовъ даже и святыхъ. Изображеніе гвоздикъ встрѣчается, наконецъ, нерѣдко и на знаменитыхъ брюссельскихъ кружевахъ, особенно же не дорогихъ.

Не меньшую любовь къ гвоздикѣ питали одно время также и нѣмецкіе рабочіе въ Тюрингенѣ, у которыхъ страсть къ этому цвѣтку доходила до того, что за новый, красивый сортъ они нерѣдко отдавали половину своего

заработка, отдавали свою послѣднюю козу — часто главную кормилицу всей ихъ семьи.

Но, вообще, въ Германіи гвоздика не пользовалась особой народной любовью, хотя и служила всегда символомъ постоянства и вѣрности, такъ какъ цвѣты ея, какъ извѣстно, даже будучи засушены, часто сохраняютъ свою окраску. Одно нѣмецкое двустишіе говоритъ о ней:

„Nelke, du wandelst die Farbe nicht eh',
Als der Tod dich entblättert...“

(Гвоздика, ты теряешь свой цвѣтъ не раньше, чѣмъ смерть тебя не растреплетъ).

Вошедшее за послѣднее время въ обычай въ Вѣнѣ поминальное шествіе рабочихъ въ память борцовъ за свободу въ 1848 году также украшается красными гвоздиками. Шествіе это привлекаетъ обыкновенно десятки тысячъ публики и происходитъ ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ.

За нѣсколько дней до торжества, черезъ газеты объявляется маршрутъ — какой, гдѣ и въ какое время группѣ собраться и тронуться въ путь съ тѣмъ расчетомъ, чтобы сойтись съ остальными группами въ узловомъ пунктѣ, откуда идетъ прямая, верстъ въ шесть, дорога къ кладбищу.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ продолжается иногда прохожденіе многочисленныхъ ферейновъ передъ воздвигнутымъ на могилѣ борцовъ за свободу обелискомъ съ горящимъ факеломъ. Подойдя къ нему, представители каждаго ферейна кладутъ свой вѣнокъ, а остальные участники усыпаютъ могилу красовавшимися до сихъ поръ въ ихъ петлицахъ красными гвоздиками.

Тутъ же, у обелиска и наиболѣе извѣстные ораторы партіи произносятъ свои рѣчи.

Съ меньшей симпатіей, однако, относились къ гвоздикѣ нѣмецкіе поэты, и въ то время, какъ у французовъ существуетъ особый сортъ ея, которому дано громкое названіе гвоздики поэта — oeillet de poète, у нѣмцевъ она слыветъ за цвѣтокъ тщеславія, пустоты, тѣлесной красоты и сравнивается съ красивой, но пустой женщиной. Такъ напр. Гёте говоритъ:

„Nelken! Wie find' ich euch schön! Doch alle gleicht ihr einander,
Unterscheidet euch kaum, und ich entscheide mich nicht...“

(Гвоздики! Какъ вы прекрасны! Но вы всѣ схожи, едва отличишь одну отъ другой, и я не знаю какую выбрать).

Въ Германію гвоздика была ввезена еще Карломъ V изъ Туниса, когда онъ, заставивъ отступить Солимана, возстановилъ на тронѣ прежняго султана и освободилъ 22.000 христіанскихъ рабовъ. Какъ воспоминаніе объ этихъ одержанныхъ имъ здѣсь побѣдахъ и о рыцарскихъ подвигахъ его воиновъ, цвѣтокъ этотъ былъ любимымъ его цвѣткомъ и составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ его дворцовыхъ садовъ.

Переходя къ Италіи, мы видимъ, что и здѣсь гвоздика такъ пришлась всѣмъ по вкусу, что во время ея цвѣтенія не бываетъ народнаго празднества, когда молодыя итальянскія крестьянки не украшали бы себѣ ея цвѣтами грудь и не закалывали бы ея пунцовыхъ цвѣтовъ въ свои черные волосы.

И здѣсь цвѣтокъ этотъ слылъ всегда, да и теперь слыветъ за талисманъ любви. И нерѣдко, проходя мимо поставленнаго на перекресткѣ дорогъ изображенія Мадонны, можно видѣть деревенскую красавицу, молящуюся съ цвѣтами гвоздикъ въ рукѣ. Это она молится о счастливомъ пути и благополучномъ возвращеніи своего возлюбленнаго, которому предстоитъ переправляться черезъ столь опасныя, вслѣдствіе массы встрѣчающихся въ нихъ бандитовъ, горы, и проситъ у Мадонны благословить цвѣты, которые должны служить ему талисманомъ противъ всякаго рода бѣдъ. Какъ только все будетъ готово къ отъѣзду, она пришпилетъ ему эти цвѣты на грудь и будетъ покойна: они защитятъ его отъ всякой напасти...

Въ Болоньѣ же гвоздика считается почему-то цвѣткомъ апостола св. Петра, и 29 іюня, въ день его памяти, ея цвѣтами украшаются всѣ церкви и весь городъ. Въ этотъ день вы не встрѣтите здѣсь ни одной молодой женщины, ни одного молодого человѣка, у которыхъ бы не было этого цвѣтка въ рукахъ, на груди, въ волосахъ или въ петлицѣ. Въ этотъ день его носятъ въ петлицѣ даже старики и солдаты.

Введенная въ Италію столѣтіемъ раньше, чѣмъ въ Бельгію, гвоздика здѣсь такъ прижилась и размножилась, что считается многими за дикое итальянское растеніе, и только историческая запись, что она была воздѣлываема въ 1310 году Матвѣемъ Сильватика, въ числѣ привезенныхъ съ востока растеній, и затѣмъ разведена въ садахъ Медичисовъ, показываетъ, что это растеніе не туземное.

Это подтверждается нѣкоторымъ образомъ также еще и нахожденіемъ ея изображенія въ гербѣ древней итальянской фамиліи графовъ Ронсекко.

Гвоздика эта, по преданію, попала сюда, какъ память о цвѣткѣ, который дала на счастье графиня Маргарита Ронсекко своему жениху графу Орландо, когда, наканунѣ ихъ свадьбы онъ долженъ былъ внезапно отправиться во Святую Землю, чтобы принять участіе въ освобожденіи гроба Господня отъ сарацинъ.

Долгое время послѣ этого о немъ не было ни слуха, ни духа; но потомъ, одинъ изъ крестоносцевъ принесъ Маргаритѣ печальную вѣсть, что Орландо палъ въ битвѣ, и передалъ ей найденный на немъ локонъ ея бѣлокурыхъ волосъ, который Орландо взялъ съ собой, какъ талисманъ, и вмѣстѣ съ локономъ совсѣмъ изсохшій цвѣтокъ гвоздики, превратившійся отъ пропитавшей его крови Орландо, изъ бѣлаго въ красный.

Разсматривая цвѣтокъ, Маргарита замѣтила, что въ немъ образовались сѣмена, которыя, можетъ быть, уже созрѣли.

Тогда въ память своего дорогого жениха она рѣшилась посѣять ихъ.

Сѣмена оказались дѣйствительно зрѣлыми, взошли и развились въ гвоздичное растеніе, которое зацвѣло.

Но цвѣты ихъ, вмѣсто чисто-бѣлыхъ, какимъ былъ данный Маргаритой на память цвѣтокъ, имѣли по срединѣ красное, кроваваго цвѣта, пятно, чего до этого времени въ мѣстныхъ гвоздикахъ не замѣчалось.

Пятна эти были слѣдомъ какъ бы крови Орландо, какъ бы памятью о великой, принесенной имъ, жертвѣ, — о пожертвованіи счастьемъ всей его жизни долгу истинно вѣрующаго христіанина.

И вотъ составители герба учли этотъ его великій подвигъ и внесли обагренный его кровью цвѣтокъ въ гербъ той, которая была для него дороже всего на свѣтѣ.

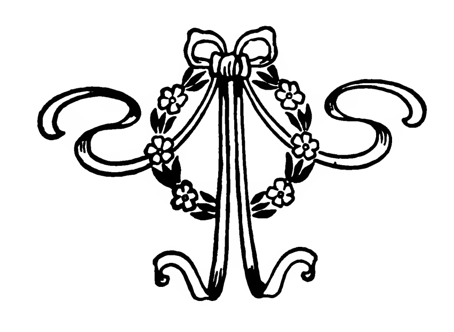
Въ заключеніе скажемъ, что и въ Испаніи гвоздика играетъ не меньшую роль въ жизни молодыхъ людей, чѣмъ въ Италіи, особенно же въ Валенсіи, гдѣ ее даже искусственно заставляютъ цвѣсти почти круглый годъ.

Наибольшую цѣнность она имѣетъ здѣсь въ декабрѣ, когда за одинъ цвѣтокъ ея галантные кавалеры платятъ нерѣдко по 6 реаловъ и болѣе. Поднести подобный цвѣтокъ въ это время прелестной доньѣ считается верхомъ любезности.

Гвоздики эти, хотя и всѣ красныя, имѣютъ, однако, нѣсколько разныхъ оттѣнковъ, которые служатъ для влюбленныхъ испанцевъ способомъ переговоровъ и назначенія часовъ для свиданія. Выходя изъ церкви, прелестная донья, какъ бы невзначай, откидываетъ край своей

мантильи и показываетъ слѣдящему зорко своему аморозо пришпиленную на груди гвоздику, по оттѣнку которой онъ узнаетъ часъ, когда ему можно будетъ свидѣться съ ней.

Сопутствующая ей дуэнья дѣлаетъ, обыкновенно, видъ, что ничего не замѣчаетъ — потому что, вѣдь, и она была молода и она, въ свое время, переговаривалась посредствомъ гвоздики...

Цвѣтокъ императрицы Жозефины и эмблема Наполеонидовъ — фіалка.

„La plus humble des fleurs sera la plus superbe...“
Desmarets.

Чудный, ни съ чѣмъ несравнимый, по своей нѣжности, запахъ фіалки и пріятное сочетаніе изящной лиловой окраски цвѣтка съ сочной, яркой зеленью листьевъ, сдѣлали маленькую фіалку уже съ незапамятныхъ временъ любимицей человѣка. Она возникла, по словамъ одной восточной легенды, изъ слезъ благодарности Адама, когда, въ бытность его на островѣ Цейлонѣ, архангелъ Гавріилъ принесъ ему радостную вѣсть о прощеніи ему Господомъ его грѣховъ.

Другая легенда разсказываетъ, что когда однажды богъ солнца Аполлонъ преслѣдовалъ своими жгучими лучами одну изъ прекрасныхъ дочерей Атласа, бѣдная дѣвушка обратилась къ Зевсу съ мольбой укрыть и защитить ее. И вотъ великій громовержецъ, внявъ ея мольбамъ, превратилъ ее въ чудную фіалку и укрылъ ее въ тѣни своихъ кущъ, гдѣ она съ тѣхъ поръ каждую весну цвѣла и наполняла своимъ благоуханіемъ небесные лѣса.

Здѣсь, можетъ-быть, этотъ прелестный цвѣтокъ остался бы и навсегда и никогда не попалъ бы къ намъ на землю, не случись, что Прозерпина, дочь Зевса и Цереры, отправившись въ лѣсъ за цвѣтами, была похищена внезапно появившимся Плутономъ какъ разъ въ то время, когда она рвала фіалки. Въ испугѣ она выронила изъ рукъ нарванные ею цвѣты на землю... и

вотъ эти-то фіалки и послужили прародительницами тѣхъ фіалокъ, которыя растутъ у насъ и понынѣ.

Связанная, такимъ образомъ, съ воспоминаніемъ о похищеніи Прозерпины Плутономъ, фіалка считалась у грековъ цвѣткомъ печали и смерти, которымъ украшали поэтому какъ смертное ложе, такъ и могилы молодыхъ, безвременно погибшихъ дѣвушекъ.

Но съ другой стороны, какъ подарокъ Прозерпины, какъ вѣсть, подаваемая ей каждой весной своей матери Церерѣ, она служила у грековъ въ то же время и эмблемой ежегодно оживающей весной природы и девизомъ Аѳинъ, которыя Пиндаръ воспѣвалъ, какъ увѣнчанный фіалками городъ, а ваятели и живописцы изображали въ видѣ женщины съ вѣнкомъ изъ фіалокъ на головѣ.

Вѣнками и букетами изъ фіалокъ греки любили украшать сверхъ того себя, свои жилища и статуи своихъ домашнихъ боговъ, а также увѣнчивали ими ежегодно, въ день весенняго праздника, всѣхъ достигшихъ трехлѣтняго возраста дѣтей, желая тѣмъ, какъ говоритъ Пасхалій, показать, что беззащитные для нихъ годы прошли, и что они вступаютъ теперь въ жизнь въ качествѣ маленькихъ гражданъ.

Вообще, фіалка является любимѣйшимъ цвѣткомъ древнихъ грековъ.

Гомеръ, желая изобразить какъ можно ярче всю прелесть грота нимфы Каллипсо, говоритъ, что онъ былъ изубранъ столь чудными фіалками, что даже вѣчно спѣшащій и ни предъ чѣмъ не останавливающійся Меркурій и тотъ не могъ не замедлить своего шага.

Фіалкой интересовались не менѣе грековъ и римляне.

Они употребляли ее въ качествѣ цѣлебной травы, а также прибавляли въ вино, которое получало тогда названіе весенняго напитка. Безъ фіалокъ у нихъ не обходилось почти ни одно радостное событіе, ни одно религіозное празднество, а потому окрестности Рима, какъ и окрестности Аѳинъ, представляли изъ себя цѣлыя плантаціи фіалокъ, на что не мало сѣтуетъ даже Плиній, говоря, что лучше бы римляне сдѣлали, если бы вмѣсто безполезныхъ цвѣтовъ засаживали бы ихъ полезными оливковыми рощами.

Ихъ воспѣвали также лучше римскіе поэты, а городъ Генна въ Сициліи имѣлъ даже изображеніе фіалки на своихъ монетахъ.

Съ фіалкой мы встрѣчаемся далѣе и въ легендахъ древне-вендской миѳологіи, гдѣ ей приписывается даже нѣкоторое магическое вліяніе.

Мрачный вендскій богъ Чернобогъ, — говоритъ одно изъ этихъ сказаній — владѣлъ великолѣпнымъ замкомъ и прелестной дочерью.

Но вотъ пришли христіанскіе проповѣдники; они уничтожили его силу, превратили его чудный замокъ въ скалу, а его красавицу дочь въ фіалку, которая зацвѣтаетъ лишь разъ въ сто лѣтъ. И кому посчастливится сорвать теперь эту фіалку, тотъ женится на красивѣйшей и богатѣйшей изъ невѣстъ страны и будетъ всю жизнь счастливѣйшимъ изъ людей.

Въ воспоминаніе объ этомъ преданіи въ среднихъ вѣкахъ въ южной Германіи праздновали каждую весну тотъ день, въ который находили первую фіалку.

Виновницу торжества прикрѣпляли къ громадному шесту посреди зеленой лужайки, и старъ и младъ собирались, чтобы попѣть, поплясать и повеселиться. Всѣ радовались выйти наконецъ изъ тѣсныхъ душныхъ закутъ, въ которыхъ приходилось проводить зиму, и, собравшись вмѣстѣ, подышать свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ и насладиться чуднымъ зрѣлищемъ оживающей природы.

Этотъ обычай далъ однажды даже, въ царствованіе Оттона-Радостнаго, поводъ въ окрестностяхъ Вѣны къ кровавой распрѣ между рыцаремъ Нитгардтомъ Фуксомъ и крестьянами, — распрѣ, воспѣтой средневѣковымъ поэтомъ, мейстерзенгеромъ Гансомъ Саксомъ, а въ недавнее время Анастасіемъ Грюномъ.

Нитгардтъ нашелъ однажды весною случайно въ одномъ лѣсу на Дунаѣ первую фіалку и, прикрывъ ее своей шляпой, поспѣшилъ отправиться къ герцогу, чтобы извѣстить его о своей счастливой находкѣ и пригласить его и весь дворъ на «праздникъ весны».

Тѣмъ временемъ какой-то крестьянинъ, проходя по тому же самому мѣсту и, замѣтивъ среди поля рыцарскую шляпу, полюбопытствовалъ посмотрѣть, что подъ ней, и, найдя тамъ фіалку, поспѣшно сорвалъ ее, а на мѣсто ея положилъ кучу сора. Затѣмъ, прикрывъ все шляпой, какъ ни въ чемъ ни бывало удалился.

Между тѣмъ герцогъ Оттонъ, пригласивъ всѣхъ дамъ, всю свою свиту на праздникъ, торжественно явился на мѣсто, гдѣ росла фіалка. Но когда Нитгардтъ поднялъ шляпу, то, ко всеобщему удивленію, на мѣстѣ фіалки оказалась куча грязи. Взбѣшенные вѣнцы рѣшили, что Нитгардтъ сдѣлалъ это имъ въ насмѣшку, и пришли въ

такое раздраженіе, что бѣдный Нитгардтъ успѣлъ спастись отъ ихъ гнѣва, благодаря только быстротѣ своего коня.

Обиженный, огорченный Нитгардтъ недоумѣвалъ, какъ это могло случиться, какъ вдругъ, отъѣхавъ немного далѣе, увидѣлъ свою фіалку, прикрѣпленную къ шесту, и цѣлую толпу танцующихъ и веселящихся вокругъ нея крестьянъ. Выхвативъ мечъ изъ ноженъ, онъ устремился на нихъ, сталъ ихъ разгонять и, изранивъ многихъ, остался на мѣстѣ танцевъ побѣдителемъ. Съ этихъ поръ онъ получилъ прозвище «Bauernfeind» — врага крестьянъ.

Послѣ грековъ фіалка ни у кого не пользовалась такою любовью, какъ у древнихъ галловъ, у которыхъ она служила символомъ невинности, скромности и дѣвственности, вслѣдствіе чего ею посыпали брачное ложе новобрачныхъ и украшали могилу безвременно погибшей невѣсты.

Отъ галловъ эта любовь къ фіалкѣ перешла и къ ихъ потомкамъ — французамъ, у которыхъ, во времена извѣстныхъ подъ названіемъ jeux floraux — поэтическихъ состязаній, происходившихъ ежегодно въ Тулузѣ, одной изъ высшихъ наградъ служила золотая фіалка.

Установленныя въ 1323 году, состязанія эти отличались особеннымъ блескомъ въ 1490 году, когда во главѣ ихъ стала знаменитая красавица Клемансъ Изоръ, ставившая фіалку выше всѣхъ цвѣтовъ и пославшая даже этотъ цвѣтокъ своему томившемуся въ плѣну у невѣрныхъ рыцарю, какъ эмблему своей вѣчной вѣрности и постоянства.

Фіалка не разъ воспѣвалась также французскими поэтами, и жившій въ царствованіе Людовика XIV поэтъ Демаре (Desmarets), посылая знаменитой основательницѣ литературныхъ вечеровъ Жюли де-Рамбулье вѣнокъ изъ фіалокъ, заставляетъ этотъ цвѣтокъ говорить о себѣ слѣдующее:

„Franche d'ambition je me cache sous l'herbe
Modeste en ma couleur, modeste en mon sejour:
Mais si sur votre front je puis me voir un jour
La plus humble des fleurs sera la plus superbe“.

(Не обладая честолюбіемъ, я прячусь въ травѣ, скромная по своей окраскѣ, я скромна и въ выборѣ мѣста; но если когда-либо я увижу себя на вашемъ челѣ, то изъ самаго скромнаго цвѣтка я превращусь въ самый гордый).

Считая фіалку символомъ скромности и невинности, французскіе писатели не могли даже выносить, чтобы съ ней сравнивали кого-либо недостойнаго, и когда м-мъ де-Севинье изъ лести вздумала назвать въ своихъ пись-

махъ знаменитую фаворитку Людовика XIV Луизу де-Лавальеръ скромной фіалкой «humble violette», то м-мъ де-Жанлисъ (тоже французская писательница) была просто возмущена этимъ сравненіемъ.

Особенной любовью пользовался этотъ скромный цвѣтокъ у многихъ знаменитыхъ французскихъ актрисъ.

Такъ, напр., извѣстная французская актриса и въ то же время любимица короля Морица Саксонскаго Андріенна Лекуврёръ такъ страстно любила этотъ цвѣтокъ, что Морицъ, желая ей сдѣлать удовольствіе, подарилъ ей печать съ выгравированной на ней фіалкой и надписью: «Il faut me chercher». Говорятъ даже, что и тотъ букетъ, которымъ отравила ее соперница ея, герцогиня де-Бульонъ, былъ также сдѣланъ изъ фіалокъ.

Другая, не менѣе знаменитая, но жившая въ концѣ XVIII вѣка, французская актриса м-ль Клеронъ такъ любила этотъ цвѣтокъ, что одинъ изъ ея поклонниковъ завелъ для нея цѣлыя оранжереи этихъ цвѣтовъ. И круглый годъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, — какъ лѣтомъ такъ и зимою, — каждое утро посылалъ ей букетъ фіалокъ.

Желая, съ своей стороны, выказать ему не меньшее постоянство и дружбу, Клеронъ срывала каждый вечеръ по цвѣтку и, заваривъ изъ него чай, выпивала его. Это служило для нея какъ бы любовнымъ напиткомъ — Elisire d'amore.

Наконецъ, въ наше время страстной поклонницей фіалки является знаменитая Сарра Бернаръ, у которой вся квартира и всѣ платья пропитаны запахомъ фіалокъ и у которой также круглый годъ въ будуарѣ и во всѣхъ комнатахъ стоятъ букеты фіалокъ.

Фіалку любилъ также и несчастный французскій король Людовикъ XVI, прекрасная душа котораго имѣла много сходства съ этимъ скромнымъ цвѣткомъ; а отъ него эта любовь перешла и къ его наслѣднику «дофину», который всегда чрезвычайно былъ доволенъ, когда могъ поднести отцу своему фіалокъ собственной своей культуры.

Но особенно выдающуюся, крайне странную роль сыгралъ этой цвѣтокъ въ жизни императрицы Жозефины, а частью также и въ жизни императоровъ Наполеона I и III, о чемъ мы позволимъ себѣ распространиться нѣсколько подробнѣе.

Начало этой исторіи имѣетъ нѣкоторую связь съ выше упомянутой любовью къ фіалкѣ дофина.

9 марта 1795 года поздно вечеромъ, — такъ разсказываютъ записки нѣкоторыхъ современниковъ, — у воротъ

тюрьмы Тампль, въ которой томился заключенный маленькій дофинъ, появилась молодая красивая дама съ горшкомъ роскошно расцвѣтшихъ фіалокъ и просила привратника передать ихъ бѣдному маленькому царственному страдальцу. Она знала страсть его къ этимъ цвѣтамъ и хотѣла обрадовать его, пославъ ему ихъ, какъ привѣтъ весны, въ стѣны темницы.

Дама эта была не кто иная, какъ Жозефина Богарне, будущая императрица французская. Она также страстно любила эти цвѣты и, тронутая состраданіемъ къ больному малюткѣ, презирая грозившую ей опасность, въ сопровожденіи Барраса пришла выполнить то святое дѣло, которое подсказывало ей ея золотое сердце.

Больной рахитизмомъ ребенокъ не долго пережилъ эту радость и, мѣсяцъ спустя, скончался въ стѣнахъ темницы.

Его похоронили ночью, тайкомъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ кладбища Св. Маргариты, при чемъ въ память того, что ребенокъ такъ любилъ свой горшочекъ съ фіалками и, перебирая незадолго до смерти своими слабѣющими ручонками ихъ курчавые листочки, шепталъ: «весной мы снова, увидимся съ вами, дорогіе цвѣточки», какая-то добрая душа посадила ихъ ему на могилку.

Съ тѣхъ поръ цвѣты Жозефины ежегодно цвѣли на безвѣстной могилкѣ маленькаго Людовика XVII и, все разрастаясь, болѣе и болѣе покрывали ее каждую весну сплошнымъ лиловымъ ковромъ.

Между тѣмъ, встрѣтившись на одномъ изъ блестящихъ баловъ, устроенныхъ президентомъ конвента Баррасомъ съ восходившимъ въ то время свѣтиломъ — молодымъ генераломъ Бонапартомъ, Жозефина плѣнила его своей красотой и своимъ скромнымъ нарядомъ, сильно выдѣлявшимся среди старавшихся перещеголять другъ-друга роскошью своихъ туалетовъ республиканскихъ модницъ. Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней, вмѣсто яркихъ, бросающихся въ глаза, цвѣтовъ, все убранство ея заключалось лишь въ надѣтой на голову гирляндѣ изъ фіалокъ, да изъ нѣсколькихъ букетиковъ этихъ же цвѣтовъ, приколотыхъ на груди.

Цвѣты эти были особенно цѣнны ей, какъ воспоминаніе о возвращеніи ей свободы.

Заключенная, какъ разсказываютъ, въ началѣ революціи вмѣстѣ со многими другими невинными жертвами въ знаменитую Консьержери (предварительную тюрьму), Жозефина ждала съ минуты на минуту казни на гильотинѣ и прощалась уже съ жизнью, какъ вдругъ однажды

вечеромъ пришла въ мѣсто ея заключенія малютка — дочь тюремщика и подала ей букетъ фіалокъ.

Неожиданный этотъ подарокъ внушилъ ей надежду, что хлопоты одной высокопоставленной подруги ея освободить ее изъ заключенія, быть можетъ, увѣнчаются успѣхомъ, и она увидѣла въ цвѣтахъ этихъ какъ бы счастливыхъ предвозвѣстниковъ скораго своего освобожденія.

И дѣйствительно, предчувствіе ея не обмануло. Просьба ея подруги подѣйствовала, и на другой же день она была освобождена.

Съ тѣхъ поръ фіалка сдѣлалась для Жозефины символомъ жизни и счастья, и когда она встрѣчала какого-нибудь несчастнаго, угнетеннаго, то никогда не пропускала случая подарить ему фіалки, какъ надежду на счастливое разрѣшеніе его горя. Быть можетъ, это была даже и причина того, что она вздумала подарить ихъ дофину.

Страсть ея къ этимъ цвѣтамъ доходила до крайности. Всѣ платья ея были затканы фіалками, лиловый цвѣтъ былъ ея любимымъ цвѣтомъ, живыя фіалки служили единственнымъ ея украшеніемъ, и она вся, и все ее окружающее было пропитано ихъ запахомъ.

Очарованный, обвороженный ею генералъ Бонапартъ весь вечеръ не отходилъ отъ нея, и когда она уѣзжала, проводилъ ее до кареты. Прощаясь съ нимъ, Жозефина наклонилась, и бывшій у нея на груди букетъ фіалокъ, случайно, упалъ къ ея ногамъ. Наполеонъ схватилъ его, страстно прижалъ къ губамъ и унесъ съ собой, какъ первый залогъ любви.

9 марта **1796** года, ровно черезъ годъ послѣ того дня, когда Жозефина принесла бѣдному дофину фіалки, въ зданіи городской ратуши Парижа происходило торжественное ея вѣнчаніе съ Наполеономъ. Опять Жозефина была одѣта въ затканное фіалками платье, опять въ рукахъ ея и на груди были букеты изъ фіалокъ — ея цвѣтовъ любви и счастья.

Выходя изъ ратуши, взволнованная, радостная, она не могла сдержаться, и когда нѣсколько слезъ радости упало на ея букетъ, то она, обратясь къ Наполеону, сказала:

— Позволь мнѣ, милый другъ мой, всегда носить эти цвѣты, въ этотъ чудный день моей жизни. Пусть они будутъ каждую весну обновленіемъ нашей любви, нашего счастья.

И Наполеонъ никогда не забывалъ этой просьбы. Гдѣ бы ни былъ онъ: среди ли битвъ, въ походѣ ли,

упоенный ли чадомъ славы, Жозефина находила всегда въ день своей свадьбы свѣжій букетъ фіалокъ на ночномъ столикѣ своей опочивальни.

Прошли года, голова Жозефины украсилась императорской короной, но попрежнему не было для нея бóльшаго удовольствія, какъ получать въ этотъ день свой букетъ фіалокъ.

Между тѣмъ, слава и могущество Наполеона все болѣе и болѣе возрастали, и счастливая звѣзда Жозефины начала меркнуть. Дорогая для нея рука готовилась нанести ей смертельный ударъ.

Еще носились только смутные слухи о намѣреніи Наполеона выбрать себѣ, болѣе подходящую по сану, изъ царственнаго рода супругу, и о добровольномъ будто-бы, отреченіи Жозефины, какъ наступило 9 марта 1808 года. Какъ нарочно, наканунѣ этого дня умеръ занимавшійся разведеніемъ фіалокъ дворцовый садовникъ, а Наполеонъ ни за что не хотѣлъ подарить ей цвѣты изъ сада, гдѣ былъ покойникъ. Но гдѣ же было взять другихъ фіалокъ въ это время?

Всюду по Парижу были разосланы имъ гонцы, съ приказаніемъ найти, во-что-бы то ни стало, фіалокъ. Но трудъ напрасный: нигдѣ и ни у кого ихъ не оказалось. Между тѣмъ, часъ, когда должны были быть поднесены Жозефинѣ цвѣты, приближался.

Взволнованный, встревоженный тѣмъ, что Жозефина можетъ принять это за предзнаменованіе угрожающаго ей какого-нибудь несчастья, Наполеонъ покидаетъ дворецъ и пускается самъ въ поиски за цвѣтами.

Онъ обходитъ всѣ улицы, всѣ площади, гдѣ продаютъ цвѣты, но не находитъ ничего, и обдумываетъ уже, какъ бы успокоить Жозефину, какъ, подходя къ Лувру, видитъ у воротъ маленькую, совершенно сгорбленную старушку съ корзиной, полной прелестныхъ букетиковъ фіалокъ. Внѣ себя отъ радости, онъ выхватываетъ у нея лучшій букетикъ, бросаетъ ей горсть золотыхъ и, прежде чѣмъ старуха приходитъ въ себя, исчезаетъ.

Торжествующій онъ входитъ къ Жозефинѣ, подноситъ ей букетъ и разсказываетъ ей о всѣхъ тѣхъ трудахъ, которыхъ онъ ему стоилъ.

Вспыхнувъ отъ радости, Жозефина обнимаетъ Наполеона, благодаритъ его за труды и цѣлуетъ букетъ. Но вдругъ, блѣднѣетъ, чувствуетъ себя дурно и, выронивъ букетъ изъ рукъ, съ ужасомъ восклицаетъ: «прочь, прочь! — это цвѣты смерти... Они расцвѣли на могилѣ!»

Чтобы успокоить взволнованную Жозефину и доказать, что все, что она говоритъ, не что иное какъ плодъ ея фантазіи, Наполеонъ немедленно посылаетъ за старухой, продававшей цвѣты. Но всѣ поиски оказываются тщетными: никто ея не знаетъ, никто ея не видалъ.

Предчувствіе Жозефины, однако, ея не обмануло. Два дня спустя находятъ старуху, и она сознается, что нарвала эти цвѣты на чьей-то могилѣ, на кладбищѣ св. Маргариты. Это были, слѣдовательно, какъ разъ цвѣты Жозефины, подаренныя ею дофину.

Съ этой минуты Жозефина не знаетъ болѣе покоя. Смутное предчувствіе чего-то страшнаго, какого-то неожиданнаго несчастія всюду преслѣдуетъ ее. И вскорѣ это предчувствіе превращается въ горькую дѣйствительность: — она узнаетъ о рѣшеніи Наполеона разойтись съ ней и вступить въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой.

Рѣшеніе это не заставляетъ себя долго ждать, и, принужденная разстаться съ тѣмъ, кого она выше всего цѣнила на свѣтѣ, кого чуть не боготворила, Жозефина удаляется въ свой любимый замокъ Мальмезонъ, гдѣ, никого не принимая и ни съ кѣмъ болѣе не видясь, живетъ въ уединеніи, вся предавшись уходу за цвѣтами. Въ нихъ она видитъ лучшихъ своихъ друзей, имъ однимъ повѣряетъ свое горе.

Тысячами свозятъ теперь сюда цвѣты со всѣхъ концовъ свѣта. Здѣсь можно встрѣтить и дѣтей юга, и дѣтей крайняго сѣвера, и уроженцевъ долинъ, и уроженцевъ горъ, и одного только нельзя найти — фіалки. Этихъ своихъ любимыхъ цвѣтовъ Жозефина не только уже не носитъ, не только не хочетъ болѣе ихъ видѣть, но и не велитъ даже произносить ихъ названіе...

Такъ проходятъ четыре года, какъ вдругъ, 9 марта 1814 года, съ букетомъ фіалокъ появляется къ ней трехлѣтній малютка — сынъ Наполеона, а за нимъ и самъ Наполеонъ. Растроганная до слезъ Жозефина бросается въ объятія Наполеона и забываетъ на минуту всю горечь нанесенной ей обиды.

Это былъ послѣдній счастливый день Жозефины, послѣдній счастливый день ея жизни, потому что, два мѣсяца спустя, въ той же самой роскошной гостиной, гдѣ она принимала Наполеона съ маленькимъ «королемъ римскимъ» — стоялъ уже, весь усыпанный фіалками, гробъ ея, и слышалось погребальное пѣніе. Перенеся тяжелую жертву ради любимаго человѣка, она не вынесла его горя — его изгнанія на островъ Эльбу.

Но со смертью Жозефины, фіалка не исчезаетъ изъ исторіи Наполеона. Она дѣлается девизомъ его приверженцевъ, а впослѣдствіи и вообще партіи Наполеонидовъ. Приверженцы эти продолжаютъ видѣть въ ней цвѣтокъ счастья великаго императора, и когда 20 марта, какъ разъ, когда зацвѣтаютъ на югѣ первыя фіалки, Наполеонъ убѣгаетъ съ острова Эльбы и появляется среди своихъ ликующихъ ветерановъ, они встрѣчаютъ его радостными кликами: «Le voilà, le voilà le père la Violette» (вотъ онъ, вотъ онъ отецъ фіалки). И всѣ солдаты, всѣ приверженцы появляются съ фіалками въ петлицѣ, всѣ женщины съ букетиками этихъ цвѣтовъ на груди, на шляпахъ, и всѣ дома, всѣ магазины украшаются фіалками, какъ надеждой новой весны, новаго возрожденія имперіи.

Однако, ликованіе это, какъ извѣстно, длилось недолго. 22 іюня Наполеонъ уже принужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына. Тогда, вспомнивъ о Жозефинѣ, онъ отправился въ послѣдній разъ въ Мальмезонъ и нарвалъ на могилѣ ея фіалокъ, которыя цвѣли тутъ чуть не круглый годъ. Но счастливая звѣзда, свѣтившая съ цвѣтами Жозефины, зашла. Фіалки были взяты на могилѣ.

15 іюля 1814 года онъ былъ посаженъ на корабль Белерофонъ и перевезенъ, какъ плѣнникъ, на островъ Св. Елены.

По смерти его, на груди его въ золотомъ медальонѣ, съ которымъ онъ никогда не разставался, нашли двѣ засушенныя фіалки и локонъ бѣлокурыхъ волосъ: — воспоминаніе объ его утренней и вечерней звѣздѣ — его дорогой Жозефинѣ и его не менѣе дорогомъ сынѣ — королѣ римскомъ.

Однако, по смерти Наполеона не прекращается таинственная связь съ нимъ фіалки. Цвѣтокъ этотъ продолжаетъ играть роль, какъ это мы уже говорили выше, и въ судьбѣ его потомковъ.

Напрасно добиваясь у всѣхъ дворовъ подходящей ему по сану супруги, Наполеонъ III остановилъ, наконецъ, свой выборъ на прелестной испанкѣ, которую сама судьба какъ бы предназначала ему въ супруги.

Евгенія, графиня Монтихо, герцогиня де-Теба — таково было имя будущей императрицы французовъ. Отецъ ея, герцогъ Пенерандо де-Теба, принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ испанскихъ фамилій, а мать происходила изъ древне-шотландскаго рода Кирпатрикъ Гласборнъ, родственнаго Стюартамъ и герцогамъ Альба.

Родители матери Евгеніи переселились въ Парижъ еще при Наполеонѣ I и сдѣлались его приверженцами. Здѣсь Марія, — такъ звали мать Евгеніи, — будучи еще ребенкомъ, играя въ Тюльерійскомъ саду съ другими дѣтьми, случайно познакомилась съ маленькимъ Луи Наполеономъ, сыномъ любимой падчерицы (дочери Жозефины отъ перваго брака) и въ то же время невѣстки Наполеона — королевы Гортензіи, и оба ребенка такъ сошлись и подружились, что однажды маленькій Луи Наполеонъ принесъ своей подругѣ въ подарокъ букетъ фіалокъ, съ надѣтымъ на него золотымъ колечкомъ. Когда Марія пришла домой, то мать ея, увидѣвъ это кольцо, внутри котораго было написано «Жозефина», велѣла тотчасъ же его отнести обратно и отдать нянѣ мальчика. Но на другой день мальчикъ въ садъ не пришелъ, и затѣмъ совсѣмъ исчезъ, такъ что кольцо это, волей-неволей, у Маріи такъ и осталось.

Какъ оказалось впослѣдствіи, кольцо это было — вѣнчальнымъ кольцомъ императрицы Жозефины, которое Луи Наполеонъ, играя съ дядей (Наполеономъ I), снялъ съ его пальца и куда-то запряталъ. Тогда искали его всюду, перерыли весь дворецъ, но такъ и не могли найти. Наполеонъ былъ очень огорченъ и уѣхалъ на войну съ Австріей безъ него. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для Жозефины, которое вскорѣ и оправдалось, такъ какъ война эта закончилась вступленіемъ въ бракъ Наполеона съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой.

Маленькая Марія очень любила это колечко и тщательно хранила его въ числѣ самыхъ драгоцѣнныхъ своихъ вещицъ, но не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, кто ей его подарилъ и что это было за цѣнное кольцо.

Достигнувъ 16-лѣтняго возраста, она вышла замужъ за дядю своего, герцога Пенаранда, и 5 мая 1826 года у нея родилась маленькая дочь, которой дали имя Евгеніи. Когда Евгенія подросла, мать подарила ей свое завѣтное колечко и велѣла вырѣзать въ немъ, рядомъ съ именемъ Жозефины, еще дату 5 мая, т. е. день рожденія Евгеніи.

Маленькая Евгенія, бывая не разъ въ Лондонѣ у родственниковъ своей матери, увидѣла здѣсь принца Наполеона, который жилъ въ Лондонѣ въ качествѣ члена политическаго общества карбонаріевъ.

Живой, прелестный ребенокъ, какимъ была Евгенія, очень понравился ему; онъ началъ играть съ нимъ, и дѣвочка, какъ всѣ дѣти, притащила тотчасъ же всѣ

свои лучшія игрушки и драгоцѣнности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находилось и знаменитое кольцо.

Луи Наполеонъ тотчасъ-же узналъ его, былъ необычайно обрадованъ найти его, и съ этой минуты считалъ себя какъ бы связаннымъ какой-то таинственною цѣпью съ маленькой Евгеніей.

Между тѣмъ мать Евгеніи, узнавъ о значеніи подареннаго ей кольца, сейчасъ же составила свой планъ дѣйствій и, указавъ Евгеніи въ этомъ кольцѣ какъ бы на высшее предопредѣленіе Божіе, всячески старалась, чтобы она не вышла ни за кого другого, какъ за Луи Наполеона.

Чтобы лучше привести свой планъ въ исполненіе, она переселилась въ Парижъ, гдѣ всячески старалась встрѣчаться съ Луи Наполеономъ, который въ то уже время изъ члена карбонаріевъ готовился превратиться въ императора.

Евгенія появлялась передъ нимъ не иначе, какъ съ букетомъ фіалокъ на шляпѣ или на груди, въ лиловомъ платьѣ или съ вуалемъ цвѣта фіалокъ.

Когда же въ 1851 году все готово было къ государственному перевороту, и Евгенія явилась на даваемый въ ратушѣ Парижа балъ одѣтой, совершенно какъ императрица Жозефина, съ фіалками въ волосахъ и букетомъ фіалокъ на плечѣ, судьба ея рѣшилась. Наполеонъ былъ побѣжденъ, и 29 января 1853 года Евгенія сдѣлалась императрицей французовъ. Съ этихъ поръ фіалки сдѣлались ея любимымъ цвѣткомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цвѣткомъ всего моднаго свѣта.

Только это были уже не скромныя фіалки Жозефины, а облагороженный видъ ихъ,—пармскія, съ болѣе темной окраской и болѣе сильнымъ запахомъ.

Такъ цвѣли и благоухали фіалки эти, какъ цвѣтокъ радости, болѣе 20 лѣтъ, пока, 9 января 1873 года, не превратились снова въ цвѣтокъ смерти. Въ этотъ день умеръ Наполеонъ III,—умеръ, какъ изгнанникъ изъ отечества, въ Англіи.

14 января въ Чизельгерстѣ въ парадной залѣ, увѣшанной гербами съ императорской короной и уставленной безчисленными подсвѣчниками съ ярко пылавшими свѣчами, лежалъ въ гробу Наполеонъ III. На груди его покоилось распятіе, а вокругъ его гроба во всевозможныхъ видахъ: въ вѣнкахъ, букетахъ, гирляндахъ и даже просто разбросанными по полу, находились фіалки, присланныя отъ многочисленныхъ друзей и приверженцевъ

Наполеоновской династіи изъ Франціи. Это былъ какъ бы послѣдній привѣтъ его родины...

Зацвѣтутъ ли фіалки снова на могилѣ Наполеона — это еще вопросъ, но приверженцы его остаются вѣрными имъ и до сихъ поръ. И до сихъ поръ въ день имянинъ императрицы Евгеніи, въ Ниццѣ, гдѣ она постоянно пребываетъ, вся церковь украшается фіалками, присылаемыми со всѣхъ концовъ Франціи, какъ напоминаніе о томъ, что вѣрные приверженцы Наполеона еще не позабыли его. Кромѣ того, у входа въ самую церковь сидятъ многочисленныя продавщицы фіалокъ, и ни одинъ изъ идущихъ въ церковь не войдетъ туда, не пріобрѣтя предварительно букетика фіалокъ...

Съ фіалкой связанъ еще другой грустный разсказъ, имѣющій отношеніе къ сейчасъ описанной эпохѣ революцій. Это исторія парижской уличной знаменитости «старухи съ фіалками», какъ ее всѣ называли — Луизы Пишонъ.

Около 1855 года на скромномъ гробѣ, вынесенномъ изъ церкви St-Germain-des-Près, удивленные прохожіе могли видѣть сотни букетиковъ увядшихъ, засохшихъ фіалокъ, которыми онъ буквально былъ засыпанъ.

Покойная была невѣстой Бари, одного изъ четырехъ Ларошельскихъ сержантовъ, погибшихъ на эшафотѣ въ началѣ царствованія Луи Филиппа.

За нѣсколько часовъ до своей казни Бари просилъ пришедшаго его исповѣдать тюремнаго священника передать его невѣстѣ его прощальный букетъ фіалокъ, и просьба его была свято исполнена.

Получивъ этотъ послѣдній даръ горячо любимаго ею человѣка, который надѣялся до послѣдней минуты на помилованіе, несчастная Луиза помѣшалась и съ тѣхъ поръ въ продолженіе 35 лѣтъ ее видѣли по всему Парижу, особенно въ предмѣстьи St-Germain, гдѣ она жила, гуляющей съ букетикомъ фіалокъ, который она возобновляла каждую недѣлю и лѣтомъ, и зимой.

Всѣ эти букетики она потомъ собирала въ шкафъ, гдѣ ихъ нашли скученными въ день ея смерти.

Умирая, она просила, чтобы эти цвѣты, съ которыми она никогда не разставалась и въ которыхъ для нея оживали самыя дорогія воспоминанія о любимомъ ею человѣкѣ, были положены вмѣстѣ съ ней въ могилу.

И вотъ теперь, во исполненіе этой послѣдней ея воли, этого послѣдняго ея пожеланія, всѣ букетики и были возложены ей на гробъ, чтобы при погребеніи

послѣдовать вмѣстѣ съ ней въ ея послѣднее земное жилище.

Зрѣлище это производило тяжелое и въ то же время пріятное впечатлѣніе. Любить такъ горячо въ продолженіи 35 лѣтъ — это ли не образецъ постоянства!

И каждый прохожій, и каждая прохожая невольно задумывались надъ грустной жизнью бѣдной Луизы и, крестясь, слали молитву объ ея упокоеніи...

Такова любопытная роль фіалки въ исторіи Франціи, но скромный этотъ цвѣточекъ былъ любимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ: былъ любимъ и государями, и поэтами, которые не разъ воспѣвали его въ своихъ стихахъ.

Шекспиръ называетъ его своимъ любимцемъ «darling», Шелли — воспѣваетъ въ своихъ стихотвореніяхъ, Томасъ Муръ — въ «Лалла Рукъ», а Гёте не только воспѣваетъ его, но и старается, чтобы его родной городъ Веймаръ превратился, подобно Аѳинамъ, которыхъ окрестности, какъ мы видѣли раньше, представляли собой сплошныя поля этихъ цвѣтовъ, въ городъ, увѣнчанный фіалками.

Повсюду около дорогъ, на поляхъ, въ общественныхъ паркахъ, на опушкѣ лѣсовъ, вы можете встрѣтить теперь тамъ — фіалки. Народъ называетъ ихъ фіалками Гёте— «Goethes Veilchen», потому что великій поэтъ питалъ къ этому цвѣтку столь страстную любовь, что никогда не выходилъ на прогулку, не захвативъ съ собой сѣмянъ фіалокъ, которыя потомъ разсѣвалъ по пути всюду, гдѣ только могъ.

И теперь, хотя прошло уже болѣе 80 лѣтъ, какъ нѣтъ поэта, но каждую весну окрестности Веймара превращаются въ роскошный коверъ изъ фіалокъ — это память о немъ, память, которая сохранится еще на многіе, многіе десятки лѣтъ и которая, кто знаетъ, быть-можетъ, переживетъ даже славу его твореній...

Кромѣ Гёте, въ Германіи фіалки пользовались еще большой любовью знаменитаго автора «Картинъ природы», Александра фонъ-Гумбольдта и короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III.

Особенно любилъ этотъ послѣдній украшать фіалками портретъ своей покойной жены, королевы Луизы, въ воспоминаніе того, что портретъ этотъ, обвитый гирляндой изъ фіалокъ, явился ему въ видѣніи, какъ разъ въ тотъ день, когда онъ основалъ орденъ «желѣзнаго креста», замѣняющій, какъ извѣстно, у нѣмцевъ нашъ георгіевскій крестъ и служащій наградой за храбрость.

Любилъ фіалки и покойный престарѣлый императоръ Вильгельмъ, которому ежедневно за завтракомъ, въ какое бы это время года ни было, подавалось плато съ свѣжими фіалками, а въ день его рожденія ими убирали весь обѣденный столъ и всю залу. Обычай этотъ сохранился нѣкоторымъ образомъ и по смерти его. И теперь ежегодно 22 марта, въ день его рожденія, можно видѣть столъ его кабинета и всю комнату его изубранными свѣжими фіалками.

Любилъ ихъ, наконецъ, и нашъ дорогой великій писатель И. С. Тургеневъ.

Лѣчась въ Висбаденѣ, онъ каждое утро гулялъ съ букетомъ душистыхъ фіалокъ, который затѣмъ неизмѣнно подносилъ лѣчившейся въ одно время съ нимъ Г. Балашовой.

— «Это мои любимые цвѣты», говорилъ онъ ей, какъ она сообщаетъ въ одной изъ московскихъ газетъ, «я чувствую особенное удовольствіе вручать вамъ ихъ здѣсь каждое утро. Это нѣчто внѣ моей курсовой программы. Никому, никому не говорите объ этомъ...»

Цвѣтокъ богини весны Остары и изліянія сердецъ — ландышъ.

„Распустились почки, лѣсъ зашевелился,
Яркими лучами весь озолотился;
На его окраинѣ, изъ травы душистой,
Выглянулъ на солнце ландышъ серебристый...“

Что можетъ быть проще и въ то же время прелестнѣе ландыша? Нѣсколько бѣленькихъ, какъ изъ фарфора, колокольчиковъ на длинномъ стебелькѣ и пара свѣтлозеленыхъ листьевъ — вотъ и все; а между тѣмъ какъ это красиво, какъ изящно! Особенно же красивъ ландышъ въ своей лѣсной обстановкѣ, на лужайкѣ среди рѣдкаго лѣска, окруженный массой яркозеленой листвы. Или какъ красивъ онъ также въ букетѣ, обложенномъ бордюромъ изъ своихъ листьевъ!

Но всего лучше въ немъ — его упоительный запахъ. Это одинъ изъ самыхъ тонкихъ пріятныхъ запаховъ, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только запахъ фіалки и резеды. Правда, ландышъ никогда не надо оставлять въ комнатѣ, гдѣ спятъ, такъ какъ отъ его запаха легко разбаливается голова, но зато какъ пріятно вдыхать его освѣжительный ароматъ на воздухѣ, особенно въ лѣсу, когда онъ приносится вамъ дуновеніемъ вѣтерка!

Теперь ландышъ служитъ намъ лишь украшеніемъ и развѣ только иногда, какъ букетъ въ Троицынъ день, когда мы идемъ съ нимъ молиться въ церковь, получаетъ нѣкоторое символическое значеніе. Поэтъ говоритъ:

„На рубежѣ весны и лѣта,
Завѣты старые храня,
Никто не выйдетъ безъ букета
На праздникъ Троицына дня.
Питомцы ласковаго мая —
Фіалки, ландышъ и сирень —
Господень храмъ, благоухая,
Окрасятъ щедро въ этотъ день“.

Но было время и время очень давнее, когда ландышъ былъ посвященъ у древнихъ германцевъ богинѣ Остарѣ — богинѣ восходящаго солнца, лучезарной зари и провозвѣстницѣ весны.

Въ честь ея на Пасхѣ (а Пасха и до сихъ поръ отъ ея имени называется по-нѣмецки Ostern) зажигались костры и устраивались празднества, на которыхъ всѣ молодыя дѣвушки и парни украшали себя цвѣтами ландыша, какъ цвѣтами любви и счастья. Праздникъ этотъ продолжался, пока держались ландыши, а затѣмъ, когда цвѣты увядали, ихъ бросали въ костры и жгли, какъ пріятную богинѣ Остарѣ жертву.

Нѣмецкій поэтъ Ф. Веберъ въ своей поэмѣ («Тринадцать Липъ») объ этомъ говоритъ:

«Богъ любви, о бѣлый Бальдеръ, благосклонно нашъ привѣтъ прими, цвѣты чистые, какъ наше сердце, мы кладемъ къ твоимъ стопамъ... И, обходя жертвенный камень, они бросали священныя травы, бѣлые колокольчики (ландыши) — эти свѣтлые хлопья, эти яркія искры въ костеръ.»

Съ цвѣтами же этими молодицы отправлялись съ ранней зарей наканунѣ празднества къ священному ключу и умывали его водой себѣ лицо, чтобы сохранить какъ можно дольше его свѣжесть и прелесть. Средне-вѣковое повѣрье это глубоко укоренилось и до до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саксоніи, какъ, напр., въ Альтмаркѣ, гдѣ и теперь можно видѣть дѣвушекъ, идущихъ на Пасхѣ умываться ключевой водой съ цѣлью сберечь свою красоту.

Съ исчезновеніемъ язычества, богиню Остару замѣнила въ народномъ сказаніи Пресвятая Дѣва; и теперь существуетъ повѣрье, что въ свѣтлыя лунныя ночи, когда вся земля объята глубокимъ сномъ, Царица Небесная, окруженная вѣнцомъ изъ блестящихъ, какъ серебро, ландышей, появляется иногда тѣмъ изъ счастливыхъ смертныхъ, которымъ готовитъ какую-нибудь нечаянную радость...

А въ Англіи въ Суссексѣ сложилось интересное преданіе о боѣ св. Леонарда, одного изъ сподвижниковъ Хлодвига, обратившагося въ христіанство, въ битвѣ при Толбіакѣ со страшнымъ дракономъ Синъ.

Три дня, день и ночь, Св. Леонардъ неустанно боролся съ нимъ, теряя иногда совсѣмъ силы и надежду справиться. Но, наконецъ, съ помощью Божьей, на четвертый увидѣлъ съ удовольствіемъ, какъ страшное чудище,

влача свой длинный хвостъ, исчезло въ глубинѣ лѣсовъ, чтобы болѣе оттуда никогда не появляться. Это была побѣда христіанства надъ языческою поганью.

Борьба эта обошлась св. Леонарду не даромъ: его руки и тѣло были жестоко изранены клыками и когтями дракона, и на мѣстахъ борьбы можно было видѣть слѣды истекшей изъ его ранъ крови.

Но Господь отмѣтилъ эти пятна пролитой святителемъ крови и освятилъ ихъ, выростивъ на ихъ мѣстѣ цвѣтъ непорочности и святости — ландыши.

Благочестивые странники и теперь встрѣчаютъ эти, окрашенные въ бѣлое, слѣды боя всюду въ окружающемъ лѣсу и тѣ, которые внимательно прислушиваются, могутъ, какъ говорятъ, даже слышать, какъ снѣжно-бѣлые колокольчики ландышей звонятъ побѣдный гимнъ...

Какъ отголосокъ средне-вѣковыхъ обычаевъ мы встрѣчаемъ еще въ нѣкоторыхъ деревняхъ Франціи и до сихъ поръ сохранившееся обыкновеніе справлять ежегодно «праздникъ ландышей». Это бываетъ всегда въ первое майское воскресенье.

Въ этотъ день послѣ полудня жители нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень собираются въ ближайшій лѣсъ за ландышами. Отправляются не только молодые, но и старики, чтобы не оставлять молодежь одну. Въ лѣсъ идутъ толпой, стараясь въ немъ далеко не расходиться, и, набравъ возможно большее количество ландышей, каждый со своимъ сборомъ, къ ночи возвращается домой.

На другой день собранными ландышами украшаютъ въ домахъ окна, камины и столы, при чемъ нерѣдко къ ландышамъ примѣшиваютъ и цвѣты сирени. Затѣмъ накрываютъ столы, ставятъ закуску и приглашаютъ молодежь за завтракъ. Всѣ закусываютъ, весело болтаютъ, смѣются, поютъ пѣсни въ честь виновника праздника — ландыша, являющагося въ то же время и символомъ весны, и въ концѣ концовъ устраиваютъ танцы.

Вотъ тутъ-то ландышъ и начинаетъ играть свою роль. Приглашеніе на танцы, само собой разумѣется, идетъ, какъ и всегда, со стороны парней, но выраженіе на него согласія со стороны дѣвушки производится не при помощи словъ, какъ обыкновенно, а при помощи ландыша.

Это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Парни и дѣвушки имѣютъ каждый по букетику ландышей. Дѣвушки прикрѣпляютъ его къ себѣ къ лифу, а парни въ петличку сюртука.

Когда парень приглашаетъ дѣвушку на танцы, то дѣвушка въ знакъ согласія даетъ ему свой букетикъ, который онъ вдѣваетъ въ петличку и въ свою очередь передаетъ ей свой, который она прикалываетъ къ лифу. Разъ выбравъ другъ-друга, молодые люди уже не разстаются, во весь вечеръ и всѣ танцы танцуютъ вмѣстѣ.

Теперь такой выборъ выражаетъ только взаимную симпатію и ограничивается лишь танцами во весь вечеръ; но въ прежнее время букетикъ ландыша имѣлъ гораздо болѣе глубокое значеніе: онъ выражалъ нѣкоторымъ образомъ согласіе молодыхъ людей вступить въ бракъ, и самый вечеръ этотъ обыкновенно заканчивался объявленіемъ кто за кого выходитъ и кто на комъ женится.

Если парень, напримѣръ, желалъ выказать дѣвушкѣ свои чувства, то онъ просилъ у нея булавку и пришпиливалъ ею ея букетикъ къ своему сердцу. Отказъ дать ему булавку значилъ дать ему понять, что дѣвушка не хочетъ быть его женой.

Если же парень былъ гордъ или застѣнчивъ, то раньше, чѣмъ попросить у дѣвушки булавку, онъ предлагалъ ей свой букетикъ. Дѣвушка, принявшая букетъ и приколовшая его къ своей груди, тѣмъ самымъ выражала ему свою симпатію и свое согласіе вступить съ нимъ въ бракъ.

Бросить ландыши на землю имѣло различное значеніе: имъ можно было выразить и просто холодность чувствъ, и несогласіе на бракъ, но ступить при этомъ на него ногой — обозначало антипатію, отвращеніе и даже злобу.

Еще болѣе отдаленнымъ отголоскомъ средне-вѣковаго обычая являются устраивавшіеся въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія пикники и прогулки жителей города Ганновера въ загородный лѣсъ Эйлерейде, въ которомъ ландыши росли въ такомъ изобиліи, что образовывали мѣстами цѣлыя сплошныя поляны.

Прелесть такихъ усыпанныхъ, какъ снѣгомъ, этими цвѣтами полянъ и несшійся съ нихъ упоительный запахъ, какъ разсказываютъ современники, не поддавались никакому описанію. На мѣстѣ погулянокъ разбивались палатки для питья кофе, майтранка, лимонада и другихъ прохладительныхъ напитковъ, а равно палатки для куренія и для закусокъ. Празднество заканчивалось, какъ и въ сейчасъ описанныхъ погулянкахъ во Франціи, танцами, среди которыхъ излюбленнымъ являлся такъ-называемый нѣмецкій вальсъ — Ländler,

Всѣ дороги, ведшія въ лѣсъ, были въ эти дни заполнены массами горожанъ всѣхъ возрастовъ, бродившихъ съ ранняго утра и до поздняго вечера по лѣсу, собирая ландыши. И никто не возвращался домой безъ громадныхъ пуковъ этихъ цвѣтовъ, которыми затѣмъ украшали всѣ комнаты и даже входныя двери домовъ...

Теперь ландыши являются также любимымъ цвѣткомъ и парижанъ; и 1-го мая, когда рабочіе, желая выразить свою солидарность съ остальными рабочими міра, появляются съ красной гвоздикой въ петлицѣ, остальные парижане ходятъ украшенные бѣлыми ландышами, какъ эмблемой «изліянія сердецъ», почему даже и самое первое мая носитъ въ Парижѣ названіе: «le jour des muguets» (дня ландышей).

Въ этотъ день спросъ на ландыши бываетъ такъ великъ, что ихъ привозятъ изъ провинціи цѣлыми вагонами, не считая тѣхъ милліоновъ цвѣтовъ, которые выгоняются искусственно въ теплицахъ въ окрестностяхъ Парижа.

На того, кто не имѣетъ въ этотъ день въ рукахъ, на груди или въ петлицѣ ландышей, въ Парижѣ всѣ смотрятъ съ какимъ-то недоумѣніемъ...

По отцвѣтеніи ландыша, какъ извѣстно, выростаетъ красная круглая ягодка. Про эти ягодки одно нѣмецкое преданіе говоритъ, что это не ягоды, а горючія, огненныя слезы, какими, будто, ландышъ оплакиваетъ оканчивающуюся весну, къ которой онъ возгорѣлся сильной, безъ словъ, любовью. Да и сама весна, говоритъ преданіе, была неравнодушна къ маленькому изящно одѣтому въ бѣленькое платьице цвѣточку, укрывающемуся подъ широкимъ зеленымъ листовымъ зонтикомъ. Но весна въ блестящемъ одѣяніи и золотистыхъ локонахъ, это чудное, веселое, жизнерадостное созданіе, на самомъ дѣлѣ всемірная кругосвѣтная путешественница. Она нигдѣ не находитъ себѣ покоя, и, разсыпая всѣмъ ласки, ни на комъ не останавливается; и потому случилось, что и тутъ она такъ очаровала, такъ обворожила нашъ цвѣточекъ, что онъ расцвѣлъ отъ внутренняго счастья, влюбился въ прелестницу по уши и сталъ жить только ея жизнью...

Но весна прошла, исчезла безслѣдно и оставила бѣднягу среди отягченнаго лѣтнимъ жаромъ лѣса. Ландышъ перенесъ такъ же безмолвно тяжелое горе, какъ несъ и радость любви; но маленькіе цвѣточки его

опали, и на мѣстѣ ихъ, изъ самаго сердца, вылились огненно-красныя капли слезъ — ягоды.

Въ связи съ этимъ языческимъ преданіемъ, быть-можетъ, возникло и христіанское сказаніе о происхожденіи ландыша изъ горючихъ слезъ Пресвятой Богородицы, которыя она проливала, стоя у креста распятаго Сына. Горючія эти слезы падали крупными каплями на землю, и на мѣстѣ ихъ паденія возникали чистые бѣлые ландыши, которые, осыпавшись, превращались въ красные, напоминавшіе собою капли крови, плоды...

Съ ландышами связаны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи также сказанія о бѣлой дѣвѣ, указывающей тайные клады.

Бѣлая дѣва эта появляется тамъ въ лунныя ночи съ букетомъ ландышей и держится близъ мѣста клада.

Такое появленіе, напр., наблюдалось и наблюдается черезъ каждыя семь лѣтъ близъ за́мка Вольфарствейлеръ въ Гессенѣ и, что̀ самое любопытное, что нѣкоторые участки, принадлежащіе нѣсколькимъ волостямъ этихъ мѣстъ (напр., Opferöde), обязаны по заключенному когда-то договору вносить ежегодно въ качествѣ процентовъ за пользованіе землей по букету ландышей.

Очевидно, что когда-то существовалъ какой-то благородный баронъ — владѣлецъ этихъ земель, который, не желая отягощать крестьянъ за пользованіе его землями денежной податью, постановилъ взимать съ нихъ ежегодно оброкъ въ видѣ букета ландышей. Самъ этотъ благородный баронъ и самый договоръ этотъ давно исчезли, но преданіе сохранилось, и арендная плата въ видѣ букета этихъ цвѣтовъ продолжаетъ такъ же аккуратно вноситься, какъ и прежде.

Колокольчиковидная, напоминающая собой какъ бы капли, форма цвѣтовъ ландыша послужила также и къ тому, что имъ начали приписывать цѣлебное значеніе.

Въ поясненіе надо замѣтить, что въ среднихъ вѣкахъ цѣлебность растеній, по очень странному взгляду, опредѣлялась по внѣшней ихъ формѣ. Такъ, имѣющія форму завитка или кренделя растенія, какъ, напр., полынь, кровохлебка, вероника считались прекраснымъ средствомъ противъ головныхъ болей, имѣющія тонкіе волосовидные листья, какъ, напр., спаржа, укропъ — средствомъ, укрѣпляющимъ волосы; цвѣты, которыхъ форма нѣсколько напоминала глазъ, какъ роза, маргаритка или очанка — лѣкарствомъ отъ глазныхъ болѣзней. Тимьянъ (Thymus) и аконитъ — какъ нѣсколько похожіе на ухо —

отъ ушныхъ заболѣваній, щавель, имѣющій сходство съ языкомъ — отъ болѣзней языка, а крапива, такъ какъ она покрыта жгучими волосами, считалась прекраснымъ средствомъ отъ колотій.

Вслѣдствіе всего этого и ландышъ, какъ имѣющій форму капель жидкости, считался прекраснымъ средствомъ отъ паралича (по-нѣмецки Schlagfluss — разливающагося удара). Для приготовленія лѣкарства надо было цвѣты собирать до восхода солнца, пока они еще покрыты росой, и настаивать на мальвазіи (винѣ). Этотъ настой былъ знаменитымъ средствомъ, носившимъ названіе Aqua apoplectica Hartmanni.

Но то, что̀ средневѣковые врачи нашли какъ-то ощупью, оказалось въ наше время дѣйствительно могущественнымъ средствомъ противъ сердцебіенія. Это мнимое цѣлебное средство, въ видѣ всѣмъ извѣстныхъ теперь ландышевыхъ капель, является сильнымъ соперникомъ бывшаго долгое время единственнымъ средствомъ противъ болѣзней сердца дигиталина — настоя наперстянки (digitalis).

Кромѣ того, англичане дѣлаютъ изъ настоя цвѣтовъ ландыша на водѣ еще родъ эликсира, извѣстнаго подъ названіемъ золотой воды (aqua aurea), такъ какъ онъ продается въ золоченыхъ и посеребряныхъ флаконахъ, и служащаго для подкрѣпленія нервовъ и противъ головныхъ болей. Эликсиръ этотъ одно время употреблялся даже какъ предохранительное средство отъ разнаго рода заразныхъ болѣзней.

Наконецъ высушенные цвѣты и кора ландыша, мелко истолченные въ порошокъ, употреблялись одно время какъ нюхательный порошокъ отъ насморка и головныхъ болей и вмѣстѣ съ сѣменами каштана составляли главную основу «шнеебергскаго» нюхательнаго табака.

Однако принося въ томъ или другомъ видѣ пользу человѣку — цвѣты эти крайне вредны для домашней птицы. Бывали не разъ случаи, что куры и другія птицы, наклевавшись ихъ, отравлялись и даже умирали.

Но интереснѣе всего, что запахъ ландыша является убійственнымъ для нѣкоторыхъ цвѣтовъ.

Впрочемъ, такая, если можно такъ выразиться, вражда однихъ цвѣтовъ къ другимъ, проявляющаяся посредствомъ запаха, замѣчена и у другихъ цвѣтовъ. Такъ, роза и резеда не выносятъ другъ-друга. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сто̀итъ только сорванные ихъ цвѣты помѣстить вмѣстѣ въ стаканѣ воды. Не пройдетъ и пол-

часа, какъ находящіеся рядомъ цвѣты станутъ вянуть, между тѣмъ какъ помѣщенные тутъ же цвѣты другихъ растеній будутъ сохранять свою прежнюю свѣжесть.

Точно такъ же убійственно дѣйствуетъ своимъ запахомъ на другіе цвѣты и ландышъ: онъ немилосердно убиваетъ почти всѣхъ своихъ пахнущихъ сосѣдей; особенно же не любитъ сирени, и потому сирень, помѣщенная въ одну вазу съ ландышемъ, всегда быстро блекнетъ.

Но если нѣкоторые цвѣты такъ убійственно дѣйствуютъ на своихъ сосѣдей, то бываетъ иногда и обратное. Такъ, напр., резеда прекрасно сживается съ геліотропомъ и даже какъ бы способствуютъ усиленію его запаха. Точно такъ же и ландышъ отлично сживается съ незабудкой и даже придаетъ ей особую свѣжесть и прелесть.

Въ древне-славянскихъ земляхъ, каковы Саксонія и Силезія, ландышъ по-вендски носитъ названіе «струпъ», — кора, такъ какъ, говорять, имъ съ успѣхомъ тамъ лѣчили въ прежнее время отъ струпьевъ, — парши, а въ нѣмецкой Богеміи ландышъ зовутъ цавка — «булочка», оттого, что рядъ его висячихъ цвѣточковъ нѣсколько напоминаетъ собой рядъ булочекъ-розанчиковъ. Въ этихъ же земляхъ, а отчасти, какъ говорятъ, и у насъ въ Россіи сокомъ его корня дѣвушки натирали и натираютъ себѣ щеки, чтобы вызвать румянецъ.

Доставляя человѣку наслажденіе въ маѣ мѣсяцѣ, ландышъ за послѣднее время сдѣлался еще однимъ изъ любимѣйшихъ цвѣтковъ для выгонки зимою. Для этого корневища дикаго ландыша искусственно культивируются и затѣмъ посаженныя въ горшокъ съ влажнымъ мхомъ и помѣщенныя въ такомъ видѣ въ тепломъ мѣстѣ на печкѣ (русской) или даже на батареяхъ водяного отопленія комнатъ, постепенно развиваются и среди зимы распускаются въ полной своей красотѣ. Правда, цвѣты его теперь слабо пахнутъ, но тѣмъ не менѣе красотой своей формы не оставляютъ ничего желать лучшаго. Обыкновенно культивируемые такимъ образомъ ландыши, помѣщенные въ корзинахъ или жардиньеркахъ, представляютъ одно изъ изящнѣйшихъ украшеній комнатъ или обѣденныхъ столовъ. А кому приходилось ихъ видѣть въ теплицахъ, когда ихъ гонятъ для продажи чуть не цѣлыми полянами, тотъ знаетъ, какое это представляетъ красивое зрѣлище.

Выводя ландыши искусственно, ихъ часто культивируютъ въ особой формы сосудахъ, съ отверстіями,

имѣющихъ видъ — то шара, то вазъ, то яицъ. Вырастая изъ этихъ отверстій, ландыши при тщательномъ уходѣ такъ плотно обрастаютъ сосудъ, что его самого совершенно становится не видно. Особенно оригинальной и красивой формой являются яйца.

Такія громадныхъ размѣровъ яйца изъ ландышей, украшенныя бѣлыми и розовыми шелковыми лентами, представляютъ собой одинъ изъ прелестнѣйшихъ пасхальныхъ подарковъ и, будучи выставлены передъ Пасхой въ окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ, привлекаютъ къ себѣ всегда массу зрителей.

Среди поэтовъ и писателей было не мало, которые увлекались этимъ прелестнымъ цвѣткомъ, но особенно любилъ ихъ французскій писатель Анри Мюрже, знаменитый авторъ «Жизни богемы» (La vie de Bohême) и «Латинскаго квартала» (Le pays latin), отправлявшійся каждую весну, когда они были въ цвѣту, любоваться ими въ окрестности Парижа.

Однажды онъ пришелъ въ контору журнала «Revue des Deux Mondes» съ рукописью романа, котораго отъ него никакъ не могли дождаться.

— Гдѣ же вы пропадали, что съ вами? — воскликнулъ редакторъ этого журнала Бюлозъ. Мы совсѣмъ уже потеряли надежду васъ видѣть.

— Я жилъ въ ландышахъ (aux muguets), — отвѣчалъ съ увлеченіемъ Мюрже.

— Въ Ландышахъ? Гдѣ же это такое, я что-то не знаю такой мѣстности.

— Это не мѣстность, — отвѣчалъ, улыбаясь, Мюрже, — я былъ въ лѣсу въ Фонтенебло, куда ѣзжу каждую весну любоваться, какъ цвѣтутъ дорогіе моему сердцу ландыши; любовался ими по цѣлымъ часамъ и теперь.

— Дитя! — воскликнулъ съ презрѣніемъ Бюлозъ, который ничего не признавалъ, кромѣ своего журнала, — истинное дитя!

Но дитя это — былъ поэтъ; поэтъ, весь проникнутый любовью къ природѣ, находившій среди нея отдыхъ, находившій, какъ это можно видѣть изъ его прелестнаго романа «Les Vacances de Camille», въ ней свое утѣшеніе. Старый романъ этотъ позабытъ, но всякій любитель природы прочтетъ его и теперь съ удовольствіемъ.

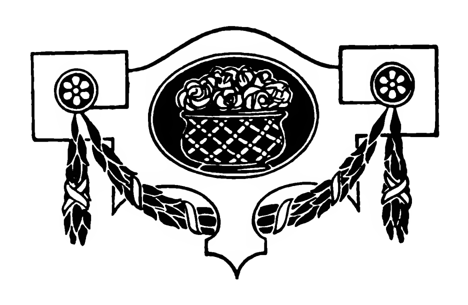
Въ заключеніе приведемъ еще маленькую нѣмецкую загадку о ландышѣ:

„Ein Glöckchen ist mir wohlbekannt,
Es schimmert hell im ganzen Land.
Aus Silber scheint es dir gegossen,
Doch ist es aus der Erd'entsprossen.

* * *

Mit einem Klöppel ist's verseh'n,
Doch hörte niemand sein Getön,
Auch hat's auf keinem Turm gehangen,
Es kann nur in der Tiefe prangen".

(Я знаю хорошо одинъ колокольчикъ, онъ блеститъ ярко во всей странѣ. Изъ серебра онъ кажется вылитымъ, а между тѣмъ выросъ изъ земли; снабженъ онъ и язычкомъ, но никогда никто не слыхалъ его звона. Не висѣлъ онъ также ни на одной изъ колоколенъ. Онъ только блеститъ и красуется въ глубинѣ).

Эмблема непорочности, цвѣтокъ арх. Гавріила и династіи Бурбоновъ — лилія.

„Le lys plus noble et plus brillant encore
Lève sans crainte un front majestueux...“
Parnis.

Бѣлая, чудная лилія — этотъ символъ невинности и чистоты — имѣетъ также въ миѳологіи свою интересную легенду. Греки приписывали ей божественное происхожденіе; по словамъ ихъ, она выросла изъ молока матери боговъ — Юноны.

Разсказываютъ, что ѳиванская царица, красавица Алкмена, мать Геркулеса, боясь мести ревнивой Юноны, чтобы укрыть рожденнаго ею отъ Юпитера Геркулеса, положила его подъ густой кустарникъ; но Минерва, знавшая божественное происхожденіе малютки, нарочно повела Юнону къ этому мѣсту и показала ей бѣднаго, покинутаго своей матерью, ребенка. Здоровый, прелестный мальчуганъ очень понравился Юнонѣ, и, какъ защитница и покровительница всѣхъ новорожденныхъ, она согласилась дать томившемуся отъ жажды малюткѣ пососать своего молока. Но мальчикъ, почувствовавъ въ ней инстинктивно своего врага, такъ сильно укусилъ ее, что она, вскрыкнувъ отъ боли, грубо оттолкнула его. Молоко брызнуло и, разлившись по небу, образовало млечный путь, а нѣсколько капель его, упавъ на землю, превратились въ лиліи. По этой-то причинѣ цвѣты эти у грековъ носили также названіе и розъ Юноны.

Другой варіантъ этой легенды гласитъ, будто бы Юпитеръ, желая сдѣлать Геркулеса безсмертнымъ, при-

казалъ Сну приготовить для Юноны снотворный напитокъ, и когда, напившись его, богиня эта погрузилась въ глубокій сонъ, то послалъ быстроногаго Меркурія подложить ей подъ грудь маленькаго своего любимца. Здоровый, проголодавшійся мальчуганъ принялся сосать съ жадностью, и изъ нѣсколькихъ пролитыхъ имъ на землю капель молока выросли тѣ прелестные бѣлые цвѣты, которые получили названіе лилій.

Но гораздо ранѣе грековъ лилія была извѣстна древнимъ персамъ, которыхъ столица даже называлась Суза *), т.-е. городъ лилій. По этой же причинѣ и въ гербѣ ея, какъ символъ непорочной красоты, красовалось нѣсколько этихъ цвѣтовъ.

Мы знаемъ далѣе, что и у древнихъ іудеевъ цвѣтокъ этотъ пользовался большой любовью и славой непорочности. По еврейскимъ сказаніямъ, онъ росъ въ раю какъ разъ во время искушенія Евы діаволомъ и могъ оскверниться имъ; тѣмъ не менѣе, и среди искушенія онъ остался такъ же чистъ какъ былъ, и ничья грязная рука не осмѣлилась коснуться его. Вслѣдствіе этого, евреи украшали имъ не только священные алтари свои, но нерѣдко и чело самихъ своихъ вѣнценосцевъ, какъ напр., царя Соломона. А великій тирскій архитекторъ, строившій храмъ Соломона, придалъ изящную форму лиліи чуднымъ капителямъ громадныхъ колоннъ этого храма и украсилъ изображеніями лиліи его стѣны и потолокъ, раздѣляя съ евреями мнѣніе, что цвѣтокъ этотъ красой своей будетъ способствовать усугубленію молитвеннаго настроенія среди молящихся въ храмѣ. По этой же причинѣ, вѣроятно, Моисей приказалъ изображеніемъ лиліи украшать седьмисвѣчникъ и придавать ея форму купели, гдѣ умывался первосвященникъ.

Существуетъ также преданіе, что подъ лиліей остановилась колыбель Моисея, но, конечно, не подъ бѣлой, а подъ желтой, которая обыкновенно растетъ среди тростниковъ и камышей.

Лилія встрѣчается и у египтянъ, у которыхъ ея изображеніе то и дѣло попадается въ іероглифахъ и обозначаетъ то кратковременность жизни, то свободу и надежду. Кромѣ того, бѣлыми лиліями, повидимому, украшались тѣла умершихъ молодыхъ египетскихъ дѣвушекъ;

*) Отъ этого же слова происходитъ, какъ думаютъ, и имя Сусанна, такъ какъ по-еврейски shucham значитъ также лилія.

по крайней мѣрѣ, подобная лилія была найдена на груди муміи молодой египтянки, хранящейся теперь въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ. Изъ этого же цвѣтка египтяне готовили знаменитое въ древности благовонное масло — **сузинонъ**, о которомъ подробно говорится у Гиппократа въ его трактатѣ «о природѣ женщины».

Не малую роль играла лилія и у римлянъ, особенно въ ихъ цвѣточныхъ празднествахъ, посвященныхъ богинѣ весны — Флорѣ.

Празднества эти происходили ежегодно въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца и представляли собой игрища, гдѣ женщины, при звукахъ трубъ и литавръ, состязались въ борьбѣ и бѣгѣ. Побѣдительницы получили въ награду вѣнки изъ цвѣтовъ и засыпались, какъ это и нынѣ часто дѣлается при чествованіи побѣдителей на играхъ, цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ. При поднесеніи вѣнковъ появлялась статуя самой богини, украшенная цвѣтами и гирляндами и покрытая розовымъ покрываломъ, которое она придерживала правой рукой; въ лѣвой же у нея находились горохъ и бобы, которые эдилы во время этихъ игръ бросали горстями, въ видѣ лакомства, римской черни. Празднества эти были основаны возлюбленной Помпея, Аккой Лауренціей, которую за ея необычайную красоту другой ея поклонникъ, Цецилій Метеллъ, причислилъ даже къ сонму богинь, поставивъ ея изображеніе въ храмѣ Кастора и Поллукса.

Кромѣ статуи богини, цвѣтами на этихъ празднествахъ были убраны всѣ ложи, весь амфитеатръ, вся арена и вся публика. И потому на убранство это требовалась такая масса цвѣтовъ, что ихъ даже искусственно выгоняли къ этому времени въ парникахъ и теплицахъ.

Среди украшавшихъ эти празднества цвѣтовъ главную роль играла роза, но бѣлая лилія служила признакомъ изысканнаго вкуса. Это былъ цвѣтокъ роскоши, цвѣтокъ изящества, цвѣтокъ, которымъ постоянно старались блеснуть богатые патриціи и патриціанки, убирая имъ какъ себя, такъ и свои ложи и даже свои колесницы. По этой же причинѣ цвѣтокъ этотъ считался у римлянъ символомъ надежды и изображеніе его помѣщалось даже на римскихъ монетахъ, какъ ожиданіе народомъ пріятныхъ благъ отъ царствующаго царя и сопровождалось словами: spes populi, spes augusta, spes populi romani.

Кромѣ того, греки и римляне смотрѣли на нее, какъ и мы, какъ на символъ непорочности и потому увѣнчивали невѣсту и жениха вѣнками изъ лилій и пшенич-

ныхъ колосьевъ въ знакъ тоїі чистой и полной изобилія жизни, которую имъ желаютъ.

Лилія встрѣчалась также и въ древне-германской миѳологіи, и богъ грома, Торъ, всегда изображался держащимъ молнію въ правой рукѣ, а скипетръ, увѣнчанный лиліей, въ лѣвой. Ею же украшалось чело древнихъ обитателей Помераніи во время празднествъ въ честь богини весны, а благоухающій ея вѣнчикъ служилъ въ германскомъ сказочномъ мірѣ волшебнымъ жезломъ для Оберона и жилищемъ маленькихъ сказочныхъ созданій — эльфовъ.

По словамъ этихъ сказаній, каждая лилія имѣетъ своего эльфа, который вмѣстѣ съ нею родится и вмѣстѣ съ нею умираетъ. Вѣнчики этихъ цвѣтовъ служатъ этимъ крошечнымъ созданіямъ колокольчиками, и, качая ихъ, они созываютъ на молитву своихъ благочестивыхъ собратій. Молитвенныя эти собранія происходятъ обыкновенно въ поздній вечерній часъ, когда въ садахъ все успокоилось и погрузилось въ глубокій сонъ. Тогда одинъ изъ эльфовъ бѣжитъ къ гибкому стеблю лиліи и начинаетъ его качать. Колокольчики лилій звонятъ и будятъ своимъ серебристымъ звономъ сладко спящихъ эльфовъ. Крошечныя существа просыпаются, вылѣзаютъ изъ своихъ мягкихъ постелекъ и, молча, съ важностью, отправляются въ вѣнчики лилій, которые служатъ имъ въ то же время какъ бы молельнями. Здѣсь они приклоняютъ свои колѣна, складываютъ набожно ручки и благодарятъ въ горячей молитвѣ Создателя за ниспосланныя имъ блага. Помолившись, они, также молча, спѣшатъ назадъ въ свои цвѣточныя люлечки и вскорѣ опять засыпаютъ въ нихъ глубокимъ, безпечнымъ сномъ...

Но нигдѣ лилія не имѣла такого историческаго значенія, какъ во Франціи, гдѣ съ ней связаны имена основателя французской монархіи — Хлодвига, королей — Людовика VII, Филиппа III, Франциска I, и цѣлая легенда о появленіи ея на знамени французскихъ королей. Объ этомъ появленіи знаменитыхъ трехъ золотыхъ лилій старинныя преданія сообщаютъ слѣдующее:

Говорятъ, что Хлодвигъ, будучи еще язычникомъ, видя, въ сраженіи при Толбіакѣ *), что аллеманы, съ которыми онъ велъ войну, берутъ верхъ надъ его воинами, воскликнулъ: «Христіанскій Богъ, Богъ, которому поклоняется моя жена Клотильда (дочь короля Хильпериха,

*) Теперь Цюльпихъ.

христіанка), помоги мнѣ одержать побѣду, я вѣрю въ Тебя!» И тогда внезапно явился ему ангелъ Божій съ вѣтвью лилій и сказалъ, чтобы отнынѣ онъ сдѣлалъ этотъ цвѣтокъ своимъ оружіемъ и завѣщалъ его и своимъ потомкамъ. Въ ту же минуту солдатъ Хлодвига охватило необычайное мужество, съ обновленными силами они устремились на врага и обратили его въ бѣгство. Въ благодарность за это Хлодвигъ въ 496 году по Р. Х. отправился въ Реймсъ и со всѣми своими франками, ихъ женами и дѣтьми принялъ святое крещеніе. И вотъ съ этихъ-то поръ лилія становится во Франціи эмблемой королевской власти подъ сѣнью церкви.

Но полученная отъ ангела Хлодвигомъ лилія, по мнѣнію многихъ ученыхъ, была не бѣлая, а огненно-красная. Это былъ, по ихъ мнѣнію, тотъ самый цвѣтокъ, который росъ въ восточной Фландріи, въ рѣчкѣ Ли (Lys), вливающейся въ Шельду, гдѣ произошла битва Хлодвига, послѣ которой побѣдоносные воины его, нарвавъ лилій, возвратились на родину съ вѣнками изъ этихъ цвѣтовъ на головѣ. Отъ названія этой же рѣчки, вѣроятно, произошло и французское названіе цвѣтка — (Ли, лисъ).

О красной этой лиліи, скажемъ кстати, сложилось даже особое преданіе. Разсказываютъ, будто, она превратилась изъ чисто-бѣлой въ ночь передъ крестнымъ страданіемъ Спасителя.

Когда Спаситель, говоритъ легенда, томимый тяжелой тоской, проходилъ въ эту ночь по Геѳсиманскому саду, то всѣ цвѣты склоняли передъ нимъ свои головки въ знакъ состраданія и печали. Но лилія, блестя въ темнотѣ своей несравненной бѣлизной, сказала себѣ въ самосознаніи своей красоты: я настолько прекраснѣе всѣхъ моихъ остальныхъ собратьевъ, что буду стоять прямо на своемъ стеблѣ и пристально смотрѣть, когда Онъ пройдетъ мимо меня, чтобы Онъ могъ хорошенько насладиться моей красотой и моимъ запахомъ.

И Спаситель, дѣйствительно, остановился на минуту, возможно даже, чтобы полюбоваться ею, но когда страдальческій взоръ Его при лунномъ свѣтѣ упалъ на нее, то лилія, сравнивъ свою гордость съ Его смиреніемъ и видя, какъ всѣ остальные цвѣты преклонили въ горѣ передъ Нимъ свои головки, вдругъ почувствовала такой упрекъ, такое угрызеніе совѣсти, что румянецъ стыда разлился по всѣмъ ея лепесткамъ... Румянецъ этотъ такъ и остался на ней навсегда.

Вотъ, добавляетъ легенда, почему красныя лиліи никогда не стоятъ съ поднятыми кверху головками и къ ночи смыкаютъ всегда свои лепестки.

Мнѣніе, однако, что лилія Хлодвига была красная, въ дальнѣйшемъ не подтверждается, такъ какъ королевскія французскія лиліи, являвшіяся эмблемой королей, были всегда бѣлыя.

Обращеніе Хлодвига въ христіанство произошло, какъ мы видѣли, еще въ V вѣкѣ, и съ этихъ поръ проходитъ много столѣтій, а о лиліи во французскихъ хроникахъ больше ничего не говорится. Единственнымъ воспоминаніемъ о ней за это время является лишь увѣнчанный этимъ цвѣткомъ скипетръ первыхъ французскихъ королей, хранящійся въ Сенъ-Жерменъ-Ле-Прс, старѣйшей изъ церквей Парижа, построенной еще въ XII столѣтіи.

Въ XII же столѣтіи избираетъ лилію своей эмблемой и Людовикъ VII, когда, отправляясь во второй крестовый походъ, какъ начальникъ отдѣльнаго отряда, по обычаю того времени, долженъ избрать себѣ какой-нибудь девизъ для помѣщенія на знамени.

Онъ избираетъ ее съ одной стороны потому, что названіе ея, произносившееся тогда Loys (Лои), имѣетъ нѣкоторое сходство съ его именемъ — Louis (Луи), а съ другой, и въ воспоминаніе того, что король Хлодвигъ при помощи ея одолѣлъ враговъ христіанства; онъ же идетъ тоже на борьбу съ невѣрными. Кромѣ того, эти лиліи должны были напоминать его воинамъ еще и геройскій подвигъ государя, который изгналъ изъ ихъ отечества римлянъ и былъ основателемъ французской монархіи.

Такимъ образомъ, здѣсь въ первый разъ появляется то бѣлое знамя съ тремя золотыми лиліями, которое становится впослѣдствіи эмблемой королевской власти и преданности папскому престолу.

Лилія встрѣчается также въ гербѣ Людовика IX святого, но только вмѣстѣ съ маргариткой, которую онъ присоединилъ, какъ память о его любимой женѣ Маргаритѣ. Три лиліи красовались также и на его знаменахъ, во время предпринятыхъ имъ крестовыхъ походовъ, и обозначали: состраданіе, правосудіе и милосердіе — три добродѣтели, которыми отличалось все царствованіе этого добрѣйшаго изъ королей.

Форму лиліи придавали также, какъ мы уже выше говорили, концу скипетра, и сама Франція называлась царствомъ лилій, а французскій король — королемъ лилій.

Про лиліи говорили: «les lys ne filent pas» (лиліи не прядутъ), указывая тѣмъ, что на французскомъ престолѣ

не можетъ быть женщина, а выраженіе: «être assis sur des lys» обозначало занимать высокую должность, такъ какъ цвѣтами лиліи были украшены не только всѣ стѣны судилищъ, но даже и всѣ сидѣнья стульевъ.

Наслѣдовавшій Людовику XI Филиппъ III Смѣлый былъ первый изъ французскихъ королей, котораго печать состояла просто изъ трехъ лилій, а при Карлѣ VII, жившемъ отъ 1422 до 1461 года, т.-е. 200 лѣтъ послѣ Филиппа III Смѣлаго, печать эта становится уже и государственнымъ гербомъ. Этотъ же король, желая почтить память Жанны д'Аркъ, не находитъ ничего болѣе высокаго и благороднаго, какъ возвести ея родныхъ въ дворянское достоинство подъ фамиліей du Lys (Лиліевыхъ) и дать имъ гербъ, представляющій собой на синемъ полѣ мечъ съ двумя лиліями по бокамъ и вѣнкомъ изъ лилій на верху.

При Людовикѣ XII лилія становится главнымъ украшеніемъ всѣхъ садовъ Франціи и называется цвѣткомъ Людовика, такъ какъ, по словамъ современниковъ, ничто лучше этого чистаго, безупречнаго цвѣтка не могло передать чистоту нравовъ и души этого отца народа.

Не малую роль играла лилія еще и въ изображеніи орденскихъ знаковъ. Людовикъ XVIII, возвратясь на престолъ послѣ стодневнаго царствованія Наполеона I, учредилъ орденъ бѣлой лиліи «Ordre du Lys», состоявшій изъ серебряной лиліи, привѣшенной на бѣлой шелковой лентѣ. Орденъ этотъ былъ розданъ имъ въ такомъ количествѣ, что сдѣлался какъ бы эмблемой партіи Бурбоновъ въ противоположность приверженцевъ Наполеона, которыхъ эмблемой, какъ мы выше видѣли, служила фіалка.

Замѣтимъ кстати, что во времена республики 1793 года республиканское правленіе всячески старалось унизить эту эмблему королевской власти и даже приказало клеймить изображеніемъ лиліи каторжниковъ.

На военныхъ же знаменахъ знакъ лилій былъ замѣненъ орломъ съ распростертыми крыльями, а въ 1830 - 48 году — галльскимъ пѣтухомъ.

Въ эту эпоху знаменитый Тюльерійскій садъ въ Парижѣ былъ всегда переполненъ чудными бѣлыми лиліями, но вдругъ онѣ исчезли. Говорятъ, что это случилось по приказанію короля Луи Филиппа, который велѣлъ всѣхъ ихъ срѣзать. На сколько это вѣрно, неизвѣстно, но съ 1830 лиліи болѣе въ этомъ саду не цвѣли.

Другой орденскій знакъ, въ которомъ были изображены лиліи, былъ установленъ еще въ 1048 году наварскимъ королемъ Донъ-Гарсіа IV. Далѣе, папа Павелъ III

учредилъ въ 1546 году также орденъ лиліи, которымъ награждалъ преимущественно поборниковъ церкви и папскаго престола, а папа Павелъ IV учредилъ его и поставилъ выше всѣхъ другихъ орденовъ. Изображеніе же лиліи находятся и въ высшемъ итальянскомъ орденѣ Аннунціаты, основанномъ въ 1362 г. герцогомъ савойскимъ Амедеемъ VI.

Кромѣ того, лилія вообще считалась очень почетнымъ знакомъ во французскихъ гербахъ и встрѣчалась также на монетахъ. Людовикъ XIV выпустилъ въ оборотъ въ 1655 году монеты, носившія даже названія золотыхъ и серебряныхъ лилій (lys d'or et d'argent). Золотая лилія стоила 7 ливровъ (фунтовъ серебра) и содержала въ себѣ 23 карата золота. На одной сторонѣ ея находилось изображеніе короля или украшеннаго лиліями и увѣнчаннаго на концахъ коронами креста, а на другой — гербъ Франціи съ лиліями, поддерживаемый двумя ангелами.

Серебряныя лиліи были трехъ достоинствъ: въ 20, 10 и 5 су. Онѣ имѣли изображеніе короля съ короной на лицевой сторонѣ, а на оборотной — изображеніе креста изъ 8 переплетшихся L, увѣнчаннаго короной и окруженнаго четырьмя лиліями. Монеты эти ходили очень недолго: серебряныя были упразднены въ слѣдующемъ же году, а золотыя продержались до 1679 года. Теперь онѣ представляютъ, особенно серебряныя, большую рѣдкость и отсутствуютъ даже во многихъ, самыхъ большихъ нумизматическихъ коллекціяхъ.

Изображеніе лиліи имѣли также еще и другія французскія монеты — флорины, введенные впервые въ употребленіе во Флоренціи и носившіе такое названіе отъ итальянскаго слова: florino (цвѣтокъ), подъ которымъ часто подразумѣвались лиліи, красовавшіяся въ гербѣ Флоренціи. Первые флорины появились во Франціи въ царствованіе Людовика IX. На одной сторонѣ ихъ находились изображеніе короля или Іоанна Крестителя, а на другой — окруженный лиліями, крестъ съ надписью: Christus vincit, Chr. regnat, Chr. imperat (Христосъ побѣждаетъ, Хр. царствуетъ, Хр. правитъ).

Лилія пользовалась вообще большой любовью во Франціи. Цвѣтокъ этотъ считался искони выраженіемъ высшей степени благоволенія и уваженія, и потому въ аристократическихъ семьяхъ было въ обычаѣ, чтобы женихъ посылалъ своей невѣстѣ каждое утро, вплоть до самой свадьбы, букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, среди которыхъ должно было быть непремѣнно нѣсколько бѣлыхъ лилій.

Такою же любовью пользуется лилія и у южныхъ сосѣдей Франціи: испанцевъ и итальянцевъ. У этихъ народовъ и вообще во всѣхъ католическихъ земляхъ она считается, преимущественно, цвѣткомъ Пресвятой Дѣвы, вслѣдствіе чего изображеніе Божьей Матери окружено здѣсь постоянно гирляндой изъ этихъ цвѣтовъ. Въ вѣнкахъ же изъ лилій идутъ здѣсь дѣвушки въ первый разъ къ Св. Причастію, что дѣлается въ память того, что, будто, въ такихъ вѣнкахъ въ первыя времена христіанства всѣ дѣвушки принимали и Св. Крещеніе.

Въ Пиренеяхъ сверхъ того существуетъ съ незапамятныхъ временъ обычай ежегодно 24-го іюня, въ Ивановъ день, приносить срѣзанные въ громадномъ количествѣ лиліи въ церковь и ставить ихъ въ большихъ изящныхъ вазахъ для освященія. Здѣсь онѣ остаются впродолженіи всей обѣдни и окропляются св. водой, а затѣмъ, изъ освященныхъ такимъ образомъ лилій дѣлаютъ букеты и, расположивъ ихъ крестъ-на-крестъ, прибиваютъ надъ дверью каждаго дома, который съ этой минуты считается уже какъ бы подъ охраной Іоанна Крестителя. Тутъ букеты эти остаются до слѣдующаго Иванова дня.

Существуетъ преданіе, что съ лиліей въ рукѣ явился въ день Св. Благовѣщенія архангелъ Гавріилъ къ Пресвятой Дѣвѣ, и потому на всѣхъ нашихъ иконахъ, представляющихъ это событіе, онъ изображается всегда съ вѣтвью этихъ цвѣтовъ. Съ такой же вѣтвью, какъ символомъ чистоты и непорочности, изображаются у католиковъ св. Іосифъ, св. Іоаннъ, св. Францискъ, св. Норбертъ, св. Гертруда и нѣкоторые другіе святые. Лиліями же убирается въ подземныхъ римскихъ катакомбахъ и гробница св. Цециліи.

Германія тоже не мало увлекалась лиліей.

Мы уже выше говорили о роли этого цвѣтка въ древне-германской миѳологіи; но кромѣ того, о немъ существуетъ здѣсь еще не мало разныхъ легендъ и внѣ миѳологическихъ сказаній.

Лилія, надо сказать, разводилась въ среднихъ вѣкахъ въ громадномъ количествѣ въ монастырскихъ садахъ и достигла здѣсь такой величины и красоты, что невольно возбуждала всеобщее удивленіе и тѣмъ порождала среди невѣжественной массы не мало сказаній, связанныхъ съ жизнью монаховъ.

Такъ, въ Корвейскомъ монастырѣ, существовавшемъ въ средніе вѣка на рѣкѣ Везерѣ, на основаніи этихъ сказаній, она играла роль цвѣтка смерти. Каждый разъ

тотъ изъ братій, кто долженъ былъ умереть, находилъ за три дня до смерти на своемъ стулѣ въ церкви бѣлую лилію.

И вотъ, однажды, какъ разсказываетъ одно изъ этихъ преданій, одинъ изъ честолюбивыхъ монаховъ задумалъ, было, воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ стараго надоѣдливаго настоятеля монастыря и занять его мѣсто. Тайно, добывъ вѣтку лилій, онъ положилъ ее на мѣсто престарѣлаго пріора, и старичокъ, испугавшись, не замедлилъ дѣйствительно отдать Богу душу. Желаніе честолюбца исполнилось, и онъ былъ избранъ настоятелемъ. Но, занявъ такъ соблазнявшее его положеніе, онъ съ этихъ поръ не находилъ болѣе себѣ покоя. Угрызенія совѣсти его мучили, всякая радость, всякое спокойствіе духа исчезли, онъ постепенно зачахъ и, сознавшись на предсмертной исповѣди въ содѣянномъ имъ преступленіи, умеръ...

Интересно также существующее въ горахъ Гарца сказаніе «о цвѣтущей ночью лиліи».

Дѣло происходило близъ городка Лауенбурга. Прелестная крестьянская дѣвушка, Алиса, отправилась съ матерью въ лѣсъ за хворостомъ, какъ вдругъ по дорогѣ повстрѣчались съ властителемъ этой страны, графомъ Лауенбургскимъ, большимъ донъ-жуаномъ и волокитой. Прельстившись ея красотою, графъ тотчасъ же приглашаетъ ее придти къ себѣ въ замокъ и обѣщаетъ обогатить ее и сдѣлать счастливѣйшей изъ смертныхъ. Зная его жестокость и упорство, мать для виду тоже уговариваетъ Алису согласиться на предложеніе графа, но какъ только онъ уѣзжаетъ, бѣжитъ съ дочерью въ сосѣдній монастырь и умоляетъ настоятельницу укрыть ихъ отъ преслѣдованій графа.

Вскорѣ, однако, графъ открываетъ ихъ убѣжище, беретъ приступомъ со своими рыцарями монастырь и похищаетъ несчастную. Обхвативъ ее крѣпко, онъ мчится съ ней на конѣ въ свой замокъ и въ полночь въѣзжаетъ къ себѣ на дворъ. Но горный духъ вступается за нее, похищаетъ у нея душу, и графъ привозитъ къ себѣ Алису, уже мертвую.

Ее снимаютъ съ коня, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея ноги коснулись земли — выростаетъ чудная, бѣлая лилія, которая въ народѣ слыветъ съ тѣхъ поръ подъ названіемъ «лауенбургской лиліи».

Очень красива еще легенда о лиліи, разсказанная въ нормандскихъ народныхъ сказаніяхъ.

Одинъ рыцарь, извѣрившись въ любовь женщинъ и не будучи никакъ въ состояніи найти себѣ жену, сталъ по цѣлымъ днямъ проводить время на кладбищахъ, какъ бы вопрошая смерть, не укажетъ ли она ему путь къ счастью?

И вотъ, блуждая среди могилъ, онъ встрѣтилъ въ одно прекрасное утро женщину такой красоты, какой не могъ даже себѣ и представить. Она сидѣла на одной изъ мраморныхъ плитъ, разодѣтая въ роскошное платье, съ чудными блестящими драгоцѣнными камнями на поясѣ. Ея волосы были золотисты, какъ пыльца лиліи, которую она держала въ рукахъ.

Вокругъ нея распространялось такое чудное благоуханіе, и она сама была такъ плѣнительна, что душа рыцаря исполнилась какимъ то благоговѣніемъ и онъ ставъ на колѣни, поцѣловалъ ея руку.

Отъ этого поцѣлуя красавица какъ бы пробудилась ото сна и, улыбнувшись ему, сказала:

— Не хотите ли вы, рыцарь, взять меня съ собой въ замокъ? Вы ждали меня долго, и вотъ я явилась, такъ какъ наступилъ наконецъ часъ, когда я могу собой располагать. Я вамъ дамъ то счастье, которое вы такъ долго искали. Но прежде, чѣмъ отправиться съ вами, вы должны обѣщать мнѣ, что никогда въ моемъ присутствіи не будете говорить о смерти, и что даже самое слово «смерть» никогда въ вашемъ домѣ не будетъ произнесено. Думайте обо мнѣ, какъ объ олицетвореніи жизни на землѣ, какъ о цвѣткѣ юности, какъ о нѣжности любви и думайте только такъ постоянно.

Восхищенный рыцарь посадилъ красавицу на свою лошадь, и они поѣхали. Животное пустилось скакать, какъ бы не чувствуя никакого прибавленія вѣса, и когда они проѣзжали по полямъ, то дикія цвѣты наклоняли свои головки, деревья нѣжно шелестили листьями, и весь воздухъ былъ напоенъ чуднымъ запахомъ, какъ изъ какого-то невидимаго поля лилій.

И вотъ они женились и были очень счастливы. И если иногда свойственная рыцарю меланхолія и овладѣвала имъ, то стоило только молодой женѣ вдѣть въ волосы или приколоть на грудь лилію, какъ всю печаль его, какъ рукой, снимало.

Наступило Рождество. Молодые рѣшили пригласить сосѣдей и устроить пиръ на славу.

Столы были изубраны цвѣтами, дамы весело улыбались и такъ и блестѣли отъ покрывавшихъ ихъ платья

драгоцѣнныхъ камней, а мужчины были въ самомъ веселомъ настроеніи духа, смѣялись, шутили.

А въ то время, какъ всѣ пировали, приглашенный пѣвецъ-трубадуръ пѣлъ то о любви, то о турнирѣ и рыцарскихъ подвигахъ, то о благородствѣ и чести. Потомъ, воодушевившись, перешелъ къ еще болѣе возвышеннымъ темамъ и запѣлъ о небесахъ и о переселеніи въ нихъ черезъ смерть.

И вдругъ при этихъ словахъ красавица-лилія поблѣднѣла и начала увядать, какъ цвѣтокъ, сраженный морозомъ.

Въ отчаяніи схватываетъ рыцарь ее въ свои объятія, но съ ужасомъ видитъ, что она все съеживается и съеживается и онъ держитъ въ своихъ объятіяхъ уже не женщину, а лилію, которой дивные лепестки такъ и осыпаются на землю. Между тѣмъ въ воздухѣ слышатся тяжелые вздохи, какъ бы рыданія, и вся зала наполняется тѣмъ чуднымъ запахомъ, какой онъ чувствовалъ при первой съ ней встрѣчѣ.

Отчаянно махнувъ рукой, рыцарь удаляется и исчезаетъ во мракѣ ночи, чтобы никогда уже болѣе не появляться...

Перемѣны произошли и на дворѣ: сдѣлалось холодно, мрачно, и ангелы засыпали съ неба землю лепестками лилій, какъ снѣгомъ.

Въ Германіи съ лиліей связано также не мало сказаній о загробной жизни.

Она служитъ у нѣмцевъ, какъ и надгробная роза, свидѣтельствомъ то преданности, то посмертной мести покойника. По народному повѣрью, ее никогда не сажаютъ на могилу, а она сама выростаетъ здѣсь подъ вліяніемъ какой-то невидимой силы и выростаетъ преимущественно на могилахъ самоубійцъ и людей, погибшихъ насильственной и вообще страшной смертью. Если она выростаетъ на могилѣ убитаго, то служитъ знакомъ грозящей мести, а на могилѣ грѣшника — прощенія и искупленія имъ грѣховъ. Такое повѣрье разсказано, между прочимъ, даже въ извѣстной средневѣковой балладѣ «Der Mordknecht» (слуга-убійцы).

Баллада эта разсказываетъ, какъ одна благородная дама, по желанію своего возлюбленнаго, уговорила преданнаго ей слугу убить своего мужа, напавъ на него врасплохъ среди поля. Слуга выполняетъ порученіе, прекрасная дама хвалитъ его и щедро его награждаетъ; но когда она проѣзжаетъ на своемъ сѣромъ конѣ по полю, гдѣ совершено убійство, то вдругъ растущія тутъ бѣлыя лиліи

начинаютъ грозно кивать ей головками. Страхъ и угрызеніе совѣсти овладѣваютъ ею, ни днемъ, ни ночью она не находитъ болѣе покоя и идетъ въ монастырь.

На лиліяхъ же, выражающихъ искупленіе грѣховъ, появляются всегда какія-нибудь, написанныя золотыми буквами, слова. О такихъ словахъ, напр., говорится въ средневѣковыхъ пѣсняхъ о рыцаряхъ-разбойникахъ Шютензамѣ и Линденшмитѣ, пойманныхъ и казненныхъ нюренбергцами, а также въ пѣснѣ о графѣ Фридрихѣ, убившемъ нечаянно выпавшимъ у него изъ ноженъ мечомъ свою невѣсту. Приведенный въ отчаяніе отецъ ея убиваетъ его, и пѣсня кончается словами: «Прошло три дня, и на его могилѣ выросли 3 лиліи, на которыхъ было написано, что Господь принялъ его къ себѣ, въ свои св. обители».

Наконецъ, она служитъ какъ бы привѣтомъ покойника оставшимся на землѣ дорогимъ для него существамъ, вслѣдствіе чего существуетъ даже повѣрье, что этотъ цвѣтокъ сажается на могилѣ духомъ покойника.

Скажемъ еще, что, нѣкоторыя кавказскія лиліи могутъ подъ вліяніемъ дождя желтѣть и краснѣть, и потому кавказскія дѣвушки пользуются ими для гаданія.

Избравъ бутонъ лиліи, онѣ раскрываютъ его послѣ дождя, и если онъ окажется внутри желтымъ, то суженый ихъ невѣренъ, если же красный, то попрежнему любитъ.

Основаніемъ этого повѣрья послужила очень интересная, возникшая еще въ XI столѣтія, легенда.

Однажды, говоритъ эта легенда, одинъ узденъ, возвратясь съ набѣга, привелъ съ собой юношу, сына погибшаго во время одной схватки товарища, и усыновилъ его.

Юноша, поселясь въ домѣ своего второго отца, познакомился съ его дочерью, красавицей Тамарой, сошелся съ ней и влюбился въ нее. Она въ свою очередь отвѣчала ему тѣмъ же и молодые люди рѣшили повѣнчаться.

Но отецъ просваталъ ее за другого.

Тогда юноша предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ, но дѣвушка, какъ покорная всегда волѣ отца, на это не соглашается и обѣщаетъ только помолиться о благополучномъ исходѣ, будучи увѣрена, что все обойдется благополучно, если она только сходитъ къ одному святому отшельнику, живущему въ горахъ и попроситъ его объ этомъ.

И вотъ, собравъ нѣсколькихъ слугъ и родственниковъ, Тамара отправляется къ нему. Приходятъ. Сопровождающіе ее остаются наружи, а она входитъ въ его

келью. Въ это время разражается страшная гроза. Дождь льетъ, какъ изъ ведра, молнія такъ и сверкаетъ, громъ гремитъ, не переставая. Свитѣ еле-еле удается укрыться въ сосѣдней пещерѣ.

Гроза проходитъ, свита ждетъ часъ, другой, наступаетъ вечеръ, а Тамары все нѣтъ.

Тогда всѣ родственники идутъ къ монаху спросить, что съ Тамарой, отчего она не появляется? Но отшельникъ говоритъ имъ: «Господь услышалъ нашу молитву. Тамара болѣе не томится душой, болѣе не страдаетъ. Смотрите сюда!»

Сопровождающіе, слѣдуя знаку монаха, смотрятъ и видятъ въ его саду такой красоты лилію, какой имъ до этого времени никогда не приходилось видѣть. Чудный запахъ ея доносится до нихъ, какъ какой ѳиміамъ.

Но ими овладѣваетъ сомнѣніе. Они не хотятъ вѣрить въ чудо: вытаскиваютъ затворника изъ его кельи, обыскиваютъ все жилище, весь садъ и, придя въ неописуемый гнѣвъ, нападаютъ на него и убиваютъ.

Затѣмъ, недовольные этимъ, они сжигаютъ все, что можетъ горѣть, разрушаютъ домъ, разбиваютъ изображенія святыхъ, ломаютъ старыя деревья, уничтожаютъ всю его библіотеку — словомъ, когда идутъ наконецъ сообщить отцу о таинственномъ исчезновеніи Тамары, то на мѣстѣ пожарища и разрушенія остается одна только лилія.

Узнавъ о гибели своей дорогой, незабвенной дочери, отецъ умираетъ, но юноша спѣшитъ на мѣсто преображенія цвѣтка и, остановившись передъ нимъ, спрашиваетъ: «Правда ли, что это ты, Тамара?» — И вдругъ раздается тихій, какъ отъ дуновенія какого вѣтерка, шопотъ: «Да, это я».

Въ отчаяніи юноша наклоняется къ ней и крупныя слезы его падаютъ на землю возлѣ лиліи. И видитъ онъ, что лепестки лиліи начинаютъ желтѣть, какъ бы отъ ревности, а когда слѣдующія падаютъ на цвѣтокъ, то онѣ окрашиваются въ красный цвѣтъ, какъ отъ радости.

Ясно, что это его дорогая, милая Тамара. Что ей пріятны его слезы, что она жаждетъ ими упиться.

И онъ льетъ ихъ, льетъ ихъ безъ конца, такъ что къ ночи Господь, сжалившись надъ нимъ, превращаетъ его въ дождевую тучу, чтобы онъ могъ какъ можно чаще освѣжать лилію-Тамару дождевыми каплями, какъ своей любовью.

И вотъ теперь, когда на Кавказѣ начинается засуха, деревенскія дѣвушки съ пѣніемъ пѣсни о Тамарѣ от-

правляются на жаждущія влаги поля и усыпаютъ ихъ цвѣтами лилій.

Привлеченная дорогимъ для нея цвѣткомъ, туча собирается и обильно обливаетъ землю своими горючими слезами...

Въ заключеніе упоминаемъ еще о значеніи лилій въ Китаѣ.

Въ этой странѣ курьезовъ подъ названіемъ золотой лиліи является не нашъ очаровательный цвѣтокъ, а изуродованная копытообразная нога китаянки, считающаяся у сыновъ Небесной имперіи, какъ извѣстно, верхомъ красоты. Благодаря такимъ изуродованнымъ ногамъ, походка китаянокъ бываетъ обыкновенно очень медленна и неграціозна и для того, чтобы удержаться въ равновѣсіи, бѣднымъ женщинамъ приходится шататься изъ стороны въ сторону и сильно размахивать руками. Но именно это-то шатаніе и уподобляется китайцами нѣжному колыханію лилій, а вызывающія его изуродованныя ноги — самой лиліи.

Что сказала бы на это лилія, еслибъ она только могла говорить?

Цвѣтокъ рыцарей, любви и гаданій—маргаритка.

Этотъ небольшой, бѣленькій или розоватый, образующій прекрасные бордюры на нашихъ клумбахъ и красивыя группы на зеленомъ газонѣ, цвѣточекъ имѣетъ очень красивую легенду о своемъ происхожденіи.

Разсказываютъ, что Пресвятая Богородица, желая однажды зимою доставить удовольствіе маленькому Іисусу и подарить ему вѣнокъ изъ цвѣтовъ, не найдя ни одного на побитыхъ холодомъ поляхъ, рѣшила сдѣлать ихъ сама искусственно изъ шелка.

И вотъ, выдѣлывая различные цвѣты, она сдѣлала одни, которые особенно понравились младенцу Іисусу. Это были маленькія маргаритки, сдѣланныя изъ желтой шелковой матеріи и толстыхъ бѣлыхъ нитей. Приготовляя ихъ, Пресвятая Богородица не разъ колола себѣ пальцы иглой, и капли крови ея окрасили мѣстами эти нити въ красноватый или розоватый цвѣтъ. Вотъ почему, кромѣ бѣлыхъ лепестковъ встрѣчаются и розоватые и потому на нижней сторонѣ онѣ часто бываютъ окрашены въ красный цвѣтъ.

Цвѣты эти такъ понравились младенцу Іисусу, что онъ хранилъ ихъ всю зиму, какъ драгоцѣнность, и, когда наступила весна, высадилъ ихъ въ долинѣ Назарета и сталъ ихъ поливать. И вдругъ искусственные цвѣты эти ожили, пустили корни, стали расти и, разрастаясь все болѣе и болѣе и переселяясь изъ одной страны въ другую, вскорѣ разрослись по всей землѣ. И теперь, какъ бы въ воспоминаніе объ этомъ чудѣ, цвѣтутъ

эти прелестные цвѣточки съ ранней весны и до глубокой осени, и нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы ихъ нельзя было встрѣтить.

По другому сказанію, маргаритокъ называютъ «цвѣтками Пресвятой дѣвы Маріи» и о происхожденіи этого названія разсказываютъ слѣдующее.

Когда Пресвятая Дѣва Марія по полученіи отъ архангела Гавріила благой вѣсти, отправилась сообщить объ этомъ своей родственницѣ Елизаветѣ, то ей пришлось долго итти по горамъ и долинамъ Іудеи.

И вотъ, когда она проходила по полямъ, то всюду, гдѣ только нога будущей Божіей Матери касалась земли, всюду выростали маленькіе блестящіе бѣлые цвѣточки, такъ что весь путь ея, обозначаясь ими, образовывалъ какъ бы цѣлую цвѣточную дорожку. Цвѣты эти — были наши скромные бѣлые маргаритки.

Бѣлые, окружавшіе въ видѣ сіянія лепестки ихъ напоминали славу Божію, а золотая середина — священный огонь, горѣвшій въ сердцѣ Маріи.

По другому же варіанту дѣло произошло такъ.

Когда Пресвятая Дѣва Марія, будучи еще ребенкомъ, смотрѣла ночью на небо, усѣянное безчисленными блестящими звѣздами, то высказала желаніе: какъ хорошо бы было, если бы всѣ эти чудныя звѣзды сдѣлались земными цвѣтами и она могла бы съ ними играть.

Тогда звѣзды, услышавъ это пожеланіе, сейчасъ же отразились въ покрывавшихъ наземныя растенія блестящихъ капляхъ росы и когда на другое утро солнце озарило землю, то она вся была усѣяна, какъ звѣздами, бѣлыми цвѣточками.

Пресвятая Дѣва была въ восхищеніи, украсила ими себя и сказала, что они вѣчно будутъ ея любимыми цвѣтами и пусть называются цвѣтами Маріи.

И съ тѣхъ поръ, заканчиваетъ сказаніе, цвѣты эти заключаютъ въ себѣ счастье и ихъ вопрошаютъ о немъ, пересчитывая и обрывая ихъ лепестки.

Таковы христіанскія легенды о происхожденіи маргаритки, но цвѣтокъ этотъ имѣетъ еще и языческія.

Латинская легенда говоритъ, что когда однажды прелестная лѣсная дріада Белидесъ плясала и рѣзвилась съ возлюбленнымъ своимъ Ефигеемъ, то обратила на себя вниманіе этрусскаго бога временъ года — Вертумна, который, прельстившись ею, хотѣлъ во что бы то ни стало обнять ее и увести съ собой.

Въ отчаяніи и безсиліи бѣдняжка, не зная, что дѣлать, какъ отвязаться отъ неотступно преслѣдовавшаго ее старика, обратилась съ мольбой къ безсмертнымъ спасти ее, и боги, сжалившись надъ ней, превратили ее въ хорошенькій полевой цвѣтокъ. Цвѣтокъ этотъ получилъ названіе bellis perennis — вѣчной красавицы, которымъ теперь и обозначаютъ нашу маргаритку въ наукѣ.

Другая легенда говоритъ, что она возникла изъ праха Альцесты, жены Өессалійскаго царя Адмета, которая пожертвовала своей жизнью, чтобъ спасти жизнь мужа.

Адметъ этотъ былъ любимцемъ Аполлона, который упросилъ богинь судьбы, Мойръ, не дать ему умереть въ назначенный часъ, если кто-либо другой согласится принять за него смерть.

Насталъ часъ, но никто изъ друзей не рѣшается за него умереть. Даже и престарѣлые его родители и тѣ не хотятъ пожертвовать за него свою жизнь. Только вѣрная жена его Альцеста отказывается отъ полной радости жизни и умираетъ за него.

Тогда Геркулесъ, зашедшій къ нему во время совершенія своихъ подвиговъ, узнавъ случайно объ этомъ великомъ самоотверженномъ и великодушномъ поступкѣ, рѣшается во что бы то ни стало возвратить ее снова къ жизни.

Онъ отправляется въ Адъ и добивается у Өанатоса (смерти), чтобы онъ опять вернулъ ее на землю; но такъ какъ въ человѣческомъ видѣ она не можетъ уже вернуться, то появляется въ видѣ цвѣтка — маргаритки.

Скажемъ кстати, что названіе свое «маргаритка» цвѣтокъ получилъ отъ греческаго слова margarites, обозначающаго, «жемчужина», такъ какъ покрывающіе зеленые луга безчисленные ея бѣлые цвѣточки, дѣйствительно кажутся, какъ бы жемчужинками.

Въ сѣверныхъ сагахъ маргаритка посвящалась еще богинѣ весны, и гирляндой изъ ея цвѣтовъ обвивали каждую весну кубокъ этой богини; кромѣ того цвѣты ея приносились въ жертву богинѣ любви — Фреѣ, и потому ей давали нерѣдко названіе цвѣтка любви и невѣсты солнца.

Въ этомъ послѣднемъ названіи и приношеніи цвѣтка въ жертву богинѣ любви кроется, по мнѣнію многихъ ученыхъ, и происхожденіи извѣстной всѣмъ роли этого цвѣтка въ качествѣ любовнаго оракула.

Эту роль цвѣтка для гаданія «любитъ, не любитъ» маргаритка, повидимому, начинаетъ играть уже съ неза-

памятныхъ временъ и при томъ не только въ одномъ какомъ-либо отдѣльномъ государствѣ, а почти во всѣхъ западно-европейскихъ, исключая развѣ Англіи. По-нѣмецки существуетъ даже особое ея народное названіе «Maasliebchen», т.-е. мѣрка любви, которое ведетъ свое начало съ древнихъ временъ и имѣетъ своей основой старинную дѣтскую игру, соединенную съ обрываніемъ ея лепестковъ.

Зайдя далеко въ лѣсъ или поле и боясь, какъ бы родители ихъ не стали бранить, дѣти въ Германіи обыкновенно брали, да и теперь берутъ, такую маргаритку и, обрывая ея лепестки, гадаютъ, будутъ ли ихъ бранить дома или нѣтъ, приговаривая: Schläge, Schelten, gute Worte (побои, брань, добрыя слова) — и то слово, при которомъ будетъ оборванъ послѣдній лепестокъ, и должно обозначать, что̀ ихъ ожидаетъ.

Словомъ, дѣлаютъ то же самое, что, мы видимъ, теперь дѣлаютъ наши молодые люди (особенно барышни), обрывая лепестки и приговаривая: «любитъ, не любитъ, плюнетъ, поцѣлуетъ, къ сердцу прижметъ, къ чорту пошлетъ», и что было выведено еще Гёте въ Фаустѣ, когда, гуляя въ саду подъ руку съ Фаустомъ, Маргарита срываетъ маргаритку и, обрывая ея лепестки, шепчетъ:

„Онъ любитъ, нѣтъ;
Онъ любитъ, нѣтъ;
Онъ любитъ...“

Только въ наше время оракуломъ этимъ служитъ чаще не маленькая маргаритка, называемая по-французски «paquerette», а носящая во Франціи названіе маргаритки — красивая, крупная, съ желтой серединой и бѣлыми крупными лучами, полевая ромашка (по-русски — поповникъ), у которой лепестковъ менѣе, да и лепестки эти гораздо крупнѣе, такъ что, слѣдовательно, и обрывать ихъ легче, и результата можно добиться скорѣе. Если не ошибаемся, съ такой же ромашкой происходитъ и сцена въ Фаустѣ.

Кромѣ Германіи, маленькая маргаритка играла роль любовнаго оракула также еще и среди сельскаго населенія многихъ провинцій Франціи, и въ Нормандіи, напр., съ незапамятныхъ временъ существуетъ даже пѣсенка:

„Marguerite,
Fleur petite.
Rouge au bord,
Verte autour,
Dis le sort de mes amours...“

(Маргариточка, маленькій цвѣточекъ, красный по краямъ и съ зеленою каймою, открой (скажи) судьбу моей любви).

Пѣсенка эта сопровождалась обрываніемъ лепестковъ и гаданіемъ по нимъ.

Особенно, однако, этотъ способъ гаданія судьбы былъ развитъ въ средніе вѣка, когда вмѣсто маргаритки часто прибѣгали даже къ узелкамъ на случайно сорванной травинкѣ, число которыхъ также опредѣляло судьбу, какая ожидала гадающаго.

Вообще маргаритка играла не малую въ это время роль, особенно у рыцарей, и рыцарь, напр., возлюбленная котораго изъявляла согласіе отдать ему свое сердце, получалъ право изобразить на своемъ щитѣ маргаритку. Если же возлюбленная не хотѣла ему сказать ни да, ни нѣтъ, и только какъ бы склонялась къ этому, то, въ отвѣтъ на выраженную имъ любовь, дарила ему вѣнокъ изъ маргаритокъ, который на средневѣковомъ языкѣ цвѣтовъ обозначалъ: «я еще подумаю».

И такой скромный, даже смѣшной, по нашему мнѣнію, вѣночекъ вселялъ сильную надежду въ сердце рыцаря, заставляя его сердце биться сильнѣе, а самого рыцаря проявлять чудеса храбрости и жертвовать даже своею жизнью.

Особенно эта поэтическая, мечтательная любовь, заставлявшая, какъ мы сейчасъ сказали, дѣлать иногда поразительные подвиги и не щадить своей жизни, царила во времена трубадуровъ, когда поклоненіе дамѣ сердца достигло, такъ-сказать, своего апогея. Въ это время и возникла во Франціи впервые игра à la franche marguerite (въ откровенную маргаритку) — гаданіе по ея лепесткамъ.

Просматривая хроники того времени, то и дѣло натыкиваешься на разсказы объ этихъ гаданіяхъ. Но, кромѣ того, даже и самое изображеніе маргаритки, въ виду, быть-можетъ, одинаковости ея названія съ именемъ многихъ выдававшихся въ средніе вѣка своей красотой или какими-нибудь другими качествами женщинъ, считалось въ это время верхомъ изящества и выраженія почтенія.

Такъ, разсказываютъ, что за торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ Карломъ Смѣлымъ въ день его бракосочетанія съ англійской принцессой Маргаритой, появилось чудо механики того времени — автоматъ въ видѣ единорога. На спинѣ этого сказочнаго животнаго находился леопардъ, державшій въ одной лапѣ щитъ съ государственнымъ гербомъ Англіи, а въ другой — маргаритку. Объѣхавъ вокругъ стола, единорогъ остановился передъ гер-

цогомъ, и сопровождавшій его рыцарь, вынувъ изъ лапы леопарда эту маргаритку, передалъ ее герцогу, сказавъ при этомъ остроумный, имѣвшій отношеніе къ принцессѣ и къ цвѣтку каламбуръ.

Подобный же рыцарскій привѣтъ былъ высказанъ Маргаритѣ, дочери Франциска I, когда, сочетавшись бракомъ съ Эммануиломъ-Филибертомъ Савойскимъ, она прибыла на родину своего мужа, Савойю. Какъ только она ступила ногою на Савойскую землю, ей тотчасъ же поднесли отъ имени ея супруга изящную, золотую, украшенную драгоцѣнными камнями свадебную корзину, всю наполненную прелестными бѣлыми маргаритками и обвязанную красивой розовой лентой, на которой находилась слѣдующая надпись:

„Toutes les fleurs ont leur mérite,
Mais quand mille fleurs à la fois
Se présenteraient à mon choix
Je choisirai la Marguerite...“

(Каждый цвѣтокъ имѣетъ свою прелесть (достоинство), но если бы мнѣ представили на выборъ сразу тысячу цвѣтовъ, то я все-таки выбралъ бы маргаритку).

Людовикъ Благочестивый соединилъ также этотъ цвѣтокъ съ именемъ своей жены Маргариты.

Онъ приказалъ сдѣлать распятіе, которое помѣстилъ въ видѣ герба на своемъ перстнѣ и окружить его вѣнкомъ изъ маргаритокъ и лилій. Такимъ образомъ, перстень этотъ напоминалъ ему всегда о Спасителѣ, Франціи и его дорогой женѣ. Съ этой поры имя это сдѣлалось среди принцессъ любимымъ. Его носили: герцогиня Анжуйская, мать Генриха VII, сестра Франциска I и др.

Его носитъ и мать нынѣ царствующаго итальянскаго короля, чрезвычайно популярная среди народа за свое сердечное отношеніе къ бѣднякамъ и ихъ дѣтямъ, вслѣдствіе чего въ связи съ ея именемъ и этой ея любовью къ бѣднотѣ Мантегацца написалъ даже слѣдующую сказку о происхожденіи маргаритки.

«Великое солнце», говоритъ онъ, «ничто не любитъ такъ, какъ цвѣты, ни о чемъ такъ не заботится и ничто такъ не ласкаетъ.

И потому всѣ растенія въ теченіе столѣтій всегда о чемъ-нибудь его да просили. Одни хотѣли быть крупнѣе, другіе душистѣе, третьи желали имѣть болѣе красивые цвѣты и т. д.

Только одно скромное растеньице, котораго блѣднобѣлые цвѣточки блестѣли на лугу, какъ звѣздочки, никогда не выражало никакого желанія.

Эта мысль пришла однажды на умъ солнцу и оно, остановившись передъ растеніемъ, спросило его: довольно ли оно своей участью и не желаетъ ли чего?

— Спасибо, отвѣчало растеніе, я чувствую себя вполнѣ счастливо такимъ, какимъ создалъ меня Господь.

— Это прекрасно съ твоей стороны, сказало солнце, но подумай, можетъ быть у тебя и найдется какое-либо желаніе, а мнѣ очень хотѣлось бы его исполнить, если бы ты мнѣ его выразила.

— Въ такомъ случаѣ, позволь мнѣ во всякое время года цвѣсти. Я радуюсь, когда меня срываютъ дѣти и играютъ со мной: я такъ люблю дѣтей.

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчало солнце, и такъ какъ ты среди всѣхъ цвѣтовъ являешься единственнымъ по своей скромности и походишь на жемчужину, то называйся отнынѣ маргариткой.

И, говоря это, солнце прикоснулось къ ея цвѣтамъ однимъ изъ своихъ лучей и оставило въ серединѣ желтый кружокъ, какъ свою печать, а лепестки ея, разойдясь въ стороны, образовали нѣчто въ родѣ солнечнаго сіянія.

Если гордыя орхидеи, заключаетъ свою сказку Мантегацца, украшаютъ собой царскія вазы, если дивныя розы усыпаютъ своими лепестками персидскіе ковры, то скромная маргаритка получаетъ болѣе сердечныхъ ласкъ, чѣмъ кто-либо, такъ какъ она живетъ среди народа и его дѣтей, гдѣ радости рѣже, но зато сильнѣе и гдѣ чувство нѣжности не сдѣлалось еще посмѣищемъ...»

Такимъ же, какъ бы символомъ сердечности, мы встрѣчаемъ маргаритку и на дивномъ памятникѣ, воздвигнутомъ безвременно погибшей Австрійской императрицѣ Елизаветѣ.

Памятникъ этотъ производитъ чарующее впечатлѣніе. На мраморной глыбѣ, какъ бы окутанное какимъ облакомъ, покоится чудное изваяніе покойной, надъ нимъ звѣзда, внизу на постаментѣ внезапно гибнущій корабль, какъ эмблема ея преждевременной кончины, а на цоколѣ букетъ маргаритокъ — эмблема ея доброты и сердечности.

Что касается Англіи, то и тамъ маргаритка пользовалась не меньшей любовью, чѣмъ и въ остальной Европѣ. Въ пѣсняхъ шотландскихъ бардовъ поется, что впервые маргаритка была принесена на землю рукою ангела, посадившаго ее на могилѣ безвременно погибшаго юноши. «Онъ взялъ звѣзду съ неба, — говоритъ Оссіанъ въ пѣснѣ, гдѣ онъ оплакиваетъ смерть своего погибшаго во

время битвы сына: — и опустилъ ее на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ была погребена вся надежда родителей; и на этомъ мѣстѣ выросъ цвѣтокъ-звѣздочка — маргаритка».

Чаусеръ въ своихъ стихахъ называетъ ее: «Day's eye» — око дня, такъ какъ дѣйствительно цвѣтокъ этотъ, какъ извѣстно, раскрывается однимъ изъ первыхъ по восходѣ солнца.

Изъ этого-то названія образовалось то нѣжное, ласкательное уменьшительное имя «Daisy» (Дэзи), которое даютъ въ Англіи какъ женщинѣ, носящей имя Маргариты, такъ и самому цвѣтку. Шекспиръ говоритъ о маргариткѣ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ:

„Whose white investements figure innocence".

(Ея бѣлое одѣяніе изображаетъ невинность).

А другой извѣстный англійскій поэтъ Монгомери выражается о ней такъ:

„The rose has but a sommer reign,
The daisy never dies..."

(Но роза царствуетъ лишь одно лѣто, а маргаритка никогда не умираетъ).

И правда, въ сыромъ, но довольно тепломъ климатѣ Англіи, маргаритку можно видѣть въ цвѣту почти круглый годъ.

Въ виду однако того, что маргаритка является и въ Англіи, иногда предвѣстникомъ весны, то прежде чѣмъ весна въ дѣйствительности появится, нужно, по мнѣнію деревенскихъ англійскихъ дѣтей, ступить ногой на 12 маргаритокъ; ихъ же, еще болѣе суевѣрные родители говорятъ, что если пропустить случай ступить ногой на первую маргаритку, которую увидишь весной, то маргаритки покроютъ тебя или кого-либо изъ твоихъ близкихъ друзей, прежде, чѣмъ окончится годъ.

Наконецъ, съ маргариткой связано еще выдающееся событіе послѣдняго времени — сборъ пожертвованій въ пользу борьбы со страшнѣйшей изъ людскихъ болѣзней, съ туберкулезомъ.

Общественный сборъ этотъ былъ устроенъ впервые въ Швеціи въ 1908 году и цвѣткомъ, который должны были давать на память всякому, внесшему свою посильную лепту, избрана маргаритка (у насъ почему-то ее назвали бѣлой ромашкой), какъ первый весенній цвѣтокъ, какъ провозвѣстница весны и обновленія жизни.

Съ тѣхъ поръ тамъ ежегодно 1-го мая устраиваютъ продажу этого цвѣтка. Цвѣтокъ продаютъ по 5 коп.

и въ первый же годъ въ этотъ день было выручено около 80.000 рублей.

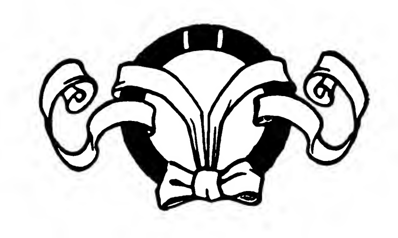
За Швеціей послѣдовала Финляндія, потомъ нѣкоторыя другія государства, а въ 1910 году, наконецъ, и мы.

У насъ эта продажа производилась въ апрѣлѣ и надо было видѣть, съ какой энергіей, любовью и восторгомъ всюду наша молодежь приходила на помощь этому святому дѣлу.

Пресса со своей стороны поддержала его и дѣйствительно, какъ тогда писали, мы «забросали смерть цвѣтами». Въ одной Москвѣ за этотъ день собрано было болѣе 150.000 рублей.

Дай Богъ, чтобы починъ этой борьбы съ злѣйшимъ нашимъ врагомъ при помощи этого скромнаго цвѣточка продолжался такъ успѣшно и впредь, и чтобы построенныя на собранныя такимъ образомъ средства санаторіи и другія учрежденія дѣйствительно оправдали возлагаемыя на нихъ надежды.

Въ заключеніе упомянемъ, что въ Германіи въ 1739 году этому прелестному невинному цвѣточку грозила страшная опасность. Его обвинили вмѣстѣ съ собачьей ромашкой въ ядовитости, и начальствомъ было предписано уничтожать ее всюду, гдѣ бы она только ни встрѣтилась. Однако, оттого ли, что недостаточно дѣятельно принялись за ея истребленіе, или оттого, можетъ-быть, что самое растеніе оказалось необычайно живучимъ, но грозное это предписаніе оказалось не выполненнымъ, и прелестный цвѣточекъ попрежнему продолжаетъ расти повсюду и попрежнему усыпать своими многочисленными бѣлыми звѣздочками поля и клумбы нашихъ садовъ.

Отпечатокъ ключей царствія небеснаго, цвѣтокъ лорда Биконсфильда — примула.

Кому не знакомы тѣ стрѣлки прелестныхъ желтыхъ цвѣтовъ, которыя въ началѣ лѣта въ изобиліи усѣиваютъ наши лѣсныя опушки и поляны? Листья и стебли ихъ, покрытые бѣлымъ пушкомъ издаютъ пріятный, пряный аптечный запахъ. Особенно нравится этотъ запахъ, а также и сладковатый вкусъ ихъ стебля, нашимъ деревенскимъ дѣтямъ, которыя рвутъ ихъ во множествѣ и жуютъ съ наслажденіемъ, какъ какое-нибудь лакомство.

Цвѣты эти носятъ научное названіе примулъ (Primula veris) — первоцвѣта, такъ какъ появляются одними изъ первыхъ цвѣтовъ весной; въ народѣ же они слывутъ, у насъ, подъ именемъ баранчиковъ (вѣроятно, за свои сморщенные, похожіе на смушки хивинки, листья), а въ Германіи — подъ именемъ ключиковъ (Schlüsselblume). Послѣднее названіе дано имъ за сходство ихъ цвѣторасположенія со связкой старинныхъ церковныхъ ключей.

О происхожденіи этихъ цвѣтовъ въ среднихъ вѣкахъ сложилось слѣдующее интересное сказаніе.

«Однажды», говоритъ это сказаніе, «когда апостолъ Петръ, которому ввѣрены были ключи отъ царствія небеснаго, находился на стражѣ у входа въ рай, ему вдругъ донесли, что кто-то, добывъ поддѣльные ключи, намѣревается проникнуть туда безъ его разрѣшенія. Пораженный такимъ ужаснымъ извѣстіемъ, апостолъ въ испугѣ выронилъ изъ рукъ свою связку золотыхъ ключей, и она, падая отъ звѣзды къ звѣздѣ, полетѣла на нашу землю.

Желая перехватить ее, апостолъ послалъ поспѣшно вдогонку за ней ангела; но прежде, чѣмъ ангелъ успѣлъ

выполнить данное ему приказаніе, связка уже упала на землю, глубоко въ нее врѣзалась, и изъ нея выросъ желтый, похожій на ключи апостола, цвѣточекъ.

И съ тѣхъ поръ, прибавляетъ преданіе, хотя ангелъ и взялъ съ собою ключи св. Петра обратно, но слабые отпечатки ихъ остались на землѣ и каждый годъ изъ нихъ выростаютъ цвѣты, которые отпираютъ намъ дверь къ теплой погодѣ, къ теплому лѣту...»

О цвѣтахъ этихъ, какъ ключахъ, отпирающихъ весну, говорится и у малороссовъ и поется даже пѣсенка: «Смертная недѣля (4-я недѣля поста, когда зима начинаетъ уже какъ бы умирать), куда ты дѣвала ключи? Я отдала ихъ Вербному воскресенью. Вербное воскресенье, куда ты дѣвало ключи? Я ихъ отдало зеленому (чистому) четвергу. А ты, четвергъ, кому ихъ отдалъ? Я ихъ отдалъ св. Юрію».

И вотъ, св. Юрій (23 апрѣля) встаетъ, бросаетъ ихъ на землю, и выростаетъ изъ нихъ первая бархатная травка и первые цвѣты — первоцвѣтъ.

Наконецъ, по древне-германскимъ сагамъ первоцвѣтъ считается еще ключами богини весны — Фреи.

Богиня эта красива, молода, обворожительна. Ожерельемъ ей служитъ радуга, которую сковали ей лиллипуты. И тамъ, гдѣ это радужное ожерелье коснется земли, съ него падаютъ на землю золотые ключи и, упавъ, превращаются въ первоцвѣтъ.

Еще поэтичнѣе и фантастичнѣе легенда, сложившаяся про родственный этой примулѣ видъ — красную примулу-аурикулу, растущую на высокихъ, мало доступныхъ горныхъ склонахъ.

Прелестный цвѣтокъ этотъ составляетъ предметъ страстнаго желанія для молодыхъ горцевъ. Добыть его въ горахъ и, добывъ, украсить имъ свою хижину — считается у горной молодежи верхомъ молодечества и счастья; а потому всякій, почему-либо уѣзжающій изъ родныхъ горъ, молодой человѣкъ хранитъ засушенную примулу, какъ драгоцѣнную память о родинѣ, о родныхъ и всѣхъ дорогихъ его сердцу людяхъ, и никогда съ ней не разстается. Вѣроятно, по этой-то причинѣ и сложившаяся про нее легенда имѣетъ въ своей основѣ любовь къ родинѣ и дорогой родной семьѣ.

«Жилъ-былъ однажды», повѣствуетъ легенда, «одинъ пылкій юноша, который въ своемъ увлеченіи наукой хотѣлъ вознестись съ земли на небо и, пытаясь разрѣшить тысячи безпокоившихъ его умъ вопросовъ,

стремился все выше и выше въ заоблачныя пространства. Изъ одной страны онъ переселялся въ другую, отъ одного моря къ другому, проникалъ въ міры духовъ подземныхъ, все созидающихъ и движущихъ подъ землею, проникалъ въ міры духовъ подводныхъ, управляющихъ всѣмъ и творящихъ все, что въ водѣ, упивался съ жадностью ихъ познаніями и превратился, наконецъ, въ гиганта по знанію, уму и тѣлесной силѣ. Ударомъ кулака онъ могъ разбивать вдребезги скалы и силой своего ума дѣлить, разлагать и уничтожать все существующее на землѣ. Онъ былъ всемогущъ въ разрушеніи. Но при всей такой страшной силѣ создать новаго, однако, ничего не могъ, не могъ создать даже малѣйшей былинки, которую безжалостно попирали его ноги...

«И охватили его тогда недовольство и злоба, и снова сталъ онъ блуждать по горамъ, поднимаясь все выше и выше къ небу и добиваясь еще болѣе глубокаго знанія и разрѣшенія тысячи новыхъ жгучихъ вопросовъ. И долгіе дни и ночи блуждалъ онъ такъ, полный тревоги, не видя конца, устремивъ взоры днемъ на облака, а ночью на звѣзды, пока не блеснулъ ему, наконецъ, лучъ надежды. Въ своей рукѣ онъ несъ золотой ключъ, который удалось ему выработать при помощи всѣхъ дружески расположенныхъ къ нему духовъ. Ключъ этотъ долженъ былъ ему открыть доступъ въ небо, какъ только ему удастся подняться выше облаковъ, къ преддверію вѣчности.

«И вотъ, въ тихую, весеннюю ночь онъ уже добрался до высочайшей земной вершины, туда, куда не проникалъ еще ни одинъ человѣкъ. Подъ нимъ носились облака. Ни одного звука не доносилось снизу. Не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Звѣзды блестѣли во всей своей красѣ и величіи, и лучи ихъ образовывали передъ нимъ какъ бы серебристый мостъ, по которому онъ могъ вознестись до преддверія неба. И онъ шелъ по его блестящей стезѣ съ широко разверстыми очами, не оборачиваясь, все выше и выше...

— «Не дрожать, — сказала ему звѣзда справа.

— «Не оборачиваться, — сказала ему звѣзда слѣва.

— «Все забыть, — прибавила ему блестѣвшая передъ нимъ яркая звѣзда и при этомъ поглядѣла на него съ глубокой, безконечной грустью...

«И юноша не дрожалъ, не оборачивался и держалъ наготовѣ ключъ, такъ какъ теперь онъ былъ уже не далеко отъ преддверія вѣчности.

«— Все забыть! — повторила звѣзда, и юноша былъ готовъ уже вложить ключъ въ замокъ, который переливался всѣми цвѣтами радуги. — Все забыть! — повторила она ему еще разъ, — забыть и зеленѣющую землю, и твою молодость, твое дѣтство, все забыть и навсегда. Забыть твою родину, забыть твоихъ братьевъ и сестеръ, забыть отца, забыть вскормившую тебя и лелѣявшую тебя дорогую твою мать...

«Тутъ рука юноши не выдержала и дрогнула. Онъ обернулся... и въ ту же минуту съ грохотомъ съ серебристыхъ лучей звѣздъ сквозь облака полетѣлъ на зеленѣющую, оживавшую весной землю.

Долгое время лежалъ онъ тутъ, какъ бы погруженный въ глубокій сонъ. Когда онъ проснулся и осмотрѣлся кругомъ — все исчезло, какъ сновидѣніе, и только въ рукѣ продолжалъ онъ держать свой золотой ключъ, который за ночь превратился уже въ весенній цвѣтокъ и пускалъ корни въ дорогую для юноши зеленѣющую землю — его родину...»

Примула была извѣстна съ самой глубокой древности и считалась лекарственнымъ цвѣткомъ Олимпа. Древніе греки называли ее «додекатеонъ», т.-е. цвѣтокъ двѣнадцати боговъ, и вѣрили, что въ немъ заключается цѣлебное начало противъ всѣхъ болѣзней — слѣдовательно, онъ являлся чѣмъ-то въ родѣ той всемірной панацеи, — лѣкарства отъ всѣхъ недуговъ, котораго такъ тщетно доискивались въ среднихъ вѣкахъ. Кромѣ примулы, впослѣдствіи это свойство приписывалось также жирянкѣ (Pinguicula vulgaris) и нѣкоторымъ другимъ растеніямъ. Но у грековъ оно исключительно приписывалось нашему первоцвѣту (Primula officinalis), и объ его происхожденіи говорилось, что онъ возникъ изъ тѣла умершаго отъ любви юноши Паралисоса, котораго боги изъ состраданія и превратили въ это ароматическое растеніе. Вслѣдствіе этого, въ древности имъ преимущественно лечили отъ паралича (paralisis) и болей въ сочлененіяхъ, такъ что въ медицинѣ и до сихъ поръ его называютъ нерѣдко параличной травой (herba paralisis et arthrica).

Въ чудодѣйственную силу примулы вѣрили также и древніе кельты и галлы. У нихъ она носила названіе самолусъ и собиралась съ большой таинственностью, натощакъ и босикомъ, ихъ жрецами, друидами. При собираніи, жрецы эти, сверхъ того, должны были просовывать собирающую руку подъ лѣвую полу одѣянія и, сорвавъ цвѣтокъ, не глядя, прятать въ платье, такъ какъ только

въ такомъ случаѣ растенiе сохранило вполнѣ свою цѣлебную силу.

Сокъ этого цвѣтка входилъ у друидовъ также въ составъ знаменитаго любовнаго напитка «фильтра», который варился въ полночь изъ вербены, черники, мха, пшеницы, клевера и меда. Но тогда цвѣты надо было срывать до наступленiя новолунiя. Составленный такимъ образомъ напитокъ ставился на огонь, и молодыя дѣвушки-жрицы должны были разогрѣвать его своимъ дыханiемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не закипитъ. Напитокъ этотъ считался всемогущимъ. Достаточно было выпить нѣсколько капель, чтобы воспылать сильнѣйшей любовью къ тому или той, которымъ онъ былъ поднесенъ.

Подобныя любовныя зелья существовали уже и въ древности, и разсказываютъ даже, что извѣстный, жившiй еще до II столѣтiя до Р. Хр., писатель Апулей воспользовался подобнымъ напиткомъ, чтобы влюбить въ себя и заставить выйти за него замужъ богатую пожилую вдову, по имени Пуденцiю, при чемъ, будто, даже составлялъ и самое зелье. Родственники этой вдовы привлекли его въ судъ, указывая, что ей уже 60 лѣтъ и что, вдовѣя болѣе 15 лѣтъ, она не выказывала никогда даже никакого желанiя выходить вторично замужъ. Да и сама вдова, какъ говорятъ, подтверждала, что онъ ее околдовалъ своимъ питьемъ. Однако, Апулей сумѣлъ такъ ловко защитить себя, что процессъ былъ имъ выигранъ.

Кромѣ сока растенiй, въ составъ этихъ любовныхъ зелiй входили и разныя еще горячащiя кровь вещества, какъ, напримѣръ, шпанскiя мушки, мясо рыбы реморы и особенно какое-то оригинальное вещество, носившее названiе гиппоманъ и представлявшее изъ себя родъ чернаго нароста, появлявшагося, будто, иногда на лбу новорожденныхъ жеребятъ.

Вѣра въ сверхъестественное влiянiе примулы, распространенная столь сильно въ среднихъ вѣкахъ, перешла и въ болѣе близкiя намъ времена. Въ Пьемонтѣ вѣрятъ и до сихъ поръ, что она обладаетъ чудодѣйственной силой отвращать навожденiе дiавола, прогоняетъ бѣсовъ и заставляетъ выступать изъ земли кости невинно погибшихъ людей; въ Бретани говорятъ, что она причиняетъ лихорадку дѣтямъ, когда они долго ею играютъ; а у малороссовъ цвѣты эти называютъ «рясть» и считаютъ талисманомъ, охраняющимъ жизнь.

Нарвавъ этихъ цвѣтовъ, ихъ бросаютъ на землю и топчутъ ногами, приговаривая: «Топчу рясть, дай Боже его понатоптати и слѣдующаго года дождатися».

Отъ этого обычая даже произошла малороссійская поговорка, когда хотятъ сказать, что кому-нибудь осталось недолго жить: «ужъ ему ряста не топтать».

Но, кромѣ этихъ чудодѣйственныхъ вліяній, примулѣ приписывалось и приписывается еще магическое свойство извѣстной разрывъ-травы — открывать скрытые клады, что особенно часто случается, по словамъ нѣмецкихъ крестьянъ, если ее найти въ цвѣтущемъ состояніи въ ночь подъ Рождество или въ день заговѣнья на масляницѣ.

Въ это время, по ихъ повѣрью, на поляхъ появляется нерѣдко, въ видѣ одѣтой въ бѣлое женщины съ золотымъ ключомъ, въ коронѣ на головѣ, дѣва-ключа (по всей вѣроятности, это древне-германская богиня Фрея), и всѣ сорванныя въ присутствіи ея примулы получаютъ свойство открывать спрятанныя сокровища.

Такъ, однажды, глубокой осенью одинъ пастухъ нашелъ у развалинъ замка Бланкенборкъ, въ Швабіи, такую примулу и, заткнувъ ее за шляпу, пошелъ домой. Вдругъ, онъ почувствовалъ, что шляпа его сдѣлалась удивительно тяжелой. Снявъ ее, онъ увидѣлъ, что цвѣтокъ его превратился въ серебряный ключъ. Въ то же время передъ нимъ выросла, какъ изъ земли, бѣлая женщина, которая сказала, что онъ можетъ открыть этимъ ключомъ еще никогда не открывавшіяся двери Гиршберга и взять оттуда все, что ему понравится, но только пусть не забудетъ тамъ «самаго лучшаго». Пастухъ пошелъ, набралъ тамъ полные карманы цѣнныхъ сокровищъ, но впопыхахъ самое лучшее то (цвѣтокъ примулы) и забылъ, и потому, когда вздумалъ вновь итти туда, то ни мѣста, ни сокровищъ уже болѣе не нашелъ.

То же самое случилось въ другой разъ и съ однимъ пастухомъ овецъ. Нарвавъ въ такое же время примулъ, онъ былъ приведенъ такой же бѣлой женщиной на мѣсто клада, и его цвѣты вдругъ превратились въ ключи. Однимъ изъ нихъ онъ отперъ очутившуюся предъ нимъ внезапно дверь и увидѣлъ, къ величайшему своему удивленію, передъ собой цѣлый рядъ ящиковъ, наполненныхъ овечьими зубами. Не зная, что съ ними дѣлать, машинально онъ набралъ ихъ нѣсколько пригоршней и, наполнивъ ими свои карманы и забывъ совсѣмъ о ключѣцвѣткѣ, пошелъ домой. Между тѣмъ ночью всѣ эти зубы превратились въ чистое золото. Тогда онъ рѣшилъ снова идти на это мѣсто, но найти его болѣе не могъ, такъ какъ, такъ же, какъ и первый пастухъ, забылъ тамъ «самое лучшее».

Наконецъ, существуетъ еще сказаніе, что Берта (жена

Одина), царица неба, ниспосылающая, по древне-германской миѳологіи, на землю благодѣтельный дождь, появляется иногда также въ видѣ вышеупомянутаго бѣлаго привидѣнія, заманиваетъ, при помощи прелестныхъ примулъ, нравящихся ей дѣтей и ведетъ ихъ по дорогѣ, поросшей этими цвѣтами, къ какой-то таинственной выступающей изъ горы, двери. Дверь эта ведетъ къ заколдованный замокъ. Какъ только ребенокъ дотронется до нея цвѣткомъ, она потихоньку отворяется, и счастливецъ вступаетъ въ дивную залу, всю уставленную вазами, засаженными восхитительными примулами. Каждая изъ такихъ вазъ содержитъ въ себѣ несмѣтныя сокровища. Взявъ оттуда сокровища, примулу, однако, надо положить непремѣнно обратно, такъ какъ иначе взявшій кладъ всю жизнь будетъ неотвязно преслѣдоваться слѣдующей за нимъ черной собакой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи цвѣтокъ этотъ называется еще ключомъ замужества (Heirathsschlüssel), такъ какъ существуетъ повѣрье, будто та дѣвушка, которая найдетъ первая на Пасхѣ въ полѣ первоцвѣтъ, непремѣнно въ этомъ же году выйдетъ замужъ, и потому на всякую такую дѣвушку смотрятъ уже какъ на невѣсту.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи цвѣтокъ этотъ считаютъ, наоборотъ, цвѣткомъ отвергнутой любви (verschmähter Liebe), и вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ кантонахъ сложилась даже такая пѣсенка:

„Иду я по лужку,
Собирая первоцвѣтики,
Первоцвѣтики я рву —
Изъ нихъ вѣночки плету,
Вѣночки плету изъ нихъ и клевера,
Прощай любовь — мое сокровище".

По датскимъ же сказаніямъ первоцвѣтъ — это заколдованная принцесса эльфъ. Разъ эльфа эта была отпущена своей царицей на землю. Тамъ она полюбила одного молодого юношу и забыла совсѣмъ свою родину. Тогда въ наказаніе она была превращена въ примулу, а юноша въ весеннюю анемону.

И вотъ теперь они рано вмѣстѣ зацвѣтаютъ и рано вмѣстѣ умираютъ.

Таковы сказанія, существующія о примулѣ въ Германіи и Даніи, но о ней сложилось не мало сказаній еще и въ Англіи, гдѣ она носитъ обыкновенно названіе cowslip, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется волшебнымъ цвѣткомъ (Fairy-cup), такъ какъ существуетъ повѣрье, будто въ его лепесткахъ во всѣ дни года, исклю-

ча́я 1-го мая, укрываются маленкія феи и крошечные сказочные старички-гномы. Вслѣдствіе этого про нее разсказываютъ не мало разныхъ прелестныхъ легендъ.

Такъ, напримѣръ, въ Линкольнширѣ говорятъ: «Прислушайтесь только, какіе дивные звуки несутся изъ примулъ всякую лунную ночь, когда роса блеститъ на травѣ. Прелестные голоски волшебныхъ гномовъ поютъ хвалу укрывающимъ ихъ цвѣткамъ, гдѣ они могутъ найти пріютъ и въ дождь, когда свѣтлые лучи мѣсяца смѣняются мрачными облаками. Какъ только крупныя капли дождя начнутъ падать на землю, толпы этихъ крошечныхъ сказочныхъ существъ приходятъ въ волненье. Ихъ тоненькія платьица не то свѣтлаго, не то темнаго цвѣта, какъ тѣни отъ листьевъ, опускаются, и ихъ испуганныя личики выглядываютъ со страхомъ изъ-подъ стебельковъ травы, внимательно высматривая: не видно ли гдѣ ихъ пріятельницъ-примулъ? Завидѣвъ свое любимое растеніе, они мгновенно вскарабкиваются по его стебельку и забираются въ ближайшій цвѣточекъ. И вотъ, вскорѣ изъ всѣхъ вѣнчиковъ примулъ раздается пріятное пѣніе тоненькихъ голосковъ и сливается въ одинъ общій стройный хоръ. И тотъ счастливый смертный, который услышитъ это пѣніе — услышитъ одну изъ чудныхъ пѣсенъ царства фей».

Примула была воспѣта лучшими англійскими поэтами, особенно Шекспиромъ, у котораго о ней упоминается во многихъ изъ его произведеній. Такъ, напримѣръ, въ «Бурѣ» ангелъ Аріель поетъ:

„Одной пищей съ пчелами питаюсь,
И въ примулѣ желтой люблю отдыхать,
Въ ея чашечкѣ дивной, свернувшись, качаюсь,
Лишь совы въ трущобахъ начнутъ завывать“.

Затѣмъ Шекспиръ воспѣваетъ ее еще въ сказкѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь», при чемъ называетъ ее одѣтой въ золотую одежду пенсіонеркой волшебной царицы.

„Я служу царицѣ чудной (поетъ Эльфъ).
Въ часъ полночной тишины
Видишь примулъ на лужайкѣ
Охранительницъ (pensionners) ея,
Видишь пятна расписныя
На одеждахъ ихъ златыхъ?
То рубины дорогіе —
Даръ волшебницъ дорогихъ...
. . . .
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы
И повѣсить по росинкѣ
Къ каждой примулѣ хочу“.

Въ поясненіе такого страннаго названія «пенсіонерки» надо сказать, что, начиная съ 1539 года, у англійскихъ королей былъ обычай держать при себѣ особую стражу изъ 50 тѣлохранителей, которые назывались пенсіонерами, такъ какъ имъ давалось особое, роскошное для того времени, содержаніе (50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ), двѣ лошади и великолѣпное, изъ золотой парчи, платье. И вотъ, намекая на золотую одежду этихъ придворныхъ пенсіонеровъ королевы Елисаветы англійской, Шекспиръ и называетъ примулы пенсіонерками волшебной царицы.

Но особенное значеніе въ Англіи получили примулы съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались любимымъ цвѣткомъ знаменитаго лорда Биконсфильда, который со времени одного событія въ его жизни, ни одного дня, — будь то зимой или лѣтомъ, — нигдѣ и никогда не появлялся безъ этого цвѣтка въ петлицѣ.

Чтобы пояснить такое постоянство въ отношеніи одного и того же цвѣтка, нужно сказать, что въ Англіи у великосвѣтскихъ людей существуетъ обычай, считающійся въ высшей степени фешенебельнымъ, — носить въ петлицѣ цвѣты. При этомъ верхомъ шика считается носить разъ избранный цвѣтокъ во всякое время года, что, конечно, могутъ позволить себѣ лишь очень богатые люди, такъ какъ большинство цвѣтовъ нельзя имѣть круглый годъ, если не разводить ихъ искусственно въ теплицахъ.

Что касается до выбора лордомъ Биконсфильдомъ примулы и такой къ ней привязанности его, то объ этомъ разсказывается слѣдующая романическая исторія.

«Однажды лордъ Биконсфильдъ, будучи еще молодымъ юношей и нося скромную фамилію Дизраэли, былъ приглашенъ на балъ въ Букингамширъ къ одному изъ своихъ вліятельныхъ родственниковъ. Прохаживаясь тамъ съ однимъ изъ своихъ друзей по заламъ, онъ обратилъ его вниманіе на чудный вѣнокъ изъ примулъ, украшавшій головку одной прелестной молодой дамы, и сказалъ:

— «Не можетъ быть, чтобы эти примулы были искусственныя, въ нихъ черезчуръ много жизни, онѣ точно только сейчасъ сорваны въ саду.

«Товарищъ его, однако, былъ другого мнѣнія и доказывалъ, что онѣ должны быть искусственныя, но только замѣчательно хорошо сдѣланы. Слово за слово, поднялся споръ, и дѣло дошло до пари.

— «Эти примулы меня такъ интересуютъ, — сказалъ Дизраэли: — что я долженъ непремѣнно знать правду. Вотъ 5 гиней, подержимъ пари и попросимъ рѣшить нашъ споръ саму красавицу.

«Товарищъ, который былъ знакомъ съ дамой, попросилъ у нея позволенія представить ей Дизраэли и разсказалъ ей объ ихъ пари.

— «Очень жаль, — отвѣтила она, — но вы проиграли пари: м-ръ Дизраэли совершенно правъ — это настоящія живыя примулы, я сама нарвала ихъ сегодня утромъ въ своемъ саду и сама сплела изъ нихъ вѣнокъ.

«Говоря это, она вынула изъ своихъ волосъ одну изъ примулъ и, подавая ее съ улыбкой Дизраэли, сказала:

— «Убѣдитесь сами въ своей побѣдѣ!

«Восхищенный Дизраэли воткнулъ цвѣтокъ себѣ въ петлицу и во весь вечеръ не разставался съ нимъ. На слѣдующій день, дѣлая визитъ красавицѣ, онъ былъ обрадованъ, получивъ отъ нея снова примулу, и съ этихъ поръ имѣлъ счастье получать ежедневно по цвѣтку во все время своего пребыванія въ Букингамширѣ. Но прелестная эта дама кончила очень печально. Катаясь какъ-то верхомъ на новой незнакомой ей лошади, она упала и такъ расшиблась, что схватила чахотку и быстро угасла отъ изнуренія. Вскорѣ послѣ этого Дизраэли пріѣхалъ во второй разъ въ Бугингамширъ, но нашелъ только уже могилу красавицы Мабель, — такъ звали эту даму — и, выбравъ изъ всѣхъ покрывавшихъ ее роскошныхъ цвѣтовъ только примулу, унесъ ее съ собою, какъ дорогое воспоминаніе.

Съ этихъ поръ примула сдѣлалась его любимымъ цвѣткомъ, и онъ никогда съ ней болѣе не разставался. Гдѣ бы онъ ни былъ: въ парламентѣ ли, на балу ли, на пріемѣ ли королевы или просто у себя дома — всюду его можно было видѣть съ примулой въ петлицѣ; а говоря о молодой, безвременно погибшей красавицѣ, онъ никогда ее иначе не называлъ, какъ Primula veris или Примрозъ (primrose), какъ называютъ культурный видъ этого цвѣтка въ Англіи.

И теперь, ежегодно, 19-го апрѣля, когда торжественно празднуется въ Лондонѣ годовщина смерти этого великаго государственнаго дѣятеля Англіи, всѣ присутствующіе носятъ въ память его въ петлицѣ или на груди примулу, а могила его постоянно покрыта густымъ ковромъ этихъ цвѣтовъ...»

Въ этотъ день число желающихъ украсить себя цвѣтами Биконсфильда такъ много, что вокругъ парламента и по всѣмъ прилегающимъ къ нему улицамъ безчисленные торговцы цвѣтами едва успѣваютъ получать деньги отъ покупающихъ, которые, украсивъ цвѣтами петлицу своего сюртука или пиджака, спѣшатъ занять мѣсто въ процессіи передъ статуей Биконсфильда.

Это патріотическое паломничество въ Вестминстеръ, начавшееся съ 1881 года (годъ смерти Биконсфильда) и убранство памятника возобновляется неизмѣнно.

Заботы эти объ увѣковѣченіи памятника славнаго англійскаго премьера взяла на себя основанная въ 1889 году лига примулы «Primrose League», имѣющая теперь отдѣленія во всѣхъ богатыхъ центрахъ Соединеннаго Королевства.

Имѣвшая при основаніи своемъ всего 950 человѣкъ, теперь она насчитываетъ уже около 2.000.000 членовъ. Во главѣ ея стоитъ президентомъ Бальфуръ, а постъ канцлера занимаетъ герцогъ Норфолькскій. Въ число ея членовъ входитъ немало дамъ.

Цѣль же ея, кромѣ заботъ объ увѣковѣченіи памяти Биконсфильда, еще и защита, и распространеніе консервативныхъ идей.

Особенно торжественно было отпраздновано 25-лѣтіе годовщины его смерти.

Въ этотъ день весь цоколь статуи буквально утопалъ въ вѣнкахъ, букетахъ и гирляндахъ изъ лавръ и примулъ, на которыхъ красовался девизъ «Imperium et libertas: nihil difficile» (власть и свобода — ничего нѣтъ труднаго).

А толпы почитателей были такъ несмѣтны, что площадь вокругъ памятника и по всѣмъ прилегающимъ улицамъ представляла собой сплошное море головъ.

Примула была также любимимъ цвѣткомъ принца-консорта — мужа королевы Викторіи и потому, когда умеръ Биконсфильдъ, то королева прислала ему вѣнокъ изъ примулъ съ надписью: «Его цвѣтокъ».

Всѣ полагали, что это былъ намекъ на любовь къ примулѣ Биконсфильда; однако, оказалось, что подъ словомъ «его» Викторія подразумѣвала никого иного, какъ своего покойнаго мужа и послала вѣнокъ съ такой надписью, чтобы показать, какъ она чтитъ память Биконсфильда.

Но и вообще надо сказать, что примула почему-то пользуется особой привязанностью англичанъ и является у нихъ дорогимъ цвѣткомъ, напоминающимъ имъ ихъ

родину. Разсказываютъ, что одно время посылка примулъ изъ Англіи въ Австралію переселившимся туда англичанамъ приняла необычайные размѣры. Каждый переселенецъ непремѣнно желалъ имѣть этотъ цвѣтокъ, напоминавшій ему дорогую его родину, и держать его въ своемъ цвѣтникѣ, хотя и зналъ, что онъ лишь съ трудомъ тамъ будетъ расти.

Извѣстная нѣмецкая путешественница Ида Пфейферъ разсказываетъ, что однажды, путешествуя по Остъ-Индіи, она попала въ гости къ одному англійскому магнату, который, показавъ ей весь свой роскошный садъ, блестѣвшій замѣчательно красивыми тропическими цвѣтами, остановилъ ея вниманіе на кустикѣ нѣсколькихъ примулъ, которыя онъ привезъ съ собой изъ Англіи и всячески лелѣялъ.

— Онѣ дороже мнѣ, — сказалъ онъ, — всѣхъ этихъ роскошныхъ цвѣтовъ. Это цвѣты моей дорогой родины.

То же самое сообщаетъ и сэръ Гобгаузъ, путешествовавшій по берегамъ Геллеспонта.

— Всякую англійскую виллу, — говоритъ онъ, — я узнавалъ по присутствію въ саду ея примулъ.

Вообще, гдѣ бы ни поселился англичанинъ, если у него есть садъ, вы непремѣнно увидите въ немъ примулы. Это необходимѣйшая принадлежность его сада.

Дикая наша примула, нашъ первоцвѣтъ, имѣетъ много родственныхъ видовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ земного шара, при чемъ многіе изъ нихъ культивируются въ нашихъ теплицахъ и садахъ, нося съ ней общее названіе «примулы» и отличаясь только научнымъ латинскимъ.

Такъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстны тѣ бѣлыя, розовыя и красныя примулы съ разрѣзными пушистыми листьями, которыя составляютъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ зимнихъ цвѣтковъ на Рождествѣ и на Пасхѣ, и тѣ лиловатыя, обильно цвѣтущія почти круглый годъ, собранныя зонтиками примулы, замѣчательно красивые листья, которыхъ имѣютъ форму почковидную и покрывающіе волоски, которыхъ производятъ родъ сильно зудящей сыпи на рукахъ, если до нихъ какъ-нибудь неосторожно дотронуться. Впрочемъ, отъ сыпи этой отдѣлаться очень легко: стоитъ только руки обмыть сейчасъ же одеколономъ или даже просто виннымъ спиртомъ.

Обѣ эти примулы происходятъ изъ Китая, при чемъ, первая носитъ названіе китайской (Primula sinensis), а вторая (опасная) — примула-обконика (Pr. obconica). Но

наиболѣе красивой изъ всѣхъ примулъ является примула, называющаяся въ общежитіи и у садоводовъ Аурикулой (Primula auricula). Родиной ея является Штирія, Швейцарія и Каринтія — вообще высокія горныя страны средней Европы.

Отъ аурикулъ этихъ получена такая масса прелестныхъ разновидностей, что одно время они конкурировали съ гвоздикой и въ началѣ XIX столѣтія были самымъ моднымъ цвѣткомъ.

Въ это время не только торговцы-садоводы, но многіе даже богатые любители цвѣтовъ строили для нихъ цѣлыя теплицы и старались при помощи искусственнаго опыленія, какъ во время оно было и съ тюльпанами, получить свои собственныя новыя разновидности. Особенно славились тогда голландскія бархатистыя аурикулы, которыхъ цвѣты были дѣйствительно словно бархатъ, и англійскія мучнистыя, получившія такое странное названіе отъ того, что весь стебель ихъ, ихъ листья и даже самые цвѣты были покрыты нѣжнымъ мучнистымъ налетомъ. За такія аурикулы платили сумасшедшія деньги и имѣть у себя цѣлую ихъ коллекцію считалось верхомъ счастья. Такимъ счастливцамъ завидовали, какъ если бы они были обладателями необычайныхъ сокровищъ, и ѣздили къ нимъ отовсюду, хотя бы только полюбоваться ихъ рѣдкими цвѣтами.

Да и на самомъ дѣлѣ, культура этихъ англійскихъ аурикулъ, походившихъ на какихъ-то напудренныхъ, одѣтыхъ въ роскошныя разноцвѣтныя платья, придворныхъ, представляла не мало крупныхъ затрудненій. Ихъ нужно было не иначе культивировать, какъ въ особыхъ, покрытыхъ стеклянными колпаками горшкахъ, такъ какъ покрывавшій ихъ нѣжный, составлявшій всю ихъ прелесть, налетъ не выносилъ ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, ни малѣйшаго увлажненія: онъ сходилъ даже, если на цвѣтокъ какъ-нибудь нечаянно дохнуть.

Особенно любилъ этотъ сортъ аурикулъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III. Онъ называлъ ихъ «придворнымъ штатомъ короля Людовика XIV» и то и дѣло ѣздилъ любоваться на нихъ къ знаменитому въ то время берлинскому садоводу Буше, который обладалъ замѣчательной ихъ коллекціей.

Разводившійся въ обиліи сортъ этотъ, безъ сомнѣнія, представлялъ собой нѣчто необычайно оригинальное, но было, однако, много любителей, которые предпочитали ему пестрыя бархатистыя аурикулы, носившія названіе «bizarre» (причудливыхъ). Цвѣты этихъ аурикулъ, назы-

вавшихся по-французски также медвѣжьимъ ухомъ (Oreilles d'ours), были самые разнообразные: бѣлые, красные, желтые, синіе, темно-пурпуровые.

Аурикулы эти играли (да и до сихъ поръ играютъ) большую роль въ Италіи, на страстной недѣлѣ. Ихъ называютъ тамъ fiore di passione — цвѣткомъ страстей Христовыхъ — и убираютъ ими въ эту недѣлю плащаницу и алтари церквей. Возвращаясь домой послѣ всенощной, въ пятницу на страстной, всякій благочестивый итальянецъ несетъ съ собой домой, вмѣстѣ со свѣчой, и такой цвѣтокъ и хранитъ его, какъ святыню, въ продолженіе всего года до слѣдующей страстной пятницы.

Аурикулы, какъ и многіе модные цвѣты, не разъ представляли возможность садоводамъ и даже нѣкоторымъ частнымъ лицамъ составлять себѣ хорошее состояніе. Между прочимъ разсказываютъ, что одинъ еврей, благодаря этимъ цвѣтамъ не только разбогатѣлъ, но даже составилъ себѣ высокое положеніе въ свѣтѣ. Еврей этотъ занимался просто торговлей цвѣтами по домамъ и ѣздилъ изъ одного города въ другой, вслѣдствіе чего всюду зналъ всѣхъ выдающихся любителей цвѣтоводства.

Однажды онъ пришелъ къ одному изъ такихъ любителей спросить, не желаетъ ли онъ ему дать какое-либо порученіе.

— Да, — отвѣтилъ тотъ, — мнѣ хотѣлось бы переслать одному изъ моихъ друзей, такому же любителю, какъ и я, нѣсколько горшочковъ моихъ лучшихъ мучнистыхъ примулъ, но не знаю, какъ бы сдѣлать, чтобы онѣ не потеряли при перевозкѣ своего налета. Не возьметесь ли вы ихъ доставить?

— Я подумаю, — сказалъ еврей, — какъ это выполнить.

И на другой же день явился со стекляннымъ ящикомъ. Помѣстивъ въ этотъ ящикъ цвѣты, онъ довезъ ихъ въ полной сохранности.

Получившій ихъ любитель, который въ то же время былъ обладателемъ громаднаго садоводства, увидя въ такомъ чудномъ видѣ доставленные ему цвѣты, пришелъ въ восторгъ отъ изобрѣтательности еврея, далъ ему крупную сумму для расширенія его торговли и сдѣлалъ его своимъ комиссіонеромъ. И вотъ, благодаря этой поддержкѣ, молодой еврей повелъ такъ хорошо свои дѣла, что черезъ нѣсколько лѣтъ (1797 г.) сдѣлался богатымъ банкиромъ, пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе и занялъ выдающійся постъ въ управленіи г. Амстердама.

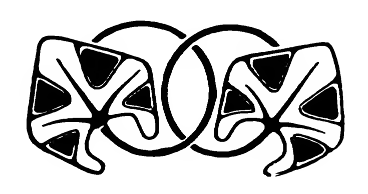
Большой любительницей этихъ цвѣтовъ была также императрица Екатерина Великая. У нея была даже цѣлая комната, вся уставленная вещицами изъ саксонскаго фарфора, на которыхъ были изображены эти цвѣты.

Разсказываютъ, что однажды, удостоивъ своимъ посѣщенiемъ одного изъ вельможъ, большого любителя цвѣтовъ, она такъ прельстилась находившейся въ его оранжереѣ коллекцiей аурикулъ, что сказала, что лучше этого угощенiя ей ничего не надо.

Польщенный такой похвалой, царедворецъ просилъ у императрицы позволенiя преподнести ей эту коллекцiю. Императрица приняла это подношенiе съ большой благодарностью, и на другой же день вся коллекцiя была перевезена въ Зимнiй садъ петербургскаго дворца.

Въ заключенiе, къ перечисленнымъ нами выше употребленiямъ примулы въ древней медицинѣ, прибавимъ еще, что въ болѣе близкiя намъ времена сушеные цвѣты употреблялись въ Германiи въ качествѣ укрѣпляющаго нервы чая, носившаго названiе грудного чая «Галле», и подмѣшивались къ вину, что извѣстно изъ сохранившагося въ Мекленбургѣ, изданнаго въ 1789 году, предписанiя города Нейштадта, гдѣ приказывается собирать какъ можно больше примулъ для снабженiя ими придворнаго виннаго погреба. Кромѣ того, въ Англiи молодые листья примулъ весной ѣдятъ въ качествѣ салата, а имѣющiя пряный, анисовый запахъ коренья растенiя употребляютъ въ формѣ пряности.

Наконецъ, сушеное растенiе употребляютъ нерѣдко еще отъ ревматизма, а въ Швейцарiи изъ пришедшаго въ броженiе отвара свѣжихъ цвѣтовъ и меда готовятъ домашнимъ образомъ превосходный шипучiй освѣжающiй напитокъ, нѣчто вродѣ извѣстнаго нѣмецкаго «майтранка».

Цвѣтокъ изгнанника рая „Адама" и царственныхъ невѣстъ — мирта.

Мирта — это скромнѣйшее изъ растенiй, котораго цвѣты почти не обращаютъ на себя вниманiе и котораго вся красота сосредоточена лишь въ пахучихъ блестящихъ листьяхъ — пользовалась всегда такой славой и любовью народовъ разныхъ странъ и временъ, что ей могутъ позавидовать многiе изъ красивѣйшихъ и роскошнѣйшихъ цвѣтовъ.

Согласно одной древней арабской легендѣ, мирта разрослась на землѣ отъ душистой вѣтки того растенiя, которое унесъ съ собою Адамъ изъ рая въ день своего изгнанiя, чтобы перенести на нашу грѣшную землю, хотя бы одно изъ тѣхъ дивныхъ растенiй, которыя украшали собой навсегда потерянный для человѣка садъ блаженства; и потому мирта въ древности служила обыкновенно символомъ надежды, этого отголоска райскаго счастья, который является на землѣ часто однимъ изъ величайшихъ благъ и утѣшенiй для страждущаго человѣчества.

По другимъ свѣдѣнiямъ, родиной ея является Персiя, откуда она съ незапамятныхъ временъ была перенесена въ Египетъ, гдѣ изображенiе ея нерѣдко можно встрѣтить на памятникахъ временъ фараоновъ въ сценахъ, представляющихъ какiя-нибудь торжественныя шествiя. Въ этихъ сценахъ обыкновенно всѣ плачущiя и идущiя впереди шествiя женщины несутъ въ рукахъ миртовыя вѣтви.

Въ еще большемъ почетѣ мы встрѣчаемъ мирту у древнихъ iудеевъ, у которыхъ она носила названiе

«аботъ» и считалась эмблемой мира. Еврейскiе законы предписывали убирать ея зеленью палатки во время семидневныхъ празднествъ въ память исхода изъ Египта, когда всѣмъ iудеямъ приказывалось запасаться плодами добра (лимонами), пальмовыми вѣтвями и вѣтвями плакучей ивы. Такое соединенiе этихъ растенiй называлось у нихъ «аргангъ минимъ» и мистически должно было изображать единенiе божества съ его творенiемъ, при чемъ лимоны представляли — самого Творца, пальмовая вѣтвь — духовное начало, мирта — небо со всѣмъ его звѣзднымъ мiромъ, а плакучая ива — землю съ ея многочисленными обитателями.

Въ миртовомъ кустѣ явился также Захарiи и ангелъ, возвѣстившiй возстановленiя царства Израильскаго, вслѣдствiе чего ея вѣтвями было предписано украшать въ дни празднествъ скинiю и вообще употреблять ихъ во время религiозныхъ церковныхъ церемонiй. Кромѣ того, миртовыми вѣнками существовалъ у iудеевъ обычай украшать покойниковъ, который вначалѣ былъ перенесенъ даже и къ христiанамъ, но потомъ отцами церкви воспрещенъ, какъ нехристiанскiй, а также обычай украшать ими головы невѣстъ, что, наоборотъ, сохранилось и по сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Германiи.

Не меньшимъ уваженiемъ пользовалась мирта и у древнихъ грековъ. По ихъ вѣрованiю, это не простое произведенiе земли, но оно выросло лишь по волѣ и желанiю богини мудрости Минервы, какъ раскаянiе и память о легкомысленно совершенномъ ею злодѣянiи.

О происхожденiи этомъ греческая легенда повѣствуетъ слѣдующее: «Среди многочисленныхъ нимфъ, населявшихъ окрестности лѣса Аѳинъ, — говоритъ она, — особенно нравилась Минервѣ красавица Мирсина. Она постоянно любовалась ею, безконечно баловала ее и не могла на нее надышаться. Но любовь одной женщины къ другой часто встрѣчаетъ себѣ опаснаго соперника въ самолюбiи. Такъ случилось и тутъ; ловкая, изящная въ своихъ движенiяхъ Мирсина побѣдила богиню въ быстротѣ бѣга и борьбѣ. Самолюбiе было задѣто, вспыхнула зависть, и богиня, забывъ все, убила Мирсину. Придя, однако, въ себя, опомнившись, она ужаснулась содѣяннаго ею преступленiя и взмолилась къ Зевсу и другимъ богамъ, чтобы они оставили ей хотя какое-нибудь воспоминанiе о ея дорогой, ненаглядной любимицѣ. Боги сжалились, и изъ тѣла Мирсины выросло такое же изящное, какъ и она, деревцо — мирта.

«Увидавъ его, Минерва зарыдала и, обнявъ его руками, не хотѣла съ нимъ болѣе разстаться. Но напрасно она его обнимала, напрасно ласкала — чудная мирта оставалась лишь бездушнымъ зеленымъ памятникомъ, лишь горькимъ воспоминаніемъ о прелестномъ погубленномъ ею созданіи».

Вслѣдствіе этого, вѣроятно, мирта не играла никакой роли въ ритуалахъ Минервы, и вѣнки изъ мирты подносились этой богинѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Она была деревомъ, посвященнымъ Венерѣ, которая, какъ говоритъ одно сказаніе, выходя нагая изъ морскихъ волнъ на островъ Цитеру, укрылась отъ преслѣдовавшаго ее фавна за миртой.

По другому сказанію, вѣнкомъ изъ миртъ была увѣнчана Венера въ знаменитомъ спорѣ о красотѣ и, благодаря ему-то, Парисъ, будто, даже и отдалъ ей яблоко. Въ воспоминаніе объ этомъ пріятномъ событіи Венера сдѣлала мирту своимъ любимымъ растеніемъ и называла себя нерѣдко «Миртеа», что, однако, не мѣшало ей употреблять вѣтви мирты, какъ розгу, и она высѣкла ею, напримѣръ, какъ говорятъ, Психею, когда эта послѣдняя вздумала съ ней сравняться въ красотѣ.

Въ происходившихъ ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ честь Венеры празднествъ, всѣ участники, а также и всѣ присутствующія молодыя дѣвушки и молодые люди увѣнчивались миртовыми вѣнками. Миртовыми вѣнками украшались въ день свадьбы также и женихъ съ невѣстой, при чемъ эта мирта, по словамъ Катона, нашла у римлянъ особое названіе — брачной мирты (Myrtus conjugalis).

Кромѣ празднествъ Венеры, мирта играла также большую роль и въ Элевзинскихъ торжествахъ въ честь Цереры, Прозерпины и Вакха; и въ той части празднествъ, гдѣ соединяли празднество въ честь Цереры вмѣстѣ съ празднествомъ Вакха, замѣняла собой даже составлявшій принадлежность всѣхъ его торжествъ — плющъ.

На шестой день этихъ празднествъ Вакха, въ видѣ мальчика, носившаго имя Якха, несли въ вѣнкѣ изъ миртъ въ храмъ Цереры, гдѣ его прославляли всю слѣдующую ночь и воспѣвали въ особомъ, составленномъ въ честь его, гимнѣ. Здѣсь же въ святилищѣ Элевзинскаго храма несла миртовый вѣнокъ на головѣ и Церера, и равно такими же вѣнками были увѣнчаны и всѣ принадлежавшіе храму жрецы.

Затѣмъ мирта была посвящена также и спутницѣ Венеры — Граціи, статуи которой, вслѣдствіе этого, кромѣ розы и игральной кости (символовъ красоты и беззаботной юности), держали въ рукахъ еще и миртовую вѣтвь, символъ чувственной любви.

Наконецъ, не малую роль играли миртовые вѣнки еще въ Элевтеріяхъ — играхъ въ честь свободы, гдѣ ими были украшены во время процессіи всѣ колесницы, и въ происходившихъ на островѣ Критѣ и въ Коринѳѣ празднествахъ-Гелотіяхъ въ честь богини луны — Европы, гдѣ съ величайшей помпой несли миртовый вѣнокъ, имѣвшій около 7 саженъ въ поперечникѣ.

Но мирта имѣла не мало значенія не только въ религіозныхъ ритуалахъ грековъ, а также и въ общественной и домашней ихъ жизни.

Такъ, высшіе аѳинскіе чины носили миртовые вѣнки въ знакъ власти и съ миртовыми же вѣнками въ рукахъ являлись и желавшіе возбудить къ себѣ сочувствіе просители; миртой украшались побѣдители на Истмійскихъ играхъ и миртовыми же вѣнками убирали статуи павшихъ героевъ, чтобы показать, что они не забыты народной любовью. Миртой убирали дома, гдѣ происходила свадьба, убирали гостей, въ честь которыхъ устраивалось какое-нибудь празднество, и ею же увѣнчивали статуи боговъ, если хотѣли прибѣгнуть къ ихъ помощи. Такъ, напримѣръ, до насъ дошелъ разсказъ, что пелопонезскій житель Танталъ, желая добиться, чтобы Гипподамія, дочь Энома, вышла за него замужъ, велѣлъ покрыть миртами всю статую Венеры Лемносской.

Но особенно былъ оригиналенъ обычай надѣвать миртовый вѣнокъ каждый разъ на того, кто хотѣлъ декламировать стихи Эсхила или Симонида, чѣмъ, конечно, древніе греки хотѣли выразить особенное почтеніе къ этимъ поэтамъ, и обвивать миртой лиру, когда кто-либо хотѣлъ спѣть какую-нибудь свою импровизацію.

Миртовый вѣнокъ носилъ у грековъ нерѣдко названіе «н а у к р а т и д а». О происхожденіи этого названія разсказываютъ слѣдующее.

Однажды, одинъ купецъ изъ города Наукратида, по имени Геростратъ, возвращался къ себѣ домой съ острова Кипра, везя пріобрѣтенную имъ тамъ священную статую Венеры. Вдругъ поднялась близъ береговъ Египта такая страшная буря, что съ минуты на минуту ждали гибели корабля. Въ ужасѣ собрался весь экипажъ вокругъ статуи богини и молилъ ее о спасеніи. И вотъ, сжалившись, Венера приказала миртовымъ кустамъ обрасти вокругъ

корабля. Мирты выросли, защитили отъ напора волнъ корабль, и весь экипажъ и пассажиры были спасены.

Добравшись до родной гавани, въ благодарность, весь экипажъ свилъ себѣ вѣнки изъ мирты, а Герострать въ торжественной процессіи перенесъ статую — мирту въ храмъ богини и принесъ ей благодарственную жертву. Затѣмъ устроилъ всѣмъ гостямъ роскошный пиръ, за которымъ плелъ вѣнки изъ чудодѣйственной мирты и передавалъ ихъ присутствующимъ, какъ спасительный талисманъ. Съ этихъ-то поръ, какъ говорятъ, миртовый вѣнокъ и сталъ носить названіе наукратида.

Другимъ оригинальнымъ древнимъ сказаніемъ, связаннымъ съ миртой, является разсказъ о смерти Федры — супруги Тезея.

Невдалекѣ отъ города Тразена, говоритъ это преданіе, находится громадная мирта, подъ которую въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ садилась погруженная въ тяжелыя, грустныя мысли, вѣроломная Федра каждый разъ, какъ любимый ею пасынокъ Ипполитъ отправлялся на своей блестящей колесницѣ въ сопровожденіи цѣлой своры псовъ на охоту. Изнывая отъ любви къ нему, несчастная прокалывала въ нетерпѣніи листья мирты своими, служившими ей для прически, золотыми шпильками и, въ концѣ концовъ, на этой же миртѣ и повѣсилась. Слѣды уколовъ шпилекъ Федры, заканчиваетъ преданіе, можно видѣть и до сихъ поръ, если посмотрѣть листья на свѣтъ.

Согласившись вполнѣ съ этимъ послѣднимъ, добавимъ только, что имѣющія видъ уколовъ точки вовсе не слѣды какихъ-либо уколовъ, а маленькія железки, содержащія въ себѣ то эѳирное масло, благодаря которому листья мирты и обладаютъ свойственнымъ имъ пріятнымъ запахомъ. По смерти Федры на мѣстѣ ея трагической смерти былъ воздвигнутъ храмъ въ честь Венеры.

Любопытно также одно средневѣковое преданіе, сложившееся про превращеніе въ такое дерево одного мавританскаго рыцаря.

Рыцарь этотъ, по имени Роджеро, причаливъ на кораблѣ къ неизвѣстнымъ ему берегамъ, привязалъ своего коня къ миртовому дереву, пока утолялъ жажду у текшаго въ какой то садъ источника.

Положивъ затѣмъ свой шлемъ, свой щитъ и свое оружіе возлѣ себя, онъ прилегъ, было, отдохнуть, какъ вдругъ выходившій изъ дерева, къ которому онъ привязалъ коня, голосъ сказалъ ему: «развѣ я не достаточно страдаю, что долженъ выносить еще подобную грубость?»

Рыцарь, поспѣшивъ отвязать коня, спросилъ, «кто вы такой? Дерево или смертный? Прошу извиненія за мою невольную ошибку и потому постараюсь, лишь бы ее изгладить, исполнить все, чего вы ни пожелаете».

Тогда дерево, выпустивъ изъ коры нѣсколько смолистыхъ капель, какъ слезы, сказало: «я Астольфо, палладинъ Франціи, являвшійся въ свое время однимъ изъ храбрѣйшихъ и отважнѣйшихъ рыцарей. Возвращаясь съ Востока съ нѣсколькими товарищами, мы достигли замка страшной Альцины. Она прельстила меня своей красотой и я послѣдовалъ за ней въ ея островное жилище. Тамъ я провелъ съ ней много счастливыхъ дней, пока не наскучилъ ей, какъ это было и со всѣми тѣми, кто ею увлекался, а тогда, чтобы избавиться отъ меня, она превратила меня въ мирту. Многихъ другихъ постигла такая же участь, и здѣсь передъ вами находится немало людей, превращенныхъ въ кедры, оливки и пальмы. Нѣкоторые изъ нихъ превращены въ источники, въ скалы, а нѣкоторые и въ животныхъ. Берегитесь подвергнуться такой же участи!»

Но Роджеро мало обратилъ вниманія на это предупрежденіе. Онъ также свидѣлся съ прелестной Альциной и, пораженный ея красотой, позволилъ себя увести въ ея замокъ со стѣнами изъ золота и колоннами изъ алмазовъ. Прожилъ съ ней весело много дней, потомъ надоѣлъ ей и былъ превращенъ въ мирту, но такъ какъ онъ обладалъ знаніемъ бѣлой магіи, которая была сильнѣе черной, то не только освободилъ себя, но и отомстилъ Альцинѣ ея вѣроломство, освободивъ и всѣхъ остальныхъ, превращенныхъ ею во что-нибудь, товарищей.

Служа главнымъ образомъ символомъ любви, мирта служила, однако, у грековъ и символомъ мрачной посмертной жизни.

Фантазія древнихъ, какъ извѣстно, помѣстивъ похищенную Плутономъ дочь Цереры Прозерпину въ его мрачное царство тѣней, украсила это царство зеленой растительностью, среди которой мирта играла первенствующую роль, образуя тѣ таинственные ходы и кущи, гдѣ блуждали неутѣшные, которыхъ какая-нибудь невыносимая страсть заставляла раньше времени покончить съ жизнью на землѣ. Виргилій такъ описываетъ эти аллеи вздоховъ:

„Недалеко оттуда ты видишь печальныя поля.
Это мѣста, гдѣ раздаются громкіе вздохи влюбленныхъ,
Которыхъ неумолимая стрѣла Амура
Насильно превратила въ блуждающія тѣни.
Здѣсь бродятъ онѣ по таинственно-скрытымъ тропамъ,
Поросшимъ густымъ миртовымъ лѣсомъ . . .“

Сверхъ того, такъ какъ Венера, въ качествѣ Венеры-Либитины и Афродиты-Епитимбіи, являлась съ одной стороны богиней смерти, которая, вызывая все къ жизни, въ то же время влекла все въ мрачную бездну преисподней, чтобы снова все возродить, а съ другой — охранительницей могилъ и смертныхъ останковъ, то мирта считалась также растеніемъ смерти и украшала собой у древнихъ грековъ могилы. Особенно же усердно обсаживали ею могилы дорогихъ покойниковъ, вѣря, что она будетъ сопутствовать имъ и въ царствѣ тѣней. Вѣра въ эту связь такъ была велика, что въ трагедіи Эврипида «Электрѣ» мы видимъ, что всякій, кто хотѣлъ служить свидѣтелемъ на судѣ противъ умершаго, долженъ былъ предварительно отправиться на его могилу и возложить на нее миртовую вѣтвь въ знакъ того, что онъ будетъ говорить на судѣ лишь одну правду.

Отъ древнихъ грековъ культъ мирты перешелъ и къ древнимъ римлянамъ.

Эрато, муза эротической поэзіи, носила миртовый вѣнокъ, такимъ же вѣнкомъ была украшена и голова бога брака — Гиминея, котораго всегда изображали въ видѣ прелестнаго юноши съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ. Однако, на алтарь покровительницы женщинъ — Bona Dea (добрая богиня), — при служеніи которой не долженъ былъ присутствовать ни одинъ мужчина, возлагать мирту было строго воспрещено, такъ какъ растеніе это, по мнѣнію римлянъ, представляло собою напоминаніе о чувственномъ наслажденіи, представителями котораго являлись Амуръ и Венера. Полагали, что и сама мирта обладаетъ возбуждающимъ началомъ, вслѣдствіе чего она, будто бы, и была даже посвящена этимъ божествамъ.

По этой же причинѣ римскія подруги веселья — «гетеры» увѣнчивали 2 апрѣля, въ день празднованія весенняго праздника Венеры-Эрицины, статую ея миртами, и розами, моля ее даровать имъ искусство нравиться.

Не пропускали этого мѣсяца также и благородныя римлянки. Выкупавшись въ апрѣлѣ подъ миртовыми деревьями и украсивъ себя ихъ вѣтвями, онѣ шли принести жертву Венерѣ, моля ее сохранить имъ подольше ихъ молодость и красоту.

Обычай, подобный этому, сохранился и до сихъ поръ въ Италіи, гдѣ теперь женщины, подливая въ ванны миртовую эссенцію, убѣждены, что она надѣлитъ ихъ красотой и дѣвственной свѣжестью. Говорятъ, что такими ваннами не пренебрегаютъ тамъ даже и мужчины.

Скажемъ кстати, что даже эта миртовая вода, извѣстная подъ названіемъ «eau d'ange» (ангельской воды), находится въ такомъ употребленіи въ Италіи и Греціи, что безъ нея не можетъ обойтись въ этихъ странахъ ни одна знатная дама. Кромѣ того, изъ всѣхъ частей растенія добывается летучее масло, которое употреблялось въ древности, какъ раздражающее кожу средство, а изъ сока раздавленныхъ миртовыхъ плодовъ со спиртомъ получается маслянистая жидкость, которая считается у великихъ искусницъ нравиться — средствомъ, сообщающимъ красоту и свѣжесть кожѣ.

Въ дополненіе къ этому косметическому значенію мирты прибавимъ, что она въ древности имѣла еще и нѣкоторое медицинское значеніе.

Такъ, винный настой сейчасъ упомянутыхъ плодовъ считался эликсиромъ здоровья, бодрости, и имъ лѣчились обыкновенно въ надеждѣ на возстановленіе силъ и возвращеніе здоровья раненые воины. Кромѣ того, молодые нераспустившіеся еще ароматичные бутоны ея цвѣтовъ употреблялись древними въ особомъ приготовленіи въ качествѣ подкрѣпляющаго желудокъ средства. Да и теперь сѣмена ея употребляются еще въ Тосканѣ, вмѣсто корицы, съ которой они имѣютъ нѣкоторое по вкусу сходство.

Здѣсь же находится въ большомъ употребленіи и винный настой вѣтвей и плодовъ мирты, носящій названіе «myrtiducum», ароматъ котораго тосканцамъ особенно нравится. Наконецъ, миртовые плоды растущей въ Вестъ-Индіи Myrtus pinatus употребляются еще и въ Англіи, гдѣ они носятъ названіе Амомова сѣмени (Semen Amomi) или просто англійской пряности. Вкусъ ихъ очень похожъ на перецъ.

Храмъ Венеры Эрицины въ Римѣ находился внутри цирка, недалеко отъ Авентинскаго холма, и былъ весь окруженъ миртовыми кустами и деревьями, вслѣдствіе чего Венера эта носила даже названіе «Мирціи». Другое ея прозвище было Venus cloacina — Венеры-очистительницы, такъ какъ полагали, что мирта обладаетъ очищающей силой, и потому, когда кончилась борьба за похищеніе сабинянокъ, то римляне и сабиняне, положивъ оружіе, очистились (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была воздвигнута сейчасъ упомянутая статуя Венеры) куревомъ изъ зажженныхъ вѣтвей мирты.

Но мирта у римлянъ имѣла не только значеніе увѣнчивающаго красоту талисмана, а играла немаловажную роль еще и въ общественной ихъ жизни.

Какъ извѣстно, Ромулъ, по возведеніи его въ божество, получилъ названіе Квирина (Quirinus) отъ сабинскаго слова квиринъ — копье (въ переносномъ значеніи — воинъ), и ему воздвигнутъ былъ храмъ. Но со временемъ храмъ этотъ превратился въ развалины и оставался въ такомъ видѣ до 306 года до Р. Хр., когда, наконецъ, консулъ Луцій Папирій Курсоръ возстановилъ его. Тогда на немъ были помѣщены первые въ Римѣ солнечные часы, а передъ ними посажены два миртовыхъ дерева, изъ которыхъ одно должно было изображать патриціевъ, а другое — плебеевъ.

Посаженныя близъ такого высокочтимаго храма, деревья эти сдѣлались для римлянъ священными. Они стали видѣть въ нихъ что-то вдохновенное, божественное, и твердо вѣрили что по нимъ можно всегда судить о перевѣсѣ той или другой партіи. «Если, — говорили они, — патриціи берутъ верхъ надъ плебеями, то ихъ дерево растетъ роскошно, а дерево плебеевъ чахнетъ, а если плебеи побѣждаютъ, то ихъ дерево разрастается, а патриціанское гибнетъ». Насколько подтверждалась ихъ вѣра, не знаемъ, но говорятъ, что они съ суевѣрнымъ страхомъ и трепетомъ слѣдили за ихъ развитіемъ.

Не малую роль играла мирта и въ римскихъ тріумфахъ. Сплетеннымъ изъ нея вѣнкомъ увѣнчивали римляне героевъ за гражданскія доблести или за войну безъ пролитія крови. Вѣнокъ этотъ назывался «corona ovalis» отъ слова ovus — овца, такъ какъ при возложеніи его обыкновенно приносили богамъ въ жертву овцу.

Первымъ, получившимъ такую награду, былъ консулъ Постумъ Тубертусъ, побѣдившій сабинянъ; но, когда такой же вѣнокъ поднесли М. Крассу, по возвращеніи его изъ побѣдоноснаго похода, то онъ отклонилъ его, и сенатъ, находя, что онъ правъ, присудилъ ему лавровый вѣнокъ, какъ награду за воинскіе подвиги.

Мы уже говорили выше, что у древнихъ іудеевъ и грековъ существовалъ обычай украшать миртой жениха и невѣсту. Обычай этотъ сохранился у потомковъ древнихъ грековъ, новогрековъ, и до сихъ поръ, у которыхъ теперь мирта то и дѣло замѣняетъ собой обычный въ этомъ случаѣ въ наше время флеръ-д'оранжъ.

Отъ нихъ же, вѣроятно, перешелъ онъ и въ Германію. Время его появленія здѣсь вполнѣ достовѣрно не извѣстно, по крайней мѣрѣ въ печатныхъ источникахъ до XVII вѣка о немъ совсѣмъ не упоминается, хотя въ нѣкоторыхъ книгахъ, какъ, напримѣръ, въ книгѣ Ко-

маріуса «О брачныхъ вѣнцахъ», изданной въ Магдебургѣ въ 1583 году, подробно перечисляются всѣ цвѣты, какіе могутъ быть употребляемы при вѣнчаніи, а въ книгѣ Санта-Кли, изданной въ 1672 году, приводятся даже съ указаніемъ символическаго значенія каждаго изъ нихъ. Въ числѣ ихъ указывается гіацинтъ, царскій скипетръ, роза, фіалка, ландышъ, незабудка, маргаритка, амарантъ и др., упоминается также о розмаринѣ, какъ о цвѣткѣ для вѣнковъ покойниковъ, а о миртѣ — ни слова.

Съ другой стороны, существуетъ указанія, что мирта употреблялась, въ качествѣ вѣнчальнаго украшенія, значительно раньше XVII столѣтія. Такъ, на вуаляхъ невѣстъ XV и XVI столѣтія, на которыхъ дѣлались обыкновенно комеморативныя надписи и которыя хранятся въ древнихъ фамиліяхъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, можно видѣть затканныя надписи, окруженныя вѣнками изъ миртъ. Сверхъ того, существуетъ даже преданіе, что первой носившей миртовый вѣнокъ при вѣнчаніи была дочь Якова Фуггера, извѣстнаго средневѣковаго милліонера, которой вѣнчаніе происходило въ 1583 году. Слѣдовательно, приблизительно, этотъ годъ и надо считать началомъ обычая украшать миртовыми вѣнками невѣстъ въ Германіи.

Всеобщее, однако, употребленіе миртъ въ качествѣ вѣнчальнаго цвѣтка произошло гораздо позже, и введеніе этого обычая шло, повидимому, снизу вверхъ, такъ какъ отъ торговыхъ людей, какимъ являлся Фуггеръ, онъ перешелъ сначала въ дворянскія, а затѣмъ уже и въ княжескія семьи.

Насколько, однако, рѣдко было еще это употребленіе даже и въ XVIII столѣтіи, ясно видно уже изъ того, что, когда въ 1760 году дочь городского старшины города Гальберштата имѣла на головѣ въ день вѣнчанія небольшой съ десертную тарелку миртовый вѣнокъ, то это считалось, какъ нѣчто особенно благородное, аристократическое и объ этомъ оповѣстили даже въ печати. Вѣнокъ этотъ хранится въ этой семьѣ и до сихъ поръ. Онъ былъ сдѣланъ изъ искусственныхъ миртовыхъ вѣтокъ, выписанныхъ изъ Парижа.

Что касается до вопроса, какимъ образомъ зародился этотъ обычай въ Германіи, то, повидимому, онъ перешелъ сюда изъ Греціи и Востока, такъ какъ появился прежде всего въ городахъ Нюренбергѣ и Аугсбургѣ, имѣвшихъ, какъ извѣстно, въ средніе вѣка главныя сношенія съ этими странами.

Обычай украшать невѣстъ миртовымъ вѣнкомъ, какъ мы сейчасъ сказали, сохранился въ Германіи и до нашихъ дней, такъ что цвѣты эти предпочитаютъ тамъ употребляющемуся у насъ и во Франціи съ этой цѣлью флеръ-д'оранжу. Теперь изъ уваженія къ древнему обычаю такими вѣнками украшаются тамъ даже и великокняжескія невѣсты, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Бременѣ, каждая свадьба сопровождается даже особымъ миртовымъ праздникомъ.

Изъ другихъ государствъ мирта играетъ роль въ свадьбахъ еще во Франціи и притомъ, главнымъ образомъ, въ деревенскихъ свадьбахъ, гдѣ ею, впрочемъ, не всегда украшаютъ голову невѣсты, а несутъ больше просто лишь, какъ аттрибутъ празднества, въ видѣ растенія, въ горшкѣ во время шествія, отправляющагося для подписи брачнаго договора къ мэру (городскому головѣ или старостѣ), и въ Англіи, гдѣ миртовые вѣнки и букеты въ большомъ употребленіи при бракосочетаніи высокопоставленныхъ лицъ, особенно же особъ королевскаго дома.

При англійскомъ дворѣ свадебный этотъ обычай былъ введенъ, какъ говорятъ, покойной королевой Викторіей, которая собственноручно посадила у себя въ садахъ Осборна крошечную миртовую вѣтку, взятую изъ свадебнаго букета своей дочери, покойной германской императрицы Фридрихъ (матери нынѣ царствующаго императора Вильгельма II). Вѣточка эта принялась и, когда разрослась въ деревцо, Викторія никогда не пропускала случая, чтобы не вложить, хотя бы одну сорванную съ нея вѣтку въ подвѣнечный букетъ своихъ дочерей и внучекъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ обычай укоренился, и теперь въ составъ букета каждой невѣсты англійскаго королевскаго дома обязательно входитъ миртовая вѣтка съ этого дерева.

Большой любительницей мирты была также знаменитая французская драматическая актриса Рашель.

Еще живя бѣдной евреечкой въ чердачномъ помѣщеніи улицы Temple въ Парижѣ, она тщательно ухаживала, какъ она пишетъ въ своихъ запискахъ, за маленькой мирточкой, которая, какъ ей казалось, должна была принести ей счастье.

И счастье ей, дѣйствительно, улыбнулось; изъ безвѣстной маленькой актрисы она сдѣлалась всемірной знаменитостью.

Но и, будучи окружена уже ореоломъ славы, она продолжала любить и лелѣять это растеніе, котораго крупные кусты и даже деревца всегда украшали всѣ комнаты ея роскошнаго помѣщенія, особенно же ея будуаръ.

Замѣтимъ, кстати, что, любя влажный климатъ, мирта такъ прижилась въ Англіи, что теперь ее можно счесть за туземное растеніе, а между тѣмъ до конца XVI столѣтія она здѣсь еще не существовала. Говорятъ, что первое миртовое деревцо было привезено сюда въ 1586 г. сэромъ Вальтеромъ Ралей и Френсисомъ Керью изъ Испаніи, гдѣ они жили долгое время въ качествѣ представителей Англіи. Эти же вельможи были первыми, которые извѣстили англійское правительство о формированіи великой испанской армады и предупредили его о грозящей Англіи опасности; такъ что вмѣстѣ съ введеніемъ въ Англію мирты связано, можно сказать, избавленіе отечества отъ угрожавшей ему бѣды.

Деревцо это было посажено въ Беддингтонѣ, въ графствѣ Сюррей, и существовало еще въ 1724 году, такъ что, слѣдовательно, достигало 156-лѣтняго возраста. Въ это время оно имѣло 18 футовъ вышины и крону, занимавшую около 45 футовъ. Теперь оно больше уже не существуетъ и погибло по всей вѣроятности въ суровую зиму 1740 года, когда, какъ сообщаетъ хроника, померзло большинство экзотическихъ деревьевъ въ паркѣ Керью въ Беддингтонѣ, между прочимъ и одновременно съ миртой посаженное тамъ первое апельсинное дерево.

Но такой величины миртовыя деревья въ Англіи не рѣдкость; и въ настоящее время не мало можно ихъ видѣть въ Девонширѣ, въ Вортингѣ, въ Бредватерѣ и особенно на островѣ Уайтѣ, гдѣ они встрѣчаются почти въ каждомъ саду. Во многихъ мѣстахъ они покрываются даже массой цвѣтовъ.

Уваженіе къ миртѣ сохранилось и въ Новой Греціи; и здѣсь, а особенно на островѣ Критѣ, существуетъ даже повѣрье, что никогда не слѣдуетъ проходить мимо миртоваго куста, не сорвавъ съ него хотя бы маленькой вѣточки, если до старости хочешь сохранить юношескую бодрость и свѣжесть силъ.

Тамъ сложилась даже слѣдующая пѣсня:

„Кто мимо мирты проходитъ,
Не сорвавъ съ нея душистой вѣтви,
Тотъ — будь онъ герой, будь мужъ во цвѣтѣ лѣтъ, —
Будетъ лишь старцемъ немощнымъ“.

Такая же вѣра въ бодрящее дѣйствіе мирты сохранилась и въ Италіи, гдѣ на масленицѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Тосканѣ, всѣ юноши и молодыя дѣвушки украшаются вѣнками изъ мирты въ знакъ того, что они полны силъ и молодости. По этой же причинѣ и римскіе паломники, отправляясь въ долгое пу-

тешествіе, запасаются всегда кольцомъ изъ миртъ, которое, по ихъ мнѣнію, придаетъ имъ силъ совершить благополучно путешествіе.

Но, съ другой стороны, видѣть во снѣ миртовые листья считалось, даже уже въ среднихъ вѣкахъ, предвѣстникомъ какой-нибудь непріятности. «Если ты бѣдный служащій человѣкъ, — говоритъ про этотъ сонъ сонникъ того времени, — то, знай, что ты мѣста лишишься, если же богатый, — то предстоитъ тебѣ горе великое.

Любимецъ гаремовъ и цвѣтокъ биржевой игры—тюльпанъ.

Какъ ни прекрасенъ тюльпанъ своей окраской, какъ ни оригинальна его форма, но, страннымъ образомъ, почему-то ни греческая, ни римская миѳологія не создали о немъ никакого сказанія. И это тѣмъ болѣе странно, что тюльпаны въ дикомъ состояніи въ обиліи растутъ на священной горѣ Идѣ, въ Греціи, гдѣ ихъ не могли не замѣтить какъ сами жители, такъ и всѣ тѣ, которые были творцами миѳологіи.

Первыя свѣдѣнія объ этомъ прелестномъ цвѣткѣ мы встрѣчаемъ въ Персіи. Въ этой странѣ сказаній и пѣсенъ о розѣ, оригинальный, въ видѣ фонаря или кубка, цвѣтокъ не могъ пройти незамѣченнымъ и носилъ названіе «Дульбашъ»—турецкая чалма, отъ котораго впослѣдствіи произвели слово тюрбанъ. Онъ былъ воспѣтъ многими персидскими поэтами и особенно знаменитымъ Гафизомъ, который говоритъ, что съ дѣвственной прелестью тюльпана не могутъ сравниться ни нѣжныя движенія кипариса, ни даже сама роза.

Но еще большей любовью пользовался тюльпанъ на Востокѣ, у турокъ, которыхъ жены разводили его въ обиліи въ сераляхъ, гдѣ многимъ изъ нихъ, быть-можетъ, онъ напоминалъ даже ихъ дѣтство, ихъ родину, ихъ утерянную свободу.

Вслѣдствіе всего этого, вѣроятно, въ сераляхъ ежегодно справлялся чудный, волшебный праздникъ тюльпановъ, на который султанъ смотритъ какъ на лестное доказательство къ себѣ расположенія и любви своихъ женъ.

Въ этотъ день весь сераль принимаетъ феерическій видъ. Всѣ сады его, всѣ его залы украшаются безчисленнымъ множествомъ причудливо развѣшанныхъ разноцвѣтныхъ тюльпановъ-фонариковъ, которые, будучи зажжены вечеромъ, блестятъ, какъ въ какой-нибудь феерiи, тысячами тысячъ огней. Всѣ дорожки садовъ устилаются драгоцѣнными пестрыми коврами, самые тонкіе духи бьютъ фонтанами и распространяютъ всюду свой дивный запахъ, а на возвышеніяхъ, на самомъ видномъ мѣстѣ выставлены въ красивомъ рисункѣ тысячи самыхъ разнообразныхъ, самыхъ красивыхъ и рѣдкихъ сортовъ въ полномъ расцвѣтѣ тюльпановъ, удивительныя формы и прелестная окраска которыхъ чаруютъ взоры. При этомъ въ разныхъ углахъ сада разставлены невидимые оркестры, которые играютъ, то веселые, то грустные мотивы.

Когда все такимъ образомъ устроено, богато разодѣтыя любимыя жены султана отправляются за нимъ, ведутъ его въ торжественной процессіи въ изукрашенные, какъ въ сказкахъ, сады, показываютъ ему самые красивые сорта своихъ тюльпановъ, объясняютъ данныя имъ въ честь его нѣжныя названія, сообщаютъ, какое то или другое названіе имѣетъ символическое значеніе по отношенію къ нему и къ нимъ самимъ, и стараются вообще обратить его вниманіе на эти цвѣты и заставить ихъ полюбить. Затѣмъ слѣдуетъ богатое угощеніе разными восточными сладостями, восточными напитками, обставленными самыми чарующими танцами и пѣніемъ, и султанъ покидаетъ сераль, очарованный, упоенный прелестью дивнаго праздника тюльпановъ, перенесшаго его на нѣсколько часовъ въ сказочную страну «Тысячи и одной ночи».

Въ такомъ поэтическомъ, окруженномъ грёзами видѣ представляется тюльпанъ у жителей Востока.

Въ совершенно иномъ прозаическомъ видѣ находимъ мы его въ западной Европѣ.

Сюда онъ попалъ лишь въ 1559 году и прежде всего въ Аугсбургъ, куда первыя его луковицы были присланы германскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, Бусбекомъ. Этотъ послѣдній ознакомился съ нимъ во время своего путешествія по Сиріи въ Хардинѣ, на границѣ съ сѣверной частью Аравіи, гдѣ среди зимы онъ увидалъ его въ полномъ цвѣту вмѣстѣ съ нарциссами. Въ этомъ же году тюльпанъ появился въ первый разъ въ цвѣту въ Аугсбургѣ у сенатора Герварта, а шесть лѣтъ спустя украшалъ уже въ большомъ количествѣ чудные сады

знаменитыхъ средневѣковыхъ богачей Фуггеровъ, гдѣ его видѣлъ и описалъ, какъ замѣчательную рѣдкость, знаменитый Конрадъ Гесснеръ.

Отсюда тюльпанъ разошелся по всей Европѣ. Въ 1573 году мы видимъ его уже въ Вѣнѣ у извѣстнаго ученаго Клузіуса, который такъ заинтересовался этимъ новымъ пришельцемъ, что сталъ съ увлеченіемъ собирать всѣ извѣстные въ это время его сорта. Его примѣру слѣдовали и многіе богатые вѣнскіе садоводы, начавшіе выписывать за громадныя деньги луковицы тюльпана изъ Турціи, чтобы украсить имъ свои сады. Появленіе у кого-либо изъ нихъ новаго по окраскѣ сорта возбуждало у другихъ неописуемую зависть и, какъ ни странно сказать, не давало даже и ночью покоя не обладавшимъ имъ любителямъ.

Мало-по-малу, начали увлекаться тюльпаномъ въ Германіи и многія царственныя особы. Особенно же великій курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ-Вильгельмъ, собравшій въ началѣ XVI столѣтія уже громадную для этого времени коллекцію въ 216 сортовъ и поручившій своему придворному медику Эльшольцу составить альбомъ рисунковъ наиболѣе оригинальныхъ и цѣнныхъ изъ нихъ. Рѣдкій альбомъ этотъ, содержащій въ себѣ 71 рисунокъ, съ написаннымъ на латинскомъ языкѣ предисловіемъ, былъ оконченъ въ 1661 году и хранится и понынѣ въ публичной библіотекѣ Берлина.

Изъ другихъ страстно увлекавшихся тюльпаномъ высокопоставленныхъ особъ укажемъ еще на маркграфа Баденъ-Дурлахъ, собравшаго въ 1740 году коллекцію въ 360 сортовъ, и на графа Паппенгейма, у котораго, по словамъ современниковъ, такая коллекція доходила до 500 сортовъ. При этомъ прелесть новыхъ сортовъ усугублялась еще начавшимъ входить въ моду обычаемъ давать этимъ сортамъ имена коронованныхъ особъ, городовъ и выдающихся по своему общественному и государственному положенію лицъ и т. д.

Такое, стоившее дорогихъ денегъ увлеченіе, не замедлило дать поводъ, конечно, къ поддѣлкамъ, и едва садовникъ какого-нибудь богача-любителя выводилъ новый сортъ, какъ подъ тѣмъ же названіемъ на рынкѣ появлялись совершенно иные, часто даже старые сорта и продавались, подъ величайшимъ секретомъ, довѣрчивымъ любителямъ за крупныя деньги.

Среди страстныхъ любителей тюльпановъ, другихъ странъ, были также Ришелье, Вольтеръ, маршалъ Би-

ронъ, австрійскій императоръ Францъ II и особенно французскій король Людовикъ XVIII.

Уже совсѣмъ больной онъ приказывалъ переносить себя въ эпоху цвѣтенія этихъ растеній изъ Сенъ-Клу въ сады Севра и проводилъ тамъ цѣлые часы, любуясь пестротой и разнообразной окраской цвѣтовъ богатой коллекціи, культивируемой его садовникомъ Екоффе.

Одно время въ Версали были даже прелестные тюльпанные праздники, на которые собирались всѣ знаменитые того времени любители и садоводы и соревновались выставкой своихъ новостей и рѣдкостей. За лучшіе экземпляры выдавались цѣнные призы.

Любилъ ихъ также необычайно и знаменитый французскій композиторъ Меюль (Mehul), для котораго культура тюльпановъ представляла величайшее наслажденіе въ минуты отдыха отъ его музыкальныхъ занятій. Его коллекція тюльпановъ была одною изъ обширнѣйшихъ и отборнѣйшихъ коллекцій начала XIX столѣтія.

Но нигдѣ увлеченіе тюльпанами не достигало такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ Голландіи. Спокойные по природѣ, разсчетливые торговцы и вообще люди умѣренные, голландцы, ни съ того, ни съ сего, до того увлеклись этимъ цвѣткомъ, что увлеченіе это превратилось въ единственную въ своемъ родѣ народную манію, которая получила даже въ исторіи отдѣльное характерное названіе «тульпоманіи».

Тюльпанъ появился здѣсь лишь въ 1634 году, и первое время разведеніе его носило совершенно коммерческій характеръ.

Замѣтивъ увлеченіе этимъ цвѣткомъ нѣмцевъ и другихъ народовъ, разсчетливые голландцы стали разводить его въ какъ можно большемъ количествѣ новыхъ сортовъ, и торговля ихъ его луковицами оказалась столь прибыльной, что ею стали заниматься вскорѣ даже и люди, имѣвшіе очень мало отношенія къ садоводству, — ею стало заниматься чуть не все населеніе. Стоявшіе во главѣ голландской торговли коммерсанты радовались, что найденъ такой новый, обогащавшій ихъ родину, продуктъ, и старались всячески поддержать эту новую отрасль промышленности, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывалось, для разведенія этихъ луковицъ голландская почва была особенно благопріятна.

Въ началѣ торговля эта шла такъ хорошо, что, не довольствуясь своими культурами, предпріимчивые голландскіе торговцы скупали даже тюльпанныя луковицы изъ

сосѣдней Бельгіи, гдѣ въ городѣ Ниллѣ разведеніемъ ихъ особенно усердно занимались монахи въ монастырскихъ садахъ и другія духовныя лица.

Вскорѣ дѣло дошло до того, что образовалось нѣчто въ родѣ игры на биржѣ. Вмѣсто луковицъ новыхъ сортовъ стали выдавать впередъ на нихъ расписки, въ томъ, что владѣлецъ ихъ получаетъ право на пріобрѣтеніе этого сорта, а затѣмъ расписки эти перепродавали по болѣе высокой цѣнѣ другимъ; эти, въ свою очередь, старались перепродать ихъ по еще болѣе высокой цѣнѣ третьимъ и т. д., и все это, не видя еще того новаго сорта, который былъ запроданъ. При этомъ цѣны на такіе фантастическіе сорта доходили до невѣроятныхъ размѣровъ. Игру эту поддерживали особенно нѣкоторыя счастливыя случайности, въ родѣ того, что по случайно пріобрѣтеннымъ за недорогую цѣну распискамъ получались, дѣйствительно, рѣдкостные сорта, которые, будучи проданы, давали затѣмъ крупные барыши.

Такъ, напримѣръ, одному бѣдному амстердамскому приказчику, благодаря цѣлому ряду счастливыхъ стеченій обстоятельствъ, удалось въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. Конечно, о такихъ счастливыхъ случайностяхъ спекулянты не замедливали трубить во всѣ трубы, выдавая ихъ за явленіе самое заурядное, и число простаковъ, желавшихъ попытать свое счастье, увеличивалось все болѣе и болѣе.

Какъ велика была такого рода игра въ Голландіи, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить уже то обстоятельство, что въ это время гуляло по рукамъ обывателей болѣе 10 милліоновъ такихъ тюльпанныхъ расписокъ.

При этомъ въ такого рода торговлѣ могъ принять участіе весь міръ и каждый, гдѣ бы онъ ни жилъ, разбогатѣть, такъ какъ ничего не было легче, какъ пріобрѣсти нѣсколько луковицъ тюльпана, посадить ихъ въ горшокъ и, получивъ отъ нихъ дѣтки, продавать ихъ за большія деньги, какъ новый многообѣщающій рѣдкій сортъ.

Большія деньги въ это время наживали также еще и торговцы глиняными горшками и деревянными ящиками, такъ какъ кромѣ спеціально культивировавшихъ тюльпаны садоводовъ разведеніемъ тюльпановъ занимался всякій — и бѣдный, и богатый — лишь бы только нашлось мѣсто для ихъ разведенія.

Для торговли этими луковицами, какъ я уже выше говорилъ, существовали особыя помѣщенія и особые базарные дни, гдѣ собирались какъ продавцы, такъ и

покупатели и сговаривались относительно цѣнъ, — словомъ, нѣчто вродѣ биржи. Да и самое слово биржа (по-нѣмецки Börse), какъ говорятъ, возникло даже отъ жившей въ городѣ Брюгге знатной фламандской фамиліи, ванъ-деръ-Бёрзе, уступившей подъ такого рода собранія свое роскошное помѣщеніе.

Въ биржевые дни эти помѣщенія представляли собою многотысячныя собранія, и что̀ была тутъ за публика, надо было только дивиться!

Тутъ были и милліонеры, и графы, и бароны, дамы, купцы, ремесленники, были и крестьяне, швеи, рыбаки, рыбачки, всякаго рода прислуга и даже дѣти. Лихорадкой наживы были охвачены всѣ слои общества, всѣ у кого только былъ хоть грошъ за душой. У кого же наличныхъ денегъ не было (объ этомъ существуютъ цѣлыя записки въ хроникахъ), тащилъ свои драгоцѣнности, свои платья, свой домашній скарбъ, отдавалъ подъ залогъ дома, земли, стада, — словомъ, все, лишь бы только пріобрѣсти желанныхъ тюльпанныхъ луковицъ и перепродать ихъ за болѣе высокую цѣну.

За одну луковицу, напримѣръ, сорта «Semper Augustus» было заплачено 13.000 гульденовъ, за луковицу сорта «Адмиралъ Энквиценъ» — 6.000 флориновъ и т. д. На нѣкоторые же сорта заключались запродажи, и въ исторіи этой удивительной биржевой игры сохранилось даже нѣсколько документовъ, въ одномъ изъ которыхъ значится, что за луковицу сорта «Vice-roi» было заплачено: 24 четверти пшеницы, 48 четвертей ржи, 4 жирныхъ быка, 8 свиней, 12 овецъ, 2 бочки вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 4 пуда сыра, связка платья и одинъ серебряный кубокъ. И такого рода сдѣлки не составляли рѣдкости.

Но, кромѣ такихъ спеціальныхъ биржъ, въ каждомъ голландскомъ городѣ были превращены въ своего рода миніатюрныя биржи еще всѣ трактиры, кабаки и пивныя, и всѣ любители поиграть въ карты, въ кости, — любители сильныхъ ощущеній, превратились теперь въ отчаянныхъ игроковъ въ тюльпанныя луковицы. При этомъ, если заключенная въ одномъ изъ такихъ кабачковъ выгодная сдѣлка приносила всѣмъ заключавшимъ ее хорошій барышъ, то въ немъ устраивалась богатая пирушка, въ которой первое мѣсто принадлежало хозяину. И какъ ни странно можетъ показаться, но въ такихъ мѣстахъ составляли себѣ иногда хорошія состояньица и бѣдныя швеи, штопальщицы кружевъ, прачки и тому подобный людъ.

Наконецъ, для того, чтобы разжечь еще болѣе страсть къ этой игрѣ, города вродѣ Гаарлема, Лейдена и др. назначали отъ себя громадныя, достигавшія нѣсколькихъ сотъ тысячъ гульденовъ, преміи за выводку тюльпана какого-либо извѣстнаго цвѣта и величины, и, въ случаѣ осуществленія этой задачи, выдача награды сопровождалась такими великолѣпными празднествами, на которыя народъ стекался со всѣхъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ въ неменьшемъ количествѣ, какъ теперь на праздникъ въѣзда или коронованія государей.

Такъ до насъ дошло, напримѣръ, описаніе празднества по поводу присужденія преміи за выводъ чернаго (черно-лиловаго) тюльпана. Въ празднествѣ этомъ принималъ участіе самъ принцъ Вильгельмъ Оранскій.

«15-го мая 1673 года,—читаемъ мы въ этомъ описаніи,—рано утромъ въ Гаарлемѣ собрались на это торжество всѣ гаарлемскія общества садоводства, всѣ садоводы и почти все населеніе города. Погода была великолѣпная. Солнце сіяло, какъ въ іюлѣ.

«При торжественныхъ звукахъ музыки шествіе двинулось по направленію къ площади ратуши. Впереди всѣхъ шелъ президентъ гаарлемскаго общества садоводства М. ванъ-Систенсъ, одѣтый весь въ чернофіолетовый бархатъ и шелкъ подъ цвѣтъ тюльпана съ громаднымъ букетомъ; за нимъ двигались члены ученыхъ обществъ, магистраты города, высшіе военные чины, дворянство и почетные граждане. Народъ стоялъ по бокамъ шпалерами.

«Среди кортежа на роскошныхъ носилкахъ, покрытыхъ бѣлымъ бархатомъ, съ широкимъ золотымъ позументомъ, четыре почетныхъ члена садоводства несли виновника торжества, тюльпанъ, красовавшійся въ великолѣпной вазѣ. За нимъ гордо выступалъ выведшій это чудо садоводъ, а направо отъ него несли громадный замшевый кошель, вмѣщавшій въ себѣ назначенную за выводъ этого тюльпана премію города—100.000 гульденовъ золотомъ.

«Дойдя до площади ратуши, гдѣ была устроена грандіозная эстрада, вся убранная гирляндами цвѣтовъ, тропическими растеніями и хвалебными надписями, шествіе остановилось. Музыка заиграла торжественный гимнъ, и двѣнадцать молодыхъ, одѣтыхъ въ бѣлое, гаарлемскихъ дѣвушекъ перенесли тюльпанъ на высокій постаментъ, поставленный рядомъ съ трономъ штадтгальтера.

«Въ то же время раздались громкіе крики народа, возвѣщавшіе о прибытіи принца Оранскаго. Взойдя, въ

сопровожденіи блестящей свиты, на эстраду, принцъ Оранскій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой изобразилъ интересъ, представляемый для садоводства полученіемъ тюльпана столь рѣдкой и своеобразной окраски, какъ черная, и, провозгласивъ имя столь отличившагося садовода, вручилъ ему пергаментный свитокъ, на которомъ было начерчено его имя и его заслуга, и крупную сумму, подаренную ему городомъ.

«Восторгамъ народа не было конца, и счастливца понесли въ тріумфѣ по улицамъ. Празднество закончилось грандіознымъ пиршествомъ устроеннымъ лауреатомъ своимъ друзьямъ и садоводамъ Гаарлема»...

Но среди такихъ, какъ бы охваченныхъ бѣсомъ наживы, людей встрѣчалось не мало и истинно увлекавшихся страстью собиранія коллекціонеровъ, которые, для того чтобы обладать единственнымъ на всемъ свѣтѣ экземпляромъ какого-нибудь сорта тюльпана, готовы были пожертвовать всѣмъ.

Такъ разсказываютъ, напримѣръ, что одинъ такой страстный любитель, пріобрѣтая за огромную цѣну единственный, по словамъ продавца, экземпляръ такого тюльпана, возвратясь домой узналъ, къ своему величайшему горю, что другой такой же экземпляръ существуетъ еще въ Гаарлемѣ. Внѣ себя отъ горя онъ спѣшитъ въ Гаарлемъ, пріобрѣтаетъ за сумасшедшія деньги этотъ второй экземпляръ, бросаетъ его на землю и, растаптывая его ногами, съ торжествомъ восклицаетъ: «Ну, теперь мой тюльпанъ единственный на свѣтѣ!» Вообще, вмѣстѣ съ печальными сценами происходило не мало и комическихъ.

Такъ, однажды, одинъ матросикъ, увидавъ валявшуюся на прилавкѣ магазина съѣстныхъ припасовъ луковицу тюльпана и, вообразивъ, что это съѣдобная луковица, сунулъ ее себѣ въ карманъ и ушелъ. А между тѣмъ, луковица эта была одной изъ самыхъ драгоцѣнныхъ. Замѣтивъ ея пропажу, хозяинъ догадался, что, по всей вѣроятности, она была похищена тѣмъ матросомъ, который стоялъ за минуту передъ тѣмъ, передъ его прилавкомъ, и бросился за нимъ въ погоню. Онъ засталъ матроса уже разрѣзавшимъ луковицу и готовившимся ею позавтракать. Напрасно напуганный матросъ увѣрялъ, что луковица вовсе невкусна, и что онъ готовъ ее отдать назадъ, торговецъ оставался неумолимъ. Призвана была полиція, матросъ былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію.

Въ другой разъ, одинъ молодой человѣкъ, разговаривая, началъ машинально снимать съ луковицы одну шелуху за другою и снялъ ее окончательно. Каковъ же былъ его ужасъ, когда луковица эта оказалась знаменитымъ въ то время сортомъ Ванъ-Эйкъ.

Несмотря на всѣ извиненія, на всѣ увѣренія, что это онъ сдѣлалъ безъ всякаго злого умысла, лишь по разсѣянности, хозяинъ не хотѣлъ ничего слушать и привлекъ молодого человѣка къ суду, а этотъ послѣдній приговорилъ его къ штрафу въ 4.000 гульденовъ, до полной уплаты которыхъ онъ долженъ былъ просидѣть въ заключеніи.

Словомъ, страсть къ биржевой игрѣ этими луковицами, и цѣна на нихъ достигала такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что голландское правительство сочло себя вынужденнымъ вмѣшаться въ это дѣло и положить конецъ этой опасной и развращающей народные нравы спекуляціи. И вотъ, голландскіе генеральные штаты, собравшись 27-го апрѣля 1637 года въ Гаарлемѣ, издали законъ, которымъ всякія сдѣлки по тюльпаннымъ луковицамъ были признаны безусловно вредными, и всякая отнынѣ по нимъ спекуляція строго каралась закономъ.

Тогда отрезвленная частью пріостановленными не разъ платежами, частью строгостью выполненія постановленнаго правительствомъ закона, толпа начала мало-по-малу къ этой игрѣ охладѣвать, цѣны на луковицы начали быстро падать, и вскорѣ болѣе осторожные, повыручивъ поскорѣе свои деньги, спѣшили благоразумно ретироваться, а болѣе горячія головы, какъ это и всегда бываетъ, очутились съ потерявшими всякую цѣнность луковицами на рукахъ.

Такимъ образомъ, кончилась эта безпримѣрная въ лѣтописяхъ садоводства биржевая игра на цвѣтахъ,— игра, повергшая не мало людей въ полнѣйшую нищету и обогатившая, главнымъ образомъ, только однихъ аферистовъ.

Интересно, что любопытнымъ памятникомъ этой, особенно сильно развившейся съ 1634 по 1637 годъ, тульпоманія, сохранилась надпись, сдѣланная на плитѣ, на стѣнѣ одного дома въ улицѣ Гоора въ Амстердамѣ, гласящая, что стоящіе въ этой улицѣ два каменныхъ дома, снесенные въ 1878 году, были куплены въ 1634 году за 3 тюльпанныя луковицы.

Плита эта была пріобрѣтена извѣстнымъ голландскимъ садоводомъ Креелаге и хранится въ его музеѣ и понынѣ.

Но если съ этихъ поръ тюльпанъ потерялъ всякое значеніе для спекулянтовъ, для любителей биржевой игры и легкой наживы, то онъ продолжалъ оставаться предметомъ, съ одной стороны, восхищенія, съ другой — порицанія для поэтовъ, писателей и игралъ не малую роль въ эстетикѣ.

Всемогущая уже и тогда мода всюду требовала изображенія дивнаго тюльпана. Рисунки тюльпана покрывали всѣ матеріи, изображенія его ткались на самыхъ дорогихъ брабантскихъ кружевахъ, появлялись даже на масляныхъ картинахъ современныхъ голландскихъ живописцевъ. Образовались даже цѣлыя школы рисованья цвѣтовъ, гдѣ выдающуюся роль игралъ тюльпанъ, и воспоминанія объ этомъ культѣ тюльпана дошли до нашего времени на картинахъ такихъ выдающихся художниковъ, каковы: Ванъ-Гіузюмъ, Ферендаль, Хавермансъ, Де-Гееръ и другіе.

Что касается тюльпана въ поэзіи, то французскій поэтъ XVIII столѣтія Буажоленъ (Boisjolin) написалъ цѣлую о немъ поэму: «La Metamorphose de la Tulipe», гдѣ онъ воспѣваетъ, подражая Гафизу, чудную, обворожительную дѣвушку, повелительницу его сердца; а Александръ Дюма-отецъ — поэтическій романъ «La Tulipe noire» (Черный Тюльпанъ), въ которомъ изображаетъ роль этого цвѣтка въ Голландіи.

Но нѣмецкіе писатели смотрятъ на него, какъ на цвѣтокъ безъ души, цвѣтокъ внѣшней красоты, эмблему пустой, гоняющейся только за нарядами женщины. Афшпрунгъ говоритъ о гордой красавицѣ:

„Der Tulpe gleich, bist du die Wollust des Gesichts
Und gleich der Tulpe bist du weiter nichts".
(Какъ тюльпанъ, ты прелестна лицомъ,
Но, и какъ тюльпанъ, ты пуста).

Клейстъ въ своемъ стихотвореніи «Весна» относится къ нему нѣсколько дружелюбнѣе, но Гёте заставляетъ говорить тюльпанъ: «Huldige nie dem blinden Wahne» (не благоговѣй никогда передъ пустымъ призракомъ).

Вообще, нѣмцы всегда относились къ тюльпану какъ-то холодно и даже въ насмѣшку прозвали «Тульпе» безобразную пивную кружку; подъ такимъ, напримѣръ, названіемъ она слыла на вечеринкахъ у Бисмарка.

Съ гораздо большей поэзіей относятся къ тюльпану въ Англіи, гдѣ въ сказкахъ онъ служитъ всегда колыбелью или люлечкой для маленькихъ эльфовъ и другихъ крошечныхъ фантастическихъ существъ.

Такъ, въ Девонширѣ есть сказка, въ которой разсказывается, что феи, не имѣя колыбелей для своихъ малютокъ, кладутъ ихъ на ночь въ цвѣты тюльпановъ, гдѣ вѣтеръ качаетъ и баюкаетъ ихъ.

Однажды, говоритъ эта сказка, одна женщина, отправившись ночью съ фонаремъ въ свой садъ, гдѣ росло много тюльпановъ, увидѣла въ нихъ нѣсколько такихъ уснувшихъ прелестныхъ крошекъ.

Она была такъ восхищена этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, что въ ту же осень насадила въ своемъ саду еще больше тюльпановъ, такъ что вскорѣ оказалось ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы размѣстить въ нихъ малютокъ всѣхъ окрестныхъ волшебницъ.

Затѣмъ въ свѣтлыя лунныя ночи она отправлялась туда и по часамъ любовалась, какъ эти крошечныя созданія, помѣщаясь въ атласистыхъ чашечкахъ тюльпановъ, сладко спали, нѣжно покачиваемыя легкимъ вѣтеркомъ.

Сначала феи встревожились, боясь, какъ бы эта незнакомая имъ женщина не причинила какого зла ихъ малюткамъ, но потомъ, видя съ какой любовью она къ нимъ относится, успокоились и, желая въ свою очередь отблагодарить ее за такую доброту, придавали ея тюльпанамъ самую яркую окраску и чудный, какъ у розъ, запахъ.

И онѣ благословляли эту женщину и ея домъ, такъ что она пользовалась полнымъ во всемъ счастьемъ и успѣхомъ до самой своей смерти.

Но радость эта длилась для фей, пока она только была жива; когда же она умерла, то домъ и садъ наслѣдовалъ одинъ ея очень скупой родственникъ.

Какъ человѣкъ корыстолюбивый и безсердечный, онъ прежде всего уничтожилъ садъ, находя, что цвѣты разводить невыгодно, а затѣмъ развелъ въ немъ огородъ и засадилъ его петрушкой.

Такой грубый поступокъ очень раздражилъ маленькихъ созданій и они каждую ночь, какъ только наступала полная темнота, слетались толпами изъ сосѣдняго лѣса и плясали на овощахъ, вырывая и ломая ихъ корни и засыпая тучами пыли ихъ цвѣты, такъ что въ продолженіе многихъ лѣтъ овощи не могли расти и даже у петрушки всѣ листья, какъ только они появлялись, были всегда истрепаны, изорваны въ лохмотья.

Между тѣмъ могила, гдѣ была похоронена ихъ бывшая благодѣтельница, всегда чудно зеленѣла и была покрыта роскошными цвѣтами.

Помѣщавшіеся же у самаго ея изголовья великолѣпные тюльпаны блестѣли самой яркой окраской, издавали дивный запахъ и цвѣли до глубокой осени, когда всѣ другіе цвѣты уже давно завяли.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и скупого человѣка замѣнилъ еще болѣе черствый, совсѣмъ не имѣвшій понятія о красотѣ, родственникъ.

Онъ вырубилъ всѣ окрестные лѣса и могилу совсѣмъ забросилъ. Она была затоптана ногами проходящихъ, тюльпаны повырваны, поломаны, и феямъ пришлось удалиться далеко отъ родного для нихъ мѣстечка.

И съ этого то времени, добавляетъ сказка, всѣ тюльпаны потеряли свою выдающуюся окраску и запахъ и сохранили ихъ лишь на столько, чтобы не быть совсѣмъ заброшенными садовниками.

Въ заключеніе скажу, что, если о роскошномъ восточномъ тюльпанѣ не сложилось никакой легенды, то о нашемъ, болѣе скромномъ желтомъ европейскомъ родственникѣ его, существуетъ слѣдующее интересное сказаніе.

Разсказываютъ, что въ золотистомъ плотно замкнутомъ бутонѣ этого цвѣтка было заключено одно время человѣческое счастье, и что никто никакъ не могъ добраться до него, хотя всѣ пытались всѣми способами: кто — силой, кто — хитростью, кто — заклинаніями. И шли къ этому цвѣтку, — говоритъ легенда, — и старъ, и младъ, и здоровые, и увѣчные, шли цари съ блестящей свитою и нищіе съ клюкой, шли богатые, праздные моты и бѣдные съ мозолистыми руками труженики. Толпы приходили, толпы уходили... но все напрасно — счастье не давалось имъ въ руки.

Но вотъ, однажды, по лугу, гдѣ росъ такой цвѣтокъ, проходила одна бѣдная женщина. Блѣдная, истомленная, шла она, ведя за руку своего маленькаго мальчика, какъ вдругъ замѣтила издали золотистый бутончикъ, о которомъ такъ много слышала. Она не помышляла, конечно, его раскрывать, она знала, что это совершенно невозможо, но ей хотѣлось только посмотрѣть на цвѣтокъ, который заключалъ въ себѣ то счастіе, котораго она во всю свою жизнь не видала и тѣни и о которомъ вздыхала не разъ въ тяжелыя минуты жизни.

Она потихоньку, потихоньку, съ замираніемъ сердца приближалась къ нему... какъ вдругъ мальчикъ ея, увидя блестящій бутончикъ, вырвался изъ рукъ и съ громкимъ смѣхомъ, размахивая ручонками, бросился къ цвѣтку.

И — о, чудо! о, удивленіе! — въ ту же минуту бутонъ раскрылся самъ собой...

То, чего не въ силахъ были сдѣлать ни сила, ни заклинанія — сдѣлалъ веселый, беззаботный смѣхъ ребенка, такъ какъ пора нашего дѣтства является, дѣйствительно, единственной порой всей нашей жизни, когда проглядываетъ по временамъ настоящее счастье.

Такимъ же цвѣткомъ счастья считается тюльпанъ еще и въ Тюрингенскихъ горахъ въ деревушкѣ Аллендорфѣ, гдѣ нѣкогда былъ монастырь.

По развалинамъ этого монастыря, какъ говорятъ, бродитъ одѣтая вся въ бѣлое молодая дѣвушка, и гдѣ она пройдетъ, тамъ этотъ цвѣтокъ и зацвѣтетъ.

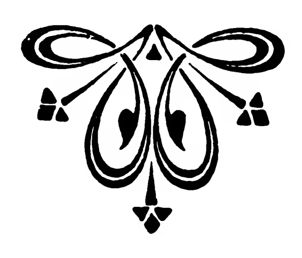
Скорѣе всего это отголоски о какихъ-нибудь тюльпанахъ, разводившихся, быть можетъ, здѣсь какимъ-нибудь монахомъ. Но повѣрье держится. Одинъ пастухъ, разсказываютъ, еще надавно нашелъ такой тюльпанъ, гдѣ проходила эта женщина.

Не зная, что съ нимъ дѣлать, онъ, сорвавъ, положилъ его себѣ въ шапку, чтобы вечеромъ подарить своей невѣстѣ или кому изъ родни. Но въ это время какъ разъ убѣжалъ жеребенокъ. Онъ погнался за нимъ и искалъ его чуть не до вечера. А когда возвратился, то забылъ совсѣмъ о цвѣткѣ и вспомнилъ о немъ уже дома.

Идти назадъ было поздно, а кромѣ того, скорѣе всего, онъ и затерялъ его уже во время поисковъ за жеребенкомъ.

Такъ и махнулъ рукой — чтожъ подѣлаешь. Но съ этого дня онъ сталъ чахнуть, чахнуть и черезъ два мѣсяца его не стало.

Мѣстныхъ жителей, однако, это не сконфузило. Не успѣлъ воспользоваться кратковременнымъ земнымъ счастьемъ, — сказали они, такъ получитъ вѣчное, нетлѣнное.

Цвѣтокъ бога солнца Аполлона и увлеченія голландцевъ — гіацинтъ.

Кто не знакомъ съ гіацинтомъ, тѣмъ чуднымъ цвѣткомъ, дивный запахъ котораго чаруетъ насъ своимъ благоуханіемъ среди глубокой зимы и котораго прелестные, какъ бы изъ воска сдѣланные, нѣжнѣйшимъ оттѣнковъ султаны цвѣтовъ служитъ лучшимъ украшеніемъ нашихъ жилищъ на праздникахъ зимою? Цвѣтокъ этотъ — подарокъ Малой Азіи, и названіе его въ переводѣ съ греческаго значитъ «цвѣтокъ дождей», такъ какъ на родинѣ онъ начинаетъ распускаться какъ разъ съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дождей.

Древне-греческія сказанія производятъ, однако, это названіе отъ Гіацинта, прелестнаго сына спартанскаго царя Амиклада и музы исторіи и эпоса — Кліо, съ которыми связано и самое происхожденіе этого цвѣтка.

Произошло это еще въ тѣ блаженныя времена, когда боги и люди были близки другъ другу. Очаровательный этотъ юноша, — такъ разсказываетъ легенда, — пользовавшійся безграничной любовью бога-солнца, Аполлона, забавлялся однажды съ этимъ богомъ метаніемъ диска. Ловкость, съ которой онъ его бросалъ, и вѣрность полета диска удивляли всѣхъ. Аполлонъ былъ внѣ себя отъ восхищенія и ликовалъ отъ успѣховъ своего любимца. Но ревновавшій уже давно къ нему маленькій божокъ легкаго вѣтерка, Зефиръ, дунулъ изъ зависти на дискъ и повернулъ его такъ, что, полетѣвъ обратно, онъ врѣзался въ голову бѣднаго Гіацинта и поразилъ его на смерть.

Горе Аполлона было безпредѣльно. Напрасно обнималъ онъ и цѣловалъ своего бѣднаго мальчика, напрасно предлагалъ за него пожертвовать даже своимъ безсмертіемъ, заживлявшій и оживлявшій своими благотворными лучами все, онъ не въ состояніи былъ возвратить его къ жизни...

Какъ же, однако, было поступить, какъ хотя бы сохранить, увѣковѣчить память объ этомъ дорогомъ для него существѣ? И вотъ, — говоритъ далѣе легенда, — лучи солнца начали припекать струившуюся изъ разсѣченнаго черепа кровь, начали сгущать ее и скрѣплять, и изъ нея выросъ прелестный красно-лиловый, распространявшій на далекое разстояніе свой чудный запахъ, цвѣтокъ, форма котораго съ одной стороны напоминала букву A — иниціалъ Аполлона, а съ другой Y — иниціалъ Гіацинта; и, такимъ образомъ, въ немъ навѣки были соединены имена двухъ друзей.

Цвѣтокъ этотъ былъ нашъ гіацинтъ. Его перенесли съ благоговѣніемъ жрецы Аполлона Дельфійскаго въ садъ, окружавшій храмъ этого знаменитаго оракула, и съ тѣхъ поръ въ память о безвременно погибшемъ юношѣ спартанцы ежегодно праздновали трехдневный праздникъ, который носилъ названіе «Гіацинтій».

Празднества эти происходили въ Амиклахъ въ Ликоніи и длились три дня.

Въ первый день, посвященный оплакиванію смерти Гіацинта, воспрещалось украшать голову вѣнками изъ цвѣтовъ, ѣсть хлѣбъ и пѣть гимны въ честь солнца.

Слѣдующіе же два дня были посвящены различнымъ древнимъ играмъ, при чемъ даже и рабамъ разрѣшалось въ эти дни быть вполнѣ свободными, а жертвенный алтарь Аполлона былъ заваленъ жертвенными дарами.

По этой же причинѣ, вѣроятно, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ древней Греціи и изображеніе какъ самого Аполлона, такъ и музъ, украшенныхъ этимъ цвѣткомъ.

Таково одно греческое сказаніе о происхожденіи гіацинта. Но есть еще и другое, которое связываетъ его съ именемъ знаменитаго героя троянской войны — Аяксомъ.

Этотъ благородный сынъ царя Теламона, властителя находившагося близъ Аттики острова Саламина, былъ, какъ извѣстно, храбрѣйшимъ и наиболѣе выдающимся изъ героевъ троянской войны послѣ Ахиллеса. Онъ ранилъ Гектора камнемъ, брошеннымъ изъ пращи, и поразилъ своей мощной рукой не мало враговъ у троянскихъ кораблей и укрѣпленій. И вотъ, когда по смерти Ахиллеса онъ вступилъ въ споръ съ Одиссеемъ объ обладаніи

оружіемъ Ахиллеса, то это послѣднее присудили Одиссею. Такое несправедливое присужденіе причинило Аяксу такую тяжелую обиду, что онъ, внѣ себя отъ горя, пронзилъ себя мечемъ. И вотъ изъ крови этого героя, — говоритъ другое преданіе, — и выросъ гіацинтъ, въ формѣ котораго это преданіе видитъ двѣ первыхъ буквы имени Аякса — Ai, которыя въ то же время служили у грековъ междометіемъ, выражавшимъ скорбь и ужасъ.

Вообще цвѣтокъ этотъ у грековъ былъ, повидимому, цвѣткомъ горя, печали и смерти, и самое сказаніе о смерти Гіацинта являлось лишь отголоскомъ народныхъ вѣрованій, народнаго повѣрья, чему нѣкоторымъ указаніемъ можетъ, напримѣръ, служить одно изреченіе дельфійскаго оракула, который, будучи спрошенъ во время свирѣпствовавшихъ однажды голода и чумы въ Аѳинахъ: что дѣлать и чѣмъ помочь, — приказалъ принести въ жертву на гробницѣ циклопа Гереста пять дочерей пришельца Гіацинта.

Съ другой стороны, есть также указанія, что иногда онъ былъ и цвѣткомъ радости, такъ какъ, напримѣръ, молодыя гречанки убирали имъ свои волосы въ день свадьбы своихъ подругъ.

Ведя свое происхожденіе изъ Малой Азіи, гіацинтъ пользовался любовью также и у жителей Востока, особенно у персіанъ, гдѣ знаменитый поэтъ Фирдуси, то и дѣло сравниваетъ волосы персидскихъ красавицъ съ закручивающимися отгибами цвѣтка гіацинта и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, напримѣръ, говоритъ:

„Ея уста благоухали лучше, чѣмъ легкій вѣтерокъ,
А гіацинтоподобные волосы пріятнѣй, чѣмъ скиѳскій мускусъ...“

Точно такія же сравненія дѣлаетъ еще и другой извѣстный персидскій поэтъ Гафизъ; а про женщинъ острова Хіоса сложилась даже хіосская поговорка, что онѣ завиваютъ свои кудри такъ хорошо, какъ гіацинтъ отгибы своего околоцвѣтника.

Изъ Малой Азіи гіацинтъ былъ перенесенъ въ Европу, прежде всего въ Турцію. Когда и какъ, неизвѣстно, но въ Константинополѣ онъ появился раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ, и вскорѣ такъ полюбился здѣсь турецкимъ женамъ, что сдѣлался необходимой принадлежностью садовъ всѣхъ гаремовъ.

Старинная англійская путешественница Далауе (Dallaway), посѣтившая Константинополь въ началѣ XVII

столѣтія разсказываетъ, что въ сералѣ самого султана былъ устроенъ особый чудный садъ, въ которомъ кромѣ гіацинтовъ не допускалось никакого другого цвѣтка. Цвѣты были разсажаны въ продолговатыхъ, обложенныхъ изящными голландскими черепицами, клумбахъ и своей прелестной окраской и дивнымъ запахомъ очаровывали каждаго посѣтителя. На поддержку этихъ садовъ тратились громадныя деньги, и въ эпоху цвѣтенія гіацинтовъ султанъ проводилъ въ нихъ всѣ свободные свои часы, любуясь ихъ красотой и упиваясь ихъ сильнымъ запахомъ, который восточнымъ людямъ такъ нравится.

Кромѣ обыкновенныхъ, такъ-называемыхъ голландскихъ гіацинтовъ въ садахъ этихъ разводили еще и близкаго ихъ родственника — гроздеобразный гіацинтъ (H. muscari), носящій по-турецки названіе «муши-руми» и обозначающій на восточномъ языкѣ цвѣтовъ: «ты получишь все, что я только могу тебѣ дать».

Въ Западную Европу гіацинтъ попалъ лишь во второй половинѣ XVII столѣтія и прежде всего въ Вѣну, которая въ то время имѣла наиболѣе близкія сношенія съ Востокомъ. Но здѣсь онъ воздѣлывался и составлялъ достояніе лишь немногихъ завзятыхъ любителей садоводства. Всеобщимъ же достояніемъ онъ сдѣлался лишь послѣ того, какъ попалъ въ Голландію, въ Гаарлемъ.

Сюда онъ попалъ, какъ говорятъ, случайно на разбитомъ бурей у Голландскихъ береговъ Генуэзскомъ суднѣ.

Корабль везъ куда-то разные товары, а вмѣстѣ съ ними и гіацинтовыя луковицы. Ящики, въ которыхъ онѣ находились, подбрасываемые волнами, были разбиты о скалы и вывалившіяся изъ нихъ луковицы выброшены на берегъ.

Здѣсь, найдя подходящій для себя грунтъ, луковицы укоренились, пустили ростки и зацвѣли. Наблюдательные же и въ то же время страстные любители цвѣтовъ Голландцы тотчасъ же обратили на нихъ вниманіе и, пораженные ихъ необычайной красотой и чуднымъ запахомъ, пересадили ихъ къ себѣ въ огородъ.

Тутъ они начали ихъ культивировать, скрещивать и получили такимъ образомъ тѣ дивные сорта, которые составили неизсякаемый предметъ удовольствія какъ культура, и источникъ громадныхъ доходовъ, который обогащаетъ ихъ съ тѣхъ поръ цѣлыя столѣтія.

Это было въ 1734 г., т.-е. почти черезъ сто лѣтъ послѣ тюльпана, какъ разъ въ то время, когда охватившая горячка

къ разведенію этого послѣдняго цвѣтка стала немного остывать и чувствоваться потребность въ какомъ-нибудь другомъ, который бы могъ отвлечь отъ этой страсти и, если возможно, замѣнить собою тюльпанъ. А такимъ-то цвѣткомъ какъ разъ и являлся гіацинтъ.

Изящный по формѣ, красивый по окраскѣ, превосходившій тюльпанъ еще своимъ чуднымъ запахомъ, онъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ всѣхъ голландцевъ, и на его разведеніе и выводъ новыхъ его разновидностей и сортовъ стали тратить не меньше денегъ, чѣмъ на тюльпанъ. Особенно же эта страсть стала разгораться, когда удалось случайно вывести махровый гіацинтъ.

Полученію этой интересной разновидности, какъ разсказываютъ, любители обязаны припадку подагры гаарлемскаго садовода Петра Фёрельмъ. Извѣстный этотъ садоводъ имѣлъ обыкновеніе срывать безпощадно съ цвѣтовъ всякій неправильно развившійся бутонъ, и такой участи подвергся бы, безъ сомнѣнія, и безобразный бутонъ, появившійся на одномъ изъ особенно драгоцѣнныхъ видовъ гіацинта. Къ счастію, однако, Фёрельмъ въ это время заболѣлъ подагрой и, принужденный пролежать болѣе недѣли въ постели, не посѣщалъ своего сада. А тѣмъ временемъ бутонъ распустился и, къ величайшему удивленію самого Фёрельма и всѣхъ голландскихъ садоводовъ, оказался никогда невиданною еще махровой формой гіацинта.

Такой случайности было достаточно, чтобы возбудить всеобщее любопытство и пробудить заглохшія было страсти. Смотрѣть на это чудо двинулись со всѣхъ концовъ Голландіи, пріѣзжали даже садоводы и изъ сосѣднихъ странъ; всѣмъ хотѣлось воочію убѣдиться въ существованіи такой невѣроятной формы и, если возможно, пріобрѣсть, чтобы имѣть то, чего еще не было ни у кого.

Сортъ этотъ Фёрельмъ окрестилъ именемъ «Маріи», но, къ прискорбію, какъ этотъ экземпляръ, такъ и слѣдующіе два махровыхъ экземпляра у него погибли, и сохранился лишь четвертый, которому онъ далъ названіе: «King of great Britain» (короля Великобританіи). Отъ него-то и пошли всѣ имѣющіеся теперь махровые гіацинты, такъ что сортъ этотъ считается въ Голландіи и понынѣ прародителемъ всѣхъ махровыхъ гіацинтовъ.

Затѣмъ, голландскіе садоводы стали обращать вниманіе на увеличеніе количества цвѣтовъ въ цвѣточной стрѣлкѣ, на увеличеніе размѣровъ самихъ цвѣтовъ, на полученіе новой окраски и т. п.

Особенно же старанія ихъ были направлены на полученіе какъ можно болѣе яркаго желтаго цвѣта, такъ какъ среди синихъ, малиновыхъ и бѣлыхъ тоновъ, которыми отличались окраски этихъ цвѣтовъ, цвѣтъ этотъ являлся большой рѣдкостью.

Достиженіе тріумфа въ какомъ-нибудь изъ этихъ стремленій, полученіе каждаго выдающагося сорта сопровождалось всегда непремѣнно празднествомъ. Счастливецъ-садоводъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей окрестить новорожденнаго, и крестины сопровождались всегда богатой пирушкой, особенно, если новый сортъ получалъ имя какого-нибудь знаменитаго лица или царствующей особы.

Сколько могли стоить подобныя новинки въ это время — даже трудно и повѣрить, особенно, если принять во вниманіе сравнительно высокую въ тѣ времена цѣнность денегъ и дешевизну продовольственныхъ продуктовъ. Заплатить 500 — 1.000 гульденовъ за луковицу новаго сорта считалось даже очень обыкновеннымъ, но бывали луковицы, какъ, напримѣръ, ярко желтый «Офиръ», за штуку котораго платили 7.650 гульденовъ, или «Адмиралъ Лифкенъ», за которую было заплачено 20.000! И это тогда, когда возъ сѣна стоилъ чуть не нѣсколько копеекъ, и на копейку въ день можно было отлично прокормиться...

Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двухъ столѣтій, и хотя голландскіе любители не платятъ теперь уже такихъ сумасшедшихъ денегъ за новые сорта, но все-таки, и до сихъ поръ гіацинтъ остается любимымъ ихъ цвѣткомъ. И до сихъ поръ выдающіяся садоводственныя фирмы устраиваютъ ежегодно такъ-называемыя парадныя поля, т.-е. цѣлые сады цвѣтущихъ гіацинтовъ, расположенные въ прикрытыхъ сверху тентомъ помѣщеніяхъ, и массы народа стекаются туда, чтобы посмотрѣть и полюбоваться этими чудными цвѣтами.

На такого рода выставкахъ каждый садоводъ старается блеснуть совершенствомъ своихъ культуръ, какой-нибудь оригинальной новостью передъ своими сотоварищами и интересующимися любителями и получить назначаемые большими садоводственными фирмами спеціальныя преміи.

Конечно, здѣсь играетъ теперь роль уже не одно тщеславіе, а и другая, болѣе важная цѣль — коммерческая: зарекомендовать какъ передъ голландской публикой, такъ и передъ многочисленными иностранными кліентами, превосходство своего товара и пріобрѣсть новаго покупа-

теля. И цѣль эта въ большинствѣ случаевъ достигается. Благодаря такого рода выставкамъ, многія незначительныя фирмы выдвинулись впередъ и сдѣлались теперь первоклассными. Благодаря имъ съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается и количество новыхъ сортовъ. Изъ бывшихъ нѣкогда 40 сортовъ число ихъ въ настоящее время достигаетъ 2.000, и не проходитъ года, чтобы не прибавилось еще нѣсколькихъ новыхъ.

Изъ Голландіи культура гіацинтовъ перешла прежде всего въ Германію (Пруссію), а затѣмъ уже и во Францію. Въ Пруссіи она начала, главнымъ образомъ, развиваться вскорѣ послѣ переселенія изъ Франціи изгнанныхъ Нантскимъ эдиктомъ гугенотовъ, которые вообще перенесли въ Германію и особенно въ Берлинъ вкусъ къ красивоцвѣтущимъ растеніямъ, красивой обрѣзкѣ деревьевъ и красивой планировкѣ садовъ.

Но особенной славы она достигла лишь во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Давидъ Буше (потомокъ гугенотовъ) устроилъ въ Берлинѣ первую выставку гіацинтовъ. Выставленные имъ цвѣты такъ поразили всѣхъ своей красотой и плѣнили своимъ чуднымъ запахомъ всѣхъ берлинскихъ любителей цвѣтоводства и вообще берлинскую публику, что многіе изъ берлинцевъ занялись ихъ культурой съ неменьшимъ рвеніемъ, какъ въ былыя времена голландцы. Ими увлекались даже такіе серьезные люди, какъ придворные капелланы Рейнгардъ и Шредеръ, которые не только съ этого времени культивировали въ огромномъ количествѣ эти цвѣты почти до самой своей смерти, но и вывели множество ихъ разновидностей.

Нѣсколько лѣтъ спустя возникла въ Берлинѣ на Комендантской улицѣ, возлѣ гіацинтовыхъ культуръ этого Буше, даже особая, основанная его родственникомъ Петромъ Буше, знаменитая берлинская кофейня, куда собиралась вся знать и всѣ богачи Берлина, чтобы попить кофе и полюбоваться гіацинтами. Посѣщеніе это вошло въ такую моду, что у Буше неоднократно бывалъ и любовался его цвѣтами самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Такое увлеченіе берлинской публики гіацинтами не замедлило породить Буше массу конкурентовъ среди другихъ садоводовъ, и въ 1830 году близъ Шлезвигскихъ воротъ покрылись гіацинтовыми культурами цѣлыя поля. Достаточно сказать, что на нихъ разсаживали ежегодно до 5.000.000 гіацинтовыхъ луковицъ.

Чтобы смотрѣть эти цвѣтущія поля гіацинтовъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ стекалось туда все населеніе Берлина: и конные и пѣшіе, и богатые и бѣдные. Это было что-то въ родѣ маніи, какое-то паломничество. Тысячи народа стояли по цѣлымъ часамъ вокругъ этихъ полей и упивались красотой цвѣтовъ и чуднымъ ихъ запахомъ. Не быть на гіацинтовыхъ поляхъ и не видѣть ихъ считалось непростительнымъ... При этомъ за ближайшее разсмотрѣніе цвѣтовъ садоводы взимали не малую входную плату, а также не мало выручали денегъ и за продажу букетовъ изъ срѣзанныхъ гіацинтовъ, пріобрѣсть которые каждый мало-мальски зажиточный человѣкъ считалъ для себя обязательнымъ.

Но все на свѣтѣ преходяще. И столь славившіяся въ началѣ сороковыхъ годовъ, эти гіацинтовыя выставки и поля начали мало-по-малу надоѣдать, все менѣе и менѣе привлекать публику, и десять лѣтъ спустя совсѣмъ прекратились. Теперь отъ этихъ громадныхъ полей остались одни лишь воспоминанія (ихъ площадь вся изрѣзана желѣзною дорогою), и хотя на южной сторонѣ Берлина кое-гдѣ и продолжаютъ еще культивировать гіацинты, но о прежнихъ милліонахъ луковицъ и помину нѣтъ. Въ настоящее время самое большое, если подъ этими культурами находится нѣсколько десятинъ, которыя даютъ доходъ отъ 75 до 100.000 рублей.

Во Франціи гіацинты были также очень любимы, но далеко не производили такого фурора, какъ въ Голландіи и Пруссіи. Здѣсь они обратили на себя особенное вниманіе, лишь когда ученые начали культивировать ихъ въ сосудахъ съ водой безъ всякой примѣси земли и когда въ 1787 году маркизъ Гонфліе въ публичномъ засѣданіи французскаго Общества земледѣлія ознакомилъ парижанъ съ оригинальнымъ опытомъ культуры гіацинта въ водѣ, стеблемъ въ воду, а корнями кверху. Видъ такого пускающаго стебель, листья и распускающаго свои прекрасные цвѣты въ водѣ гіацинта поразилъ всѣхъ.

Извѣстіе объ этомъ новомъ способѣ культуры не замедлило распространиться по всему Парижу, а затѣмъ и по всей Франціи, и каждый хотѣлъ самъ повторить этотъ опытъ. Особенно же удивляло всѣхъ, что при такомъ развитіи въ водѣ листья вполнѣ сохраняли свою величину, форму и окраску, а цвѣты, хотя и получались нѣсколько болѣе блѣднаго цвѣта, но все-таки были вполнѣ развиты.

Съ этихъ поръ культура гіацинтовъ во Франціи начала все болѣе и болѣе входить въ моду. Особенно же

она славилась культурой маленькихъ раннихъ гіацинтовъ, получившихъ названіе римскихъ («Romaine»).

Но прелестный этотъ цвѣтокъ имѣлъ во Франціи одно время очень печальное примѣненіе: имъ пользовались для одуренія, доходившаго до отравленія, тѣхъ лицъ, отъ которыхъ почему-либо желали избавиться. Особенно это практиковалось съ женщинами и при томъ, главнымъ образомъ, въ XVIII столѣтіи.

Обыкновенно предназначавшіеся для этихъ цѣлей букетъ или корзина гіацинтовъ опрыскивались чѣмъ-нибудь такимъ ядовитымъ, что могло быть замаскировано сильнымъ запахомъ этихъ цвѣтовъ, или же цвѣты ставились въ такомъ количествѣ въ спальню или будуаръ, что сильный запахъ ихъ производилъ у людей нервныхъ страшное головокруженіе и причинялъ даже смерть.

Насколько послѣднее вѣрно — трудно поручиться, но въ мемуарахъ жившаго во времена Наполеона I при французскомъ дворѣ, г. Самъ, приводится случай, что одна, вышедшая по расчету за богатаго человѣка, аристократка уморила его, убирая ежедневно спальню массой цвѣтущихъ гіацинтовъ. Кромѣ того, подобный же случай приводится Фрейлигратомъ въ его поэмѣ «Die Blumenrache» (Месть цвѣтовъ). Да и вообще, надо замѣтить, что не мало есть людей, которые не выносятъ одуряющаго запаха этого цвѣтка, чувствуютъ дурноту и падаютъ даже въ обморокъ.

Изъ новѣйшихъ писателей мы встрѣчаемъ гіацинтъ еще у Эдгара По, въ его разсказѣ «Помѣстье Арнгеймъ», гдѣ онъ описываетъ цѣлыя поля цвѣтущихъ гіацинтовъ.

Цвѣтокъ Юпитера и Валентинова дня — Анютины глазки.

Откуда взялось русское названіе этого цвѣтка — достовѣрно неизвѣстно. Правда, нѣкоторые красивые сорта его, дѣйствительно, нѣсколько походятъ какъ бы на глазъ, но это большею частью уже крупные, усовершенствованные культурой сорта, тогда какъ интересующее насъ растеніе — тотъ простой, скромный цвѣточекъ, который растетъ на пашняхъ, а иногда и около домовъ на огородной землѣ въ деревнѣ.

Нѣмцы его называютъ мачехой (Stiefmütterchen), объясняя это названіе слѣдующимъ образомъ.

Нижній, самый крупный, самый красиво-испещренный лепестокъ представляетъ собой расфранченную мачеху, два находящіеся повыше, не менѣе красиво окрашенные лепестка — ея родныхъ дочерей, а два самыхъ верхнихъ бѣленькихъ, какъ бы полинявшихъ, съ лиловатымъ оттѣнкомъ лепестка — ея бѣдно-одѣтыхъ падчерицъ. Преданіе говоритъ, что прежде мачеха находилась наверху, а бѣдныя падчерицы внизу, но Господь сжалился надъ бѣдными забитыми и заброшенными дѣвочками и повернулъ цвѣтокъ, причемъ злой мачехѣ далъ шпорецъ, а ея дочерямъ ненавистные имъ усики.

По мнѣнію другихъ анютины глазки изображаютъ собою лицо, что и дѣйствительно, если хотите, вѣрно, сердитой мачехи.

Въ самомъ дѣлѣ, есть цвѣтки, которыхъ рожицы выглядятъ какъ-то зло, такъ что пожалуй и можно принять ихъ, согласно сказкѣ, за лицо какой-то злой женщины.

Третьи же, видя въ нихъ также лицо, не видятъ въ его выраженіи ничего злого, а просто только любопытство и разсказываютъ, что оно принадлежитъ одной женщинѣ, которая, будто, была превращена въ этотъ цвѣтокъ за то, что изъ любопытства заглядывала туда, куда ей было запрещено.

Какъ бы въ подтвержденіе этого разсказывается еще такая легенда о ихъ появленіи на землѣ.

Однажды, — говоритъ эта легенда, Венера вздумала купаться въ одномъ отдаленномъ гротѣ, куда не могъ проникнуть ни одинъ глазъ человѣческій и купалась долгое время.

Но вдругъ слышитъ шорохъ и видитъ, что нѣсколько смертныхъ смотрятъ на нее...

Тогда, прійдя въ неописуемый гнѣвъ, она взываетъ къ Зевсу и умоляетъ наказать дерзновенныхъ.

Зевсъ внемлетъ ея мольбѣ и хочетъ покарать ихъ смертью, но потомъ смягчается и превращаетъ ихъ въ Анютины глазки, роспись которыхъ выражаетъ послужившее ихъ гибелью любопытство и удивленіе.

Греки называли этотъ цвѣтокъ — цвѣткомъ Юпитера, и о происхожденіи его существовала у нихъ такая легенда.

Однажды, Громовержецъ, соскучившись сидѣть на своемъ тронѣ изъ облаковъ, задумалъ, разнообразія ради, спуститься на землю. Чтобы не быть узнаннымъ, онъ принялъ видъ пастушка и взялъ съ собою прелестную бѣлую овечку, которую велъ на веревочкѣ. Дойдя до Аргивскихъ полей, онъ увидѣлъ массу стремившагося въ храмъ Юноны народа и машинально послѣдовалъ за нимъ. Тутъ какъ разъ совершала жертвоприношенія знаменитая въ Греціи красавица Іо, дочь царя Иноха. Обвороженный ея необычайной красотой, Юпитеръ забылъ о своемъ божественномъ происхожденіи и, положивъ къ ея ногамъ приведенную имъ съ собой прелестную бѣлую овечку, открылся ей въ любви своей.

Гордая, неприступная, отказавшая домогательствамъ всѣхъ земныхъ царей, Іо не могла противостоять чарамъ Громовержца и увлеклась имъ. Влюбленные видались обыкновенно только въ ночной тиши и подъ строжайшимъ секретомъ, но ревнивая Юнона разузнала скоро объ этой связи, и Юпитеръ, чтобы спасти бѣдную Іо отъ гнѣва своей супруги, принужденъ былъ превратить ее въ чудную, бѣлоснѣжнаго цвѣта корову.

Но это, укрывшее отъ гнѣва и злобы Юноны, превращеніе Іо сдѣлалось для нея величайшимъ не-

счастіемъ. Узнавъ о такомъ ужасномъ превращеніи, она начала горько рыдать, и жалобные вопли ея раздавались, какъ коровій ревъ. Она хотѣла поднять руки къ небу, чтобы упросить безсмертныхъ возвратить ей прежній ея образъ, но превратившіяся въ ноги руки не слушались ея. Печально бродила она среди своихъ сестеръ, и никто не узнавалъ ея. Правда, отецъ ея ласкалъ ее по временамъ, какъ прекрасное животное, и давалъ ей сочныхъ листьевъ, которые срывалъ съ ближайшаго куста, но напрасно лизала она ему съ благодарностью руки, напрасно проливала слезы — онъ также не узнавалъ ея.

Тогда ей пришла на умъ счастливая мысль: она задумала о своемъ несчастьи написать. И вотъ однажды, когда отецъ кормилъ ее, она начала ногами вычерчивать на пескѣ буквы. Эти странныя движенія обратили на себя его вниманіе, онъ началъ всматриваться въ написанное на пескѣ и къ ужасу своему узналъ несчастную участь своей дорогой красавицы-дочери, которую онъ считалъ давно погибшей.

«О, я несчастный! — воскликнулъ онъ, цѣпляясь за ея шею и обнимая ея морду: — вотъ въ какомъ ужасномъ видѣ я нахожу тебя, дорогое, безцѣнное дитя мое, тебя, которую я такъ долго и тщетно вездѣ искалъ. Ища тебя напрасно всюду, я тяжело страдалъ, но, найдя, въ десять разъ больше. Бѣдное, бѣдное дитятко, ты даже не можешь промолвить мнѣ хоть одно слово въ утѣшеніе — вмѣсто словъ у тебя вырываются изъ наболѣвшей души только дикіе звуки!»

Несчастные дочь и отецъ были неутѣшны. И вотъ тогда-то, чтобы хотя нѣсколько смягчить ужасную участь Іо, земля, по приказанію Юпитера, выростила, какъ пріятный, лакомый для нея кормъ, нашъ цвѣтокъ, который вслѣдствіе этого и получилъ у грековъ названіе цвѣтка Юпитера, и символически изображалъ краснѣющую и блѣднѣющую дѣвичью стыдливость.

У римлянъ объ Анютиныхъ глазкахъ мы никакихъ свѣдѣній не встрѣчаемъ, но въ средніе вѣка они начинаютъ играть роль въ христіанскомъ мірѣ и получаютъ названіе цвѣтка св. Троицы.

По словамъ Клузіуса, средневѣковыя христіане видѣли въ темномъ, находящемся по рединѣ цвѣтка, пятнѣ треугольникъ и сравнивали его со всевидящимъ окомъ, а въ окружающихъ его разводахъ — идущее отъ него сіяніе. Треугольникъ изображалъ, по ихъ мнѣнію, три

лица св. Троицы, берущія свое начало изъ всевидящаго ока — Бога Отца.

Вообще цвѣтокъ этотъ въ средніе вѣка былъ окруженъ таинственностью, и въ одномъ изъ монастырей траппистовъ можно было видѣть на стѣнѣ громадное изображеніе его съ мертвой головой въ центрѣ и надписью: memento mori (помни о смерти).

Быть можетъ въ сѣверной Франціи бѣлые анютины глазки потому даже и считаютъ символомъ смерти, никогда никому не дарятъ и не дѣлаютъ изъ нихъ букетовъ.

Съ другой стороны, онъ служилъ въ это время влюбленнымъ символомъ вѣрности, и было въ обычаѣ дарить другъ-другу свои портреты, помѣщенные въ увеличенномъ изображеніи этого цвѣтка.

Такимъ же значеніемъ пользуется онъ и въ наше время въ Польшѣ, гдѣ его зовутъ «братки» и даютъ на память лишь въ знакъ очень большого расположенія. Какъ говорятъ, такой цвѣтокъ молодая дѣвушка даетъ тамъ на память только своему жениху.

Анютинымъ глазкамъ съ древнихъ временъ приписывается еще свойство привораживать любовь.

Для этого лицу, которое хотѣли приворожить, надо было только во время сна брызнуть на вѣки сока этихъ цвѣтковъ, и затѣмъ придти встать передъ нимъ, какъ разъ въ то время, какъ оно проснется.

Современныя же французскія крестьянскія дѣвушки, чтобы привлечь къ себѣ чью-либо любовь и узнать, гдѣ живетъ ихъ суженый, вертятъ цвѣтокъ за цвѣтоножку, приговаривая:

„Pense bien
Où tu t'arrêteras
Mon amant sera..."

(Думай хорошенько: въ той сторонѣ, гдѣ ты остановишься — будетъ и мой суженый).

Съ XVI столѣтія Анютины глазки получаютъ всеобщее названіе pensée — мысль, дума, но откуда оно взялось и по какому поводу было дано — неизвѣстно. Извѣстно только, что впервые оно появилось въ Брабантѣ. Есть предположеніе, что оно персидскаго происхожденія, такъ какъ, будто, нигдѣ на свѣтѣ этотъ цвѣтокъ не пользовался такой любовью, какъ въ Персіи, гдѣ для него существуетъ даже гораздо болѣе ласкательныхъ именъ, чѣмъ для обожаемой тамъ всѣми розы.

Нѣмецкій же ботаникъ Штерне предполагаетъ, что оно происходитъ оттого, что сѣмянная коробочка этого

цвѣтка походитъ нѣсколько на черепъ — мѣсто помѣщенія мозга и мысли.

Цвѣты эти посылаются въ Англіи влюбленными, въ Валентиновъ день (14-го февраля), когда всѣ чувства, скрываемыя за годъ, получаютъ право вылиться на бумагѣ, и разсылаются по адресу тѣхъ лицъ, которымъ предназначаются.

Въ этотъ день, какъ говорятъ, пишется здѣсь болѣе писемъ съ объясненіями въ любви, чѣмъ на всемъ земномъ шарѣ.

Теперь, прикрываясь анонимомъ, какъ маской, даже дѣвушки рѣшаются открыть свое сердце, свои помышленія тому, котораго любили до сихъ поръ только въ тайнѣ, а молодые люди ждутъ этого дня, чтобы предложить свои руку и сердце своимъ избранницамъ.

Иногда посылается просто засушенный цвѣтокъ съ именемъ. Этого уже достаточно, — все понятно.

Вотъ почему кромѣ названія pansy, соотвѣтствующему французскому слову pensée, его называютъ въ Англіи еще «Hearts ease» — «сердечнымъ успокоеніемъ», «сердечной радостью», такъ какъ дѣйствительно, выражая безъ словъ желаніе и мысль того, кто его посылаетъ, онъ служитъ успокоителемъ его чувствъ.

Французское названіе этого цвѣтка дало также поводъ Людовику XV при возведеніи въ дворянское достоинство столь прославленнаго въ его время экономиста и врача Кене (Quesnay) помѣстить ему въ гербъ три pensée съ надписью: «глубокому мыслителю».

Все, однако, что мы до сихъ поръ говорили, касается не тѣхъ бархатистыхъ чудныхъ анютиныхъ глазокъ, которые мы встрѣчаемъ въ нашихъ садахъ, а — скромныхъ желтенькихъ и лиловыхъ дикихъ ихъ предковъ.

Первая попытка сдѣлать ихъ садовыми цвѣтами, относится ко времени знаменитаго сотоварища Меланхтона — Камерарія, жившаго въ началѣ XVI столѣтія. Въ это время сталъ разводить ихъ изъ сѣмянъ въ своихъ садахъ принцъ Вильгельмъ Гессенъ-Кассельскій. Онъ былъ также первый, который далъ полное описаніе этого цвѣтка. Въ XVII же вѣкѣ сталъ особенно заниматься имъ Вандергренъ, садовникъ принца Оранскаго, и вывелъ пять сортовъ.

Но первымъ, существеннымъ своимъ усовершенствованіемъ цвѣтокъ этотъ обязанъ леди Мери Бенетъ, дочери графа Танкервилля въ Вальтонѣ, въ Англіи, которая, сдѣлавъ его своимъ любимцемъ, засадила

имъ весь свой садъ и всю террасу своего замка. Вслѣдствіе этого садовникъ ея Рихардъ, желая ей доставить удовольствіе, началъ собирать сѣмена наиболѣе крупныхъ и красивыхъ экземпляровъ и высѣвать ихъ, а насѣкомыя, перелетая съ одного цвѣтка на другой и опыляя ихъ, способствовали со своей стороны къ образованію новыхъ разновидностей. Такимъ образомъ, получились вскорѣ тѣ чудные сорта, которые обратили на себя всеобщее вниманіе и сдѣлали Анютины глазки однимъ изъ самыхъ любимыхъ цвѣтовъ.

Это было въ 1819 году, а въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, то-есть лѣтъ черезъ пятнадцать, стали обыкновенные Анютины глазки скрещивать частью съ европейской крупноцвѣтной желтой фіалкой (Viola lutea), а частью съ алтайской, и получили такимъ образомъ массу (Дарвинъ въ 1830 году насчитывалъ ихъ уже болѣе 400) разновидностей, среди нихъ уже и тѣ бархатистые, атласистые цвѣты, которые составляютъ теперь украшеніе нашихъ садовъ.

За послѣднее время особенно красивые цвѣты были выведены въ Англіи, гдѣ получены совершенно черные цвѣты, носящіе названіе Фауста, свѣтло-голубые — Маргариты и винно-красные — Мефистофеля. Теперь все вниманіе садоводовъ обращено на полученіе махровыхъ и сильно пахучихъ цвѣтовъ, такъ какъ единственно, чего не достаетъ этому прелестному цвѣтку — это запаха.

Въ Америкѣ же въ городѣ Портлэндѣ, въ штатѣ Орегонъ, садоводы стараются увеличить размѣръ цвѣтка и выводятъ уже, какъ говорятъ, цвѣты въ 4 — 5 дюймовъ въ діаметрѣ.

Но этотъ размѣръ культиваторамъ кажется еще недостаточнымъ: они хотятъ придать имъ величину «подсолнуха».

Такому исполинскому росту, повидимому, способствуетъ много и климатъ, и самая почва Орегона, гдѣ вообще эти цвѣты растутъ такъ успѣшно, какъ нигдѣ.

Почти всѣ крупные цвѣты краснаго колера, тогда какъ желтые и бѣлые никогда не достигаютъ большой величины.

На предполагавшейся нѣсколько времени тому назадъ выставкѣ садоводства въ Портлэндѣ мѣстные садоводы думали на одной клумбѣ выставить 25.000 такихъ исполинскихъ глазковъ — удалось ли имъ это — не знаю.

Въ заключеніе разскажемъ одинъ забавный случай, происшедшій въ 1815 году въ небольшомъ провинціаль-

номъ городкѣ Франціи, поводомъ къ которому послужилъ нашъ скромный цвѣточекъ.

Священникъ этого городка, и въ тоже время школьный учитель, вздумалъ однажды задать ученикамъ своимъ сочиненіе на тему «Viola tricolor» (трехцвѣтная фіалка), такъ зовутъ на научномъ языкѣ Анютины глазки, и въ поясненіе прибавилъ, въ видѣ эпиграфа, строку изъ латинскаго стихотворенія средневѣковаго французскаго поэта: «Flosque Iovis varius foliis tricoloris et ipse par violae» (разновидность цвѣтка Юпитера съ трехцвѣтными лепестками и самъ равный фіалкѣ).

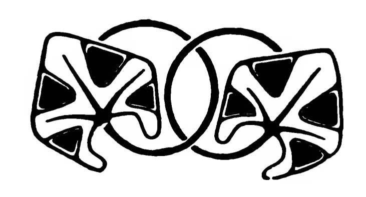
Узнавъ объ этомъ, мало смыслившій по латыни и желавшій подслужиться новому правительству (это было какъ разъ при воцареніи Людовика XVIII), городской голова этого городка заподозрилъ въ этихъ словахъ государственную измѣну и потребовалъ къ себѣ немедленно учителя.

Испуганный, недоумѣвающій, въ чемъ дѣло, бѣдный педагогъ поспѣшилъ къ нему явиться и, къ изумленію своему, услышалъ слѣдующее странное истолкованіе своего эпиграфа.

По мнѣнію городского головы, слова «Flos Iovis» (цвѣтокъ Юпитера) — обозначали не что иное, какъ цвѣтокъ изгнаннаго въ то время Наполеона I; слова: «foliis tricoloris» (трехцвѣтными лепестками) — обозначали трехцвѣтную республиканскую кокарду, а слова: «ipse par violae» — игру словъ, обозначавшую: «le père la Violette» (отецъ фіалки) — названіе, которое, какъ мы видѣли, давали Наполеону I его приверженцы.

Допросъ производился очень строго, длился долго, и учителю стоило немало труда, чтобы оправдаться...

Въ формѣ чая сушеные Анютины глазки употребляются съ успѣхомъ въ Германіи противъ нѣкоторыхъ сыпныхъ болѣзней дѣтей. Это объясняется тѣмъ, что они содержатъ въ себѣ значительную дозу (около $1^1/_2\%$) салициловой кислоты, прекрасно очищающей кровь.

Царица водъ и цвѣтокъ русалокъ — кувшинка.

„Камыши берега облепили,
Отражаясь въ зеркальномъ прудѣ;
Бѣлоснѣжныя чашечки лилій
Распустились въ прозрачной водѣ...“

Раннее утро. На озерѣ не шелохнетъ вѣтеркомъ. Водная поверхность какъ зеркало, и среди этого зеркала выглядываютъ тамъ и сямъ, какъ какія головки русалокъ, чудныя бѣлыя лиліи-кувшинки съ ихъ красивыми бутонами и круглыми, въ видѣ щитковъ, покрытыми какъ бы воскомъ, плавающими листьями...

И воображеніе наше невольно переносится на дальній сѣверо-западъ, въ Эльсиноръ, въ замокъ Кронеборгъ, съ его дивнымъ, свѣтлымъ какъ кристаллъ, поросщимъ водяными лиліями озеромъ. Безумная Офелія въ вѣнкѣ изъ кувшинокъ и съ пуками ихъ въ рукахъ медленно съ пѣніемъ спускается въ озеро. Все ниже и ниже сходитъ она, все глубже и глубже погружается въ воду, и наконецъ, тихо увлекаемая теченіемъ, уносится вдаль... За ней плывутъ выпавшія изъ ея рукъ кувшинки, плывутъ оторвавшіяся отъ берега травы, и издалека, тихо, какъ бы замирая, доносятся заключительныя строфы ея грустной пѣсни:

„Занялась уже денница,
Валентиновъ день насталъ,
Подъ окномъ стоитъ дѣвица —
Спитъ ли милый или всталъ?..“

Очаровательный цвѣтокъ этотъ всегда пользовался любовью и покровительствомъ молодежи. Въ древней Греціи онъ считался символомъ красоты и краснорѣчія. Мо-

лодыя дѣвушки плели изъ него гирлянды и украшали ими свои головы и свои туники. По словамъ Ѳеокрита, молодыя гречанки сплели даже вѣнокъ изъ кувшинокъ и для прекрасной Елены въ день ея свадьбы съ царемъ Менелаемъ и украсили имъ входъ въ ихъ брачную комнату.

Точно также любили его и въ древнемъ Римѣ, и на фрескѣ одного изъ недавно раскопанныхъ въ Помпеѣ храмовъ можно и теперь видѣть цвѣты кувшинокъ, украшающіе крылатыхъ божковъ и геніевъ.

Дивная водяная лилія эта, какъ сообщаетъ одно греческое сказаніе, возникла изъ тѣла прелестной нимфы, погибшей отъ любви и ревности къ остававшемуся холоднымъ къ ней Геркулесу. Отъ нея-то она получила и свое научное названіе нимфеи (Nymphaea).

Какъ отголосокъ, вѣроятно, этого сказанія, въ древнегерманскихъ сказкахъ разсказывается, что въ прудахъ и озерахъ среди этихъ цвѣтовъ и тростниковъ живутъ постоянно нимфы-никсы. Верхняя часть тѣла этихъ водяныхъ красавицъ представляетъ собой прекрасно сложенныхъ красивыхъ женщинъ съ всегда улыбающимся привѣтливымъ лицомъ, а нижняя часть — безобразный рыбій хвостъ. Онѣ завлекаютъ людей въ воду и тащатъ ихъ на дно, во влажную преждевременную могилу.

Но, съ другой стороны, прелестный этотъ цвѣтокъ и самъ по своему свойству имѣетъ немало сходства съ этими водными дѣвами. Онъ такъ же привлекаетъ всѣхъ своей красотой и такъ же губитъ тѣхъ, кто имъ увлекается. Не разъ бывали случаи, что желавшіе нарвать прелестныхъ кувшинокъ топли, заплывъ слишкомъ далеко въ окружающую обыкновенно эти цвѣты глубину, или задыхались подъ водою, запутавшись въ ихъ длинныхъ подводныхъ стебляхъ. Особенно опасными онѣ являются для дѣтей, дѣлающихся нерѣдко жертвой своего желанія во что бы то ни стало добыть ихъ.

Въ Шварцвальдѣ, въ Германіи, существуетъ даже большое красивое озеро, носящее названіе Муммельзе отъ стариннаго нѣмецкаго слова «die Mummel» — нимфа, которыми оно, будто, во множествѣ заселено.

Народное повѣрье говоритъ, что эти нимфы укрываются здѣсь въ цвѣтахъ и на листьяхъ кувшинокъ вмѣстѣ съ крошечными эльфами, для которыхъ цвѣты эти служатъ какъ бы лодочками или корабликами. Въ полночь нимфы начинаютъ водить хороводъ и, кружась въ вихрѣ, увлекаютъ за собой проходящихъ мимо озера людей. Особенно оживленны и веселы бываютъ эти хороводы

въ свѣтлыя, лунныя ночи. И горе тому смѣльчаку, который вздумалъ бы сорвать растущія на озерѣ лиліи. Стерегущія ихъ нимфы схватываютъ его и увлекаютъ съ собой въ глубь, въ свое подводное царство; а если бы ему и удалось какъ-нибудь отъ нихъ убѣжать, то горе его изсушитъ.

Повѣрье это очень поэтично разсказано нѣмецкимъ поэтомъ Шрейберомъ въ его стихотвореніи: «Die Mummelsee» (Русалочье озеро):

„Hoch auf dem Tannenberge
Da ist ein schwarzer See,
Und auf dem See da schwimmet
Ein Röslein, weiss wie Schnee.

* * *

Es kommt ein Hirtenknabe
Mit einem Haselstab:
„Das Röslein muss ich haben,
Das Röslein brech ich ab!"

* * *

Er zieht es mit dem Stabe
Wohl auf den Binsenrand,
Doch aus dem Wasser hebet
Sich eine weisse Hand и т. д.

. . . .
Den Knaben fasst ein Grauen,
Er eilt hinweg vom See,
Doch immer ist sein Sinnen
Das Röslein weiss wie Schnee".
. . . . и т. д.

(Высоко на поросшей елями горѣ лежитъ черное озеро, и на озерѣ этомъ плаваетъ бѣлая какъ снѣгъ лилія. Однажды приходитъ на это озеро пастушокъ съ орѣховой вѣткой въ рукахъ и говоритъ: «Чудную лилію эту хочу я во что бы то ни стало себѣ добыть». Онъ притягиваетъ ее уже благополучно къ поросшему осокою берегу, какъ вдругъ изъ воды появляется бѣлая рука. Она погружаетъ лилію въ глубь, въ подводное царство, и говоритъ: «Пойдемъ со мной, милый, я раскрою тебѣ много великихъ тайнъ. На днѣ вросла глубоко корнями лилія, которая тебѣ такъ нравится, я сорву ее тебѣ, если ты мнѣ сдашься». Тогда юношу охватываетъ ужасъ. Онъ бѣжитъ отъ озера, но никакъ не можетъ прогнать отъ себя мысли о бѣлой какъ снѣгъ лиліи. И блуждаетъ съ тѣхъ поръ онъ по горамъ съ пожирающимъ его душу горемъ, и никто не можетъ сказать, куда онъ дѣвался).

Въ славянской миѳологіи всѣ эти муммель, нимфы и никсы замѣняются русалками, которыя, появляясь иногда и въ германскихъ сказаніяхъ, играютъ тамъ однако, какъ это мы увидимъ далѣе, обыкновенно уже второстепенныя роли и являются нѣкоторымъ образомъ какъ бы подчиненными никсъ, — ихъ рабынями.

О нашихъ русалкахъ извѣстный собиратель малороссійскихъ сказаній Маркевичъ такъ говоритъ: «Русалки — это водяныя красавицы; онѣ блѣдны, но черты ихъ выразительны, станъ волшебный, коса — ниже колѣнъ. Ночью при лунѣ онѣ выходятъ на берегъ озеръ, рѣкъ и ручьевъ, нагія, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ вѣтвей.

„Черны косы, разсыпаяся.
Съ обнаженныхъ плечъ бѣгутъ,
По волнамъ перегибаяся,
Вслѣдъ за дѣвами плывутъ.
Грудь высокая колышется
Сладострастно между водъ —
Передъ ней волна утишится
И задумчиво пройдетъ . . .“

«Выйдя на берегъ, русалки садятся на траву, расчесываютъ свои косы или ведутъ хороводы. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря. На зарѣ, когда крестьянскія дѣвушки идутъ на рѣку за водой, притаясь, русалки ихъ ждутъ. Бѣда неосторожной, которая забыла взять съ собой полыни, служащей противъ нихъ предохранительнымъ талисманомъ. Русалки бросаются къ дѣвушкѣ, щекочутъ ее до смерти и увлекаютъ ее съ собой въ рѣку. То же самое постигаетъ и парня, не запасшагося полынью или увлекшагося красотой русалки».

Русалки живутъ въ подводныхъ хрустальныхъ чертогахъ, построенныхъ изъ раковинъ, гдѣ блещутъ жемчуга, яхонты, серебро и кораллы. По дну ихъ, усѣянному разноцвѣтными камешками, катятся изумрудные ручьи, или падаютъ водопады на самые чертоги. Солнце просвѣчиваетъ сквозь воду въ эти жилища, а мѣсяцъ и звѣзды вызываютъ русалокъ на берегъ.

Русалки, эти превращаются иногда также въ наши водяныя лиліи-кувшинки. Послушаемъ старо-германскую легенду, разсказанную Балабановой въ ея статьѣ: «Тюрингія въ картинахъ».

«Одинъ изъ красивѣйшихъ ландшафтовъ, — говоритъ она, — знаменитаго Тюрингенскаго Лѣса въ Германіи, какъ извѣстно, считается Шварцталь, гдѣ на громадной скалѣ высится замокъ Шварцбургъ. Замокъ этотъ былъ

возобновленъ въ XVIII столѣтіи, такъ какъ старый сгорѣлъ до основанія. Преданіе разсказываетъ, что въ старомъ пруду этого зàмка жила-была нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ одна злая нимфа-никса, у которой въ услуженіи находились двѣ прелестныхъ молодыхъ русалки.

Часто русалки приходили смотрѣть на празднества въ зàмкѣ, и тутъ обратили на нихъ вниманіе два рыцаря. Вскорѣ полюбили русалки этихъ рыцарей и готовы были покинуть воды и слѣдовать за ними. Но старая никса заподозрѣла русалокъ въ сношеніяхъ съ жителями зàмка и рѣшила подкараулить ихъ. Съ помощью волшебства она перевела всѣ часы зàмка, а русалки могли выходить изъ воды только отъ заката солнца до полуночи. Въ полночь же должны были быть всегда въ пруду.

«Весело бесѣдовали наши молодыя русалки въ рыцарской залѣ, не предчувствуя близкой бѣды. На большихъ часахъ зàмка пробило одиннадцать часовъ, до полуночи оставался еще цѣлый часъ, а между тѣмъ на церковныхъ часахъ Шварцбурга пробило уже полночь — полночь возвѣстилъ и сторожъ.

Бросились бѣжать бѣдныя русалки къ пруду. Побѣжали за ними и рыцари, но не успѣли спасти ихъ. Когда они добѣжали до пруда, то на томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ мелькали бѣлыя платья русалокъ — поднимались изъ воды двѣ бѣлыя кувшинки: злая никса превратила русалокъ въ эти цвѣты».

Долго цвѣли эти кувшинки, долго оплакивали рыцари своихъ дорогихъ возлюбленныхъ, но къ осени завяли цвѣты, а рыцари ушли въ Святую Землю и не вернулись...

Прудъ съ этой поры сталъ сохнуть, и вскорѣ не хватило въ немъ воды даже для злой никсы — пришлось ей задохнуться въ томъ прудѣ. Теперь прудъ этотъ стоитъ совершенно сухой, не наполняясь водой даже и въ осеннее ненастье и весеннее половодье...»

По другому красивому итальянскому сказанію, сообщенному Амфитеатровымъ, это дѣти увлеченной въ тину болотнымъ царемъ итальянской красавицы графини Мелинды.

По сказанію этому живущій въ болотахъ Мареммы болотный царь былъ такъ уродливъ, что никто не хотѣлъ выйти за него замужъ ни изъ земныхъ дѣвушекъ, ни изъ волшебныхъ фей.

Черный, грязный, слѣпленный изъ болотной глины, весь опутанный водорослями, онъ представлялъ собой отвратительное чудовище.

Глаза его чуть чуть свѣтились, какъ какія гнилушки. Вмѣсто ушей у него висѣли пустыя раковины слизняковъ, а вмѣсто ногъ были лягушечьи лапы.

И вотъ это то чудище задумало добыть себѣ жену. Но какъ это сдѣлать? Какъ найти такую дѣвушку, да притомъ еще красивую, какъ ему хотѣлось, которая бы на это согласилась?

Думалъ, думалъ и рѣшилъ добыть ее себѣ хитростью.

Прослышавъ, что на границѣ его болотъ живетъ красавица, золотоволосая Мелинда, дочь одной графини, онъ рѣшилъ завлечь ее къ себѣ и завладѣть ею насильно.

Нужно было только ждать случая и случай этотъ скоро представился.

Одна изъ служанокъ молодой графини, отправившаяся на болото, замѣтила вдругъ невиданныя ею дотолѣ чудныя желтыя кубышки и прибѣжала ей объ этомъ сообщить.

Мелинда, очень любившая цвѣты, рѣшила пойти ихъ посмотрѣть, спустилась съ горы, гдѣ находился ихъ замокъ, къ самой трясинѣ и была, дѣйствительно, такъ поражена невиданными ею никогда желтыми кубышками, что ей захотѣлось ихъ достать.

Но цвѣты росли какъ разъ въ болотцѣ на срединѣ трясины и Мелинда никакъ не могла дотянуться до нихъ рукой.

Въ отчаяніи она ходила по берегу и думала, какъ бы ей до нихъ добраться.

Въ это время она замѣтила лежащій на берегу загнившій, совсѣмъ черный пень и рѣшила на него перебраться.

Прыгнувъ, какъ коза, она ступила на него ногою и потянулась уже къ цвѣтку, чтобы его сорвать, какъ вдругъ этотъ пень ожилъ, схватилъ ее въ свои объятія и потащилъ на дно.

Оказалось, что этотъ пень былъ ничто иное, какъ неподвижно лежавшій самъ болотный царь.

Служанка, видя гибель своей госпожи, растерялась и поспѣшила донести объ этомъ несчастіи старой графинѣ.

Графиня поспѣшила на болото, но что она могла сдѣлать, не зная даже мѣста, гдѣ ее дочь засосала тина.

Убитая горемъ, она ходила ежедневно на берегъ этого проклятаго болота и проливала горькія слезы, ожидая, что, можетъ быть, кто или что нибудь поможетъ.

Вдругъ какъ то осенью, передъ отлетомъ птицъ на югъ, подошелъ къ ней аистъ и къ величайшему ея удивленію сказалъ ей человѣчьимъ голосомъ:

— Не убивайся, графиня. Дочь твоя жива. Ее похитилъ болотный царь — властитель этой мареммы. Если хочешь получить о ней извѣстіе, отправься къ колдуну, который живетъ здѣсь, на мареммѣ. Онъ знаетъ все и сообщитъ тебѣ.

Графиня послушалась, разузнала подробно, гдѣ этотъ колдунъ живетъ и, захвативъ съ собой кучу золота, отправилась къ нему и просила его ей помочь.

Колдунъ, получивъ золото, подумалъ и сказалъ: хорошо, зови твою дочь девять утреннихъ и девять вечернихъ зорь и по девять разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она утонула. Если она еще не сдѣлалась женой болотнаго царя, онъ долженъ будетъ ее отпустить.

И вотъ графиня девять утреннихъ и вечернихъ зорь звала ее и когда дошла наконецъ до послѣдней девятой зори, вдругъ услышала выходящій изъ болота голосъ:

«Поздно зовешь меня, мама. Я уже жена царя болотнаго и осуждена оставаться рабой его навсегда. Говорю съ тобой въ послѣдній разъ. Скоро зима и мы съ мужемъ задремлемъ на тинистомъ ложѣ до слѣдующей весны. Лѣтомъ же я дамъ тебѣ знать, что я жива и о тебѣ помню».

Прошла зима, прошла весна, наступило лѣто.

Съ болью въ сердцѣ отправилась графиня на проклятое болото: не увидитъ ли обѣщанную ей дочерью вѣсточку.

Стояла, стояла, смотрѣла, смотрѣла и вдругъ замѣтила на поверхности воды, среди чистаго болотца, поднявшійся на длинномъ стебелькѣ дивный бѣлый цвѣточекъ — кувшинку.

Разглядывая его чудные блестящіе, какъ атласъ, лепестки, слегка зарумяненные, какъ лучомъ розовой зори, бѣдная графиня узнала цвѣтъ лица своей дочери, а многочисленные, наполнявшіе его середину тычинки были золотисты, какъ волосы Мелинды.

И поняла графиня, что передъ ней ея внучка — дитя союза Мелинды съ болотнымъ царемъ.

И съ тѣхъ поръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, каждый годъ покрывала Мелинда трясину цѣлымъ ковромъ бѣлыхъ кувшинокъ, извѣщая тѣмъ, что она жива и вѣчно юная и прекрасная царитъ надъ болотомъ.

И каждый годъ, каждый день, когда только могла, старая графиня до самой своей смерти ходила на болото,

любовалась цвѣтами — своими внучками и утѣшала себя мыслью, что если и нѣтъ ея дочери болѣе на этомъ свѣтѣ, то въ глубинѣ водъ своего болотнаго царства она все-таки жива и здорова...

Но прелесть кувшинки дѣйствуетъ чарующе не на однихъ только европейцевъ: о ней сложилось не мало сказаній и у народовъ другихъ частей свѣта.

Между ними особенно поэтично сказаніе о ней сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, которые утверждаютъ, что водяная лилія образовалась изъ искръ, упавшихъ съ полярной и вечерней звѣздъ въ то время, когда онѣ столкнулись, споря между собой изъ-за обладанія стрѣлой, которую въ минуту смерти пустилъ въ небо одинъ великій индѣйскій вождь.

Кувшинка или русалочій цвѣтокъ, какъ ее также часто прежде называли, была съ незапамятныхъ временъ предметомъ поклоненія и даже обожанія у сѣверо-западныхъ германцевъ, а особенно у фризовъ и зеландцевъ. Они называли ее лебединымъ цвѣткомъ и такъ высоко чтили, что, помѣстивъ 7 такихъ цвѣтковъ въ своемъ гербѣ, считали себя подъ этимъ знаменемъ непобѣдимыми. Въ пѣснѣ гудруновъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается синее знамя короля Гервига фонъ-Зеевена, говорится, что на немъ развѣваются лебединые цвѣты. Эти цвѣты сохранились и до сихъ поръ на фризскомъ знамени и въ гербѣ провинціи Гронингенъ. Все растеніе называется фризами еще «Pompe», а цвѣты ея — морскими листьями (Seeblätter).

Въ среднихъ вѣкахъ бѣлый цвѣтокъ кувшинки считали еще символомъ непорочности, и потому сѣмена его рекомендовались какъ средство, умѣряющее страсти. Вслѣдствіе этого они имѣлись въ это время почти во всѣхъ монастыряхъ, и ихъ предписывали давать монахамъ и монахинямъ. Особенно большое употребленіе ихъ производилось удалившимися отъ міра отшельниками, желавшими этимъ умертвить свою плоть. По новѣйшимъ однако изслѣдованіямъ приписываемое этимъ сѣменамъ свойство оказалось невѣрнымъ.

Сѣменами этими пользовались также пѣвцы для укрѣпленія и усиленія своего голоса. Кромѣ того, средство это считалось помогающимъ отъ судорогъ и головокруженія, а корневище растенія — отъ отсутствія аппетита. Лѣченіе производилось не столько пріемами внутрь, сколько подвѣшиваніемъ у кровати больного. При этомъ, для приготовленія всѣхъ этихъ лѣкарствъ, рекомендовалось обходиться съ растеніемъ съ особенными предосто-

рожностями: срывать его только къ ночи, сушить въ тѣни на сѣверной сторонѣ и непремѣнно въ висячемъ положенiи, такъ какъ иначе лѣкарственное начало не перейдетъ въ тѣло больного и не будетъ въ состоянiи изгнать изъ него болѣзнь.

Да и вообще, собирая цвѣты кувшинки съ лѣчебной цѣлью, надо было поступать совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими цвѣтами: рвать въ извѣстные лишь часы, заткнувъ уши и обратившись къ нимъ предварительно съ ласковыми словами. Переговоривъ такимъ образомъ, слѣдовало внезапно протянуть руку и сорвать цвѣтокъ. Отрѣзывать же ножницами, ножомъ или вообще чѣмъ острымъ было строжайше запрещено, такъ какъ иначе стебель начнетъ истекать кровью, и отрѣзавшiй будетъ преслѣдоваться тяжелыми снами или даже будетъ втянутъ въ воду возмущенными такимъ поступкомъ водяными духами.

Цвѣты бѣлыхъ кувшинокъ также не слѣдовало никогда приносить въ домъ, такъ какъ это грозило гибелью всего домашняго скота.

Мистическимъ и лѣчебнымъ значенiемъ пользовалась кувшинка и у нашихъ предковъ-славянъ, а въ Закаспiйской области даже и до нашихъ дней. Въ этомъ значенiи она носила и носитъ названiе «одоленя». Названiе это, по словамъ Аѳанасьева*), произошло отъ слова «одолѣвать», и притомъ въ значенiи: одолѣвать нечистую силу и недуги. «Кто найдетъ одолень-траву, — говорится въ одномъ народномъ травникѣ: — тотъ вельми талантъ себѣ обрящетъ».

Отваромъ одоленя предки наши лѣчили зубныя боли и отравы, и сверхъ того отваръ этотъ считался и у нихъ любовнымъ напиткомъ, способнымъ пробуждать нѣжныя чувства въ сердцѣ жестокихъ красавицъ; а съ корневищемъ пастухи обходили поле, чтобы ни одна скотина не пропала.

Ему же славяне приписывали важное предохранительное значенiе во время путешествiй. Всякiй, кто отправлялся на чужбину (особенно торговый человѣкъ), долженъ былъ, по словамъ того же Аѳанасьева, запасаться этой травой, такъ какъ о ней говорилось: «гдѣ ни пойдетъ — много добра обрящетъ». И вотъ, отправляясь въ дальнiй путь, осторожные люди ограждали себя слѣдующимъ заклятiемъ:

---

*) „Воззрѣнiя славянъ на природу“.

«Ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ одолень-трава.

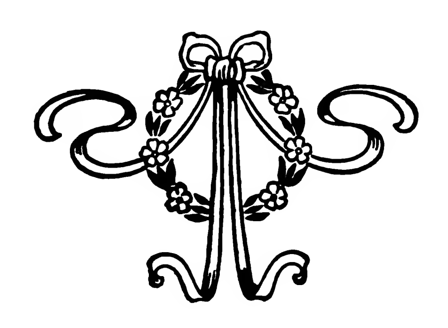
«Одолень-трава! не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы-самокрутки.

«Одолень-трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили, отгони ты чародѣя, ябедника.

«Одолень-трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, долы низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды!.. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретиваго сердца во всемъ пути и во всей дороженькѣ».

Такое же почтеніе питали къ этому растенію и древніе сербы. У нихъ о немъ такая пѣсня сложилась:

„Если-бъ знала баба,
Что̀ такое одолень-трава,
Вшивала бы въ поясъ
И носила-бъ на себѣ“.

Любимецъ египетской молодежи, цвѣтокъ Озириса и Будды—лотосъ.

Въ близкомъ родствѣ съ нашей кувшинкой состоитъ и знаменитый египетскій лотосъ (Nymphaea lotus). Цвѣты его тоже бѣлые, только нѣсколько крупнѣе; а главнымъ его различіемъ служатъ его листья, которые имѣютъ не округленные края, а зазубренные.

Древніе египтяне, замѣтивъ, что цвѣтокъ этотъ всплывалъ на воду и распускался при заходѣ солнца и закрывался и погружался въ нее при восходѣ, предположили, что явленіе это имѣетъ какую-то таинственную связь съ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ.

И дѣйствительно, если мы взглянемъ на лотосъ даже въ теплицѣ, то днемъ большею частью мы найдемъ его погруженнымъ въ сонъ; а во всей красѣ онъ развертывается лишь къ ночи. Гейне говоритъ о немъ:

„Опустясь головкой сонной
Подъ огнемъ дневныхъ лучей,
Ждетъ мерцающихъ ночей,
И лишь только выплываетъ
Въ небо красная луна,
Онъ головку поднимаетъ,
Пробуждаяся отъ сна.
На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слезъ его роса,
И любовно онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса..“

Впрочемъ, мнѣніе, что цвѣты лотоса цвѣтутъ только ночью, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ они нерѣдко распускаются вечеромъ и остаются открытыми до поздняго утра. Такъ, въ іюнѣ онъ раскрываетъ свои цвѣты

въ 8 час. вечера и закрываетъ лишь въ 10 утра, а затѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія продолжительности дня, раскрываетъ ихъ даже гораздо ранѣе, и въ августѣ, напримѣръ, они цвѣтутъ уже начиная съ 6 ч. вечера.

Эта же мнимая таинственная связь между цвѣтами лотоса и свѣтилами побудила египтянъ посвятить его богу солнца Озирису. Вслѣдствіе этого, Озирисъ изображался съ цвѣткомъ лотоса на головѣ. Лотосомъ же украшались головы и жрецовъ этихъ боговъ. Точно также и цари египетскіе, въ знакъ своего божественнаго происхожденія, надѣвали на голову эти цвѣты, а равно и самая эмблема ихъ власти — царскій скипетръ изображался въ видѣ цвѣтка лотоса со стеблемъ. Наконецъ онъ изображался то въ бутонѣ, то распустившимся и на государственной монетѣ.

Кромѣ того, лотосъ былъ посвященъ также и египетской богинѣ плодородія — Изидѣ; а такъ какъ плодородіе у нихъ зависѣло главнымъ образомъ отъ разлитія рѣки Нила, илъ котораго являлся главной причиной плодородія, то лилія эта считалась невѣстой Нила. Поднимались воды — появлялись и лотосы; опускались онѣ — оставались лежащими въ пескѣ и подземныя части лотоса. И чѣмъ дольше заливалъ Нилъ своими водами страну, тѣмъ больше появлялось на водной поверхности ихъ цвѣтковъ. А потому появленіе лотосовъ на водѣ египтяне привѣтствовали съ восторгомъ.

Египетскіе дѣвушки и юноши, нарвавъ цвѣтовъ лотоса, украшали ими свои жилища, себя и бѣгали въ вѣнкахъ по улицамъ селъ и городовъ, привѣтствуя всѣхъ радостнымъ крикомъ: «Много лотосовъ на водѣ, велико будетъ плодородіе». Въ знакъ благодарности и восторга они украшали этими цвѣтами статую Озириса и убирали ими его алтарь. Если же, наоборотъ, не наступало долгое время разлитія Нила, то лучшимъ средствомъ, чтобы ускорить его, считалось украсить вѣнкомъ изъ лотосовъ богиню Изиду.

Многочисленныя примѣненія встрѣчалъ лотосъ въ Египтѣ и въ общественной жизни. Безъ него, повидимому, не могло обойтись ни одно общественное, ни одно семейное торжество.

Изъ него плели вѣнки, которыми украшали снаружи, такъ и внутри храмы, имъ украшали головы почетныхъ гостей, имъ убирали танцовщицъ и пѣвицъ. На пирахъ вмѣстѣ съ сластями слуги обязательно разносили гостямъ и цвѣты лотоса, при чемъ ни одинъ гость ни на минуту не могъ оставаться безъ цвѣтка, и

какъ только его цвѣтокъ начиналъ увядать, то сейчасъ же замѣнялся свѣжимъ.

Изображеніе лотоса отразилось и на египетской архитектурѣ. Первыя колонны египетскихъ храмовъ являлись исключительнымъ подражаніемъ цвѣтка лотоса на стеблѣ, а французскіе ученые, участвовавшіе въ экспедиціи Наполеона въ Египетъ, нашли много сходства съ этимъ цвѣткомъ и въ другихъ частностяхъ египетскихъ построекъ. Такъ, въ кругу при основаніи колоннъ египетскіе архитекторы то и дѣло помѣщали изображеніе листьевъ нимфей, а ту часть колонны, которая была близка къ вершинѣ, они снабжали связкой лотосовыхъ стеблей. Кромѣ того, и въ украшеніяхъ капителей попадались бутоны и цвѣты лотоса.

Но лотосъ имѣлъ еще и экономическое значеніе въ Египтѣ: корневища его считались съѣдобными и доставляли пропитаніе цѣлымъ тысячамъ египетскихъ семей. Корневища эти обыкновенно по спадѣ водъ собирались и сушились на солнцѣ и складывались въ особые подвалы на храненіе. Ихъ ѣли главнымъ образомъ въ отварномъ видѣ, какъ картофель. По вкусу своему они также напоминали нѣсколько картофель, но вызывали сильную жажду. Вообще они были въ такомъ ходу и пользовались такой любовью народа, что продавались всюду разносчиками на улицахъ.

Кромѣ того, по словамъ Діодора, въ пищу шли также и мучнистыя зерна лотоса, которыя размалывали въ муку и пекли изъ нея хлѣбъ. Затѣмъ изъ корня и сѣмянъ приготовляли еще лѣкарство «неню-фаръ», откуда, вѣроятно, произошло и французское названіе кувшинки — «nenuphar». Въ дѣло шли также и плоскіе, блюдцеобразные его листья. Изъ нихъ приготовляли сосуды для напитковъ, и древне-греческій писатель Страбонъ разсказываетъ, что въ его время всѣ лавки Александріи были завалены этими листьями.

Кромѣ бѣлаго лотоса, въ Египтѣ встрѣчался еще чудный голубой, или, какъ его называли — небесная водяная лилія. Изображеніе его встрѣчается на памятникахъ, относящихся до IV-ой и V-ой египетской династіи, правившихъ за 3½ тысячи лѣтъ до Р. Х. Прекрасное же его изображеніе мы находимъ еще и на извѣстной картинѣ: «Жатва папируса», взятой изъ гробницъ царя Татохенъ, жившаго, по опредѣленію египтологовъ, отъ 3466 до 3333 года до Р. Х.

Такимъ же поклоненіемъ, какимъ пользовался лотосъ нѣкогда у древнихъ египтянъ, пользуется теперь

еще третій его видъ — красный лотосъ у буддистовъ въ Тибетѣ и Монголіи.

Одинъ путешественникъ, посѣтившій недавно храмъ Ламы въ горахъ Сиккима, описываетъ его такимъ образомъ. «Идолъ Будды помѣщается за алтаремъ подъ балдахиномъ или за шелковой занавѣской. По обѣимъ сторонамъ вокругъ него расположены пестро одѣтыя и раскрашенныя изображенія святыхъ старцевъ и женщинъ. Будда изображенъ сидящимъ съ поджатыми ногами, причемъ пятка лѣвой ноги обращена вверхъ, а лѣвая рука покоится на головѣ, держа лотосъ и драгоцѣнный камень. Будда имѣетъ, какъ обыкновенно, курчавые волосы, ламы — митру на головѣ, а женщины — различныя головныя украшенія. Большинство изъ нихъ носятъ на головѣ серьги и вѣнки изъ розъ. Всѣ стоятъ на грубыхъ пьедесталахъ и такъ представлены, что имѣютъ видъ, будто всѣ выходятъ изъ красныхъ, пурпуровыхъ лепестковъ лотоса».

Въ горахъ Тибета встрѣчаются также гигантскихъ размѣровъ надписи, высѣченныя въ скалахъ или на прикрѣпленныхъ къ скаламъ громадныхъ каменныхъ таблицахъ: «Om Mani Padmi Oni», т.-е.: «Да будетъ благословенъ Онъ (Будда) съ лотосомъ и драгоцѣннымъ камнемъ» — молитвенное привѣтствіе, съ которымъ обращаются къ Буддѣ.

Иногда, впрочемъ, къ нему обращаются также и съ словами: «Om Mani Padmê», т.-е.: «перлъ созданія въ лотосѣ», такъ какъ, по буддистскому вѣрованію, сотвореніе міра является какъ бы послѣдовательнымъ твореніемъ безчисленныхъ лотосовъ, заключающихся одинъ въ другомъ до безконечности — до такого числа разъ, которое умъ нашъ отказывается сосчитать.

Такъ же привѣтствуютъ Будду и индійскіе буддисты, которые, переплетая поэтическія сказанія о разныхъ растеніяхъ и животныхъ съ жизнью своихъ боговъ, говорятъ въ своихъ священныхъ легендахъ и о лотосѣ.

По ихъ сказанію, творецъ міра былъ преслѣдуемъ и побѣжденъ своимъ непримиримымъ врагомъ — всеуничтожающей водою. Нигдѣ онъ не находилъ ни покоя, ни защиты, пока не укрылся въ розоподобныхъ цвѣтахъ лотоса. Здѣсь ждалъ онъ въ безопасности до удобной минуты, а затѣмъ вышелъ изъ своей чудной темницы въ еще большемъ величіи и началъ сѣять всюду богатство и пищу. Поэтому-то индусы возлагаютъ цвѣты лотоса и его плоды на жертвенникъ своихъ боговъ и украшаютъ его изображеніемъ свои храмы и своихъ боговъ.

Съ лотосомъ же связано и самое рожденіе Будды. «Когда наступило время появленія его на свѣтъ, — говоритъ одно индійское преданіе *): — то всѣ цвѣты царскаго сада, бѣлые, красные и синіе лотосы прудовъ открылись и какъ бы замерли въ ожиданіи этого великаго чуда; точно также замерли въ своемъ роспускѣ листья деревьевъ и вся выраставшая изъ земли растительность. Тогда Майя, мать Будды, сошла съ паланкина, на которомъ покоилась, и вышла въ садъ. При ея приближеніи, въ знакъ благоговѣнія, деревья наклонились къ землѣ, а въ ту минуту, когда она разрѣшилась отъ бремени, земля потряслась, и съ неба упалъ обильный дождь изъ нимфей и лотосовъ. Слуги бросились къ новорожденному Буддѣ, чтобы поддержать его, но, вырвавшись изъ ихъ рукъ, онъ пошелъ самъ. И всюду, гдѣ только его нога ступала на землю, — тамъ всюду выросталъ громадный лотосъ».

Точно такой же дождь изъ цвѣтовъ падаетъ съ неба на Будду, когда его, ребенка, ведутъ во храмъ, чтобы дать ему имя, когда его ведутъ въ первый разъ въ школу къ учителю, когда онъ удаляется изъ міра, чтобы въ уединеніи поститься и молиться, и когда онъ одерживаетъ побѣду надъ искушавшимъ его злымъ духомъ Мара. Наконецъ лотосы всѣхъ цвѣтовъ сыплются съ неба на тѣло Будды, когда на седьмой день послѣ смерти его кладутъ на костеръ, чтобы сжечь...

Но не одни индусы-буддисты обожаютъ лотосъ, его обожаютъ — и особенно родственный съ нимъ видъ нелюмбіумъ — также и индусы, поклонники Брамы.

Одаренные богатой фантазіей и любовью къ созерцательности, браманисты видятъ въ цвѣткѣ этомъ символъ вѣчно измѣняющихся и плодотворныхъ силъ природы. По ихъ словамъ, богато покрытая лотосами и нелюмбіями вода, когда блеститъ подъ яркими лучами солнца или мерцаетъ при серебряныхъ лучахъ мѣсяца и испускаетъ нѣжное благоуханіе, позволяетъ видѣть и чувствовать, какъ совершается созиданіе организма изъ жидкаго элемента, а въ самомъ лотосѣ можно наблюдать воплощенный обмѣнъ между огнемъ и водой, между твердымъ и жидкимъ веществомъ. Поэтому-то Брама, отецъ всего сущаго, какъ и Будда изображается всегда съ лотосомъ въ рукѣ или покоясь на лотосѣ.

*) „Lalita Vistara", т. I, гл. V и VII.

Въ одномъ изъ гимновъ Ведъ о Брамѣ поется:

„Онъ покоится, погруженный въ небесныя
размышленія о лотосѣ,
Котораго цвѣтокъ возникъ, когда онъ до
него дотронулся
И излилъ въ него свои золотые лучи...“

Точно также говорится о Вишну, властителѣ и повелителѣ всей вселенной, что его дыханіе — благоуханіе лотоса, и что онъ ходитъ и покоится не на землѣ, а на девяти золотыхъ лотосахъ, принесенныхъ самими богами.

Чудному этому лотосу, однако, всегда являлась соперницей роза — любимица Вишну, но Брама долгое время никакъ не хотѣлъ признать за ней первенства, пока и ему не пришлось съ этимъ наконецъ согласиться. Это случилось такъ.

Однажды Вишну, какъ говоритъ индусское сказаніе, купаясь съ увлеченіемъ въ чистыхъ водахъ одного священнаго озера, вдругъ увидѣлъ, какъ открылся лотосъ и оттуда вышелъ Брама, прося его полюбоваться на его дивный, самый красивый изъ всѣхъ цвѣтовъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Вишну, самый красивый изъ цвѣтовъ — въ моемъ раю. Онъ розовый, какъ утренняя заря, а запахъ его упоительнѣе всѣхъ запаховъ.

Брама улыбнулся.

— Если ты говоришь правду, то я готовъ уступить тебѣ первенство среди боговъ.

— А не вѣришь, пойдемъ, посмотримъ, — сказалъ Вишну.

Брама согласился и они пошли. Шли медленно, шли важно, какъ слѣдуетъ богамъ и къ вечеру пришли въ рай Вишну.

Тамъ этотъ послѣдній повелъ своего августѣйшаго посѣтителя подъ предохранявшій отъ дождя перламутровый сводъ и показалъ ему дивный цвѣтокъ, котораго божественный запахъ былъ такъ силенъ, что казалось наполнялъ собой весь окружающій воздухъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — красивѣйшій изъ цвѣтовъ всѣхъ райскихъ садовъ.

Въ ту же минуту роза наклонилась къ нему и ея лепестки красиво раздвинулись, чтобы дать проходъ для той дивной красавицы Лакшми, о которой мы говорили уже въ главѣ о розѣ.

Лакшми стала на колѣни и прошептала:

— Посланная изъ сердца розы, чтобы быть твоей женой, я прихожу вознаградить тебя за твою вѣрность и прямодушіе.

Вишну поднялъ свою невѣсту и представилъ ее Брамѣ, который, пораженный ея красотой, тотчасъ же сдержалъ свое слово.

— Отнынѣ, — сказалъ онъ, Вишну будетъ первымъ изъ боговъ, такъ какъ совершенная правда, что въ его царствѣ такой красивый и очаровательный цвѣтокъ, какому нѣтъ подобнаго еще въ мірѣ...

Слышавшая все это синяя птица — говоритъ далѣе это преданіе — поспѣшила сообщить лотосу и цвѣтокъ Брамы принялъ тотчасъ же тотъ зеленоватый оттѣнокъ зависти, которымъ съ тѣхъ поръ отливаютъ его, блиставшіе прежде дивной бѣлизной, лепестки, между тѣмъ, какъ сдѣлавшаяся женой Вишну, роза продолжаетъ быть такой же очаровательно-красивой и издавать все такой же дивный запахъ, какъ и прежде...

Объ этомъ цвѣткѣ говорится еще и во многихъ пословицахъ и поговоркахъ индусовъ.

Такъ, напр., говорятъ: «цвѣты лотоса такъ же поддерживаютъ Вишну, какъ и его поклонники». «Цвѣты лотоса — корабль, на которомъ утопающій среди океана жизни можетъ найти спасеніе». «Лотосъ — другъ солнца. Когда мѣсяцъ со своими холодными лучами исчезаетъ, лотосъ раскрывается».

Словомъ, нѣтъ похвалы, нѣтъ того слова ласки, котораго бы не употреблялъ индусъ какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ при описаніи лотоса, дорогого даже и для женщинъ, хотя цвѣтокъ его, по вѣрованію индусовъ, противоположно воззрѣніямъ египтянъ, способствуетъ не возбужденію, а умѣренію страстей. А когда въ прежнія времена приносили въ Индіи богамъ человѣческія жертвы, то собирали кровь жертвы на лепестокъ лотоса, при чемъ предписывалось наполнять лепестокъ кровью не сполна, а лишь на четверть; такъ что человѣческія жертвы индусовъ сводились слѣдовательно къ маленькому кровопусканію.

Этотъ индійскій лотосъ, иначе нелюбіумъ, котораго листья и цвѣты не плаваютъ на водѣ, а подымаются высоко надъ ней на длинныхъ черешкахъ, имѣлъ и имѣетъ не меньшее экономическое значеніе, чѣмъ и египетскій лотосъ.

Главными его потребителями являются японцы и китайцы, у которыхъ онъ вслѣдствіе этого разводится даже какъ какой овощъ. Въ пищу идутъ корневища, зерна и листья. Корневище ѣдятъ сырымъ и вареным. Лѣтомъ его ѣдятъ со льдомъ, какъ прохладительное, а на

зиму его маринуютъ. Содержа въ себѣ много крахмала, оно чрезвычайно питательно и удобоваримо.

На рынкахъ въ Японіи, Китаѣ и Индо-Китаѣ корневище это лежитъ цѣлыми грудами и носитъ названіе «хазунъ». Вкусъ его, когда оно сварено, напоминаетъ нѣсколько вкусъ сельдерея или брюквы. Его ѣдятъ также и печенымъ на угольяхъ или поджареннымъ, какъ сладкія коренья, а кромѣ того изъ него дѣлаютъ еще родъ муки, которой засыпаютъ супъ, какъ манной крупой или саго.

Зерна ѣдятъ засахаренными, какъ лакомство, или приготовляютъ изъ нихъ пирожное. Что касается листьевъ, то осенью, когда прекращается цвѣтеніе, молодые, выходящіе въ видѣ побѣговъ, листья нарѣзываются, связываются въ пучки и продаются на рынкахъ. Ѣдятъ ихъ въ вареномъ видѣ какъ спаржу. Особенно ихъ много продаютъ на рынкахъ въ Сринагарѣ и въ Индіи.

Кромѣ того, китайцы ѣдятъ его тычинки, стебель, корневище, считая, что ѣда эта возвращаетъ старикамъ красоту и молодость. Китаянки же украшаютъ себя его цвѣтами, какъ нѣкогда и древнія египтянки и финикіянки.

Особенно большой спросъ на цвѣты лотоса бываетъ въ день китайскаго новаго года, когда онъ вмѣстѣ съ нарциссомъ, который, какъ извѣстно, является въ этотъ день необходимой принадлежностью каждаго дома, по ихъ повѣрью приноситъ счастье.

Въ прежніе времена прелестное это растеніе водилось у насъ въ обиліи въ заводяхъ Волги близъ Астрахани и носило названіе чульпанской розы, отъ Чульпанскаго залива, гдѣ оно больше всего встрѣчалось.

Осенью, когда созрѣвали его крупные, содержащіе въ себѣ зерна, плоды, на заводи эти отправлялась въ лодкахъ съ пѣснями, съ гармоніями вся деревенская молодежь и набирала цѣлые вороха этихъ плодовъ. Главную привлекательность ихъ составляли вкусныя ихъ зерна, которыя щелкали потомъ какъ сѣмечки подсолнуха и дынь или какъ кедровые орѣхи. Запасовъ этихъ хватало на долгое время, и у бережливыхъ хозяекъ ими угощали еще на Рождествѣ.

Но блаженныя эти времена прошли. Человѣческая жадность, не довольствовавшаяся собираніемъ однихъ плодовъ, а вырывавшая съ корнемъ и самое растеніе, повела къ почти полному исчезновенію его подъ Астраханью, такъ что теперь, несмотря на самые тщательные поиски ученыхъ, его находятъ лишь изрѣдка.

Любимецъ Жанъ-Жака Руссо — барвинокъ.

Врядъ ли существуетъ на свѣтѣ другое растенiе, которое получило бы такую извѣстность и пользовалось-бы въ свое время такой славой, какъ небольшой, скромный, синiй съ твердыми, блестящими, какъ у брусники, листьями, лѣсной цвѣтокъ, носящiй по-русски названiе «барвинокъ», а по-французски «la pervenche».

Чтобы сорвать этотъ цвѣтокъ и полюбоваться имъ, въ концѣ XVIII столѣтiя отправлялись на опушки лѣсовъ и садовъ и молодые, и старые, и горожане, и горожанки, придворные кавалеры и дамы, высшiе государственные сановники и министры, и даже сами короли.

И все почему? Потому что это былъ любимый цвѣтокъ Жанъ-Жака Руссо.

Бичевавшiй нещадно все человѣчество, ненавидѣвшiй въ душѣ самыхъ близкихъ своихъ друзей и видѣвшiй всюду лишь преслѣдовавшихъ его враговъ, великiй генiй этотъ становился мягкосердечнымъ, становился ребенкомъ, какъ скоро переносился въ мiръ растенiй. Жизнь среди нихъ, среди природы служила для него обновленiемъ его измученныхъ души и тѣла. Онъ видѣлъ въ нихъ то чистое, совершенное творенiе, какимъ оно вышло изъ рукъ Божьихъ, творенiе еще не испорченное, не искаженное прикосновенiемъ человѣка. Онъ успокаивался среди нихъ душою.

Барвинокъ же сверхъ того былъ особенно ему дорогъ по воспоминанiямъ о счастливѣйшихъ годахъ

его юности, по воспоминіямъ объ утраченномъ имъ счастьѣ.

Еще юношей, почти мальчикомъ, Ж.-Ж. Руссо, обласканный и укрытый отъ преслѣдовавшихъ его швейцарскихъ властей милой, сердечной г-жой де-Варанъ, влюбился въ нее по уши и, сдѣлавшись впослѣдствіи ея возлюбленнымъ, считалъ это время счастливѣйшимъ временемъ своей жизни.

И вотъ, однажды, когда въ это время они путешествовали вмѣстѣ изъ Шамбери въ Ле-Шарметъ, при одномъ крутомъ подъемѣ въ гору, желая дать отдохнуть своимъ носильщикамъ, госпожа Варанъ вышла изъ носилокъ *) и пошла рядомъ съ нимъ пѣшкомъ. Вдругъ въ кустахъ мелькнулъ какой-то синій цвѣтокъ. Это былъ нашъ вѣчно-зеленый барвинокъ. Госпожа де-Варанъ подошла къ нему поближе и, взглянувъ, воскликнула: «Ah! voilà de la pervenche en fleurs!» (Ахъ! да это барвинокъ въ цвѣту!). Тогда Руссо едва обратилъ на это восклицаніе вниманіе и, увлеченный своимъ разговоромъ, пошелъ далѣе.

Но моментъ этотъ, повидимому, какъ это иногда бываетъ и со всякимъ изъ насъ, глубоко запечатлѣлся въ душѣ его, и когда много лѣтъ спустя, ботанизируя со своимъ другомъ Дюпейру на живописной горѣ близъ Невшателя, въ Швейцаріи, онъ нечаянно наткнулся въ кустахъ на этотъ цвѣтокъ, то все счастливое прошлое вдругъ воскресло передъ нимъ, и онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «Ah! voilà de la pervenche!»

Этотъ крикъ радости вырвался у него, какъ онъ самъ разсказываетъ, 18 лѣтъ спустя послѣ того счастливаго путешествія, о которомъ мы сейчасъ говорили, и вырвался съ такой силой именно потому, что тѣ минуты счастья, о которыхъ онъ теперь воспоминалъ, были во всей его безпросвѣтной жизни единственными, которыя, по его словамъ, давали ему право говорить: «и я тоже жилъ!»

Все это Ж.-Ж. Руссо описалъ въ своей «Исповѣди», и когда эта знаменитая книга вышла изъ печати и въ ней прочли эту трогательную исторію его любви, то весь Парижъ устремился въ знаменитый ботаническій садъ Jardin des plantes, гдѣ росъ въ обиліи барвинокъ, чтобы полюбоваться этимъ голубымъ цвѣткомъ

*) Въ то время было въ обычаѣ, чтобы дамы путешествовали не иначе, какъ на носилкахъ.

Руссо, полюбоваться цвѣткомъ, напоминавшимъ собой о счастливыхъ минутахъ любви.

Тѣмъ временемъ слава книги Руссо росла и росла: ее читали и въ провинціальныхъ городахъ, и въ деревняхъ, читали и дворяне, и простые горожане, читало все, что было грамотнаго во Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла, конечно, и извѣстность барвинка. Всякому прочитавшему хотѣлось теперь хоть разъ взглянуть на знаменитый цвѣтокъ геніальнаго писателя, и всѣ шли, какъ мы это уже говорили выше, искать его, кто въ окрестные лѣса, кто въ сады, поля — словомъ, туда, гдѣ имѣлась надежда встрѣтить его. А такъ какъ извѣстность «Исповѣди» не ограничилась одной Франціей, то вскорѣ она попала и въ другія страны: и тамъ всѣ зачитывались ею, увлекались трогательной исторіей любви Руссо, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовывались и барвинкомъ...

И вотъ такимъ-то образомъ нашъ скромный цвѣтокъ получилъ ту извѣстность, о которой мы говорили выше.

Но все на свѣтѣ преходяще, и съ годами, конечно, должна была бы померкнуть и слава барвинка, должна была бы быть забыта и связь этого миловиднаго цвѣтка съ судьбою великаго генія, не позаботься поддержать это связанное съ нимъ воспоминаніе швейцарцы, или, лучше сказать, женевцы.

Раскаявшись въ своей холодности къ знаменитому соотечественнику, Руссо, при его жизни, женевцы рѣшили увѣковѣчить его память, воздвигнувъ ему на мѣстѣ его родины, въ Женевѣ, прекрасный памятникъ. Памятникъ этотъ они поставили среди своего чуднаго озера на живописномъ островкѣ, получившемъ съ того времени названіе острова Ж.-Ж. Руссо, и постарались обставить его тѣмъ, что было особенно дорого Руссо при жизни. Но что же могло быть такъ дорого ему на свѣтѣ? Конечно, дико-растущіе цвѣты и между ними наиболѣе любимый имъ барвинокъ. Имъ-то женевцы и засадили какъ все подножіе самаго памятника, такъ и окружающія его клумбочки.

И вотъ съ тѣхъ поръ всякій, кто бываетъ въ Женевѣ, посѣщаетъ островъ Ж.-Ж. (а для всякаго иностраннаго туриста это обязательно), любуется этимъ цвѣткомъ, вспоминаетъ исторію любви Руссо и беретъ его, конечно, съ разрѣшенія находящагося тутъ сторожа, если хочетъ, на память о великомъ мыслителѣ. Не знать la pervenche, цвѣтка Руссо, въ Швейцаріи считается недостаткомъ образованія.

Барвинокъ пользовался всегда также любовью нѣмецкаго народа и являлся даже соперникомъ незабудки, такъ какъ вмѣстѣ съ красивымъ синимъ цвѣтомъ служилъ въ то же время и вѣстникомъ близкаго наступленія весны — былъ какъ бы первой ласточкой среди цвѣтовъ. А такъ какъ сверхъ того его кожистые, блестяще-зеленые листья отличались такой прочностью и живучестью, что не погибали отъ холода и сохраняли свой свѣжій видъ даже и подъ снѣгомъ, то вскорѣ изъ лѣса онъ былъ перенесенъ въ садъ, какъ символъ радостной жизненной силы, а отсюда и на кладбища, на дорогія могилы, — какъ знакъ вѣчно зеленѣющей любви и никогда не прекращающагося воспоминанія.

Вслѣдствіе всего этого вѣчно жаждущій счастья, вѣчно добивающійся исполненія какого-нибудь желанія человѣкъ уже издавна приписывалъ барвинку особую волшебную силу.

Такъ, напр., у австрійцевъ и до сихъ поръ существуетъ повѣрье, будто, если въ ночь на св. Матвѣя (24 февраля) дѣвушка броситъ вѣнокъ изъ барвинка въ проточную воду и затѣмъ, покружившись молча на берегу, съ завязанными глазами поймаетъ его, то вѣнокъ этотъ послужитъ ей вѣнчальнымъ вѣнкомъ.

Ганноверцы же это гаданіе производятъ нѣсколько иначе. Гаданіе происходитъ у нихъ въ ту же ночь на св. Матвѣя, но ганноверскія дѣвушки плетутъ не одинъ, а два вѣнка — одинъ изъ барвинка, а другой изъ соломы, и пускаютъ ихъ плавать въ большомъ сосудѣ на водѣ; а, кромѣ того, на дно этого сосуда кладутъ еще горсть золы. Затѣмъ гадающей завязываютъ глаза, и, покружившись, она должна ловить плавающіе на водѣ вѣнки ощупью. Если она поймаетъ вѣнокъ изъ барвинка, то это означаетъ, что она выйдетъ въ текущемъ году замужъ, если поймаетъ вѣнокъ изъ соломы, то ей грозитъ какое-нибудь несчастье, а если она дотронется до золы, то смерть.

Барвинокъ обладаетъ также, по мнѣнію германцевъ, еще свойствомъ прогонять всякую нечисть. Но для этого его надо собирать осенью между двумя праздниками въ честь Пресвятой Богородицы, между 15 августа — днемъ Успенія Пр. Богородицы и 8 сентября — днемъ Ея Рождества. Если такой, сорванный въ это время барвинокъ носить при себѣ, то на носящаго его не будетъ имѣть никакой власти ни дьяволъ, ни всякая другая нечистая сила, а если его повѣсить надъ входной дверью дома, то вся эта нечисть не будетъ имѣть силы и въ домъ

проникнуть. И потому сорванный барвинокъ никогда не слѣдуетъ бросать на дворъ въ соръ, а всегда въ ручей, чтобы онъ не погибъ отъ жажды.

Посаженный въ саду барвинокъ приноситъ счастье, а помѣщенный въ букетъ — неизмѣнную любовь. На этомъ же основаніи барвинокъ сажаютъ, какъ мы выше уже сказали, на могилы дорогихъ покойниковъ и сплетенные изъ него вѣнки кладутъ у изголовья покойниковъ, такъ какъ вѣнки эти имѣютъ, будто бы, свойство сохранять тѣло умершаго отъ разложенія.

Барвинокъ игралъ также немалую роль и въ среднихъ вѣкахъ, въ судѣ надъ обвинявшимися въ соглашеніяхъ съ дьяволомъ людяхъ. Судья долженъ былъ, призывая дьявола, сорвать листокъ барвинка и, произнося имя обвиняемаго или подозрѣваемаго, бросить его на сковородку съ кипящимъ саломъ. И вотъ, если листокъ оставался на сковородкѣ въ салѣ, то обвиняемый былъ невиненъ, если же онъ выскакивалъ со сковороды, то обвиняемый продалъ свою душу дьяволу и потому былъ способенъ на причиненіе приписываемаго ему зла. Въ послѣднемъ случаѣ результатъ получался ужасный. Подсудимый обвинялся въ колдовствѣ, подвергался страшнымъ пыткамъ и въ концѣ-концовъ сжигался на кострѣ.

Всѣ приписываемыя нѣмцами барвинку свойства имѣютъ, конечно, главнымъ своимъ основаніемъ его удивительную неувядаемость, его удивительную живучесть. Всѣ цвѣты букета, въ которомъ находится вѣтка барвинка, могутъ совсѣмъ засохнуть, сгнить и развалиться, но если въ сосудѣ, въ которомъ онъ стоитъ, сохранится хоть капля воды, то вѣтка барвинка будетъ оставаться какъ свѣжая, а если ее вынуть и воткнуть въ землю, то пуститъ сейчасъ же корни и разрастется затѣмъ въ пышное растеніе. Вотъ почему нѣмцы называютъ его «Immergrün» (вѣчно-зеленый) или «Sinngrün» (неувядающая мысль). О происхожденіи послѣдняго названія сообщаетъ слѣдующій разсказъ.

Однажды нѣсколько вѣтокъ барвинка помѣщены были вмѣстѣ съ чуднымъ букетомъ изъ розъ, для которыхъ они служили подвоемъ, въ вазу съ водой. Розы цвѣли, испускали дивный запахъ, вызывали всеобщій восторгъ, но потомъ поблекли, завяли и осыпались. Тогда печальные остатки этихъ розъ удалили и оставили однѣ только вѣтки барвинка, которыя продолжали зеленѣть и нисколько не желали увядать. Прошло нѣсколько времени, вѣтки пустили корни и начали рости. Замѣтивъ это ихъ

вынули изъ воды и посадили въ ящикъ съ цвѣтами, стоявшими на балконѣ, но затѣмъ совсѣмъ забыли о нихъ.

Прошло лѣто, прошла осень, наступила зима. Находившіеся въ ящикѣ лѣтніе цвѣты поблекли, и самый ящикъ съ балкономъ были занесены снѣгомъ. Начались вьюги, морозы — все закоченѣло, все померзло. Померзли, казалось, также и вѣтки барвинка, и, когда наступила весна, ихъ хотѣли выбросить вмѣстѣ со всѣми другими погибшими въ ящикѣ цвѣтами. Но каково же было удивленіе, когда онѣ не только оказались совершенно зелеными, но почти сплошь покрытыми прелестными голубыми цвѣточками. Тогда люди воскликнули: «они вѣчны, какъ вѣчная мысль» (Sinn).

Извѣстный нѣмецкій филологъ Ф. Зёнсъ даетъ однако этому слову (Sinn) другое толкованіе. По его мнѣнію, его надо писать съ однимъ *н*, какъ древне-германское слово Sin, обозначающее: «вѣчно, продолжительно».

Съ барвинкомъ связано также немало и другихъ суевѣрій.

Въ нѣмецкихъ Альпахъ вьютъ изъ барвинка вѣнки и вѣшаютъ ихъ надъ окнами. Говорятъ, что это предохраняетъ отъ удара молніей. А въ Dreissigtage — тридцатидневный періодъ отъ Успенія Пресвятой Богородицы и до Ея Рождества, по мнѣнію продолжающихъ и до сихъ поръ вѣрить въ существованіе вѣдьмъ тирольцевъ, барвинокъ помогаетъ для обнаруженія вѣдьмъ. Вѣдьмы, по ихъ мнѣнію, ходятъ всегда съ повернутой вверхъ головой, чего однако никому не видно. А потому, если кто пожелалъ бы видѣть такую вѣдьму, то стòитъ только повѣсить вѣнокъ изъ барвинковъ надъ дверью, черезъ которую входятъ въ домъ, и тогда, если между присутствующими находится вѣдьма, то у нея тотчасъ же увидятъ голову, повернутую вверхъ. Только для этого надо брать не большой барвинокъ (Vinca major), а малый (V. minor), называемый въ Альпахъ также еще фіалкой мертвецовъ (Todtenveilchen), такъ какъ изъ него принято плести вѣнки на могилы.

Барвинокъ этотъ, для обладанія сейчасъ указанной силой, сверхъ того долженъ пролежать еще нѣкоторое время въ церкви подъ молитвенникомъ пастора. Собранный же въ другое время, нежели въ этотъ четырехнедѣльный періодъ, онъ можетъ быть использованъ вѣдьмами для причиненія смерти домашнему скоту или для внесенія раздора между людьми.

Фіалкой или цвѣткомъ смерти называютъ въ горныхъ мѣстностяхъ барвинокъ еще, можетъ-быть, и потому, что

въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ городахъ, напр., въ Цюрихѣ, существуетъ еще слѣдующая очень странная, практикуемая дѣтьми игра въ гаданіе.

Берутъ цвѣтокъ и, потихоньку сжимая чашечку, стараются заставить выглянуть изъ вѣнчика находящіяся въ немъ тычинки. Дѣлая это, дѣти приговариваютъ: «смерть, смерть, выходи». И сколько разъ гадающій произнесетъ слово смерть, прежде чѣмъ выглянутъ тычинки, столько лѣтъ остается ему жить. Словомъ, нѣчто въ родѣ того, какъ у насъ гадаютъ, считая, сколько разъ прокукуетъ кукушка.

Барвинокъ, кромѣ символа неувядаемости, считается многими еще цвѣткомъ зависти и причину такого взгляда Паоло Мантегацца поясняетъ слѣдующей сказкой.

«Распускаясь первымъ цвѣткомъ весною,—говоритъ Мантегацца:—и возвѣщая весну, какъ и душистая фіалка, барвинокъ считалъ себя крайне обиженнымъ тѣмъ, что всѣ люди и боги обращаютъ вниманіе на фіалку, а на него никто, хотя и по изяществу своихъ листьевъ и по красотѣ своихъ цвѣтовъ онъ нисколько не хуже фіалки, и если только чего ему въ сравненіи съ ней недостаетъ, то развѣ только ея прелестнаго запаха. И вотъ, однажды, когда Флора опустилась весною на землю и, очарованная обаятельнымъ запахомъ фіалки ласкала ее и предлагала придать ей больше росту, чтобы она могла возвышаться надъ другими цвѣтами, а не благоухать скромно въ тѣни другихъ растеній,—вдругъ раздался тоненькій жалобный голосокъ.

— Кто тамъ жалуется?—спросила Флора.

— Это я,—отвѣтилъ барвинокъ.

— Что̀ же тебѣ надобно, о чемъ ты плачешь?

— Я плачу о томъ, что ты, сама мать цвѣтовъ, не удостоиваешь меня взглядомъ и забываешь обо мнѣ, осыпая въ то же время столькими ласками фіалку и дѣлая ей такія ле́стныя для цвѣтка предложенія.

Флора посмотрѣла на маленькое растеньице, которое совсѣмъ не знала, а можетъ-быть, и просто забыла; такъ какъ вѣдь и боги не могутъ запомнить всѣхъ созданныхъ ими существъ, и для нихъ есть толпа безъ отчества и имени, и спросила:

— А какъ тебя звать?

— Меня никакъ не зовутъ,—отвѣтилъ барвинокъ:—у меня еще нѣтъ имени.

— Въ такомъ случаѣ что̀ же ты желаешь?

— Я желалъ бы имѣть какой-нибудь такой же тон-

кій, пріятный запахъ, какъ фіалка. Дай мнѣ его, Флора, и я тебѣ буду очень, очень благодаренъ.

— Ну, этого, къ сожалѣнію, я не могу тебѣ дать, — отвѣтила Флора. — Чудное это свойство получается растеніемъ въ ту минуту, когда оно возникаетъ по повелѣнію Создателя, и передается ему вмѣстѣ съ первымъ поцѣлуемъ того генія, которому поручено его охранять. Ты же родился безъ запаха.

— Ну, такъ дай же хоть какой-нибудь особый даръ, который бы сравнялъ меня съ фіалкой, на которую я даже нѣсколько похожъ и цвѣтомъ, но которую всѣ любятъ, а меня никто.

— Хорошо, — отвѣтила богиня: — цвѣти же ты дольше, чѣмъ фіалка, цвѣти даже и тогда, когда фіалка уже давно будетъ мертва.

— Благодарю, Флора, это большой даръ. Теперь, когда влюбленные будутъ искать тѣнистыхъ мѣстъ садовъ и не встрѣтятъ болѣе фіалки, то, быть-можетъ, они обратятъ вниманіе и на меня и, сорвавъ меня, пришпилятъ сдѣланные изъ моихъ цвѣтовъ букетики къ себѣ на грудь, къ своимъ бьющимся любовью сердцамъ.

— Быть-можетъ, — отвѣтила богиня.

— Но вотъ еще что̀ я тебя попросилъ бы, — продолжалъ барвинокъ: — сдѣлай мои цвѣты болѣе крупными, чѣмъ цвѣты фіалки.

— Изволь, и это я могу сдѣлать. Пусть твои цвѣты будутъ крупнѣе цвѣтовъ фіалки. Величина — это противоположность глубины. Внѣшнее расширеніе представляетъ противоположность внутреннему содержанію.

Тутъ, сильно раздраженная упрямой настойчивостью маленькаго растеньица, Флора хотѣла-было удалиться; но растеніе, казалось, было еще не совсѣмъ удовлетворено.

— Ну, что̀ же тебѣ еще надо? — сказала Флора. — Ты получишь болѣе крупные, чѣмъ у фіалки цвѣты, будешь цвѣсти дольше ея — развѣ тебѣ этого не достаточно?

— Нѣтъ, Флора, если уже ты ко мнѣ такъ милостива, то дай мнѣ еще имя — какое-нибудь названіе. Вѣдь безъ имени я все равно, что̀ бродяга.

Вмѣсто того, чтобы разсердиться, Флора только улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она: — это довольно легко, — ты будешь называться Pervinca (побѣдительная), отъ латинскаго глагола «побѣждаю», такъ какъ ты хочешь во что бы то ни стало побѣдить болѣе скромную и красивую

твою сосѣдку. Пусть же имя твое будетъ выраженіемъ твоего завистливаго характера.

И вотъ съ этого-то времени нашъ барвинокъ и носитъ названіе Pervinca или Vinca, которое затѣмъ перешло и въ науку.

Укажемъ еще, что барвинокъ игралъ нѣкоторую роль и въ вѣрованіяхъ славянскихъ народовъ, а частью также и нашихъ предковъ. Такъ, Аѳонасьевъ, сообщая въ своихъ «Воззрѣніяхъ славянъ на природу» о томъ, какъ въ славянскихъ сказаніяхъ иногда цвѣты и растенія, выростающіе изъ зарытаго трупа убитыхъ, повѣдаютъ о совершенныхъ преступленіяхъ, приводитъ примѣромъ карпатскую колядку, гдѣ божье дерево, мята и барвинокъ выросли изъ пепла трехъ сиротъ, убитыхъ и сожженныхъ злой мачихой за то, что они не устерегли золотой ряски на конопелькахъ. Про мачиху эту въ колядкѣ дѣти-покойники говорятъ:

„Она насъ спалитъ (сожгла) на дрибній попелець (мелкій пепелъ).
Онъ насъ посіе (посѣяла) въ загородойци (въ огородѣ).
Та з'насъ ся вродитъ (выросла) трояка зильля (растеніе).
Перше (первое) зилейко—бижчедеревочокъ (божье дерево),
Друге зилейко—крутая мята,
Трете зилейко—зеленій барвинокъ".

Нѣчто подобное поется также и въ малороссской пѣснѣ, приводимой въ сборникѣ Мордовцева. Въ пѣснѣ этой говорится:

«Иване! посѣку (изрублю) тебя, какъ капусту, посѣю въ трехъ огородахъ, и уродится три зельечка: барвинокъ, любистокъ и василекъ».

Наконецъ, барвинокъ игралъ, да и до сихъ поръ играетъ, еще немалую роль и въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ—въ печеніи такъ-называемаго свадебнаго коровая. Любыпытное печеніе этого каравая, по словамъ Маркевича, производится родственниками жениха за день до свадьбы въ его домѣ. Коровай печется изъ двухъ сортовъ муки: изъ пшеничной и ржаной. При этомъ изъ первой дѣлается только самый пирогъ, а изъ ржаной—его дно, нижняя корка. Размѣсивъ пшеничное тѣсто, коровайницы начинаютъ пѣть:

„Засвити Боже изъ раю
Нашему короваю,
Щобъ було выднесенько (видно)
Краяты (рѣзать) дробнисенько (помельче), и т. д."

Во время пѣнія онѣ лѣпятъ изъ пшеничнаго тѣста шишки и птички. Птички прикрѣпляются къ пирогу по-

парно съ припѣвомъ: «Дай Боже, чтобъ наши диты (дѣти) въ пары булы (были подъ пару)». Затѣмъ, когда настанетъ время садить коровай въ печь, то коровайницы идутъ приглашать къ себѣ на помощь какого-нибудь мужчину, которому даютъ названіе «кучеряваго», и приказываютъ ему выместь печь и посадить въ нее коровай. Кучерявый исполняетъ ихъ приказаніе, а затѣмъ кричитъ: «Жонки (бабы), идите до дижи (къ квашнѣ)!»

Тогда бабы берутъ дижу, въ которой мѣсился коровай, начинаютъ носить ее по всей избѣ, поднимаютъ ее надъ головами и ударяютъ ею три раза въ сволокъ, припѣвая вмѣстѣ съ кучерявымъ:

„Ой пичь (печь), пичь на стовпахъ (столбахъ),
Да дижу носятъ на рукахъ,
Наша пече, наша пече,
Намъ спечи (спеки) коровай
Грече".

Потомъ всѣ кричатъ: «Да цѣлуйтеся, да милуйтеся», и коровайницы начинаютъ обнимать и цѣловать кучеряваго.

Тѣмъ временемъ распорядительница (мать жениха) приноситъ закуску и горилку (водку), сажаетъ за столъ и угощаетъ, пока печется коровай. Когда же онъ испечется, то всѣ, вставъ изъ за стола и помолясь Богу, вынимаютъ его изъ печи, обертываютъ длиннымъ рушникомъ (полотенцемъ) и ставятъ на столъ.

Въ это время приходитъ невѣста съ подружками и начинаетъ вильце вить.

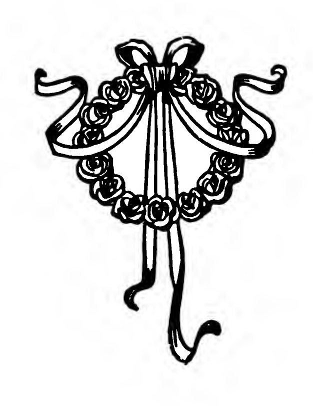
Вильце вить значитъ завивать деревцо — обычай, въ которомъ играетъ роль и нашъ барвинокъ. Женихъ вырубаетъ молодую сосенку или вишню и приглашаетъ себѣ на подмогу товарища или родственника, который получаетъ названіе «боярина». Бояринъ вноситъ это деревцо въ избу и, величая его вильцемъ, втыкаетъ въ коровай. Тогда невѣста испросивъ благословеніе, садится съ подругами за столъ и начинаетъ вить съ ними изъ барвинка гирлянды и букетики и украшать ими деревцо, Свивая гирлянды, подружки поютъ:

„Благословы Боже,
Благословы Боже,
Намъ вилечко звыты,
Сей домъ звеселиты;
Ой мы вильце вылы,
Да мы меду не пылы,
Да все тее пыво
Зеленее выно (вино)".

Если же нѣтъ барвинка, то плетутъ гирлянды изъ калины, а иногда даже изъ разныхъ цвѣтныхъ бумажекъ; но барвинокъ предпочитаютъ всему, какъ символъ прочнаго, вѣчнаго...

Во время плетенія гирляндъ молодая, для подкрѣпленія силъ своихъ подругъ, подноситъ имъ меду, а если меду нѣтъ, то по чаркѣ горилки. Свивъ вильце въ домѣ жениха, всѣ отправляются вить такое же вильце въ домъ невѣсты.

Въ день свадьбы коровай съ разукрашеннымъ вильцемъ ставится на парадномъ столѣ и разрѣзается на столько кусковъ, сколько присутствующихъ, чтобы каждому изъ гостей досталось непремѣнно по куску. Вотъ почему въ пѣснѣ, при замѣшиваніи тѣста коровая, и поется: «Помоги, Боже, нарѣзать коровай помельче».

Любимецъ Японіи, цвѣтокъ смерти—хризантемъ.

Немного можно назвать цвѣтовъ, которые такъ быстро и такъ прочно завоевали бы себѣ симпатіи публики и садоводовъ, какъ японскій хризантемъ. Вспомните, давно ли еще хризантемъ былъ только любимымъ цвѣткомъ Китая и Японіи и имѣлся у насъ лишь въ видѣ двухъ-трехъ сортовъ? А теперь какихъ-какихъ только формъ, цвѣтовъ и видовъ его вы уже не встрѣтите!

То цвѣты его завиты, какъ кудри, то плоски, какъ у астры, то мохнаты, то щетинисты, то крошечны, какъ пуговки, то громадны, какъ подсолнухъ, словомъ, разнообразны безъ конца.

Окраска ихъ, правда, довольно скромная, граничащая между желтовато-бѣлымъ и темнымъ красно-коричневымъ цвѣтами, но зато оттѣнки и переливы ихъ необычайно разнообразны. Тутъ встрѣчаются и палевые, и соломенно-желтые, и розоватые, и коричневатые, и бурые, и темно-красные и такъ безъ конца...

Хризантемъ—любимецъ Японіи, гдѣ его культивируютъ съ незапамятныхъ временъ. Это цвѣтокъ національный, которымъ увлекается все народонаселеніе, начиная съ микадо и кончая послѣднимъ, представляющимъ изъ себя человѣка-лошадь, джинрикшей.

Изображеніе его священно, и правомъ носить матерію съ его рисункомъ, на основаніи государственныхъ законовъ, пользуются только члены императорскаго дома. Остальные же смертные, въ случаѣ нарушенія этого закона, караются смертной казнью.

Смертной же казнью карается и всякая попытка изображать эту эмблему японской имперіи и символъ императорской власти, а потому къ изображенію его японское правительство прибѣгаетъ иногда даже и для воспрепятствованія поддѣлки правительственныхъ денежныхъ знаковъ.

Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, директоръ правительственной типографіи государственныхъ почтовыхъ марокъ прибѣгъ къ изображенію хризантема, съ цѣлью воспрепятствованія фабрикаціи старинныхъ почтовыхъ марокъ, которыя пріобрѣтали охотно за большія деньги иностранные собиратели коллекцій. Но хитрые поддѣлыватели обошли его.

Какъ извѣстно, силой правительственной защиты пользуется только символическій хризантемъ (златоцвѣтъ) въ 16 лепестковъ. Японскіе же художники, очень хитрые и ловкіе въ подражаніи, воспроизвели въ совершенствѣ цѣлую серію старинныхъ почтовыхъ марокъ, но изображали цвѣтокъ только съ 14 и 15 лепестками. Имѣй цвѣтокъ 16 лепестковъ, поддѣлывателямъ угрожала бы участь подвергнуться харакири, а за хризантемы съ меньшимъ или большимъ числомъ лепестковъ ихъ никто не имѣетъ права преслѣдовать, и они преспокойно продолжаютъ сбывать за хорошія деньги свои поддѣльныя марки неопытнымъ любителямъ.

Что̀ касается поддѣлки настоящаго государственнаго 16-ти лепестнаго хризантема, то японцы, строго соблюдая и уважая всѣ законы своей страны, даже и не старались никогда его воспроизводить; по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени не было даже и примѣра подобной попытки. Изображеніе же этого цвѣтка помѣщается на національномъ флагѣ, на монетахъ и на высшемъ японскомъ орденѣ, который даже и носитъ названіе ордена хризантема.

Причину такого высокаго почитанія японцами этого цвѣтка разъясняетъ намъ лучше всего самое его названіе: «кику» (солнце). Онъ является у нихъ символомъ этого, дающаго всему жизнь на землѣ, свѣтила.

Такимъ символомъ власти хризантемъ началъ пользоваться въ Японіи, повидимому, очень давно, еще въ XII столѣтіи, чему доказательствомъ служитъ первое изображеніе его на клинкѣ сабли царствовавшаго въ это время микадо.

Вмѣстѣ съ цвѣткомъ этимъ связанъ въ Японіи одинъ изъ самыхъ любимыхъ національныхъ народныхъ праздниковъ — праздникъ хризантема.

Въ поясненіе такого рода празднества надо прежде всего сказать, что, какъ извѣстно, въ Японіи и Китаѣ нѣтъ воскресеній, и потому будни, рабочіе дни, должны были бы слѣдовать безпрерывно въ томительномъ однообразіи круглый годъ, не создай самъ себѣ народъ праздниковъ, которые нарушили бы это однообразіе и внесли бы въ жизнь нѣкоторую долю веселья.

И вотъ среди такого рода празднествъ первое мѣсто у японцевъ занимаютъ цвѣточные праздники.

Въ февралѣ устраиваются такіе праздники по случаю цвѣтенія сливъ, въ мартѣ — цвѣтенія персиковъ, въ апрѣлѣ — вишенъ, въ маѣ — извѣстнаго у насъ болѣе подъ названіемъ глицины, растенія вистаріи, и сабельника, въ іюнѣ — вьюнковъ и піоновъ, въ октябрѣ — интересующаго насъ хризантема; а осенью также народъ бросаетъ работу и бѣжитъ любоваться краснѣющей и желтѣющей листвой японскихъ кленовъ.

Наибольшей роскошью и прелестью отличаются весенній праздникъ — цвѣтенія вишенъ и осенній праздникъ — цвѣтенія хризантемовъ.

Этотъ послѣдній справляется уже съ незапамятныхъ временъ и привлекалъ къ себѣ всегда всеобщее вниманіе. Въ незапамятныя еще времена народъ собирался въ эти дни толпами, рвалъ эти прелестные цвѣты и украшалъ ими свои жилища, а знатные люди катались на изукрашенныхъ хризантемами лодкахъ, при звукахъ музыки, пѣнія и чтенія китайскихъ и японскихъ стихотвореній, въ сочиненіи которыхъ состязались лучшіе поэты того времени.

Стихотворенія эти писались и пишутся тушью на длинныхъ бумажныхъ полосахъ и приклеиваются къ деревьямъ; такъ что ихъ не только читаютъ люди, но даже и самый вѣтеръ какъ бы разноситъ вѣсть о нихъ по свѣту.

Праздникъ этотъ справляется торжественно и понынѣ, и притомъ не только народомъ, для котораго устраиваютъ въ разныхъ городахъ спеціальныя выставки роскошнѣйшихъ хризантемовъ, но и при дворѣ самого императора.

Современные хроникеры разсказываютъ, что теперь приглашенные императоромъ должны являться непремѣнно во фракѣ и въ цилиндрѣ. Всѣ собираются въ построенномъ въ древнеяпонскомъ стилѣ дворцѣ Данго-Цака, передвижныя стѣнки и покрывающія полы цыновки котораго представляютъ удивительно странный контрастъ со всѣми

этими европеизированными костюмами. Масса публики наполняетъ гроты, аллеи и кіоски обширнаго парка.

Раздаются звуки японскаго марша, и появляется окруженный своей свитой императоръ; за нимъ слѣдуетъ императрица со своими придворными дамами. Микадо обходитъ ряды приглашенныхъ, подаетъ каждому руку и обращается съ нѣсколькими милостивыми словами, но говоритъ такъ тихо, что его едва могутъ слышать даже и наиболѣе близко находящіеся.

Послѣ этого привѣтствія императоръ, въ сопровожденіи всѣхъ приглашенныхъ, отправляется въ оранжереи, гдѣ выставлены богатѣйшія коллекціи выведенныхъ за лѣто хризантемовъ.

Среди нихъ встрѣчаются небольшіе экземпляры, залитые сплошь цвѣтами, такъ какъ количество распустившихся на нихъ цвѣтовъ доходитъ нерѣдко до 800 и болѣе штукъ.

Замѣчательны и необычайно красивы сдѣланныя изъ этихъ цвѣтовъ группы людей и даже цѣлыя, изображающія драматическіе моменты, сцены.

Описать эти удивительныя, полныя движенія, группы людей изъ цвѣтовъ нѣтъ никакой возможности. Это какое-то удивительное, выходящее изъ ряду вонъ искусство, о которомъ европейцы не имѣютъ и понятія.

«Необычайно трудно, почти невозможно, говоритъ нѣмецкій корреспондентъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, дать европейскимъ читателямъ описаніе этихъ, если такъ можно выразиться, живыхъ картинъ изъ цвѣтовъ.

Конечно, и у насъ дѣлаютъ изъ цвѣтовъ на клумбахъ надписи, портреты, государственные гербы, геометрическія фигуры и фигуры животныхъ, иногда даже выпуклыя, выдѣляющіяся надъ общимъ фономъ, подобно какимъ-то изваяніямъ; дѣлаютъ, вырѣзая изъ самшитовъ и другихъ мелколиственныхъ кустарниковъ, фигуры людей, львовъ, драконовъ, вообще разнаго рода какъ живущихъ, такъ и миѳическихъ существъ, но все это — дѣтская забава въ сравненіи съ поразительнымъ искусствомъ японскихъ садоводовъ и съ необычайнымъ вкусомъ группировки цвѣточныхъ фигуръ, выставляемыхъ въ этотъ день въ паркѣ Данго-Цака.

Тутъ вы видите сцены битвъ, въ которыхъ кровь льется ручьемъ, обагряя (эти сцены большею частью изображаютъ зимній ландшафтъ) покрывающій почву снѣгъ; лошади и всадники изображены, какъ живые; корабли съ развѣвающимися парусами такъ и плы-

вутъ; герои, побѣждающіе вылѣзающихъ изъ расщелинъ скалъ чудовищъ, полны движенія; храмы, дворцы, изогнутые мосты, пѣнящіеся водопады и т. п., — все это такъ натурально, такъ естественно, что невольно забываешь, что они сдѣланы изъ цвѣтовъ».

Конечно, не все въ этихъ фигурахъ изъ цвѣтовъ: всѣ видимыя части тѣла, лицо, руки и ноги сдѣланы изъ особаго рода, наложеннаго на дерево папье-маше, которое притомъ такъ тонко и искусно выработано, выраженіе сдѣланныхъ изъ него лицъ такъ живо, что никакія наши восковыя фигуры не могутъ съ нимъ сравниться.

Мечи и другія принадлежности фигуръ, деревянныя части домовъ и т. п., а равно и скалы — сдѣланы обыкновенно изъ соотвѣтствующаго матеріала; но встрѣчаются корабли и лошади, быки мостовъ, входы въ храмъ, скалы и водопады, сдѣланные и прямо изъ хризантемовъ. Послѣднее, конечно, является апогеемъ искусства японскихъ садоводовъ, такъ какъ здѣсь цвѣты подбираются такимъ образомъ, чтобы передать всѣ оттѣнки освѣщенія, всѣ малѣйшія характерныя подробности рисунка.

Самое поразительное однако во всѣхъ этихъ изображеніяхъ, это — платье фигуръ, составленное всегда только изъ цвѣтовъ. Какія тутъ сочетанія красокъ, какая изящность, какое разнообразіе рисунка, изображающихъ его матерій — это не поддается никакому описанію.

Основу этихъ платьевъ составляютъ бамбуки, въ которые вплетаются не срѣзанные хризантемы, а находящіеся еще на своемъ кустарникѣ, такъ что они продолжаютъ и расти и цвѣсти. И всѣ эти широкія, раздувающіяся, съ ихъ складчатыми рукавами, кимоно такъ удивительно изображены, такъ естественно изгибаются на поставленныхъ часто въ необычайно трудныя позы фигурахъ, что пораженный зритель почти забываетъ, что они сдѣланы только изъ живыхъ цвѣтовъ.

Вообще, въ изображеніяхъ этихъ, полныхъ жизни и движенія, сценъ японскіе художники-садоводы сумѣли соединить такое сочетаніе природы съ искусствомъ, которому подобнаго у насъ еще не существуетъ, а потому вполнѣ понятно, почему выставка императорскихъ хризантемовъ производитъ глубокое впечатлѣніе не только на однихъ японцевъ, но и на всѣхъ, имѣвшихъ случай ее видѣть, европейцевъ. Понятно также, почему эти цвѣты такъ интересуютъ и самого императора.

Но такія интересныя картины, сдѣланныя изъ цвѣтовъ хризантемовъ, показываются не только на императорскихъ выставкахъ въ Данго-Цакѣ. Ихъ можно видѣть въ это время и на частныхъ выставкахъ во многихъ другихъ японскихъ городахъ и даже нѣкоторыхъ, славящихся своимъ садоводствомъ, японскихъ деревушкахъ. Только тамъ фигуры дѣлаются обыкновенно изъ дерева и слоя глины, въ который втыкаются цвѣты. При этомъ и здѣсь изображаютъ также фигуры и сцены, но только, конечно, сюжеты берутся уже не столь драматическіе, а болѣе изъ обыденной жизни, гдѣ не требуется такой тонкой художественности въ экспрессіи лицъ и позъ дѣйствующихъ персонажей.

Здѣсь вы видите, напр., какого-нибудь торговца съ его товаромъ, продавщицу чая, группу женщинъ, сидящихъ въ саду и готовящихъ чай; удящихъ или кормящихъ рыбу дѣтей и т. п. Тѣмъ не менѣе и тутъ, какъ на императорскихъ выставкахъ, особенную прелесть представляетъ группировка и подборъ красокъ цвѣтовъ для изображенія рисунка матеріи платьевъ. Всѣ фигуры сдѣланы въ натуральную величину и помѣщены въ небольшихъ балаганахъ, куда народъ собирается ихъ смотрѣть, платя нѣсколько грошей за входъ. И публики бываетъ всегда такъ много, что въ балаганѣ едва можно умѣститься.

Обыкновенно родиной хризантемовъ считаютъ Китай, откуда онъ перенесенъ былъ въ Японію и гдѣ настолько акклиматизовался, что сдѣлался совсѣмъ туземнымъ.

Но существуетъ и обратное мнѣніе. Говорятъ, что онъ сначала былъ въ Японіи, а оттуда былъ перенесенъ въ Китай.

Мнѣніе это поддерживаетъ слѣдующее легендарное сказаніе.

Разсказываютъ, что въ 246 году до Р. Х. правилъ въ Китаѣ какой-то очень жестокій императоръ, который, будто, узналъ, что на берегахъ одного изъ близкихъ острововъ растетъ растеніе, изъ сока котораго можно приготовлять жизненный элексиръ. Но для того, чтобы элексиръ не потерялъ свою чудодѣйственную силу, необходимо, чтобы растеніе было сорвано человѣкомъ съ чистымъ сердцемъ.

Ясно, что ни самъ императоръ не могъ исполнить этого и не могъ довѣрить его исполненіе никому изъ своихъ придворныхъ.

Тогда одинъ изъ приближенныхъ врачей сдѣлалъ ему такое предложеніе: набрать 300 молодыхъ людей и моло-

дыхъ дѣвушекъ и послать ихъ на островъ за этимъ растеніемъ — навѣрное, среди нихъ найдется немало людей съ чистымъ сердцемъ. Императоръ одобрилъ планъ и экспедиція отправилась на островъ, гдѣ теперь Японія.

Нашли ли они растеніе — неизвѣстно, но отправленныя джонки, такъ и не возвратились, а императоръ умеръ.

Однако говорятъ, что врачъ, вмѣсто того, чтобы искать растеніе, увлекся разными веселыми приключеніями и, если, можетъ быть, и нашелъ растеніе и приготовилъ изъ него знаменитый элексиръ, то развѣ только для себя лично.

Перевезенная же молодежь, какъ цвѣтъ китайскаго народа, положила основаніе на островахъ новому сильному крѣпкому государству, во главѣ котораго сталъ, будто, опять таки тотъ же отправленный за растеніемъ врачъ.

Не менѣе любимъ хризантемъ и въ Китаѣ, гдѣ вообще любовь къ цвѣтамъ, особенно у женщинъ, необычайно распространена. Китаянка считаетъ свой костюмъ неполнымъ, если она не украситъ своихъ черныхъ, блестящихъ, какъ смоль, волосъ цвѣткомъ, и потому, если невозможно достать живого, она пользуется искусственнымъ. Единственныя женщины, которымъ не полагается въ Китаѣ носить цвѣты, это — вдовы моложе сорока лѣтъ, но по достиженіи ими этого возраста обычное украшеніе цвѣтами и имъ разрѣшается. Добавимъ кстати, что у японокъ, наоборотъ, ношеніе цвѣтовъ въ волосахъ считается неприличнымъ, и надѣвать ихъ разрѣшается въ Японіи только дѣтямъ. Если же японкѣ нужно почему-либо украсить голову цвѣтами, то употребляются только искусственные.

Въ Китаѣ хризантемъ является наиболѣе любимымъ цвѣткомъ послѣ піона, и его именемъ обозначается даже девятый мѣсяцъ китайскаго года. Ему же посвященъ и девятый день этого мѣсяца. Сорванный въ этотъ день, онъ пріобрѣтаетъ, по народному повѣрью, особую магическую силу. Вмѣстѣ съ сосновой смолой его перерабатываютъ въ таинственное средство, употребленіе котораго предохраняетъ отъ старости.

Въ Чемгу, главномъ городѣ Сечуена, находится храмъ съ изображеніемъ генія, хранителя хризантемовъ. Онъ представленъ въ образѣ молодой дѣвушки, выпившей вина съ цвѣткомъ хризантема и сдѣлавшейся вслѣдствіе этого безсмертной.

Изъ цвѣтовъ же хризантема китайцы готовятъ еще очень вкусный дессертъ, подаваемый не только въ китайскихъ ресторанахъ, но и въ частныхъ домахъ. Дессертъ этотъ представляетъ собой родъ компота и приготовляется, по словамъ французской газеты «Gaulois», слѣдующимъ образомъ.

Берутъ свѣжій цвѣтокъ, старательно обмываютъ его, отдѣляютъ его лепестки и окунаютъ ихъ въ смѣсь битыхъ яицъ и муки; затѣмъ вынимаютъ ихъ, обмакиваютъ быстро въ горячее масло, раскладываютъ на полминуты на бумагу, чтобы она впитала въ себя излишекъ масла, посыпаютъ ихъ сахаромъ и подаютъ.

Кушанье это, напоминающее намъ нѣсколько прекрасное пирожное, приготовляемое часто въ Малороссіи изъ цвѣтовъ рябины, какъ говорятъ, очень вкусно и теперь вошло въ такую моду въ Нью-Іоркѣ, что китайскіе рестораны тамъ всегда наполнены американцами и вообще не-китайцами, приходящими туда, чтобы полакомиться этимъ дессертомъ.

Въ Европу хризантемъ былъ впервые ввезенъ въ Англію еще въ XVII столѣтіи (1676 году) голландцемъ Рееде, но, повидимому, оставался только тамъ и сдѣлался извѣстенъ лишь немногимъ. Настоящимъ же годомъ ввоза его въ Европу надо считать 1789-й, когда капитанъ Пьеръ Бланшаръ привезъ его въ Марсель. Привезенные имъ тогда цвѣты были, конечно, не тѣ изящные, роскошные сорта, которые мы видимъ теперь, но принадлежали самому простому ромашкообразному виду, а потому и не обратили на себя почти никакого вниманія.

Но уже въ 1829 году тулузскій садовникъ Берне началъ производить опыты разведенія его изъ сѣмянъ и получилъ нѣсколько новыхъ, красиво окрашенныхъ, разновидностей. Тогда примѣру его не замедлили послѣдовать и другіе садоводы. Успѣхъ былъ значительный, и уже въ 50-хъ годахъ имѣлось около 300 его разновидностей, отличавшихся не только окраской, но и формой цвѣтовъ.

Однако, прошло еще около полустолѣтія, пока цвѣтокъ этотъ, достигнувъ выдающейся красоты, вошелъ у насъ въ моду и сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ зимнихъ цвѣтовъ. Позднее его цвѣтеніе, и притомъ какъ разъ въ то время, когда у насъ почти не бываетъ цвѣтовъ, конечно, также не мало содѣйствовало этому обстоятельству. Теперь, какъ уже сказано выше, онъ вошелъ въ такой почетъ, что ежегодно осенью въ Парижѣ, Лондонѣ и во многихъ городахъ Германіи устраиваются цѣ-

лыя спеціальныя выставки хризантемовъ, гдѣ платятъ за наиболѣе оригинальные хризантемы громадныя деньги.

Изъ европейцевъ особенно увлекаются хризантемами англичане, и теперь въ Англіи нѣтъ почти сада, гдѣ бы вы не встрѣтили этого цвѣтка. Цвѣты эти прекрасно выносятъ англійскіе туманы и цвѣтутъ даже до наступленія легкихъ заморозковъ.

Англичане увлекались ими даже тогда, когда въ остальной Европѣ на нихъ еще почти совсѣмъ не обращали вниманія, и примѣромъ этому можетъ служить празднованіе въ Хрустальномъ дворцѣ въ Лондонѣ въ 1859 году рожденія Шиллера, гдѣ бюстъ этого великаго писателя былъ окруженъ тысячами хризантемовъ самыхъ разнообразныхъ формъ и цвѣта, какіе тогда только существовали.

Въ Европѣ хризантемы являются не столько цвѣтами для букетовъ и украшеній, сколько цвѣтами похоронными. Служа какъ бы символомъ безмолвной глубокой печали, они возлагаются, особенно парижанами, на гробъ покойника. Сдѣланные изъ нихъ вѣнки, просто срѣзанные ихъ цвѣты, а иногда даже и прямо цвѣтущія ихъ растенія въ горшкахъ разставляются вокругъ гроба, кладутся на гробъ и на могилу. Такую же роль они часто играютъ и у итальянцевъ. Вотъ почему, вѣроятно, Мантегацца считаетъ ихъ цвѣтами мертвыхъ и разсказываетъ о ихъ происхожденіи такое грустное преданіе.

«Жила-была, — говоритъ онъ, — много лѣтъ тому назадъ въ одномъ итальянскомъ городкѣ бѣдная женщина. Мужъ ея былъ страшный пьяница, который только и дѣлалъ, что пропивалъ то, что̀ зарабатывалъ, и она одна должна была выбиваться изъ силъ, чтобы добывать хлѣбъ для пропитанія. Но у нея было одно скрашивавшее всю ея горькую жизнь и дававшее ей силу бороться утѣшеніе — малютка Пьеррино. Она только для него и жила, только имъ и дышала. Злая судьба, однако, преслѣдовала ее. Ребенокъ заболѣлъ и умеръ. Въ минуту отчаянія несчастная женщина хотѣла-было лишить себя жизни, но сосѣдки удержали ее; затѣмъ она схватила горячку; ее отвезли въ больницу, и два мѣсяца она находилась между жизнью и смертью. Она выздоровѣла, и постепенно время залѣчило ея душевную рану.

Она возвратилась къ мужу, и опять потянулась ея горькая, безпросвѣтная жизнь... Съ нею не было ея дорогого мальчика, но она жила скорбью, жила воспоминаніемъ о его смерти. И цѣлью всей ея жизни, цѣлью всѣхъ ея страстныхъ желаній — являлась мечта пойти

въ Воскресенье на его могилку и скопить столько денегъ, чтобы купить ему желѣзный крестъ. Она продала для этого свои завѣтныя серьги, продала вѣнчальное кольцо, но денегъ все не хватало. Этотъ чудный, покрытый лакомъ и эмалью, крестъ былъ ея мечтой. И она работала и работала, копила и копила деньги...

А тѣмъ временемъ каждое Воскресенье, каждый праздникъ она ходила на дорогую могилку и украшала ее собранными по дорогѣ полевыми цвѣтами, которые, казалось ей, служили общеніемъ между нею и душой дорогого ея ребенка.

Но настали холода, и полевые цвѣты замерзли, на покупку же въ магазинѣ цвѣтовъ у нея не было средствъ. Она просила продать ей въ разсрочку, обѣщая аккуратно платить, но безжалостные продавцы пожимали только плечами; съ той же просьбой она обращалась къ богатымъ людямъ, но и тѣ тоже не вняли ея мольбамъ, и съ отчаяніемъ въ душѣ шла она на могилку, а оттуда домой.

И вотъ, возвращаясь однажды домой, она вдругъ вспомнила, что у нея на комодѣ стоитъ букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, завѣщанныхъ ей покойной матерью. Букетъ этотъ былъ подаренъ матери ея мужемъ въ день свадьбы и приносилъ ей всю жизнь счастье. А потому, умирая, она передала его своей дочери, наказавъ беречь и хранить его и никогда никому не отдавать, такъ какъ въ немъ залогъ счастья.

Вотъ объ этомъ-то букетѣ бѣдная женщина и вспомнила теперь и рѣшила, несмотря на просьбу матери никому не отдавать, все-таки снести его на могилку своего дорогого Пьеррино и посадить вмѣсто полевыхъ цвѣтовъ.

Прикрывъ букетъ платкомъ и стыдясь богачей, принесшихъ чудные живые цвѣты на могилы своихъ родственниковъ, она донесла его до могилки, положила на нее и, заливаясь слезами, молила у матери прощенія, что поступила вопреки ея волѣ.

Горючими слезами она оросила и букетъ, и могилку, и горячо молилась Творцу, Цѣлителю душевныхъ скорбей и Утѣшителю всѣхъ скорбящихъ. Молясь, она припадала къ землѣ, и ея распущенные волосы прикрывали почти всю могилку.

И вдругъ, приподнявъ голову, ее поразило необычайное чудо: вся могила была покрыта великолѣпными, всѣхъ цвѣтовъ, живыми хризантемами, и несшійся отъ нихъ горьковатый запахъ какъ бы говорилъ, что они

посвящены печали и смерти. Кто ихъ посадилъ сюда, откуда они взялись—несчастная женщина не могла понять, тѣмъ болѣе, что букетъ искусственныхъ полинялыхъ цвѣтовъ лежалъ между ними...

«И съ тѣхъ поръ,—заканчиваетъ свой разсказъ Мантегацца,—ежегодно цвѣтутъ на могилѣ, вокругъ воздвигнутаго наконецъ прекраснаго желѣзнаго креста, эти дивные хризантемы, а бѣдная мать льетъ слезы радости, вѣритъ и надѣется...»

Недавно минуло столѣтіе введенія культуры этихъ цвѣтовъ въ Европѣ, и юбилей этотъ былъ отпразднованъ роскошнѣйшимъ образомъ, особенно въ Парижѣ. Здѣсь была устроена по этому поводу богатѣйшая выставка ихъ разновидностей, начиная отъ самыхъ старыхъ, первоначальныхъ видовъ и кончая послѣдней новостью. За выдающіеся по красотѣ и величинѣ экземпляры назначены были почетныя награды, денежныя преміи и медали какъ отъ различныхъ обществъ, такъ и отъ Парижа.

Было выставлено болѣе 1.200 выдающихся по красотѣ цвѣтовъ, которые были разбиты на группы и, размѣщенные среди зелени, образовывали замѣчательно красивый пестрый коверъ. Другая же часть хризантемовъ была разставлена въ высокихъ бокалахъ и представляла собою какъ бы кайму этого ковра.

Цвѣты эти принадлежали 80 конкурентамъ. Самымъ крупнымъ оказался сортъ «Валлисъ», цвѣтокъ котораго имѣлъ 41 сант. (болѣе ½ арш.) въ діаметрѣ, и ему была присуждена премія 1.200 фр., а самыми красивыми и изящными цвѣтами—«г-жа Кова дю Террай» и «г-нъ Чурчъ». Имъ присуждены были тоже очень крупныя награды.

Интересно, какія пришлось принимать предосторожности, чтобы доставить въ полной сохранности эти присылавшіеся со всѣхъ концовъ Европы срѣзанные цвѣты, такъ какъ малѣйшая порча цвѣтка, малѣйшій недостатокъ служили поводомъ къ недопущенію его на конкурсъ. Каждый цвѣтокъ обертывался въ большой листъ папиросной бумаги, лепестки его искусно приподымались, а стебель окутывался кускомъ намоченной ваты и прикрывался, ради сохраненія влажности, пергаментной бумагой или гуттаперчей.

Присланные въ такомъ видѣ экземпляры оказались вполнѣ безупречными. Тѣ же, у которыхъ вата была замѣнена мохомъ, и которые не были обернуты въ пергаментъ, прибыли большею частью попорченными.

Говоря, однако, о европейскихъ гибридахъ хризантемовъ, надо сказать, что онѣ были чрезвычайно разнообразны въ Японіи уже и въ очень отдаленныя отъ насъ времена.

Такъ, еще въ вышедшей въ Кіото въ 1496 году книгѣ помѣщено болѣе ста разновидностей, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга и формой цвѣтка, и окраской. Только, къ прискорбію, такъ какъ въ это время въ Японіи еще не знали печатать рисунки красками, то окраска цвѣтовъ описана словами. Тѣмъ не менѣе среди нихъ имѣются уже многія, которыхъ теперь считаютъ выведенными въ Европѣ и потому даются имъ новыя названія. Хризантемы эти всегда очень красивы и очень поэтично названы. Такъ, однихъ они называютъ утренней зарей, вечернимъ заходомъ солнца, сѣвернымъ ливнемъ, туманнымъ утромъ, другихъ — львиной гривой, тысячью журавлей, блескомъ меча и т. д.

Въ заключеніе скажемъ, что въ настоящее время увлеченіе любителей и садоводовъ этимъ цвѣткомъ такъ велико, что, подобно тому, какъ это дѣлается для розъ и орхидей, — во Франціи издается даже особый, посвященный спеціально только ему журналъ, носящій названіе «Le Chrysantème».

«Хризантемы, — говоритъ о нихъ французскій академикъ Жюль Кларти, — это — вѣнецъ года, цвѣты безъ запаха, мрачная окраска которыхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ печальному времени года, когда они расцвѣтаютъ; это — цвѣты кладбищъ, цвѣты могилъ!

«Дѣти чужой земли, культивированныя нашими садоводами, которые дѣлаютъ изъ нихъ родъ садовыхъ медузъ съ всклокоченными волосами и вѣющей холодомъ формой, — они сдѣлались, въ ущербъ пылкой розѣ и скромной фіалкѣ, любимцами моды, и любители ихъ теперь такъ же многочисленны, какъ и любители орхидей.

«Страсть къ этимъ, странной, вычурной формы, цвѣтамъ и охлажденіе и пренебреженіе къ изящнымъ — являются признаками нашего времени. Мнѣ вполнѣ понятны привлекательность фантастичныхъ формъ орхидей и болѣзненная, если можно такъ выразиться, прелесть блѣдно-желтыхъ, свѣтло-коричневыхъ, нѣжно-фіолетовыхъ и выцвѣтшихъ сиреневыхъ тоновъ хризантемовъ. Эти торжествующіе нынѣ цвѣты соотвѣтствуютъ современнымъ настроеніямъ духа многихъ лицъ. То, чтó просто, ясно — большею частью уже не увлекаетъ въ настоящее время. Теперь болѣе необходимы — жгучесть, острота въ приправѣ и черствость, холодность для глазъ».

Цвѣтокъ грёзъ и курильщиковъ опія — макъ.

Кому приходилось бывать на югѣ Россіи и видѣть хлѣбныя поля, усѣянныя, какъ огоньками, безчисленными ярко-красными цвѣтами мака, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится со мной, что это одна изъ прелестнѣйшихъ сельскихъ картинъ, какую можно себѣ только представить.

Не мудрено поэтому, что макъ-самосѣйка (Papaver rhoeas), какъ называютъ въ наукѣ этотъ видъ мака, привлекалъ къ себѣ уже въ древности вниманіе человѣка.

Уже древне-греческія дѣвушки полюбили его яркіе цвѣты, обрывали ихъ атласистые лепестки и, положивъ ихъ на образованный согнутыми большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки кругъ, ударяли по нимъ изо всей силы ладонью правой руки. Ударъ сопровождался болѣе или менѣе громкимъ шумомъ, лепестокъ разрывался, и по силѣ треска молодыя гречанки опредѣляли, какъ сильно влюбленъ въ нихъ ихъ возлюбленный.

Игра эта называлась у нихъ игрой въ любовь, а самый выдававшій, такъ сказать, сердечную тайну, цвѣтокъ носилъ названіе *dylephilon* — любовнаго шпіона.

Отъ древнихъ грековъ игра эта перешла сначала къ древнимъ римлянамъ, а отъ нихъ главнымъ образомъ и къ итальянцамъ, у которыхъ существуетъ и до сихъ поръ. Я говорю «главнымъ образомъ» потому, что отголоски ея сохранились также и въ Германіи, гдѣ макъ часто поэтому называютъ розой-хлопушкой (Klatschrose)

и гдѣ игра эта также всюду практикуется, но только потеряла уже свое гадательное значеніе и служитъ лишь забавой для дѣтей.

Еще болѣе эта игра измѣнилась во Франціи. Здѣсь дѣти играютъ маковыми цвѣтами, не столько употребляя ихъ лепестки въ качествѣ хлопушекъ, сколько дѣлая изъ нихъ родъ куколокъ. Чтобы сдѣлать такую куколку, лепестки мака отгибать книзу и связываютъ травинкой. Тогда плодовая коробочка (головка) мака представляетъ собой какъ бы головку и тѣло куколки, а отвернутые лепестки — ея платьице. Куколку эту называютъ обыкновенно enfant du chœur, то-есть мальчикомъ, прислуживающимъ у римско-католиковъ за обѣдней въ церкви, такъ какъ платье у этихъ мальчиковъ бываетъ бо̀льшею частью красное.

Другое примѣненіе въ дѣтскихъ забавахъ имѣютъ цвѣты мака во Франціи еще въ игрѣ, носящей названіе «пѣтушокъ или курочка?», гдѣ требуется разгадать: содержитъ ли въ себѣ нераспустившійся еще бутонъ мака бѣлые или красные лепестки. Если лепестки бѣлые — значитъ курочка, если красные — пѣтушокъ. Отгадать это довольно трудно, такъ какъ, по необъясненной еще причинѣ, лепестки въ этихъ бутонахъ бываютъ почему-то вначалѣ иногда бѣлые, а иногда красные, хотя впослѣдствіи всѣ становятся одинаково красными.

Кромѣ этихъ дѣтскихъ забавъ, цвѣты мака въ юго-западныхъ католическихъ странахъ употребляются еще для украшенія церквей въ день Сошествія Св. Духа. Особенно это практикуется во многихъ мѣстностяхъ Прованса, гдѣ маленькія дѣти, одѣтыя ангелочками, идутъ въ этотъ день въ процессіи передъ священникомъ, несущимъ Св. дары, и усыпаютъ маковыми цвѣтами его путь. Отъ этого, вѣроятно, цвѣты эти въ Провансѣ носятъ еще названіе цвѣтовъ ангеловъ (fleurs des anges).

У насъ, въ Россіи, хотя цвѣты мака и не имѣютъ особаго значенія въ церковныхъ празднествахъ, но церковныя главы носятъ часто названіе золотыхъ маковокъ, а Москва за многочисленность своихъ храмовъ въ старину сопровождалась даже постоянно народнымъ эпитетомъ «золотыя маковки».

Здѣсь, конечно, названіе маковокъ относятся болѣе къ верхней части головы, которую мы обыкновенно называемъ «макушкой, маковой»; тѣмъ не менѣе нѣкоторая, вытекающая изъ сходства маковой головки съ нашей головой, символика наблюдается и во многихъ русскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ.

Такъ, напримѣръ, малороссы говорятъ: «Головка, якъ макивка, а въ нейи разуму, якъ накланo»; или въ одной малороссійской пѣснѣ поется:

„Убывъ брата роднаго,
А шурина вирнаго,
Покатылась голова
Такъ, якъ макивочка".

Символика эта, впрочемъ, существовала уже и у древнихъ грековъ, которые называли макъ — kodeion, а человѣческую голову — kodeia, и особенно у древнихъ римлянъ, у которыхъ Нума, вмѣсто приносившихся въ прежнее время въ жертву Юпитеру человѣческихъ головъ, сталъ приносить маковыя головки.

То же самое случилось и съ звѣрскимъ умилостивительнымъ жертвоприношеніемъ дѣтскихъ головокъ богинѣ Маніи — призрачному существу, имѣвшему будто вліяніе на жизнь дѣтей. Юніемъ Брутомъ дѣтскія головы были замѣнены здѣсь головками чеснока и мака.

Нельзя также пройти молчаніемъ и извѣстный въ исторіи древняго Рима разсказъ о взятіи города вольсковъ — Габій.

Это было въ 515 году до Р. Х., въ царствованіе Тарквинія Гордаго. Не будучи въ состояніи взять этотъ городъ ни голодомъ, ни приступомъ, Тарквиній придумалъ хитрость. Старшій сынъ его, Секстъ, притворившись, что отецъ его, разсердясь, прогналъ его отъ себя, бѣжалъ къ габійцамъ и обѣщалъ имъ помочь въ борьбѣ съ отцомъ. Добродушные и довѣрчивые габійцы не только повѣрили этой сказкѣ, но даже имѣли неосторожность поручить ему начальство надъ всѣми своими войсками. Тогда, заручившись властью, Секстъ послалъ тайкомъ къ Тарквинію вѣрнаго своего раба узнать: что̀ ему дальше дѣлать, и какъ поступать?

Когда посланный Секста явился, Тарквиній былъ въ саду. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить на предложенные ему Секстомъ вопросы, онъ началъ быстро ходить по саду и сшибать бывшей у него въ рукахъ тросточкой самыя высокія головки мака, которымъ были засажены нѣкоторыя клумбы его сада.

Возвратясь къ Сексту безъ всякаго отвѣта, рабъ разсказалъ ему только то, что̀ видѣлъ. Но Сексту этого было вполнѣ достаточно. Онъ понялъ, что отецъ, сшибая самыя высокія головки мака, хотѣлъ этимъ сказать, что Секстъ долженъ обезглавить или умертвить всѣхъ на-

чальниковъ габійцевъ. Секстъ поступилъ такъ, и городъ былъ взятъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь маковыя головки явились символомъ человѣческихъ головъ.

Укажемъ еще, что маковые цвѣты играли нѣкоторую роль и у древне-италійскихъ народовъ (этрусковъ, пелазговъ и др.). По словамъ Отто Брунфельса, они приготовляли изъ мака разныя снадобья и дѣлали изъ его красныхъ лепестковъ платье своему богу ада — Дисъ или Оркусу, отчего макъ получилъ даже особое латинское названіе «Orci tunica», то-есть одежда Оркуса.

Не отъ этого ли, спрашивается, древняго обычая сохранился и у насъ обычай одѣвать на сценѣ дьявола, а за нимъ и Мефистофеля въ ярко-краснаго цвѣта плащъ?

Переходя опять къ Малороссіи, скажемъ, что макъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ является часто еще символомъ красоты и молодости.

«Да нема цвита цвитнѣйшаго надъ макивочку», то-есть, нѣтъ цвѣтка болѣе красиваго, чѣмъ макъ, — говорится въ одной пѣснѣ, а въ другой поется:

„А на двори бояре,
Якъ макъ процвитайе
И хороши и молоденки
Коло хаты близенько...“

Въ нѣкоторыхъ же пѣсняхъ маковый цвѣтъ сравнивается даже съ зарей:

„А вже свитъ свитайе,
Якъ макъ процвитайе...“

то-есть (заря) день разсвѣтаетъ, какъ цвѣтетъ макъ.

Таково собственно въ краткихъ чертахъ значеніе мака, какъ украшающаго растенія, но гораздо большее значеніе онъ имѣетъ въ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, какъ растеніе, обладающее снотворнымъ дѣйствіемъ.

Уже самое его латинское названіе «papaver», обозначающее въ переводѣ на русскій языкъ настоящая (vera) дѣтская кашка (papa) *), указываетъ на знакомство древнихъ съ этимъ дѣйствіемъ, такъ какъ въ древности уже практиковался обычай, который, къ прискорбію, и у насъ еще практикуется старыми няньками и нѣкоторыми кормилицами — усыплять безпокойныхъ маленькихъ дѣтей, подбавляя въ молоко и вообще въ ихъ пищу маковыхъ зеренъ.

*) Отсюда, можетъ-быть, происходитъ и часто употребляется нашими дѣтьми слово „папа“ въ смыслѣ хлѣба.

О томъ, насколько вреденъ этотъ способъ успокоенія дѣтей, нечего и говорить, и всякая любящая мать должна строго слѣдить за кормилицей и нянькой, чтобы онѣ не осмѣливались этого дѣлать, такъ какъ иначе ребенокъ можетъ превратиться въ идіота или, по меньшей мѣрѣ, у него можетъ проявиться дрожаніе суставовъ или параличъ; а въ Англіи, въ Суссексѣ, былъ даже случай, что кормилица, желая успокоить не дававшаго ей по ночамъ спать ребенка, дала ему столько маковаго сиропа, что бѣдняжка погрузился въ такой сонъ, изъ котораго болѣе не проснулся, несмотря на всевозможныя усилія врачей.

Въ прежнее время, конечно, этого вреднаго дѣйствія маковыхъ зеренъ и не подозрѣвали, а видѣли въ макѣ только благодѣтельное, ниспосланное Провидѣніемъ средство, что̀ яснѣе всего видно изъ слѣдующей, сложившейся въ среднихъ вѣкахъ о происхожденіи мака, поэтической легенды.

«Дѣло было первой весной,—сообщаетъ эта легенда:—той весной, когда Господь создавалъ и тварей, и растенія. По Его мановенію, цвѣтокъ возникалъ за цвѣткомъ, тварь за тварью. Вся земля была ими уже покрыта. Всюду царили радость и согласіе. Животныя и люди жили другъ съ другомъ въ полнѣйшемъ мирѣ, и съ утра до вечера только и раздавалось, что ликованіе.

Одно лишь существо не раздѣляло всеобщей радости, всеобщаго счастья и печально бродило по молодой землѣ—это была ночь. И потому бродила она такъ печально, что каждое существо на землѣ имѣло свою подругу, а она одна лишь оставалась одинокой. Къ тому же она чувствовала еще, что она была единственнымъ существомъ на землѣ, къ которому остальныя приближались съ неохотой. Ибо, какъ она ни старалась при помощи звѣздъ, свѣтящихся жучковъ и другихъ источниковъ свѣта разсѣять свой глубокій мракъ, все-таки она скрывала слишкомъ много красотъ природы отъ очарованныхъ глазъ новосозданныхъ тварей и тѣмъ невольно отталкивала всѣхъ ихъ отъ себя. И когда восходящее солнце, озаряя своими чудными, лучезарными лучами, приводило всѣхъ въ восторгъ и вызывало всеобщее ликованіе, тѣмъ тяжелѣе чувствовала она свое одиночество, и тѣмъ тягостнѣе являлось для нея ея собственное существованіе.

Будучи отъ природы доброй и любвеобильной, она искала отвѣта на эту любовь и, не встрѣчая ея, окутывала свою главу въ густой вуаль, чтобы проливать въ уединеніи горькія слезы...

Горе это, наконецъ, замѣтили цвѣты и старались всячески смягчить его и доставить ей, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, возможно бо̀льшую радость. Но что̀ могли бѣдняжки предложить ей въ утѣшеніе, кромѣ своихъ чудныхъ красокъ и своего упоительнаго благоуханія? И вотъ многіе изъ нихъ стали задерживать свой запахъ днемъ и испускать его только ночью. И хотя это утѣшеніе было, конечно, ничтожно, но ночь чувствовала себя все-таки уже нѣсколько менѣе одинокой: разносившійся всюду чудный запахъ показывалъ ей, что есть-таки существа, которыя сочувствуютъ ей и которыя хотятъ утѣшить ее въ ея тяжеломъ горѣ.

Однако, слабое утѣшеніе это было недостаточно, и ночь, въ концѣ концовъ, внѣ себя отъ горя, бросилась къ подножію трона Всевышняго и обратилась къ Нему съ мольбой:

— Всесильный Боже, — говорила она ему: — Ты видишь, какъ всѣ созданныя Тобою существа счастливы, и какъ я одна только брожу безъ радости, одинокая и никѣмъ не любимая на землѣ, не имѣя даже существа, которому бы могла повѣдать свое горе. Свѣтлый день бѣжитъ отъ меня, какъ я всей душой ни стремлюсь къ нему, и какъ и онъ, отвертываются отъ меня и всѣ остальныя существа... Сжалься же, Всевышній, надо мной, несчастной, умѣрь мою скорбь, создай мнѣ товарища, дай мнѣ вѣрнаго друга и спутника жизни!

Господь улыбнулся этимъ словамъ, услышалъ мольбу ночи и, сжалившись надъ ней, создалъ сонъ и далъ ей его въ товарищи.

Ночь съ восторгомъ приняла этого дорогого друга въ свои объятія, и съ тѣхъ поръ началась для нея новая жизнь. Теперь она не только не чувствовала себя болѣе одинокой, но всюду ее встрѣчали съ радостью, такъ какъ постоянно сопровождавшій ее благодѣтельный сонъ является всеобщимъ любимцемъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ и ожидался съ нетерпѣніемъ всѣми, какъ успокоеніе и отдохновеніе.

Вскорѣ къ ней присоединились еще новыя милыя существа: ея и сна дѣти — сновидѣнія и грёзы. Вмѣстѣ съ ночью и сномъ разлетались они по всей землѣ и дѣлались всюду такими же желанными гостями, какъ и ихъ родители.

Не прошло, однако, много времени, какъ люди, бывшіе вначалѣ простодушными и чистосердечными, измѣнились. Страсти въ нихъ пробудились, и въ душѣ ихъ стало становиться все мрачнѣе и мрачнѣе. А такъ какъ

дѣти въ дурномъ обществѣ легко портятся, то то же случилось и здѣсь: нѣкоторыя сновидѣнія, придя въ близкое соприкосновеніе съ злыми людьми, сдѣлались легкомысленными, обманчивыми и недружелюбными.

Сонъ замѣтилъ эту перемѣну въ своихъ дѣтяхъ и хотѣлъ-было отъ себя такихъ прогнать, но сестры и братья заступились за нихъ и стали просить его: «оставь намъ нашихъ провинившихся братьевъ и сестеръ, они не такъ уже скверны, какъ кажутся; мы обѣщаемъ тебѣ общими силами исправлять ихъ, какъ только они будутъ сбиваться съ пути».

Отецъ согласился на просьбу своихъ добрыхъ дѣтей, и такимъ образомъ въ ихъ сообществѣ остались и тяжелыя, мрачныя сновидѣнія, которыя однако удивительнымъ образомъ, какъ показалъ дальнѣйшій опытъ, держатся почти всегда только злыхъ людей, которые какъ будто всегда ихъ къ себѣ привлекаютъ.

Между тѣмъ человѣчество становилось все хуже и хуже, и жизнь его дѣлалась все тяжелѣе и тяжелѣе.

Однажды одинъ изъ совсѣмъ испортившихся людей лежалъ среди чудной ночи на благоухавшемъ чудными ароматами лугу. Сонъ и грёзы подступили къ нему, но грѣхи его мѣшали имъ подойти къ нему. Въ душѣ его зародилась страшная мысль, мысль убить своего родного брата. Напрасно брызгалъ на него сонъ своимъ волшебнымъ жезломъ капли успокоенія, напрасно убаюкивали его своими пестрыми картинками грёзы, — несчастный все болѣе и болѣе уклонялся отъ нихъ благодѣтельнаго вліянія. Тогда сонъ созвалъ своихъ дѣтей и сказалъ: «если такъ, то улетимте отъ него, дѣти, — онъ недостоинъ нашихъ даровъ!» — и они улетѣли.

Однако, такая небывалая неудача сильно раздражила сонъ, и, отлетѣвъ на далекое разстояніе отъ непокорившагося его вліянію человѣка, онъ долго никакъ не могъ успокоиться; особенно же онъ никакъ не хотѣлъ простить своему волшебному жезлу выказанное имъ безсиліе и въ гнѣвѣ наконецъ воткнулъ его въ землю. Кружившіяся же тѣмъ временемъ вокругъ него грёзы, играя, увѣшали этотъ жезлъ тѣми легкими, воздушными, пестрыми образами, которые онѣ хотѣли навѣять на несчастнаго, оттолкнувшаго ихъ отъ себя, человѣка.

Все это видѣла ночь. Она поняла ошибку сна и, сжалившись надъ ни въ чемъ неповиннымъ жезломъ, вдохнула въ него жизнь, чтобы онъ могъ пустить корни. И жезлъ, сохранивъ въ себѣ вызывающую сонъ силу, зазеленѣлъ и превратился въ растеніе, а покрывавшіе его

дары грезъ превратились въ его красивые, разнообразно изрѣзанные листья. Растенiе это — былъ макъ».

Значительно иначе разсказываетъ легенду о происхожденiи мака въ своихъ сказкахъ Паоло Мантегацца. По его словамъ, дѣло былъ такъ:

«Однажды Господь сошелъ на землю, чтобы узнать, довольна ли она той жизнью, которую Онъ нѣкогда на нее насадилъ, и нѣтъ ли среди живущихъ на ней существъ обиженныхъ? Земля встрѣтила Его съ радостью, но указала Ему на нѣсколько явленiй, удручающихъ всѣхъ тварей и всѣ растенiя: во-первыхъ, на необходимость поѣдать другъ друга, вслѣдствiе чего вся земля является какъ бы громадной бойней, гдѣ травоядныя пожираютъ растенiя, плотоядныя — травоядныхъ, а человѣкъ — всѣхъ и все, будучи въ свою очередь уничтожаемъ, какъ бы въ насмѣшку, мельчайшими изъ всѣхъ существъ — микробами; во-вторыхъ, на смерть, безжалостно уничтожающую на землѣ все, чтó ни есть дорогого, разрушающую всѣ самые дивные планы и уносящую счастье высшаго изъ созданныхъ Имъ на землѣ существа — человѣка, который такимъ образомъ, несмотря на данный ему высокiй разумъ, приравнивается къ самымъ низшимъ, глупымъ и лишеннымъ чувствъ созданiямъ; и наконецъ, на третье — и на самое ужасное — на тѣ безчисленныя страданiя и на то страшное горе, которыя разсѣяны всюду на землѣ.

— На одного веселаго и довольнаго, — сказала земля: — приходятся сотни несчастныхъ; въ отвѣтъ на одно ликованiе раздаются сотни рыданiй. Въ страданiяхъ появляется человѣкъ на свѣтъ и въ страданiяхъ, окруженный опечаленными и плачущими, умираетъ. Да и тѣ немногiе, которые могутъ считать себя счастливыми, вкушая чашу радости, находятъ скрытымъ въ ней страхъ передъ смертью, а страхъ — не то же ли страданiе?

На первыя два указанiя Господь отвѣтилъ, что уничтоженiе существъ другъ другомъ и смерть являются необходимымъ закономъ усовершенствованiя, и что населяющiя землю существа не въ состоянiи постигнуть ихъ только по своей близорукости и ограниченности своего разума.

— Для Меня, — добавилъ Онъ: — всѣ существа мiра, начиная отъ малѣйшихъ и до громаднѣйшихъ, отъ слабѣйшихъ и до сильнѣйшихъ, отъ глупѣйшихъ и до умнѣйшихъ — только органы, только клѣточки одного громаднаго организма. Они обмѣниваются другъ съ другомъ соками и силами, такъ что одинъ помогаетъ другому,

въ одно и то же время и беря и отдавая. Смерть же есть только отдохновеніе усталыхъ и утомленныхъ и колыбель вновь возникающей жизни.

Что касается до третьяго указанія земли, — говоритъ Мантегацца: — то Господь, тяжело вздохнувъ, глубоко задумался надъ нимъ. Однако, подумавъ немного, не измѣнилъ Своего прежняго рѣшенія и только сказалъ: «Твоя правда, земля, на тебѣ слишкомъ много горя, но Я вложилъ въ человѣка искру Моего всемогущества, и онъ, въ продолженіе тѣхъ многихъ тысячелѣтій, которыя ему предстоитъ еще просуществовать, научится, какъ это горе преодолѣть и какъ отъ него излѣчиться. Онъ желалъ быть свободнымъ, такъ пусть же и несетъ теперь всѣ послѣдствія этой желанной для него свободы.

— «Но, Господи, — возразила Ему тогда земля: — прежде чѣмъ настанетъ этотъ отдаленный день исцѣленія, окажи же человѣку хоть какую-нибудь помощь; дай ему хоть какое-нибудь средство успокоенія, чтобы боль не была такъ тягостна, продолжительна и смертоносна!»

Тогда Господь подумалъ еще немного и далъ землѣ маленькія, крошечныя зернышки и приказалъ ей разбросать ихъ на воздѣланныхъ поляхъ и вдоль по дорогамъ, по которымъ ходитъ человѣкъ.

Земля разбросала ихъ: изъ нихъ выросъ нашъ макъ, который распускаетъ съ этихъ поръ свои пестрые, яркіе цвѣты среди хлѣбныхъ полей, на дорогахъ и на лугахъ, гдѣ отдыхаетъ человѣкъ. Какъ яркій огонекъ блеститъ онъ среди желтыхъ хлѣбныхъ колосьевъ и зеленѣющихъ растеній и приглашаетъ человѣка сорвать его, выжать изъ него сокъ и воспользоваться его цѣлебными болеутоляющими свойствами.

И такъ успокаиваетъ съ этого времени это чудодѣйственное растеніе душевныя страданія, утишаетъ тѣлесныя боли и дѣлаетъ жизнь болѣе сносной...»

Таковы сказанія о происхожденіи мака, возникшія въ болѣе близкія къ намъ времена. Но съ снотворнымъ дѣйствіемъ маковаго сока были знакомы, какъ мы видѣли, и древніе греки, и потому и у нихъ сложилась уже о происхожденіи мака своя легенда, и у нихъ онъ игралъ немаловажную роль въ обрядахъ и обычаяхъ.

Они вѣрили, что онъ выросъ изъ слезъ Венеры, которыя она проливала, узнавъ о смерти своего дорогого Адониса, и считали его необходимымъ аттрибутомъ бога сна — Гипноса и его родного брата, бога смерти — Ѳанатоса. Вслѣдствіе этого богъ сна изображался у нихъ

всегда въ видѣ лежащаго или сидящаго юноши, или ангела съ опущенными крыльями, несущаго въ рукахъ маковыя головки. Иногда вѣнкомъ же изъ маковыхъ головокъ была украшена у него и голова. Бога же смерти они изображали также въ видѣ юноши съ вѣнкомъ изъ мака, но съ черными крыльями, въ черномъ одѣяніи и гасящаго опрокинутый горящій факелъ.

Точно такъ же и богиня ночи всегда представлялась у древнихъ обвитой гирляндами маковыхъ цвѣтовъ, какъ символа спускающагося на землю въ это время покоя-отдохновенія, а равно и богъ сновидѣній — Морфей, котораго даже жилище — царство сна — представлялось въ ихъ фантазіи засаженнымъ маковыми растеніями.

Овидій въ своихъ прелестныхъ «Метаморфозахъ» описываетъ это жилище такъ:

„Antefores antri fecunda papavera florent
Innumeraeque herbae, quarumde lactae saporem
Nox legit, et spargit per opacas humidas terras
. . . .
Hunc circa passim, varias imitantia formas,
Somnia vana jacent totidem, quot messis aristas,
Silva gerit frondes, ejectas littus arenas“.

(Входъ въ жилище засаженъ маковыми цвѣтами и множествомъ травъ, доставляющихъ ночи усыпляющіе соки, которые потомъ она разноситъ по всему погруженному въ мракъ міру... Здѣсь-то вокругъ (Морфея) въ тысячахъ различныхъ видовъ покоятся тамъ и сямъ легкіе сны, столь же многочисленные какъ колосья хлѣбныхъ полей, какъ листья въ лѣсахъ или какъ песчинки, которыя море выбрасываетъ на берегъ).

Когда Морфей, — говорили древніе римляне, — хочетъ кого-либо усыпить или навѣять на него пріятныя грёзы, то онъ прикасается къ нему только маковымъ цвѣткомъ.

Макъ былъ посвященъ также богинѣ жатвы — Церерѣ, такъ какъ онъ росъ всегда среди покровительствуемыхъ ею хлѣбныхъ злаковъ, и въ память того, что Юпитеръ далъ ей маковыхъ зеренъ, чтобы доставить ей сонъ и успокоеніе отъ душевныхъ страданій, когда она оплакивала свою похищенную богомъ ада — Плутономъ любимую дочь Прозерпину. Изъ его цвѣтовъ, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями, плели ей вѣнки, которыми украшали затѣмъ ея статуи; самые же цвѣты подносили ей во время жертвоприношеній и торжественныхъ службъ и считали макъ вообще столь пріятнымъ для этой богини растеніемъ, что и самую богиню величали нерѣдко «Меконой», отъ греческаго названія мака — mekon, makon.

Отсюда, по всей вѣроятности, произошло и наше его названіе «макъ». На статуяхъ Церера изображались всегда съ макомъ въ рукѣ.

Наконецъ съ макомъ же изображалась и богиня ночного неба — Персефона, какъ разливающая по всей землѣ сонъ.

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ, исключая развѣ богини Цереры, макъ являлся символомъ снотворнаго дѣйствія и олицетворялъ, собой сонъ, а иногда даже и смерть...

Кто былъ первымъ, подмѣтившимъ снотворное дѣйствіе мака, и кто былъ первымъ, начавшимъ добывать вызывающій его сокъ изъ этого растенія — достовѣрно неизвѣстно. Извѣстно только, что приготовленное изъ мака снотворное зелье имѣлось уже у древнихъ египтянъ, которые пользовались имъ, какъ лѣкарствомъ, и для этого воздѣлывали даже близъ города Ѳивъ тотъ же самый видъ мака (Papaver somniferum), который воздѣлываемъ и мы; что древніе греки ознакомились съ его снотворнымъ дѣйствіемъ только за 416 лѣтъ до Р. Хр.; что у древнихъ римлянъ пользованіе этимъ маковымъ зельемъ было уже очень распространено, и что сокъ этотъ наконецъ уже въ древности дѣлился на два сорта; на сокъ, добываемый при помощи надрѣзовъ на несозрѣвшихъ головкахъ мака — *опіумъ* (opos — по-гречески сокъ), и на сокъ, получаемый изъ всѣхъ частей растеній — *меконіумъ*.

Замѣтить, впрочемъ, усыпляющее дѣйствіе мака было не трудно, такъ какъ всякій макъ, какъ всѣмъ извѣстно, издаетъ изъ себя довольно сильный одуряющій запахъ, отъ котораго можно иногда даже заснуть. Вслѣдствіе этого въ Германіи сложилось даже повѣрье, будто тотъ, кто заснетъ въ маковомъ полѣ, заболѣваетъ сонной болѣзнью.

Разсказъ о повѣрьѣ этомъ мы находимъ въ прекрасномъ стихотвореніи извѣстнаго нѣмецкаго поэта Уланда, который говоритъ:

„Zur Warnung hört' ich sagen,
Dass der im Mohne schlief,
Hinunter war getragen
Im Traume schwer und tief.
Dem Wachen selbst geblieben
Sei irren Wahnes Spur:
Die Nahen und die Lieben
Hält er für Scheinen nur".

(Мнѣ передавали, какъ предостереженіе, что того, кто заснулъ въ маковомъ полѣ, приносили домой погруженнаго въ глубокій, тяжелый сонъ, и что, проснув-

шись, онъ сохранялъ слѣды какъ бы легкаго сумасшествія: родныхъ и близкихъ онъ принималъ за призраковъ).

Другой же нѣмецкій поэтъ, Б. Сигизмундъ, такъ описываетъ запахъ, издаваемый макомъ:

„Süss ist des Veilchens Hauch, herrlich der Rose Duft,
Heiss, wie der würzige Wein, lodert der Nelke Arom,
Doch, gleich Lethe's Flut, die des Lebens Erinnerungen tilget,
Streust du betäubenden Duft aus".

(Сладко благоуханіе фіалки, чуденъ запахъ розы, горячъ, какъ пряное вино,ароматъ гвоздики, ты же издаешь одуряющій запахъ, подобный водамъ рѣки Леты, уничтожающимъ воспоминанія прожитой жизни).

Что касается до способа добыванія въ древности изъ мака опіума, то онъ былъ тотъ же самый, что и теперь.

Брали невызрѣвшія головки мака и дѣлали на нихъ острымъ ножичкомъ наискось полукруглые надрѣзы. Изъ надрѣзовъ вытекалъ сокъ (молоко) и подъ вліяніемъ солнечнаго припека сгущался. Этотъ сгущенный сокъ и былъ опіумъ.

Курительнаго значенія опіума древніе греки и римляне не знали и употребляли его лишь, какъ и наши современные врачи, въ качествѣ болеутоляющаго и усыпительнаго средства, при чемъ нерѣдко случалось, что отъ черезчуръ большой, данной ими больному, дозы этого лекарства больной умиралъ. Плиній же даже сообщаетъ, что въ древнемъ Римѣ не разъ бывали и случаи добровольнаго самоотравленія.

Но особенно много стали пользоваться опіумомъ въ качествѣ лекарства въ среднихъ вѣкахъ.

Въ это время Карлъ Великій въ своихъ капитуляріяхъ приказалъ даже, чтобы макъ воздѣлывался въ каждомъ крестьянскомъ саду, и чтобы при платежѣ податей отъ каждаго двора вносилось по четверику мака. Вслѣдствіе этого, случаи отравленія участились, и притомъ настолько, что извѣстный средневѣковый врачъ Табернемонтанусъ нашелъ даже нужнымъ написать цѣлую книгу подъ заглавіемъ «Magsamensaft» *) (сокъ маковыхъ сѣмянъ), гдѣ онъ указываетъ на опасность чрезмѣрнаго употребленія этого наркотическаго средства, совѣтуетъ употреблять его лишь въ крайнихъ случаяхъ и упре-

*) Древніе германцы называли макъ, за его благодѣтельное дѣйствіе на желудокъ, Magenkraut, а его зерна — желудочными сѣменами — Magsamen.

каетъ еврейскихъ врачей въ томъ, что, увлекаясь быстрой цѣлительностью этого средства, они не думаютъ о страшныхъ послѣдствіяхъ, которыя грозятъ ихъ паціентамъ.

Опіумъ продолжаетъ употребляться въ медицинѣ и въ наше время, но болѣе уже въ видѣ полученнаго изъ него химическаго алкалоида — морфія, открытаго въ 1804 г. ганноверскимъ аптекаремъ Сертюрнеромъ.

Морфій этотъ впрыскиваютъ подъ кожу, чѣмъ достигаютъ успокоенія самыхъ страшныхъ, мучительныхъ болей. Но и чрезмѣрное злоупотребленіе этимъ средствомъ ведетъ, какъ извѣстно, къ не менѣе гибельнымъ послѣдствіямъ, какъ и злоупотребленіе опіумомъ. Увлекающіеся его благодѣтельнымъ болеутоляющимъ дѣйствіемъ, больные начинаютъ его такъ часто впрыскивать себѣ, что въ концѣ концовъ не въ состояніи болѣе обойтись безъ него и ждутъ его впрыскиванія, какъ горькіе пьяницы водки. Такихъ увлекающихся морфіемъ людей называютъ морфиноманами.

Результатъ получается, конечно, самый плачевный. Не говоря уже о сѣро-зеленомъ цвѣтѣ лица, которымъ эти люди отличаются, ихъ тѣло покрывается страшными нарывами, умственныя ихъ способности постепенно ослабѣваютъ и помрачаются, и они умираютъ, превратившись въ полуидіотовъ.

Тѣмъ не менѣе цѣлебное дѣйствіе этого средства во многихъ страшныхъ болѣзняхъ человѣчества такъ чудодѣйственно, такъ благодѣтельно, что нельзя не присоединиться къ воспѣвшему за это макъ поэту Сигизмунду и не назвать его вмѣстѣ съ нимъ божественнымъ цѣлителемъ и успокоителемъ всѣхъ страждущихъ душой и тѣломъ больныхъ.

«Надо испытать безсонницу, говоритъ профессоръ Рише, чтобы по достоинству оцѣнить опіумъ.

Слышать, какъ посреди гнетущей тишины послѣдовательно проходятъ минуты ночи, ворочаться съ боку на бокъ на своей постели, бороться противъ непобѣдимаго внутренняго волненія, чувствовать какое-то страшное, неописуемое замираніе сердца — это такая пытка, понять которую можетъ только тотъ, кто самъ ее уже испыталъ. Макбетъ сознавалъ эту пытку, когда, по убіеніи Дункана, страшился безсонницы, причиненной ему угрызеніями совѣсти.

При употребленіи опіума нечего бояться безсонницы: черезъ часъ, много — два, болѣзненное раздраженіе уступаетъ мѣсто какому-то легкому возбужденію, которое въ

свою очередь переходитъ въ пріятную дремоту. Физическая боль болѣе не существуетъ: страшныя невралгіи, мучительныя раны, спазмы или судороги мускуловъ, лихорадочное безпокойство въ нѣкоторыхъ общихъ болѣзняхъ, моральныя и физическія страданія отъ употребленія алкоголя — все это вполнѣ можетъ быть побѣждено опіумомъ...

Что̀ можетъ сдѣлать медикъ съ чахоточнымъ или неизлечимымъ ракомъ? Никто не можетъ надѣяться одержать побѣду надъ болѣзнью или даже помѣшать ея развитію; но при помощи опіума можно по крайней мѣрѣ дать несчастному страдальцу, котораго ожидаетъ вѣрная смерть, нѣсколько спокойныхъ и пріятныхъ ночей, въ продолженіе которыхъ онъ забываетъ свои страданія... Если вѣрно мнѣніе, что роль медицины, состоитъ главнымъ образомъ въ облегченіи страданій, то опіумъ — ея всемогущее орудіе».

Добавимъ къ этому, что опіумъ обладаетъ еще очень полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для человѣка свойствомъ — утишать голодъ, практическое приложеніе чего мы встрѣчаемъ у мусульманъ во время ихъ строгаго поста, извѣстнаго подъ названіемъ «рамаданъ».

Въ продолженіе этого, длящагося у нихъ 28 дней, поста, какъ извѣстно, запрещено имъ ѣсть, пить и курить ежедневно отъ восхода до захода солнца. Можно себѣ представить поэтому, какъ тяжело вынести доходящую иногда до 18 — 19 часовъ ежедневную голодовку!

И вотъ, чтобы какъ-нибудь облегчить страданія отъ голода, нѣкоторые магометане, особенно турки, какъ говорятъ, прибѣгаютъ къ помощи опіума.

Послѣ ѣды, которая у нихъ бываетъ ежедневно только по вечерамъ, послѣ восхода луны, они приберегаютъ маленькія, сдѣланныя изъ опіума, обернутыя въ тонкую, въ родѣ папиросной, бумагу пилюльки, которыя глотаютъ потомъ по мѣрѣ того, какъ чувствуютъ голодъ, и тѣмъ достигаютъ того, что голодовка проходитъ для нихъ почти незамѣтно.

Количество опіума, которое они такимъ образомъ принимаютъ, можетъ доходить до 3 граммовъ въ сутки, при чемъ продолжительное употребленіе его, конечно, дѣйствуетъ гибельно на здоровье.

Переходя теперь къ другому употребленію опіума — къ куренію, надо сказать, что обычай этотъ возникъ прежде всего также въ странахъ мусульманскихъ и, главнымъ образомъ, въ Аравіи.

Куреніе это являлось здѣсь какъ бы замѣной запрещеннаго въ этихъ странахъ, по закону Магомета, употребленія вина и вообще всякихъ спиртныхъ напитковъ. И вотъ тутъ-то можно справедливо сказать, что дьяволъ былъ замѣненъ Вельзевуломъ, такъ какъ опіумъ, прозванный магометанами «машъ Алла», даромъ Господнимъ, на самомъ дѣлѣ, по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ, является во много разъ хуже всякаго вина. Куреніе его въ короткое время разрушаетъ здоровье и превращаетъ милліоны людей въ полуидіотовъ и рабовъ своей страсти.

Чтобы понять весь ужасъ этого страшнаго яда интеллекта, надо прочесть стихотворенія двухъ извѣстныхъ англійскихъ поэтовъ, Кольриджа и де-Кинсе, подпавшихъ подъ власть этого демоническаго снадобья, прочесть эту страшную борьбу, которую они вели, чтобы избавиться отъ его власти, и всѣ тѣ мученія, которыя они испытывали отъ постепеннаго разрушенія имъ ихъ здоровья.

Первоначально приготовленіемъ опіума для куренія занималась Турція и частью Аравія, но потомъ главнымъ центромъ его фабрикаціи сдѣлалась Индія, гдѣ коммерческіе люди, англичане, понявъ всю громадную выгоду торговли этимъ ядомъ, стали разводить его въ громадномъ количествѣ для вывоза въ магометанскія страны и особенно въ Китай, жители котораго, вкусивъ сладости этого куренія, увлеклись имъ чуть не поголовно. Это было около 1740 года, въ правленіе президента Веллера и полковника Уатсона, имена которыхъ могутъ прославиться въ исторіи введеніемъ этой позорнѣйшей изъ торговлей послѣ торговли рабами.

Самое куреніе производятъ такимъ образомъ. Шарикъ въ 10 — 15 сантиграммовъ опіума кладется въ трубку съ длиннымъ чубукомъ. Сгорая, опіумъ вздувается до самыхъ краевъ трубки, такъ что поминутно приходится прокалывать его иголкой, чтобы дать выйти оттуда воздуху. Сверхъ того, такъ какъ опіумъ горитъ съ трудомъ, надо постоянно подносить къ нему пламя свѣчи или лампы и такимъ образомъ поддерживать его горѣніе.

Дымъ вдыхаютъ медленно и выпускаютъ его, подержавъ въ себѣ сколь возможно дольше. Продолжительность куренія шарика считается въ среднемъ около минуты; чтобы его выкурить, достаточно бываетъ 20 до 30 затяжекъ.

Число курильщиковъ опіума въ Китаѣ въ настоящее время, какъ мы уже выше сказали, громадно. Самые богатые мандарины курятъ опіумъ наравнѣ съ простыми носильщиками. Въ куреніи опіума они находятъ такое же

удовольствіе, какое мы находимъ въ куреніи табака, и удовольствіе это, какъ говорятъ, въ умѣренномъ количествѣ не имѣетъ даже особенно гибельныхъ результатовъ Совсѣмъ иное дѣло тогда, когда число выкуриваемыхъ трубокъ доходитъ до 200 и болѣе въ день, что̀, къ прискорбію, бываетъ явленіемъ почти зауряднымъ, особенно среди бѣднаго люда, для котораго устроены даже всюду спеціально предназначенныя для этого курильни, гдѣ за самую умѣренную плату онъ можетъ удовлетворить этой страсти.

Курильни эти, называемыя англичанами opium-shops — опіумными лавочками, были разрѣшены китайскимъ правительствомъ волей-неволей, послѣ позорнѣйшей войны, объявленной ему англичанами за то, что оно, находя куреніе опіума гибельнымъ для своего народа, хотѣло-было запретить его ввозъ. Англичане побѣдили, и китайцамъ пришлось покориться.

Отличительнымъ признакомъ такой курильни служитъ приклеенный у ея входа желтый листокъ бумаги, служащій для фильтраціи опіума. Это и вывѣска и приглашеніе зайти. Внутренность ея имѣетъ нѣчто отталкивающее.

«Представьте себѣ, говоритъ Рамбоссонъ, темный, мрачный, сырой, расположенный почти въ землѣ сарай, двери котораго заперты, а окна закрыты плотно запирающимися ставнями и единственнымъ освѣщеніемъ котораго являются еле мерцающія лампочки для раскуриванія опіума. По стѣнамъ развѣшены, какъ въ дешевыхъ полпивныхъ, изреченія Конфуція. Всюду разставлены переносныя постели, покрытыя циновками и скатанными изъ соломы половиками, предназначенными служить для тѣхъ курильщиковъ, которымъ для того, чтобы предаться своимъ грёзамъ, требуется горизонтальное положеніе. Входя сюда, вы задыхаетесь отъ ѣдкаго, раздражающаго горло, дыма опіума».

Въ такой курильнѣ можно всегда встрѣтить десятки курильщиковъ со стоящими передъ ними чашками чая. Одни съ помутнѣвшими глазами и блуждающимъ взоромъ, кажется живутъ въ совершенно иномъ мірѣ, другіе, наоборотъ, отличаются удивительной болтливостью и находятся какъ бы подъ вліяніемъ страшнаго раздраженія.

Лица ихъ болѣзненныя, блѣдныя; глаза впалые, окруженные синяками; языкъ путается, ноги едва двигаются и подкашиваются, какъ у пьяныхъ. Одни лежатъ, утоляя время отъ времени жажду чаемъ; другіе еще кое-какъ передвигаются, размахивая и крича.

Если побыть нѣкоторое время въ такой курильнѣ, то можно видѣть, какъ мало-по-малу всѣ погружаются въ глубокій сонъ, длящійся, смотря по количеству выкуреннаго опіума и натурѣ курильщика, отъ 2 до 12 часовъ и сопровождающійся разнообразными сновидѣніями: пріятными или страшными, смотря опять-таки по натурѣ и настроенію курящаго.

Пробужденіе отъ такого сна обыкновенно очень тяжелое: голова, какъ свинцовая, языкъ, побѣлѣвшій и опухшій, отсутствіе всякаго аппетита, и боль во всемъ тѣлѣ.

И вотъ, какъ у пьяницъ чувствуется необходимость опохмелиться, такъ и у курильщика опіума является необходимость новаго возбужденія нервовъ при помощи куренія опіума. Онъ снова закуриваетъ свою трубку и снова продѣлываетъ то же самое. И такъ безъ конца, какъ страждущій запоемъ алкоголикъ.

Въ концѣ концовъ имъ овладѣваетъ или сумасшедшій, какъ въ бѣлой горячкѣ, бредъ, дѣлающій его настолько опаснымъ, что, напримѣръ, на островѣ Явѣ голландскія власти должны были издать указъ умерщвлять такого рода опасныхъ для общества курильщиковъ, или же его поражаетъ параличъ и вообще всѣ тѣ страшные результаты, о которыхъ мы сообщали, говоря о морфинистахъ.

Китайское правительство постоянно боролось и борется съ опіумомъ, хотя доходъ, приносимый государству куреніемъ, очень великъ, такъ какъ налогъ взимается съ каждой трубки въ курильняхъ.

Покойный богдыханъ и покойная богдыханша принимали самыя энергичныя мѣры, чтобы побѣдить это зло. Китайскіе прогрессисты устраивали публичныя чтенія, писали и ставили пьесы для народа, гдѣ въ мрачныхъ краскахъ изображали вредъ опіума и жалкій конецъ тѣхъ людей, которые увлекаются опіумомъ.

Но все напрасно; наслажденіе, получаемое отъ куренія является для людей Востока настолько сильнымъ и пріятнымъ, что они предпочитаютъ скорѣе умереть ужасной смертью, чѣмъ бросить курить.

И немало знатныхъ китайскихъ дамъ и даже бѣдныхъ простыхъ китаянокъ, которыя съ увлеченіемъ одурманиваютъ себя этимъ страшнымъ зельемъ.

А между тѣмъ, какъ красиво, какъ очаровательно выглядитъ цвѣтущее поле этого яда, особенно въ Китаѣ!

«Я не могъ оторвать глазъ, говоритъ одинъ, видѣвшій такое поле, путешественникъ, отъ моря чудныхъ

цвѣтовъ, яркихъ, какъ огненныя точки, нѣжно-розовыхъ, блѣдно-лиловыхъ, нѣжно-бѣлыхъ.

«Никогда въ Россіи я не видалъ такого разнообразія оттѣнковъ въ цвѣтахъ мака и никогда у насъ эти цвѣты не бываютъ такъ велики и пышны. Я смотрѣлъ, и мнѣ казалось, что каждый цвѣтокъ дышетъ, живетъ, смѣется. Набѣжалъ горячій вѣтерокъ, цвѣты заволновались и выпрямились опять».

И когда онъ, очарованный такимъ зрѣлищемъ, продолжалъ смотрѣть на это прелестное поле, вдругъ представилось ему другое зрѣлище, зрѣлище неприглядной обстановки китайской народной курильни съ широкими лавками и бѣдно одѣтыми, чуть не въ рубищѣ лежащими на нихъ людьми, но на лицахъ которыхъ выражалось такое неземное блаженство, такое наслажденіе, «что я не зналъ», говоритъ онъ, «проклинать ли эти прекрасные цвѣты или, быть-можетъ, примириться съ ними».

Всѣмъ сказаннымъ, однако, не ограничивается еще роль мака въ жизни человѣческой. Кромѣ сейчасъ описаннаго снотворнаго его дѣйствія, древніе народы обратили вниманіе еще на его чрезвычайную плодовитость*), и потому онъ служилъ у нихъ даже символомъ плодородія.

Вслѣдствіе этого, онъ является постояннымъ атрибутомъ Геры (Юноны), богини плодородія и супружества, которой храмъ и статуя на островѣ Самосѣ были всегда украшены маковыми головками, и богини жатвы Цереры, о чемъ мы, впрочемъ, говорили уже выше. Кромѣ того, съ макомъ изображался еще Меркурій, который держалъ его всегда въ лѣвой рукѣ.

Иногда также количество зеренъ маковой головки служило олицетвореніемъ цѣлаго населенія города. Такъ, Гаральдъ въ своихъ Pythagorae Symbola говоритъ о макѣ: «Paraviris fertilitatis et urbis symbolum fuit», т. е. плодородіе мака было символомъ города, чѣму, замѣтимъ въ поясненіе, немало, быть-можетъ, способствовали и самая форма маковой коробочки, вырѣзы которой у верхушки имѣютъ нѣкоторое сходство съ зубчатыми стѣнами древнихъ городовъ.

Не знаю, сохранилось ли такое символическое значеніе плодородія за макомъ въ среднихъ вѣкахъ, но въ наше время во многихъ мѣстностяхъ Германіи существуетъ обычай, который является нѣкоторымъ образомъ его отго-

*) Извѣстно, что въ каждой маковой головкѣ (коробочкѣ) число сѣмянъ превышаетъ 30.000.

лоскомъ — это обычай сыпать въ башмаки новобрачной маковыя зерна, какъ пожеланіе, чтобы она была не бездѣтна.

Отголоски этого значенія встрѣчаются также и въ нашихъ великорусскихъ, а равно и бѣлорусскихъ, малороссійскихъ загадкахъ и пѣсняхъ, гдѣ макъ является нерѣдко отраженіемъ понятія о материнствѣ. Такъ, макъ часто загадываютъ такимъ образомъ: «Стоиць полка, а у тэй полки сямьсотъ воеводъ», или: «пидъ однымъ ковпакомъ 700 казаковъ». Находящееся здѣсь число семьсотъ встрѣчается также нерѣдко въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ, гдѣ имъ выражается число бояръ или сватовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вся родня.

Кромѣ того, у насъ макъ или, лучше сказать, маковое зерно является еще символомъ всего мельчайшаго, незначительнаго, а собираніе мака представляется символомъ невозможности что-либо выполнить, или вообще громаднаго затрудненія.

Такъ, напр., голодный, желая показать степень голода, говоритъ: «у меня съ самаго утра ни маковой росинки во рту не было»; и, желая выразить что-либо невыполнимое, что̀ трудно даже сосчитать, говоритъ: «какъ макомъ усыпано» (усѣяно), или «макъ-макомъ» (мелко, часто, густо).

Затѣмъ макъ играетъ немаловажную роль еще и въ языческихъ религіозныхъ обрядахъ нашихъ предковъ. Такимъ отголоскомъ является, напр., извѣстная малороссійская игра «макъ», представляющая собой обрядъ посѣва нашими предками мака или, лучше сказать, вообще всѣхъ огородныхъ овощей, ихъ дальнѣйшаго произрастанія и наконецъ созрѣванія. Этотъ обрядъ являлся чѣмъ-то въ родѣ языческаго заклинанія, имѣвшаго цѣлью получить благопріятные результаты посѣва мака и другихъ овощей. Игра эта производится такъ:

Дѣвочки, взявшись за руки, говоритъ г. Ивановъ, давшій прекрасное описаніе этой игры въ Купянскомъ уѣздѣ, составляютъ кругъ, въ серединѣ котораго одна изъ играющихъ садится на землю. Хороводъ ходитъ кругомъ и поетъ:

„Соловейчку—спадку, спадку (трескунъ)!
Чы бувавъ же ты въ садку, въ садку?
Чы выдавъ же ты, якъ макъ сіють?
Ой, такъ-такъ сіють макъ!“

При этомъ или весь хоръ, или только одна сидящая дѣвочка показываетъ жестомъ, какъ сѣютъ макъ.

Потомъ, обратясь къ сидящей, спрашиваютъ ее: «пора ли сѣять макъ?» «Я уже посѣяла», отвѣчаетъ сидящая. Хороводъ снова поетъ: «Ой, на гори макъ» и т. д. Затѣмъ спрашиваютъ: «Ты зійшовъ (взошелъ), макъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, опять поютъ. Наконецъ, когда на вопросъ, «поспѣлъ ли макъ», получается отвѣтъ — «да, поспѣлъ!», тогда всѣ составлявшія хороводъ дѣвочки бросаются къ сидѣвшей со словами: «дай мачку, дай мачку!», а она отъ нихъ убѣгаетъ.

Къ числу сохранившихся у насъ старинныхъ языческихъ обрядовъ, связанныхъ съ макомъ, надо указать еще на свадебный обычай села Михалкова, Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, «дзѣлиць кашу» вечеромъ на слѣдующій день послѣ брачной ночи.

Старшая тетка жениха, какъ разсказываетъ г. Дикаревъ, подноситъ каждому на тарелкѣ кашу, приговаривая: «обсылайе князь княгиню*) кашею, да не такъ кашею, якъ покрасою». При раздачѣ каши поютъ:

„Колы каша зъ медомъ,
То оддадзимъ медведзимъ;
А колы зъ макомъ,
Оддадзимъ собакамъ;
А колы зъ сытою,
Дакъ возьмемъ зъ собою“.

Затѣмъ выносятъ изъ избы столъ и ставятъ его передъ порогомъ; на этомъ столѣ ставятъ водку и закуску и гуляютъ до поздней ночи.

Обрядъ этотъ заимствованъ, повидимому, у грековъ.

Для объясненія смысла приведенной пѣсни, г. Дикаревъ указываетъ, что греческая богиня луны Артемида въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи изображалась медвѣдицей, Эринніи (фуріи), богини мести, назывались адскими собаками, а Геката (богиня луны въ аду), властвовавшая надъ Эринніями, называлась также по-гречески kion — собака. Упоминаемый въ пѣснѣ медъ наравнѣ съ виномъ входитъ у грековъ въ составъ возліяній богамъ въ честь умершихъ; принесеніе же его въ жертву Артемидѣ пріурочено къ ней по созвучію слова: *mel* — медъ съ ея прозвищемъ *melena* — темная.

Замѣтимъ кстати, что древніе греки имѣли обыкновеніе приносить въ жертву своимъ богамъ такихъ животныхъ и такія растенія, названіе которыхъ имѣло созвучіе съ именемъ или прозвищемъ боговъ или вообще имѣло къ нимъ какое-либо отношеніе.

*) Въ древне-русскихъ пѣсняхъ новобрачные, какъ извѣстно, часто называются княземъ и княгинею.

Одно изъ такихъ жертвоприношеній мака матери Афродитѣ отразилось и въ нашемъ малороссійскомъ обычаѣ призывать Долю (Dole по-гречески «обманщица» — одно изъ прозвищъ Афродиты) 24 ноября, въ день Св. Екатерины *).

Призываніе это заключается въ томъ, что дѣвушки, собравшись въ какую-нибудь хату, варятъ кашу изъ пшена и мака и поочередно лазятъ на ворота, приговаривая: «Доля, ходы до насъ вечеряты!». Обрядъ этотъ, по словамъ Дикарева, соотвѣтствуетъ греческой «гекатиной вечерѣ», которую выставляли на перекресткѣ трехъ дорогъ, да и самое празднованіе памяти Св. Екатерины совпадаетъ съ временемъ греческихъ празднествъ въ честь Гекаты.

Другимъ оригинальнымъ малороссійскимъ обычаемъ, имѣющимъ также, повидимому, отношеніе къ древнегреческимъ, является обсыпаніе макомъ такихъ мѣстъ, гдѣ желаютъ парализовать дѣйствіе вѣдьмъ. Такое обсыпаніе совершается и понынѣ, и еще недавно, въ одной изъ станицъ Кубанской области, одинъ казакъ, выйдя рано поутру на свой дворъ, замѣтилъ на снѣгу разсыпанный макъ и слѣды женскихъ ногъ. По примѣркѣ слѣды пришлись къ ногамъ сосѣдки, и она была привлечена къ суду.

Макъ, употребляемый противъ вѣдьмъ, долженъ быть дикій (макъ-самосѣйка) и освященъ на св. Маковія, т. е. въ день мучениковъ Маккавеевъ, 1 августа. Если макомъ обсыпать домъ, то можно быть увѣреннымъ, что это защититъ его отъ всякихъ хитростей и навожденій вѣдьмъ.

Переходя теперь къ Западной Европѣ, мы должны сказать, что и здѣсь, кромѣ вышеприведеннаго обычая всыпать макъ въ башмаки новобрачной, существуетъ еще немало другихъ, связанныхъ съ макомъ, обычаевъ и повѣрій.

Такъ, въ Германіи говорятъ, что если въ полночь подъ Рождество стать на перекресткѣ двухъ дорогъ со ступкой, въ которую насыпать макъ, и три раза ударить въ нее пестикомъ, то въ раздающихся глухихъ звукахъ можно узнать о событіяхъ наступающаго года. А въ Познани въ рождественскій сочельникъ приготовляютъ изъ мака, молока и хлѣбныхъ сухарей родъ клецокъ и ѣдятъ ихъ, такъ какъ сущестуетъ повѣрье, что это приноситъ счастье хозяйству на цѣлый годъ.

---

*) Екатерина соотвѣтствуетъ другому греческому прозвищу Афродиты — aiderinus — адская Эриннія.

Обычай этотъ такъ распространенъ среди мѣстныхъ крестьянъ, что въ этотъ вечеръ нѣтъ деревенскаго дома, гдѣ бы не подавалось это кушанье вмѣстѣ съ жареными гусемъ и свининой. Въ Нидерзейдлицѣ по этому поводу сложилась даже поговорка:

„So viel Pielchen,
So viel Hülchen".

(сколько клецокъ, столько и гусятъ, подразумѣвается, будетъ въ слѣдующемъ году).

Макъ же является въ Германіи еще и средствомъ для заклинанія, и въ Тюрингіи, напр., существуетъ сказаніе, будто, благодаря такому заклинанію, съ макомъ погибли извѣстныя, нѣкогда богатыя, цвѣтущія тамъ золотоносныя розсыпи.

Преданіе это говоритъ, будто, мать одного невинно-обвиненнаго въ кражѣ золота и казненнаго за это рудокопа этихъ розсыпей наполнила полкружки маковыми зернами и, отправившись къ самому богатому золотомъ ихъ мѣсту, высыпала эти зерна. Высыпая ихъ, она съ проклятіемъ пожелала, чтобы всѣ розсыпи погибли и оставались безъ обработки столько лѣтъ, сколько было маковыхъ зеренъ въ сосудѣ. И тотчасъ же, говоритъ преданіе, горные потоки затопили всю мѣстность, и такъ долго процвѣтавшее горное дѣло погибло навсегда.

Въ заключеніе укажемъ еще на интересное повѣрье, существующее во многихъ мѣстностяхъ Германіи, будто макъ растетъ всегда въ обиліи на поляхъ битвъ.

Главнымъ основаніемъ этого народнаго повѣрья послужила, конечно, красно-кровавая окраска его цвѣтовъ; но на самомъ дѣлѣ обиліе здѣсь мака легко объясняется тѣмъ, что на этихъ поляхъ обыкновенно стараются не пускать пастись скотъ, вслѣдствіе чего макъ здѣсь имѣетъ больше времени для вызрѣванія и затѣмъ, разсѣвая ежегодно въ обиліи свои многочисленныя сѣмена, со временемъ чуть не сплошь покрываетъ эти поля своими ярко-красными цвѣтами.

Народъ однако говоритъ: «это не цвѣты, это кровь убитыхъ, которая поднимается къ намъ изъ земли и, превратившись въ кровавые цвѣты мака, проситъ насъ молиться объ упокоеніи ихъ грѣшныхъ душъ».

Отсюда же, быть-можетъ, происходитъ также и распространенное во Фландріи и Брабантѣ запугиваніе дѣтей: не ходить на поля мака, такъ какъ цвѣты его

высасываютъ кровь, а съ другой стороны и даваемое имъ здѣсь названіе «sprokelloem» — «цвѣты привидѣній».

Нѣчто подобное же мы встрѣчаемъ еще и въ слѣдующемъ интересномъ кавказскомъ преданіи.

Случилось это, какъ разсказываютъ мѣстные жители, еще въ то доброе, старое время, когда пророкъ Магометъ являлся правовѣрнымъ, наставляя ихъ на путь истины и добра.

Жили въ одной саклѣ въ Кабардѣ братъ съ сестрой. Братъ живой, веселый, а сестра задумчивая, грустная.

И вздумалъ братъ, влюбившись въ жившую въ сосѣднемъ аулѣ красавицу, жениться. Увезъ ее оттуда и привезъ домой.

Сестра встрѣтила ее привѣтливо, ласково и стали жить; но не сошлись характерами.

Вскорѣ возненавидѣла красавица сестру, стала лить по цѣлымъ днямъ слезы и объявила наконецъ мужу, что вмѣстѣ съ ней на свѣтѣ жить не можетъ.

— Убей меня, молю тебя, — добавила она.

Братъ старался всячески уладить дѣло, убѣждалъ жену, что сестра милый, хорошій человѣкъ, что она искренно любитъ ее, но все напрасно.

Красавица твердила: — убей меня или ее. Ненавижу ее, пока она живетъ, дышать свободно не могу...

Любилъ братъ сестру, но любовь къ женѣ оказалась сильнѣе.

Мучился, мучился, думалъ, думалъ и наконецъ, разбудивъ однажды ночью сестру, повелъ ее на опушку лѣса и убилъ.

Упала со стономъ бѣдная, обливая кровью землю, не произнося слова обиды.

Тутъ только понялъ братъ, что онъ сдѣлалъ.

Душа его проснулась, ужасъ охватилъ его, съ крикомъ бросился онъ въ лѣсъ и началъ метаться, какъ безумный.

Бѣгалъ, бѣгалъ и, наконецъ, разбитый усталостью, изнеможенный, упалъ ничкомъ на землю.

Долго лежалъ онъ здѣсь, не зная, былъ ли то день, была ли то ночь, когда предсталъ передъ нимъ какой-то святой старецъ.

Увидѣвъ святого человѣка, убійца исповѣдался передъ нимъ въ своемъ страшномъ грѣхѣ и, припавъ къ его ногамъ, молилъ его помочь освободить его душу отъ тяжкихъ страданій.

Старецъ, подумавъ, сказалъ: — грѣхъ твой великъ, муки нестерпимы и одно, что можетъ искупить ихъ —

это огненное страданіе. Ступай и сдѣлай, что я тебѣ велю.

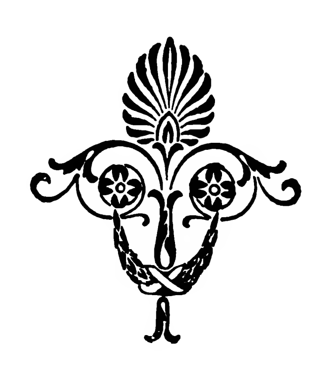
Обрадованный братъ понялъ и поспѣшилъ исполнить приказаніе.

Набралъ сухихъ листьевъ, мху, сучьевъ, обломковъ дерева, снесъ ихъ въ одно мѣсто, сложилъ костеръ, взошелъ на него, поджегъ и сгорѣлъ въ немъ до тла. Остались одни только обгорѣлыя кости...

Прошла осень, прошла зима, наступило теплое время, и когда вся земля покрылась яркимъ ковромъ зелени и цвѣтовъ, на мѣстѣ костра выросъ длинный, какъ бы простирающій къ небу листья, стебель конопли, а на опушкѣ лѣса, на землѣ, смоченной кровью сестры, заалѣлъ крупный красивый макъ.

И съ той поры носятъ на мѣстномъ нарѣчіи макъ названіе «кызлана-канъ» — дѣвичьей крови, а конопля — «джа шлага-канъ» — крови юноши.

«Правда ли, нѣтъ ли, это сказаніе», говорятъ кабардинцы, «конечно, одному Богу извѣстно, но скорѣе всего, что правда!..»

Цвѣтокъ императора Вильгельма I, эмблема германскаго владычества — василекъ.

Если макъ такъ украшаетъ хлѣбныя поля нашего юга, то красой ихъ на сѣверѣ является василекъ. Прелестный, синій, какъ южное небо, цвѣточекъ этотъ служитъ необходимой принадлежностью и вѣрнымъ спутникомъ ржаного поля и почти никогда и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ въ дикомъ видѣ не встрѣчается; а если бы и встрѣтился, то это могло бы только служить вѣрнымъ указаніемъ того, что тамъ, гдѣ онъ теперь растетъ, было нѣкогда хлѣбное поле или дорога, которая вела къ нему.

Такая постоянная связь василька съ рожью объясняется тѣмъ, что василекъ — растеніе не туземное, а былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ рожью, родиной которой, какъ извѣстно, считается примыкающая къ южной Россіи западная часть Азіи.

Вслѣдствіе этого, онъ, какъ и рожь, не былъ извѣстенъ ни древнимъ египтянамъ, ни древнимъ грекамъ, особенно же въ первые періоды существованія Греціи.

Первое его появленіе въ Европѣ, повидимому, надо отнести ко временамъ Плинія Старшаго, жившаго съ 37 по 79 годъ по Р. Х., когда рожь въ древнемъ Римѣ считалась еще за такой хлѣбный злакъ, которымъ можно питаться только въ случаѣ крайняго голода. Этотъ же Плиній, говоря о василькѣ, какъ о цвѣткѣ, употребляемомъ для плетенія вѣнковъ, сообщаетъ, что во времена Александра Великаго онъ въ Греціи не былъ еще извѣстенъ.

По другимъ источникамъ, василекъ попалъ въ Европу

еще позднѣе, лишь во времена крестовыхъ походовъ, когда къ намъ было занесено и другое, вѣчно сопровождающее рожь, сорное растеніе куколь. Но противъ послѣдняго мнѣнія двѣ древне-римскихъ легенды, ясно свидѣтельствующія, что василекъ былъ прекрасно знакомъ древнимъ римлянамъ.

Одна изъ нихъ сообщаетъ, что цвѣтокъ этотъ получилъ свое названіе (Cyanus) Ціанусъ *) отъ имени одного прекраснаго юноши, который былъ такъ увлеченъ его красотой, что все свое время посвящалъ только плетенію изъ него гирляндъ и вѣнковъ. Юноша этотъ никогда не покидалъ полей до тѣхъ поръ, пока на нихъ оставался хотя бы одинъ изъ его любимыхъ васильковъ, и одѣвался всегда въ платье одинаковаго съ ними синяго цвѣта, который его такъ очаровывалъ. Флора была его любимой богиней, а изъ всѣхъ ея даровъ нашъ цвѣтокъ былъ даромъ, который его наиболѣе увлекалъ. Впослѣдствіи онъ былъ найденъ мертвымъ на хлѣбномъ полѣ, окруженный васильками, которые онъ собиралъ. Тогда богиня Флора, за такое его постоянство и въ знакъ особеннаго къ нему своего расположенія за его къ ней любовь, превратила его тѣло въ василекъ, и всѣ васильки съ этихъ поръ стали называться Ціанусъ.

Другая римская легенда такъ объясняетъ причину постояннаго нахожденія васильковъ среди хлѣбныхъ полей.

Когда Церера, богиня жатвы и земледѣлія, говоритъ эта легенда, гуляла однажды по хлѣбнымъ полямъ и радовалась тому благословенію и благодарности, которыя ей расточало за нихъ человѣчество, вдругъ изъ гущи колосьевъ раздался жалобный голосъ росшихъ тамъ васильковъ: «о, Церера, зачѣмъ ты приказала вырасти намъ среди твоихъ хлѣбныхъ злаковъ, которые покрываютъ своими роскошными колосьями всю страну? Сынъ земли разсчитываетъ только количество барыша, который ему принесутъ твои злаки, и не удостоиваетъ насъ даже однимъ благосклоннымъ взглядомъ! Такъ дай же и намъ такую же снабженную колосомъ вершину, какъ у поникнувшихъ отъ тяжести хлѣбныхъ колосьевъ, или же позволь намъ расти гдѣ-нибудь отдѣльно, гдѣ бы мы могли избавиться отъ презрительныхъ взглядовъ человѣка».

На это богиня отвѣтила дорогимъ своимъ цвѣточкамъ: «нѣтъ, милыя мои дѣти, не для того я помѣ-

*) Научное его названіе Centaurea *cyanus*.

стила васъ среди шумящихъ хлѣбныхъ колосьевъ, чтобы вы приносили какую-либо пользу человѣчеству; нѣтъ, ваше назначенiе гораздо выше, чѣмъ то, которое вы предполагаете и которое предполагаетъ человѣкъ: вы должны быть пастырями среди великаго народа — колосьевъ. Потому-то вамъ и не слѣдуетъ, подобно имъ, шумѣть и клониться отягощенной головою къ землѣ, а, наоборотъ, вы должны свободно и весело цвѣсти и глядѣть, какъ чистый образъ тихой радости и твердой вѣры, вверхъ, на вѣчно-синее небо — мѣстопребыванiе божества.

По этой же причинѣ дано вамъ лазоревое, цвѣта небесной тверди, пастырское одѣянiе, чтобы отличить васъ, какъ служителей неба, посланныхъ на землю проповѣдывать людямъ вѣру, а богамъ — вѣрность.

Имѣйте только терпѣнiе, настанетъ день жатвы, когда всѣ эти колосья падутъ подъ рукою жницъ и жнецовъ, и тогда вы, кажущiеся теперь и заброшенными и одинокими, обратите на себя всеобщее вниманiе. Жницы будутъ искать и рвать васъ и, свивъ изъ васъ себѣ вѣнки, украсятъ ими свои головы, или же, связавъ изъ васъ букетики, пришпилятъ ихъ себѣ на грудь».

Слова эти успокоили обиженныхъ васильковъ. Исполненные благодарности, они замолкли и радовались своему выдающемуся положенiю и своему высокому назначенiю.

И такъ продолжаютъ они цвѣсти, какъ прелестные пастыри, среди волнующагося моря колосьевъ и вѣщаютъ людямъ о милости и благости неба.

Еще прелестную старинную легенду о василькахъ находимъ мы у П. Мантегацца.

Однажды небо упрекало растенiя одного хлѣбнаго поля въ неблагодарности. «Все, сказало оно, что̀ населяетъ землю, благодаритъ меня. Цвѣты возсылаютъ мнѣ свои благоуханiя, лѣса — свой таинственный шопотъ, птицы — свое пѣнiе; только вы стоите, какъ окаменѣлые, и упорно молчите, хотя не кто иной, какъ я, наполняетъ ваши ко̀рни освѣжающимъ дождемъ и заставляетъ зрѣть золотистыя зерна въ вашихъ золотистыхъ колосьяхъ».

«Мы нисколько не неблагодарны, возразили колосья, мы украшаемъ землю, твое дитя, вѣчно волнующимся и качающимся моремъ зелени, но мы не можемъ тебѣ иначе выразить нашей благодарности: у насъ нѣтъ способа, чтобы вознестись къ тебѣ; дай намъ его, и мы будемъ осыпать тебя ласками и говорить о нашей къ тебѣ любви».

«Хорошо, сказало небо, если вы не можете вознестись ко мнѣ, такъ я сойду къ вамъ».

И вотъ небо приказало землѣ вырастить среди колосьевъ чудные синіе цвѣточки, кусочки его самого. И съ этихъ поръ стебли хлѣбныхъ злаковъ наклоняются при каждомъ дуновеніи вѣтерка къ этимъ отпрыскамъ синяго неба, ластятся къ нимъ и нашептываютъ имъ нѣжныя слова любви.

Нѣмецкій поэтъ Глазеръ говоритъ:

„Синій василекъ!
Ты весело киваешь головкой
Среди колосьевъ жнецу,
Чтобы твои синіе цвѣточки напоминали
ему о небѣ...“

Научное названіе василька, какъ мы уже выше упоминали, Centaurea cyanus.

Первая половина его производится отъ греческаго миѳологическаго существа — центавра, изображавшагося въ видѣ лошади съ туловищемъ бородатаго человѣка, несущаго въ рукѣ зажженный факелъ.

Одинъ изъ этихъ центавровъ, по имени Хиронъ, отличавшійся умѣніемъ лѣчить цѣлебными травами, нашелъ, что сокъ василька, особенно же Centaurea jacea, обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ заживлять раны, и исцѣлилъ имъ себѣ нанесенную отравленной стрѣлой Геркулеса рану. Это послужило поводомъ назвать растеніе — Centaurea.

Что касается второй половины его названія — «cyanus», то она по-латыни просто обозначаетъ «синій», окраску, которая является характерной для нашего цвѣтка.

Это научное названіе было дано васильку лишь въ XVIII столѣтіи, когда извѣстный шведскій ботаникъ К. Линней впервые привелъ въ порядокъ всю ботаническую номенклатуру и далъ всѣмъ извѣстнымъ въ это время растеніямъ, согласно ихъ отличительнымъ признакамъ или историческимъ даннымъ, имена. У древнихъ же онъ слылъ подъ общимъ названіемъ «ціанусъ».

Василекъ уже издавна считался однимъ изъ лучшихъ цвѣтовъ для плетенія вѣнковъ, и потому требованіе на него, уже начиная съ XVI столѣтія, было такъ велико, что нѣкоторые предпріимчивые садоводы стали его разводить у себя въ садахъ.

Особенно нравился всѣмъ его чистый синій цвѣтъ. Цвѣтъ этотъ побудилъ даже мистиковъ избрать его

символомъ вѣрности и постоянства. Однако, нѣкоторые, вслѣдствіе наклонности цвѣтковъ василька переходить иногда въ краснину или бѣлѣть, считали его, наоборотъ, примѣромъ непостоянства, и даже во многихъ руководствахъ того времени: «О значеніи цвѣтовъ» о немъ говорилось: «Тотъ, чье сердце непостоянно, кто самъ не знаетъ, на чемъ ему еще остановиться, и мириться съ такого рода колебаніемъ, тотъ пусть носитъ васильки, такъ какъ цвѣты эти, будучи сини, веселы, и, обладая способностью переходить въ бѣлый цвѣтъ, не долго сохраняютъ свою основную окраску».

Изъ всѣхъ народовъ Европы наибольшей любовью и популярностью василекъ пользовался и пользуется у нѣмцевъ. Особенно же онъ сталъ имъ дорогъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался любимымъ цвѣткомъ покойнаго императора Вильгельма I и незабвенной для всѣхъ пруссаковъ покойной его матери, королевы Луизы. О томъ, какъ онъ сдѣлался ихъ любимцемъ, мы находимъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Die Gartenlaube» слѣдующій разсказъ:

«Какъ всѣмъ извѣстно, старый герой, императоръ Вильгельмъ I, всегда страстно любилъ цвѣты, и потому въ день его рожденія весь столъ, предназначенный для помѣщенія подносимыхъ ему подарковъ, постоянно былъ сплошь уставленъ чудными букетами роскошнѣйшихъ цвѣтовъ, которые онъ принималъ всегда съ наибольшимъ удовольствіемъ. При этомъ, однако, среди пышныхъ цвѣтовъ теплицъ и садовъ никогда не долженъ былъ быть забытъ и скромный василекъ, его любимецъ, напоминавшій ему его милое, хотя и горькое, прошлое. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ этому синенькому полевому цвѣточку, коренилось въ связи его съ воспоминаніемъ о его доброй, незабвенной матери, королевѣ Луизѣ, и двумъ, самимъ по себѣ очень незначительнымъ, относившимся къ тяжелымъ годамъ приниженія Германіи, случаямъ.

«Тяжелые эти годы, времена наполеоновскихъ войнъ, когда Бонапартъ, сдѣлавшись повелителемъ всей Европы, жестоко мстилъ нѣмецкимъ государямъ, примкнувшимъ къ коалиціи.

«Въ это время, въ продолженіе двухъ лѣтъ (съ 1806 по 1808 г.), бѣдная королева Луиза принуждена была бѣжать изъ Берлина и укрываться въ Кёнигсбергѣ, проводя лѣто и зиму въ небольшомъ, расположенномъ близъ заставы, помѣстьѣ.

Уединенность жилища, вдали отъ всякихъ политическихъ треволненій, благотворно подѣйствовали на

разбитые нервы королевы и помогла ей нѣсколько успокоиться. Здѣсь гуляла она съ своими дѣтьми въ громадномъ лѣсу изъ столѣтнихъ сосенъ и старалась внушить имъ тѣ добрыя начала, которыя впослѣдствіи сдѣлали изъ нихъ сердечныхъ, отзывчивыхъ къ чужому горю, людей.

И вотъ, однажды утромъ, когда, гуляя какъ всегда съ своимъ сыномъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I, и своей дочерью, принцессой Шарлоттой, ставшей потомъ русской императрицей Александрой Ѳедоровной (мать императора Александра II), она хотѣла уже возвратиться въ свой паркъ, къ ней подошла крестьянская дѣвушка, ждавшая ея у воротъ съ цѣлой корзиной васильковъ, и предложила ей купить ихъ.

Желая сдѣлать удовольствіе дѣтямъ, особенно десятилѣтней принцессѣ Шарлоттѣ, которая съ величайшимъ удивленіемъ разглядывала невиданные ею до тѣхъ поръ прелестные синіе цвѣты, королева щедро наградила продавщицу и взяла васильки съ собою въ паркъ. Усѣвшись здѣсь на скамейку, дѣти стали разбирать цвѣты, при чемъ принцесса Шарлотта, при помощи своей матери, старалась свить себѣ изъ нихъ вѣнокъ.

Дѣло быстро наладилось, и вскорѣ вѣнокъ былъ готовъ. Успѣхъ этотъ такъ обрадовалъ и взволновалъ болѣзненную отъ природы дѣвочку, что почти всегда блѣдныя щеки ея зардѣлись яркимъ румянцемъ, и она вся оживилась. Когда же этотъ вѣнокъ былъ надѣтъ ей на голову, то при видѣ, какъ онъ шелъ къ ней, пришли въ восторгъ и всѣ остальныя дѣти.

«Сама по себѣ эта чрезвычайно скромная, охватившая дѣтей, радость влила, однако, глубокое утѣшеніе въ истомившуюся душу давно уже не видавшей даже проблесковъ веселья королевы Луизы, и она почувствовала въ ней какъ бы предвѣстницу близкаго окончанія своихъ страданій.

Кто бы могъ, конечно, тогда подумать, что эта маленькая, украшенная вѣнкомъ изъ васильковъ, дѣвочка сдѣлается императрицей всероссійской, а стоявшій рядомъ съ ней ея юноша-братъ — первымъ императоромъ объединенной Германіи? Но предчувствіе вкрадывается въ насъ какъ-то само собой и какимъ-то необъяснимымъ образомъ заставляетъ насъ предугадывать иногда сокрытое для насъ будущее.

И вотъ и здѣсь, какъ бы охваченная какимъ-то непонятнымъ приливомъ радости, королева Луиза при-

влекла къ себѣ на грудь дѣтей своихъ и крѣпко ихъ расцѣловала, а самый василекъ сдѣлался съ этихъ поръ какъ для нея, такъ и для принцессы Шарлотты, ихъ любимцемъ, предвѣстникомъ новаго свѣтлаго будущаго».

Въ другой разъ — это было во время бѣгства прусскаго королевскаго двора въ Мемель — королевская семья, вслѣдствіе перелома колеса у экипажа отъ ускоренной ѣзды, должна была остановиться среди дороги. Не зная, въ ожиданіи починки экипажа, что́ дѣлать, королева Луиза сѣла съ дѣтьми на краю дороги какъ разъ около хлѣбнаго поля. Дѣти жаловались на усталость и на сильный голодъ.

Желая какъ-нибудь развеселить ихъ, королева начала рвать васильки и плести изъ нихъ вѣнокъ; при этомъ крупныя слезы катились у ней по щекамъ. Замѣтивъ это, второй сынъ ея, Вильгельмъ (впослѣдствіи германскій императоръ), отличавшійся очень мягкимъ сердцемъ и сильной любовью къ матери, началъ утѣшать и обнимать ее. Тронутая этой сыновней любовью, королева улыбнулась, ободрилась и, смѣясь, надѣла вѣнокъ изъ васильковъ на голову сына.

Вскорѣ помощь пришла, экипажъ исправили, и королевская семья благополучно избѣгла плѣна.

Оба эти случая, какъ они ни были незначительны, являлись среди тяжелыхъ испытаній какъ бы проблесками отдаленнаго счастья и потому остались вѣчно памятными какъ для императора Вильгельма, такъ и для всей остальной королевской семьи.

Въ народѣ циркулируетъ, наконецъ, еще третій разсказъ о связи нынѣ царствующаго германскаго дома съ васильками.

Разсказываютъ, будто, на одномъ придворномъ балу, данномъ поневолѣ несчастной королевской четой императору Наполеону и его генераламъ, королеза Луиза появилась безъ всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній, лишь съ вѣнкомъ изъ васильковъ на головѣ. И когда французы по поводу этого начали отпускать остроты, то королева замѣтила:

«Да, господа, всѣ наши драгоцѣнныя вещи частью разграблены, частью проданы, чтобы хоть сколько-нибудь помочь нуждамъ нашей разоренной страны; а наши поля такъ вами вытоптаны, что даже и полевой цвѣтокъ является теперь большой рѣдкостью».

На это побѣдители не нашлись что́ отвѣтить и замолчали.

Прошло много лѣтъ, и предчувствія королевы Луизы оправдались. Василекъ не обманулъ ее.

Находившаяся въ изгнанiи и угнетенiи королевская семья была возстановлена въ своихъ правахъ, а принцесса Шарлотта изъ маленькой, незначительной принцессы, выйдя замужъ за императора Николая I, сдѣлалась, какъ это мы уже выше говорили, могущественной императрицей всероссiйской.

И вотъ, когда эта императрица много лѣтъ спустя какъ-то разъ проѣзжала черезъ Кёнигсбергъ, жители этого города, желая ей сдѣлать удовольствiе и напомнить о времени, прожитомъ ею въ его окрестностяхъ, устроили ей торжественную встрѣчу, въ которой выдающуюся роль играли васильки. Во главѣ пришедшей ее привѣтствовать процессiи находились молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, съ вѣнками васильковъ на головѣ и съ корзинками этихъ цвѣтовъ въ рукахъ. Всѣ зданiя города были убраны вѣнками и гирляндами изъ васильковъ, всѣ памятники обвиты ими, и даже всѣ древки знаменъ, вывѣшенныхъ на домахъ, ими украшены. Самая красивая изъ дѣвушекъ поднесла ей чудную корзину этихъ цвѣтовъ, а остальныя бросали свои васильки на землю и усыпали ими ея путь.

Императрица была разстроена до слезъ этимъ сердечнымъ прiемомъ и высказала свою глубокую благодарность, что кёнигсбергцы для ея встрѣчи выбрали столь дорогой для нея василекъ.

О счастливомъ предзнаменованiи для королевскаго прусскаго дома василька мы находимъ еще слѣдующую замѣтку въ записной книжкѣ наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма, веденной имъ во время войны съ Австрiей въ 1866 году.

Въ книжкѣ этой значится при описанiи битвы при Находѣ: «Полковникъ Валькеръ обратилъ мое вниманiе на росшiе вокругъ насъ васильки. Я сорвалъ одинъ изъ нихъ и взялъ съ собой для моей жены. Это показалось мнѣ добрымъ предзнаменованiемъ и должно быть отнесено къ числу тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ выразилось для насъ значенiе этого цвѣтка».

Вслѣдствiе всего вышеописаннаго, этотъ любимый императоромъ Вильгельмомъ I цвѣтокъ сдѣлался въ борьбѣ, возгорѣвшейся за послѣднiе годы въ Богемiи за преобладанiе языковъ *), цвѣткомъ нѣмецкой партiи и счи-

*) Чехи желаютъ, чтобы все судопроизводство, вся офицiальная переписка и пр. велись не на нѣмецкомъ языкѣ, какъ до сихъ поръ, а на чешскомъ, а нѣмцы противъ этого.

тается символомъ нѣмецкихъ взглядовъ. А потому даже ношеніе его въ петлицѣ возбуждаетъ въ чехахъ ненависть, и въ нѣмецко-богемскихъ журналахъ то и дѣло попадаются обидныя и даже оскорбительныя нападки на всѣхъ тѣхъ, кто носитъ васильки.

Но цвѣтокъ этотъ играетъ политическую роль еще и въ Бельгіи, и во Франціи. Въ первой онъ является эмблемой свободы, во второй — антисемитизма. Въ Бельгіи имъ нерѣдко украшаются горнорабочіе въ дни стачекъ и свободомыслящіе въ дни борьбы съ клерикальной партіей, а во Франціи въ дни своихъ собраній антисемиты, ненавистники евреевъ.

Съ васильками связано въ Германіи также немало повѣрій.

Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе того, что стебель и чашечка василька покрыты бѣловатыми, похожими на нити плѣсени, волосками, въ Помераніи крестьяне вѣрятъ, что хлѣбъ плѣсневѣетъ, если держать въ комнатахъ васильки. Съ другой стороны, здѣсь же водяной отваръ этихъ цвѣтовъ считается прекраснымъ средствомъ отъ воспаленія глазъ.

Впрочемъ, настой этихъ цвѣтовъ на снѣговой водѣ считался въ прежнее время главнымъ средствомъ для подкрѣпленія глазъ даже и французской медицинской академіей и носилъ названіе «casse-lunettes» (разбивающій очки), такъ какъ предполагалось, что, благодаря ему, больные глаза настолько укрѣпляются, что не имѣютъ болѣе нужды въ очкахъ. Леченіе глазъ васильковой водой практикуется и нашими русскими знахарями.

Далѣе вѣрятъ, что васильковое растеніе, вырванное въ день праздника Тѣла Христова съ корнемъ изъ земли, останавливаетъ кровотеченіе изъ носа, если его держать въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока оно не согрѣется. Осенью же, по количеству сѣмянъ, найденныхъ въ плодѣ василька, считаютъ возможнымъ заключить о цѣнѣ въ будущемъ году на хлѣбъ. «Сколько сѣмечекъ, говорятъ они, въ плодѣ василька, столько талеровъ или грошей пользы принесетъ мѣра ржи».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи пользуются еще васильками для запугиванія дѣтей, чтобы они не ходили по хлѣбнымъ полямъ и не топтали ржи.

«Если будете рвать васильки, говорятъ имъ, то ржаной козелъ (Kornbock) схватитъ васъ и убьетъ рогами». Вмѣсто козла, роль пугала иногда играетъ также ржаной волкъ (Kornwolf).

Повѣрье это идетъ еще изъ среднихъ вѣковъ, и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1343 году, какъ сообщаетъ Мангардтъ, въ Васильковой улицѣ былъ даже домъ, который носилъ названіе Kornwolf (ржаной волкъ).

Вслѣдствіе этого, иногда и самый василекъ въ деревняхъ называютъ козломъ (Ziegenbock) и считаютъ олицетвореніемъ какого-то полевого лѣшаго или демона. Лѣшій этотъ, по ихъ повѣрью, сидитъ въ василькѣ и, когда жнутъ хлѣбъ, нападаетъ на лѣнивыхъ рабочихъ и работницъ, поражая ихъ болѣзнью. А потому, когда крестьянскія дѣвушки идутъ въ первый разъ жать, то ихъ предупреждаютъ: «берегитесь, какъ бы васъ, ржаной козелъ не ударилъ!» И если какая-либо изъ нихъ отъ жары или утомленія заболѣетъ, то говорятъ: «это ржаной козелъ ее зашибъ».

Такое же почти повѣрье существуетъ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи. Только тамъ мѣсто козла занимаетъ волкъ, и потому про лѣнивыхъ рабочихъ и работницъ говорятъ, что въ нихъ засѣлъ волкъ (ils ont le loup).

Изъ васильковъ въ прежнее время добывали прекрасную синюю краску, очень похожую на ультрамаринъ.

Для этого брали не язычковые, окружные цвѣтки василька, а трубчатые, находящіеся посерединѣ цвѣтка, которыхъ окраска темнѣе, и, положивъ ихъ въ мраморную ступку, выжимали изъ нихъ сокъ пестикомъ и подбавляли въ него квасцовъ, а затѣмъ все сливали въ чистый сосудъ и хранили въ немъ до употребленія. Изъ язычковыхъ же цвѣтковъ дѣлали болѣе блѣдную, голубую краску.

Теперь эта краска вышла изъ употребленія, но зато изъ васильковъ дѣлаютъ уксусъ. Какъ его приготовляютъ, не знаю, но знаю, что это одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ дешевыхъ сортовъ уксуса, продающихся у насъ въ овощныхъ лавкахъ и на рынкѣ.

Въ заключеніе скажу, что наше русское названіе этого цвѣтка «василекъ» произошло, по словамъ одного малороссійскаго сказанія, отъ имени одного молодого парня и въ то же время единственнаго сына у матери, «Василя», околдованнаго, будто, и погубленнаго русалкой. Увлеченный ею въ поле, говоритъ это сказаніе, онъ превратился въ синій цвѣтокъ, напоминавшій своей окраской глубокую воду.

Повѣрье это, какъ полагаетъ де-Губернатисъ, ведетъ свое начало изъ Византіи и имѣетъ большое сходство

съ сицилійскимъ повѣрьемъ о цвѣткѣ базиликѣ (Ocimum), наше простонародное названіе котораго, несомнѣнно происходитъ отъ того же корня. Тамъ братья красавицы Избетты убиваютъ молодого человѣка, въ котораго она влюблена. Избетта прячетъ отрубленную голову его подъ горшкомъ съ базиликомъ, и когда они отнимаютъ у нея и эту голову, то ухаживаетъ за базиликомъ, увѣренная, что въ него переселилась душа ея возлюбленнаго.

Здѣсь же молодой Василь погибаетъ въ объятіяхъ русалки, и его душа переселяется въ цвѣтокъ, который съ этой поры начинаетъ носить его имя.

Василекъ играетъ иногда роль и въ нѣкоторыхъ нашихъ народныхъ празднествахъ, связанныхъ съ хлѣбопашествомъ.

Такъ, во Владимірской губерніи, по словамъ Сахарова, онъ участвуетъ въ интересномъ обрядѣ «водить колосъ».

Такъ называется шествіе на засѣянныя поля, когда около Троицына дня рожь начинаетъ колоситься.

Молодыя женщины, дѣвушки и парни, собравшись на окраинѣ деревни, схватываются попарно руками, образуя изъ нихъ крестъ и становятся въ два ряда, обратясь другъ къ другу лицомъ.

Потомъ по такимъ образомъ соединеннымъ рукамъ пускаютъ итти, какъ по какому мосту, всю убранную васильками и лентами маленькую дѣвочку.

Пара, по рукамъ которой она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда, и такъ процессія подвигается постепенно до самой нивы, до самого мѣста, гдѣ растетъ рожь.

Здѣсь дѣвочку опускаютъ на землю. Она срываетъ нѣсколько колосьевъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви.

Шествіе сопровождается пѣніемъ.

Все время поютъ слѣдующую пѣсню:

„Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу,
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дикушей, со пшеницей“.

Другое празднество, гдѣ принимаетъ участіе василекъ, носитъ названіе «имяниннаго снопа». Оно происходитъ уже къ концу лѣта, когда рожь, ячмень и пшеница поспѣли.

Тогда хозяйка съ хлѣбомъ-солью и срѣтенской свѣчей въ рукахъ отправляется зажинать ниву. И вотъ первый сжатый снопъ и носитъ названіе «имянинника».

Хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ его у божницы, гдѣ онъ и остается до молотьбы. Затѣмъ его обмолачиваютъ отдѣльно и, собравъ съ него зерна, несутъ ихъ въ церковь для освященія; послѣ чего часть этихъ освященныхъ зеренъ смѣшиваютъ съ сѣменами, оставленными для засѣва полей на будущій годъ, а часть хранятъ, какъ цѣлительное средство противъ разнаго рода недуговъ.

Въ нѣкоторыхъ же малорусскихъ уѣздахъ празднество это происходитъ нѣсколько иначе.

По окончаніи жатвы жницы обходятъ ниву, собираютъ еще оставленные случайно несрѣзанными колосья и вьютъ изъ нихъ вѣнокъ, переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами.

Вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку и съ пѣснями отправляются на хозяйскій, а въ прежнее время, на господскій дворъ.

Впереди идетъ мальчикъ и несетъ украшенный теперь также васильками и другими цвѣтами имянинный снопъ.

Подходя къ воротамъ, поютъ:

„Отопри, хозяинъ, новы ворота,
Несемъ вѣночекъ изъ чистаго золота.
Ой, выйди, хозяинъ, хоть на крылечко,
Выкупь, выкупь золотой вѣночекъ,
Такъ какъ вѣночекъ этотъ обвитъ золотомъ“.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ хлѣбомъ и солью, угощаетъ обѣдомъ и поитъ водкой.

Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ и васильковъ, и снопъ, принесенный мальчикомъ, передается хозяину со словами: «дай Боже, чтобы и на тотъ годъ уродился хлѣбъ».

Снопъ и вѣнокъ должны простоять въ переднемъ углу подъ образами до 6-го августа — Спаса Преображенія, а въ этотъ день ихъ несутъ въ церковь и освящаютъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ новой ржи, съ новыми сотами меда и новыми яблоками и грушами.

Зерна освященныхъ колосьевъ хранятъ до будущаго посѣва.

У лужичанъ же первый снопъ ставятъ стоймя на возъ поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ.

Возъ сопровождаютъ жницы, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другая держитъ въ рукахъ васильки и другіе полевые цвѣты.

Василекъ связанъ у насъ также съ именемъ мученика Вассы. По народному повѣрью, если сѣять рожь въ день празднованія памяти этого святого, то ее непремѣнно заглушатъ васильки.

Это, повидимому, такая же игра созвучія словъ, какъ напр., совѣтъ собирать 10-го мая въ день Симона Зилота, лечебныя травы — «зелья», если хотятъ, чтобы онѣ имѣли особенно цѣлебную силу и искать кладовъ и сѣять пшеницу, если хотятъ, чтобы она уродилась, какъ «золото».

Не могу, наконецъ, пройти молчаніемъ еще прелестной басни Крылова: «Василекъ», въ которой нашъ цвѣтокъ сыгралъ нѣкоторую, хотя, быть-можетъ, и косвенную, но все-таки историческую роль. Басня эта, какъ извѣстно, посвящена императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (матери императора Александра I) и начинается такъ:

„Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ кончины..."

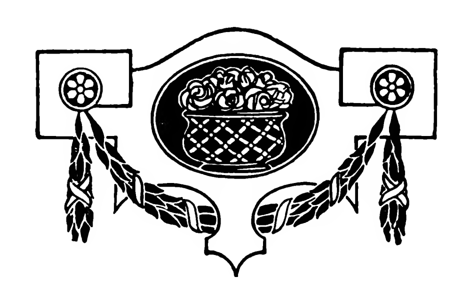
Разсказываютъ, что когда въ 1823 году съ Крыловымъ сдѣлался такой сильный апоплексическій ударъ, что пользовавшіе его врачи отчаивались въ его выздоровленіи, то императрица Марія Ѳеодоровна, питавшая къ нашему знаменитому баснописцу всегда большое расположеніе, прислала ему букетъ цвѣтовъ и переселила его для поправленія здоровья къ себѣ въ Павловскъ, сказавъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣе поправится».

Такое высочайшее вниманіе такъ глубоко тронуло старика (Крылову въ это время было уже 55 лѣтъ), что когда онъ впослѣдствіи, дѣйствительно, совсѣмъ поправился, то первой написанной имъ послѣ его тяжелой болѣзни басней была басня «Василекъ», въ которой онъ, выражая свою благодарность, подъ солнцемъ изобразилъ императрицу, а себя — въ видѣ василька, — простого дикаго цвѣтка, который недостоинъ того, какъ это высказываетъ въ баснѣ жукъ, чтобы солнышко его пригрѣло. «Но тѣмъ не менѣе», восклицаетъ онъ съ восторгомъ въ заключеніе:

„...Солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству флорину разсыпало лучи
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило“.

Что касается до букета императрицы, то Крыловъ бережно его засушилъ, часто имъ любовался и завѣщалъ, чтобы, когда онъ умретъ, букетъ этотъ положили ему въ гробъ и вмѣстѣ съ нимъ похоронили, что̀, какъ говорятъ, въ точности и было исполнено.

Букетъ этотъ, по мнѣнію однихъ, былъ весь изъ полевыхъ цвѣтовъ, а по мнѣнію другихъ, изъ тепличныхъ, но въ немъ находилось нѣсколько васильковъ, которые, будто, и подали Крылову мысль написать басню «Василекъ» и изобразить себя подъ именемъ этого скромнаго полевого цвѣточка.

Любимецъ Магомета и эмблема „влюбленныхъ въ себя"—нарциссъ.

Нарциссъ — цвѣтокъ у насъ довольно рѣдкій. Мы встрѣчаемъ его обыкновенно на Пасхѣ въ цвѣточныхъ магазинахъ въ корзинахъ для подарковъ или въ отдѣльныхъ горшкахъ, а весною — въ тѣхъ садахъ, гдѣ имѣются зимующія въ грунту растенія; но за границей это — одинъ изъ излюбленнѣйшихъ цвѣтовъ.

Его граціозные бѣлые двойные, снабженные двойнымъ золотисто-желтымъ и краснымъ бордюромъ, цвѣты, качающіеся на легкомъ, какъ у тростника, стеблѣ, чрезвычайно изящны. Продѣтые въ петлицу сюртука, они имѣютъ видъ какой-то орденской розетки, и потому въ Парижѣ ихъ часто носятъ любители такихъ украшеній. Они отличаются также очень пріятнымъ, нѣсколько напоминающимъ гіацинтъ, запахомъ, который имѣетъ немало поклонниковъ, а особенно поклонницъ.

Научное его названіе — Narcissus poeticus. Первая его половина происходитъ отъ греческаго глагола «narkao» — одурманивать, ошеломлять, такъ какъ запахъ его дѣйствительно можетъ иногда причинять головную боль у людей нервныхъ, а вторая — «поэтическій», оттого, что онъ былъ такъ много воспѣтъ поэтами всѣхъ странъ и вѣковъ, какъ ни одно, исключая развѣ только розы, другое растеніе.

Самъ Магометъ сказалъ про него: «у кого два хлѣба, тотъ пусть продастъ одинъ, чтобы купить цвѣтокъ нарцисса, ибо хлѣбъ — пища для тѣла, а нарциссъ — пища для души». А персидскій царь Киръ прозвалъ его «созданьемъ красоты — безсмертною усладой».

Имъ также восхищался Шекспиръ, очаровательно описавшій его въ своей трагедіи «Буря», Эдгаръ Поэ, описавшій его, какъ одинъ изъ цвѣтовъ той «долины многоцвѣтныхъ травъ», гдѣ ему удалось испытать райскую любовь, а у Шелли въ его «Мимозѣ» мы находимъ такое его описаніе:

„Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись,
И дивный красавецъ, влюбленный Нарциссъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ безконечно любя...“

Причиной такого всеобщаго имъ восхищенія являются отчасти сама красота и изящность цвѣтка, а главное, какъ намъ кажется, сложившійся про него еще въ глубокой древности миѳъ, сдѣлавшій его именемъ нарицательнымъ, такъ какъ назвать кого-либо «нарциссомъ», какъ извѣстно, все равно, что сказать, что этотъ человѣкъ влюбленъ самъ въ себя.

О происхожденіи этого миѳа древніе греки разсказывали слѣдующее.

«У матери всѣхъ боговъ, царицы неба Юноны, была любимая наперсница, горная нимфа по имени Эхо. Ей богиня довѣряла всѣ свои сердечныя тайны, съ нею дѣлилась всѣми своими впечатлѣніями, словомъ — это былъ ея ближайшій и вѣрнѣйшій другъ.

Но Эхо оказалась фальшивой и вѣроломной. Она находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ мужемъ Юноны — Юпитеромъ и старалась всячески укрывать всѣ его продѣлки.

Когда Юпитеръ отправлялся къ товаркамъ Эхо, горнымъ нимфамъ, то она умѣла такъ занять забавными разсказами ревнивую Юнону, что часы пробѣгали незамѣтно...

Но однажды Юнона замѣтила, наконецъ, ея хитрость и пришла въ такой гнѣвъ, что тотчасъ же лишила ее языка.

«Съ глазъ долой, мерзкая обманщица! — крикнула ей разгнѣванная мать боговъ. — Пусть отнынѣ отнимется у тебя тотъ языкъ, которымъ ты такъ умѣла меня очаровать! Я окажу тебѣ только одну милость: ты сохранишь способность повторять послѣдній слогъ словъ кричащихъ тебѣ о чемъ-нибудь людей».

И вотъ съ этихъ поръ опечаленная нимфа удалилась въ лѣсъ, гдѣ эхо живетъ и теперь, и повторяетъ послѣд-

ній слогъ слова или послѣднее слово рѣчи, съ которой мы къ нему обращаемся.

Но, живя уединенно въ лѣсу, окруженная скалами, Эхо съ трудомъ переносила одиночество и старалась всячески найти себѣ кого-нибудь, кто бы ее полюбилъ.

Однажды лѣсомъ проходилъ цвѣтущій юноша, красавецъ Нарциссъ, сынъ рѣчного бога Цефиза, которому было предсказано, что онъ достигнетъ глубокой старости только въ томъ случаѣ, если никогда не познакомится съ собой, т.-е., если никогда не увидитъ своего лица, чтò въ тѣ времена было нетрудно, такъ какъ никакихъ зеркалъ еще не существовало, и видѣть себя можно было развѣ только въ спокойной водѣ.

Увидавъ Нарцисса, Эхо безумно въ него влюбилась и старалась всячески его увлечь. Но Нарциссъ не поддавался и оставался совершенно холоденъ къ ея ласкамъ. Тогда Эхо въ отчаяніи обратилась съ мольбой къ богамъ и просила сжалиться надъ нею и наказать Нарцисса за такую безчувственность. И растроганные боги услышали ея моленіе и наказали его.

Почувствовавъ однажды сильную жажду, онъ остановился на краю чистаго и спокойнаго, какъ зеркало, источника и, нагнувшись, хотѣлъ-было напиться; но тутъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ свое прелестное изображеніе и такъ былъ плѣненъ его красотой, что влюбился въ себя, и, не будучи въ состояніи ни на минуту оторвать отъ него болѣе глазъ, зачахъ отъ любви, зачахъ и поблекъ, какъ цвѣтокъ.

Однако, милосердные боги не дали ему совсѣмъ погибнуть, а превратили его въ прелестный цвѣтокъ, который замѣчательно красивъ, чудно благоухаетъ, и вѣнчикъ котораго такъ и клонится книзу, какъ бы желая еще разъ полюбоваться собою въ водѣ...»

Овидій, описавшій эту легенду въ своихъ прелестныхъ «Метаморфозахъ», говоритъ:

„Adstupet ipse sibi, vultuque immotus eodem
Haeret, ut e pario formatum marmore signum.
. . . .
Cunctaque miratur, quibus est mirabilis".

(Онъ самъ собой любуется, окаменѣвъ отъ удивленія. Навѣкъ застывъ, какъ дивное изображеніе изъ паросскаго мрамора, онъ не наглядится на все, чтò находитъ въ себѣ прелестнаго).

По другому сказанію, у Нарцисса была сестра-близнецъ, которая такъ на него походила, что отличить ихъ другъ отъ друга не было никакой возможности, тѣмъ

болѣе, что она и одѣвалась одинаково съ нимъ и такъ же, какъ и онъ, страстно увлекалась охотой. Сестру эту онъ любилъ до безумія, но вдругъ она умерла.

И вотъ, оставшись одинокимъ, чтобы хоть сколько-нибудь утишить свое горе, онъ сталъ ходить къ источнику и смотрѣть на свое изображеніе, которое напоминало ему образъ его любимой сестры.

Однако, чѣмъ больше онъ въ него всматривался, тѣмъ тяжелѣе чувствовалъ свою потерю и, наконецъ, въ минуту глубокаго отчаянія, не выдержалъ и бросился въ воду, какъ въ объятія дорогого ему, безцѣннаго существа...

Нѣмецкій поэтъ Исидоръ Ореиталисъ, глядя на нарциссъ, восклицаетъ:

Diese schlanke Gestalt, das holde Köpfchen, es biegt sich.
In sich gewendet und schön immer, als sucht es den Quell'...

(Эта стройная фигурка, эта чудная головка наклоняется къ себѣ и, блестя вѣчной красотой, какъ бы ищетъ источника).

Вслѣдствіе всего этого, нарциссъ у древнихъ грековъ былъ цвѣткомъ умершихъ, цвѣткомъ погибшихъ, и этой эмблемой онъ является не разъ въ древней греческой миѳологіи.

Такъ, изъ него плели себѣ вѣнки фуріи — богини мести и возмездія; имъ забавлялась Прозерпина въ то время, какъ ее похитилъ Плутонъ, его же рвала Европа въ то время, когда Юпитеръ, превратившись въ бѣлаго быка, приблизился къ ней и увлекъ ее на островъ Критъ и т. д.

О существованіи нарцисса у древнихъ римлянъ говорится только у Плинія, который описываетъ три его вида и главнымъ образомъ желтый, котораго родиной можетъ считаться югъ Европы, особенно Португалія. Изъ его цвѣтовъ римляне плели вѣнки, которыми украшались во время пиршествъ или войны при возвращеніи съ побѣды. Изображеніе его неоднократно встрѣчается на стѣнахъ Помпеи.

Изъ другихъ древнихъ народовъ интересовались и до сихъ поръ интересуются имъ китайцы, у которыхъ этотъ цвѣтокъ играетъ важную роль въ новогоднихъ церемоніяхъ. Особенно его много разводятъ въ Кантонѣ, гдѣ держатъ въ стеклянныхъ чашкахъ съ водой и пескомъ или съ небольшими камешками. Помѣщенная въ такія скромныя условія, луковица нарцисса даетъ прекрасные пахучіе цвѣты и цвѣтетъ долгое время.

Въ Новый же годъ цвѣтокъ этотъ считается обязательнымъ имѣть въ каждомъ домѣ. Имъ украшаются алтари боговъ, его носятъ во всѣхъ торжественныхъ въ этотъ день процессіяхъ.

Изъ европейскихъ странъ восточный нарциссъ попалъ прежде всего въ Англію, куда онъ былъ привезенъ въ 1570 году, немного ранѣе царствованія Елисаветы, при которой вошелъ въ большую моду. Присланъ онъ былъ изъ Константинополя великому лорду Казначейства, большому любителю цвѣтовъ, и былъ разведенъ имъ въ знаменитомъ въ то время саду его помѣстья на берегу Темзы. Садъ этотъ особенно славился множествомъ акклиматизированныхъ въ немъ растеній. Но здѣсь, конечно, онъ являлся совершеннымъ чужестранцемъ, тогда какъ въ южной Европѣ онъ быстро сдѣлался почти роднымъ растеніемъ и росъ въ садахъ чуть не какъ туземное растеніе.

По этой-то причинѣ, несомнѣнно, онъ и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ любимѣйшихъ западно-европейскихъ, какъ мы уже объ этомъ говорили выше, цвѣтовъ, безъ котораго не можетъ и теперь обойтись почти ни одно торжество. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ, напр., въ прелестномъ мѣстечкѣ Монтрё въ Швейцаріи, устраивается даже ежегодно особый праздникъ нарциссовъ.

Праздникъ этотъ происходитъ обыкновенно въ одно изъ первыхъ Воскресеній мая.

Въ этотъ день все мѣстечко преображается. Зданія его украшаются разноцвѣтными флагами; гирлянды изъ нарциссовъ украшаютъ входъ въ магазины, въ дома, въ училища; букеты нарциссовъ въ рукахъ у всѣхъ дамъ, бутоньерки — въ петлицахъ пиджаковъ и пальто всѣхъ мужчинъ; нарциссами убираются конки, экипажи, гривы лошадей, осликовъ, — словомъ, куда ни киньте взглядъ, всюду пестрѣютъ нарциссы, и ихъ легкій ароматъ наполняетъ не только всѣ улицы, но чувствуется и въ кафе, въ ресторанахъ, въ квартирахъ.

Праздникъ длится два дня, и центръ его заключается въ мелодраматическомъ представленіи и въ битвѣ цвѣтовъ.

Въ первый день веселится скучающая, богатая, не знающая, куда дѣвать время и деньги, буржуазія, причемъ мѣста на трибунахъ, откуда смотрятъ на представленіе и гдѣ происходитъ битва цвѣтовъ, стоятъ отъ 5 до 20 и болѣе франковъ; а на другой день веселятся люди съ болѣе скромными средствами: пріѣзжіе, студенты, при-

казчики, конторщицы, учителя и рабочіе, и мѣсто на трибунѣ можно имѣть уже за 1 франкъ.

Вотъ какъ описываетъ это празднество одинъ изъ его очевидцевъ:

«Всѣ трибуны украшены разноцвѣтными флагами и амфитеатромъ окружаютъ небольшой деревянный помостъ — сцену, декорированную зеленью и нарциссами. Противъ сцены, передъ оркестромъ, хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Онѣ стройно исполняютъ довольно красивую мелодію, нѣсколько, впрочемъ, однообразную, проходящую лейтъ-мотивомъ черезъ всю музыкальную часть интермедіи «Метаморфоза Нарцисса». Простая, наивная интермедія разсказываетъ миѳологическую исторію красавца Нарцисса.

«Роль Нарцисса играетъ артистка парижской Opéra Comique. Главная суть интермедіи, впрочемъ, въ танцахъ. Танцуютъ преимущественно дѣти, — ихъ масса, около двухсотъ, — мальчики и дѣвочки отъ 8 и 9, и болѣе лѣтъ. Вотъ группа ихъ высыпала на сцену. Шапочки, костюмы, платьица изображаютъ стебли и лепестки нарциссовъ. Подъ управленіемъ строгой дамы — режиссерши, очень похожей на школьную учительницу, дѣти исполняютъ пируэты, сплетаются и расплетаются въ живописныя гирлянды. У нихъ нѣтъ, можетъ быть, должной вправки, — это все школьники изъ начальныхъ училищъ, — но въ ихъ движеніяхъ столько непосредственной дѣтской граціи, что публика отъ души поощряетъ маленькихъ артистовъ дружными аплодисментами.

«Нарциссовъ смѣняютъ болѣе взрослыя сирены въ зеленоватыхъ кисейныхъ платьицахъ; затѣмъ выступаютъ нимфы, наконецъ, общій танецъ, и къ нему присоединяется группа ребятишекъ къ костюмахъ швейцарскихъ поселянъ старинныхъ временъ.

Мальчики въ коротенькихъ фракахъ, въ манишкахъ съ зелеными галстуками, въ соломенныхъ цилиндрикахъ; дѣвочки въ бѣлыхъ длинныхъ платьяхъ съ черными фартучками, въ капорахъ и перчаткахъ.

Видъ этихъ ребятъ настолько потѣшенъ, что вызываетъ дружный хохотъ публики и столь же дружные аплодисменты. Дѣти тоже улыбаются, но сейчасъ же принимаютъ серьезный видъ и начинаютъ танцовать, повинуясь указаніямъ строгой учительницы.

«Пестрые костюмы ребятъ, нарядная публика на трибунахъ, обиліе цвѣтовъ, тѣнистые каштаны по ту сторону сцены — все это такъ красочно, такъ красиво...

«Но вотъ кончается балетъ. Аллеи быстро поливаютъ водой, и начинается корсо. Экипажи изъ цвѣтовъ, бѣлый слонъ, карусель, повозки торговцевъ цвѣтами, кареты — все въ нарциссахъ. Появляются автомобили съ нарядными дамами. Публика осыпаетъ ихъ цвѣтами и цѣлымъ градомъ конфетти... Шутки, смѣхъ, остроты такъ и сыплются. Битва цвѣтовъ принимаетъ все болѣе и болѣе оживленный характеръ. Въ ней начинаетъ принимать дѣятельное участіе и вся толпа. Нарциссы сыплются съ балконовъ, сыплются изъ оконъ, нарциссами забрасываютъ всѣхъ и все. Автомобили и экипажи переполнены цвѣтами и конфетти, которые красиво пестрѣютъ въ волосахъ и на костюмахъ. Веселье захватываетъ всѣхъ, даже флегматичнѣйшихъ изъ нѣмцевъ, нѣмцевъ изъ Оберланда. А тѣмъ временемъ торговцы цвѣтами и конфетти торгуютъ такъ бойко, что товара не хватаетъ, и требуется подвозить все новыя и новыя партіи.

«И такъ продолжается до 6 часовъ вечера. Но бьетъ 6 часовъ, и моментально вокзалы и пристань переполняются народомъ: всѣ спѣшатъ домой — кто въ Лозанну, кто въ Женеву, кто въ Бернъ, а кто и въ горы. Завтра вѣдь будни, и большинству придется засѣсть за работу...»

Въ Германіи, въ Маркѣ, душистый (бѣлый) нарциссъ называютъ *бѣлой женщиной* и говорятъ, что онъ въ видѣ вампира сосетъ кровь людей. За тонкую же, окружающую цвѣтокъ, красную полоску его зовутъ: «голова долой!»

Но въ гораздо болѣе розовомъ свѣтѣ смотрятъ на него въ восточной Пруссіи, гдѣ онъ считается символомъ весны и счастливаго брака. Дѣвушка, выйдя замужъ, увозитъ нарциссъ изъ родительскаго дома въ свой новый домъ и тщательно ухаживаетъ за нимъ и холитъ его, чтобы онъ какъ можно лучше росъ и развивался, такъ какъ, по повѣрью, отъ его красоты зависитъ и все счастье брака.

Нарциссъ считаютъ также талисманомъ противъ кроваваго поноса, и потому лѣтомъ велятъ дѣтямъ носить въ карманѣ его луковицу. Раздавленные же его листья употребляются какъ средство, заживляющее раны и даже связывающее порванныя жилы.

Въ настоящее время изъ всѣхъ народовъ особенно увлекаются нарциссами англичане. Они основали даже общество, спеціально посвятившее себя только культурѣ этого цвѣтка и выводу его разновидностей, и тратятъ на эту затѣю громадныя деньги.

Вывести хорошую разновидность нарцисса, какъ извѣстно, дѣло далеко не легкое, а главное, требуетъ много времени, такъ какъ конечнаго результата ждать надо нѣсколько лѣтъ.

Обыкновенно для полученія такой разновидности берутъ двѣ луковицы, окраска цвѣтовъ которыхъ наиболѣе всего подходитъ къ намѣченной цѣли, и опыляютъ искусственно ихъ цвѣты, т.-е. осторожно снимаютъ волосяной кисточкой цвѣточную пыльцу съ цвѣтка одной луковицы и переносятъ ее на пестикъ цвѣтка другой. Затѣмъ на такіе опыленые цвѣты, во избѣжаніе всякихъ случайностей, надѣваютъ кисейные колпачки или мѣшочки и ждутъ, пока не вызрѣютъ сѣмена́. Тогда эти послѣднія сѣютъ въ ящикъ съ землей и, когда изъ нихъ разовьются растенія, пересаживаютъ ихъ въ небольшіе горшечки.

Въ такомъ положеніи мелкіе сѣменные нарциссы остаются два года. За это время у каждаго изъ нихъ успѣваетъ развиться крошечная луковка, но до цвѣтенія еще далеко. Чтобы получить цвѣтеніе, надо пересадить ихъ еще въ грядки и ждать три или четыре года.

Такимъ образомъ вотъ сколько труда и времени надо положить, чтобы получить разновидность нарцисса. Но и здѣсь не всегда бываетъ удача; наоборотъ, неудавшихся опыленій бываетъ гораздо болѣе, нежели удачныхъ, и приходится дѣлать иногда цѣлые десятки, даже цѣлыя сотни пробъ, прежде чѣмъ получить желаемое.

Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ стремленія любителей нарциссовъ были направлены къ тому, чтобы получить чисто бѣлую разновидность, что̀ являлось крайне труднымъ, такъ какъ характерная желто-красная кайма никакъ не хотѣла исчезнуть. Тогда принялись за опыты нѣсколько садоводовъ и наконецъ извѣстной фирмѣ братьевъ Барръ удалось вывесть эту рѣдкость.

Полученный ими цвѣтокъ, окрещенный именемъ одного изъ основателей этой фирмы Peter Barr, былъ хотя и не чисто бѣлаго цвѣта, но обладалъ такимъ прелестнымъ блѣдно-красноватымъ оттѣнкомъ, что вызвалъ среди спеціалистовъ всеобщее удивленіе.

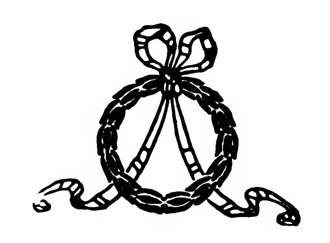
Каждая луковица этой новинки продавалась не менѣе, какъ за 500 рублей, а самыя крупныя стоили даже и дороже.

То же самое случилось и съ трубчатымъ нарциссомъ съ оранжево-красной чашечкой. Сколько пришлось положить трудовъ и продѣлать опытовъ, чтобы получить эту прелестную разновидность! Теперь, ко-

нечно, она уже довольно обыкновенна и стòитъ недорого, но въ свое время появленіе ея произвело среди спеціалистовъ положительно сенсацію, и она цѣнилась чуть не на вѣсъ золота.

Словомъ, въ Англіи теперь съ нарциссами происходитъ почти то же самое, что̀ было двѣсти лѣтъ тому назадъ съ тюльпанами и гіацинтами въ Голландіи. Особенно, безумствуютъ коллекціонеры, которые ради того, чтобы прибавить къ своей коллекціи какую-нибудь, не имѣющуюся еще у другихъ любителей, новость, не жалѣютъ никакихъ денегъ и платятъ иногда за самое ничтожное уклоненіе отъ какого-нибудь уже извѣстнаго сорта бѣшеныя деньги.

Скажемъ еще, что нарциссъ былъ любимымъ цвѣткомъ нашего великаго писателя Тургенева, доказательство чего мы находимъ въ оставшемся послѣ него альбомѣ, куда онъ имѣлъ обыкновеніе, шутки ради, записывать все то, что̀ ему особенно нравилось. Записи эти онъ дѣлалъ неоднократно, и вотъ въ одной изъ нихъ за 1867 годъ на вопросъ: какой изъ цвѣтковъ ему больше всего нравится? — онъ отвѣтилъ: «нарциссъ». Любопытный альбомъ этотъ хранился у недавно умершей Віардо Гарсіа.

Увлеченіе китайцевъ, эмблема „пламенной любви"—піонъ.

Піонъ представляетъ собой какъ по красотѣ своего замѣчательно крупнаго, ярко-окрашеннаго цвѣтка, такъ и по красотѣ своихъ изящныхъ вырѣзныхъ листьевъ одно изъ самыхъ красивыхъ нашихъ садовыхъ растеній.

Въ былыя времена, когда въ нашихъ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ обращали особенное вниманіе на отдѣлку цвѣтниковъ въ паркахъ, піонъ былъ однимъ изъ главныхъ ихъ украшеній и, зимуя въ грунту безъ покрышки въ продолженіе долгихъ лѣтъ, становился какъ бы своимъ роднымъ туземнымъ растеніемъ, достигалъ необычайно крупныхъ размѣровъ и покрывался обиліемъ роскошнѣйшихъ цвѣтовъ.

Теперь въ полной красѣ и силѣ піоны встрѣчаются очень рѣдко, развѣ въ ботаническихъ садахъ или какихъ-либо придворныхъ паркахъ, а въ садахъ любителей попадаются уже больше молодые, еще не вполнѣ достигшіе развитія, экземпляры.

Подъ Москвой, какъ на особенно красивую, хорошо сохранившуюся коллекцію ихъ, можно только еще указать на коллекцію піоновъ въ паркѣ Сельскохозяйственнаго института въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ во время цвѣтенія ихъ (въ срединѣ іюня или началѣ іюля) засаженная ярко-малиновыми, нѣжно-розовыми, бѣлыми и палевыми піонами лужайка представляетъ поистинѣ неподражаемую картину.

Научное свое названіе: «paeonia», по однимъ свѣдѣніямъ, цвѣтокъ этотъ получилъ отъ фракійской мѣстности

Пеоніи, гдѣ одинъ изъ его видовъ росъ въ древности въ дикомъ состояніи. По словамъ же Плинія, онъ получилъ его отъ имени ученика древне-греческаго врача Эскулапа, Пеона, который производилъ при помощи его удивительныя исцѣленія и излѣчилъ имъ даже бога ада Плутона отъ нанесенной ему Геркулесомъ раны. «Но добыть это растеніе, — прибавляетъ Плиній, — было нелегко. Его тщательно оберегалъ пестрый дятелъ, который старался выклевать глаза всякому, кто только пытался его сорвать». А потому за нимъ ходили не иначе, какъ ночью, когда дятелъ спалъ.

Греческое же сказаніе добавляетъ, что Пеонъ получилъ чудесно излѣчившее Плутона растеніе съ горы Олимпа, изъ рукъ матери Аполлона, и что это исцѣленіе возбудило такую зависть въ Эскулапѣ, что онъ приказалъ было тайно умертвить Пеона, но что Плутонъ, въ благодарность за оказанную ему помощь, не далъ ему погибнуть, а превратилъ его въ піонъ, который съ тѣхъ поръ и сталъ носить его имя.

Сверхъ того, за оказанное Пеономъ богамъ во время Троянской войны исцѣленіе и всѣ искусные врачи стали носить съ той поры названіе Пеоній (Paeonii), а всѣ, отличавшіяся высокими цѣлебными силами, травы — травами пеоній — Paeoniae herbae.

Вообще, въ древности это растеніе славилось своими чудодѣйственными свойствами и считалось однимъ изъ чудесъ творенія. Говорили даже, что злые духи исчезаютъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ растетъ піонъ, и что даже небольшихъ кусочковъ его, надѣтыхъ на нить, обвязанную вокругъ шеи, достаточно, чтобы защититься отъ всякаго рода дьявольскихъ наважденій.

Но нигдѣ на свѣтѣ этотъ прелестный цвѣтокъ не пользовался и не пользуется до нашихъ дней такой любовью и такимъ почетомъ, какъ въ Небесной имперіи.

Здѣсь онъ культивируется уже болѣе 1.500 лѣтъ и является такимъ же излюбленнымъ народнымъ цвѣткомъ, какъ хризантемъ у японцевъ и роза у европейцевъ. Здѣсь увлекаются имъ одинаково и богатый и бѣдный, и знатный мандаринъ и простой крестьянинъ. Галантный китаецъ, желая сдѣлать особенное удовольствіе молодой дѣвушкѣ, подноситъ ей піонъ; женихъ, желая выразить свою любовь невѣстѣ, подноситъ ей также піонъ; при чемъ, если она его принимаетъ, то тѣмъ самымъ безъ словъ выражаетъ ему согласіе на его предложеніе.

Но, сверхъ того, и самая культура и разведеніе піоновъ считается въ Китаѣ занятіемъ благочестивымъ, покровительствуемымъ богами, а потому китайцы увлекаются имъ не менѣе, чѣмъ голландцы культурой своихъ тюльпановъ и гіацинтовъ, и нерѣдко здѣсь можно встрѣтить цѣлые сады, засаженные только одними піонами самыхъ разнообразныхъ видовъ, сортовъ и оттѣнковъ.

По этой же причинѣ и о происхожденіи самого цвѣтка сложилось здѣсь не мало разнаго рода интересныхъ поэтическихъ сказаній, изъ которыхъ особенно часто разсказывается слѣдующее:

«Жилъ-былъ нѣкогда, — гласитъ сказаніе, — одинъ страстный любитель піоновъ, нѣкій Хо-Чи. Какихъ-какихъ только піоновъ онъ не разводилъ! Были у него и бѣлые, какъ лебеди, и бланжевые, какъ солнечный заходъ, были темно- и свѣтло-розовые, ярко- и темно-малиновые; были съ гладкими лепестками и съ завитыми, и душистые, и не пахучіе... И любовался онъ ими съ утра до вечера и съ вечера до утра. Когда цвѣли его піоны, то садъ его становился такъ прекрасенъ, что ему могъ бы позавидовать самъ императоръ.

«Но вотъ однажды проходилъ мимо сада Чангъ-Эй, сынъ одного знатнаго мандарина, со своими товарищами, большой грубіянъ и шелопай. Увидѣвъ піоны, онъ бросился на нихъ съ палкой и началъ ихъ сшибать и топтать ногами. Старикъ Хо-Чи умолялъ его и плакалъ, прося оставить его цвѣты въ покоѣ, но шелопай не слушалъ и продолжалъ ломать ихъ и калѣчить. Тогда, выйдя наконецъ изъ терпѣнія, старикъ собралъ всѣ свои силы, напалъ въ свою очередь на него и, больно исколотивъ, выгналъ изъ сада.

Исправить однако попорченное было уже черезчуръ трудно: цвѣты были побиты, потоптаны, растенія поломаны. Оставалось только ждать, чтобы само время поправило ихъ. И старикъ сидѣлъ и заливался горькими слезами.

«Какъ вдругъ откуда ни возьмись появилась прелестная молодая дѣвушка. Она подошла къ нему и спросила его: «О чемъ, старичокъ, ты такъ горько плачешь? Не плачь, — предки мои оставили мнѣ даръ оживлять все умершее; принеси мнѣ только немного воды».

«Обрадованный старикъ бросился-было за водой, но дорогой, усомнившись, обернулся. И, о чудо! дѣвушка уже исчезла, но всѣ цвѣты его ожили и сдѣлались даже во сто разъ прекраснѣе: простые превратились въ махровые, одноцвѣтные въ пестрые. На одномъ кустѣ были

цвѣты всевозможныхъ сортовъ и краски ихъ блестѣли ни съ чѣмъ несравнимой яркостью.

«Слухъ о такомъ чудѣ не замедлилъ распространиться по всей странѣ, и отовсюду сталъ стекаться къ старику народъ, чтобы полюбоваться его такъ чудесно воскресшими цвѣтами... Но избитый старикомъ Чангъ-Эй, раздосадованный такой удачей, не могъ простить нанесеннаго ему оскорбленія и рѣшилъ во что бы то ни стало отомстить. И вотъ онъ оклеветалъ Хо-Чи въ чародѣйствѣ. Старика схватили, бросили въ тюрьму, приговорили къ смертной казни и назначили даже самый день ея исполненія.

«А тѣмъ временемъ Чангъ-Эй, напившись пьянъ, отправился опять со своими товарищами въ садъ старика и принялся-было снова топтать и ломать его чудные цвѣты. Но тутъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; при его порывахъ всѣ піоны приподнялись и превратились въ прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ столь же блестящія платья, какъ лепестки самыхъ красивыхъ изъ цвѣтковъ, и одна изъ нихъ, обратившись къ своимъ подругамъ, сказала: «Мы всѣ сестры цвѣтовъ. Враги такъ усердно ухаживающаго за своими піонами Хо-Чи — наши враги. Соберемте силы и вступимте съ ними въ борьбу!»

«Тутъ широкіе рукава ихъ платьевъ замахали, сами платья заколыхались и заколебались, и разразился такой страшный ураганъ, что небо сдѣлалось черно, какъ чернила, и яркій день превратился въ самую глубокую ночь. Подхваченные вѣтромъ, товарищи Чангъ-Эя ударялись о стволы деревьевъ, кололись ихъ колючками, шипами и хлестались съ такой силой ихъ сучьями и вѣтвями, что остались еле живы, а самъ Чангъ-Эй, подброшенный на громадную высоту, упавъ въ ровъ съ навозомъ, такъ сильно расшибся, ударившись о землю, что тутъ же испустилъ духъ.

«Узнавъ обо всемъ происшедшемъ, верховный судья пришелъ въ страшный испугъ; онъ отмѣнилъ тотчасъ же смертную казнь, простилъ старика и отдалъ строгій приказъ: «не смѣть никогда дотрагиваться ни до одного изъ цвѣтовъ въ его саду».

«Итакъ, Хо-Чи продолжаетъ мирно жить, ухаживая за своими цвѣтами и благословляя память спасшей его отъ смерти и воскресившей его цвѣты чудной богини. Волосы его изъ сѣдыхъ сдѣлались опять черными, морщины исчезли, а лицо его стало свѣжо и молодо, какъ

въ отдаленные дни его юности. Во всемъ чувствовалось вліяніе его чудесной покровительницы, и онъ блаженствовалъ...

И вотъ однажды, когда онъ любовался только-что распустившимся дивнымъ піономъ, вдругъ повѣяло теплымъ нѣжнымъ вѣтеркомъ, по всему саду распространилось чудное благоуханіе, и раздались дивные, никогда не слыханные имъ, божественные звуки... И, поднявъ глаза, Хо-Чи увидѣлъ свою молодую богиню, предшествуемую непорочными бѣлыми аистами и лазореваго цвѣта фениксомъ, опускающуюся на розовомъ облакѣ. «Хо-Чи, — сказала она ему: — ты достигъ полнаго совершенства; Творецъ вселенной, желая наградить твою безпредѣльную любовь къ цвѣтамъ, зоветъ тебя въ Свои небесные сады; слѣдуй за мной!..»

«Хо-Чи вступилъ на облако и вознесся медленно на небо. А за нимъ поднялись его хижина и окружавшіе ее деревья, цвѣты, піоны и все, что̀ онъ любилъ. И съ облака раздался голосъ:

«Тотъ, кто любитъ цвѣты и охраняетъ ихъ — увеличиваетъ свое счастье и получитъ блаженство. А тотъ, кто обходится съ ними дурно и уничтожаетъ ихъ — будетъ несчастенъ и подвергнется самымъ строгимъ наказаніямъ!»

«Затѣмъ облако исчезло среди другихъ облаковъ, и въ воздухѣ почувствовалось какъ бы дуновеніе легкаго зефира.

«И съ этихъ поръ, — заканчиваетъ легенда, — селеніе, гдѣ жилъ Хо-Чи, стало называться селеніемъ праведника, вознесшагося живымъ на небо, а мѣсто, гдѣ былъ его садъ — садомъ «ста цвѣтовъ».

Не менѣе поэтичное сказаніе сложилось тамъ еще и о «духѣ піона».

«Жилъ нѣкогда, говоритъ это сказаніе, въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ Небесной имперіи одинъ молодой ученый, который посвящалъ себя всего изученію культуры піоновъ.

Живя въ одиночествѣ, только среди своихъ книгъ и піоновъ, онъ былъ однажды крайне обрадованъ посѣщеніемъ одной, пришедшей къ нему молодой красивой дѣвушки, которая безъ всякихъ приглашеній появилась у него на порогѣ дома и просила дать ей какое-нибудь занятіе.

Согласившись съ удовольствіемъ на ея просьбу, онъ съ еще большимъ удовольствіемъ былъ удивленъ со временемъ, что она была не только прекрасной для него

служанкой и помощницей по уходу за его піонами, но и отличнымъ товарищемъ.

Оказалось, что она получила замѣчательное воспитаніе, знакома была съ придворнымъ этикетомъ, писала, какъ ученый, была поэтомъ, живописцемъ и являлась для него вѣрнымъ другомъ.

Отнесшись сначала къ ней лишь съ снисхожденіемъ, молодой ученый вскорѣ былъ положительно плѣненъ какъ ея граціей, красотой, такъ и ея познаніями. Она сдѣлалась для него существомъ необходимымъ.

Все шло отлично. Молодые люди, видимо, увлекались другъ другомъ. Она слушалась его во всемъ безпрекословно, исполняла всѣ его малѣйшія желанія; онъ любовался ею, даже болѣе, любилъ ее.

Но вдругъ случилось нѣчто необычайное. Желая, повидимому, сдѣлать ее своей женой, молодой ученый пригласилъ къ себѣ жреца и сообщилъ ей о его предстоящемъ посѣщеніи.

Извѣстіе это, однако, вмѣсто того, чтобы обрадовать, произвело на нее какое-то удручающее впечатлѣніе и она вдругъ куда-то исчезла.

Напрасно звалъ ее ученый, она не откликалась болѣе на его зовъ.

Тогда, встревоженный, огорченный, онъ бросился ее искать и, проходя по одной темной галлереѣ дома, вдругъ замѣтилъ ее, проскользнувшую, какъ тѣнь. Онъ за ней, она отъ него.

Наконецъ нагналъ ее, но въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ схватить ее, она вся какъ-то съежилась, сплющилась у стѣны и исчезла въ ней, такъ что стала походить скорѣй на какой-то рисунокъ на поверхности стѣны и лишь губы ея продолжали двигаться.

— Я вамъ не отвѣчала, — шептала эта тѣнь, — когда вы меня звали, потому что я не человѣческое существо: я духъ піона. Ваша любовь согрѣвала меня, поддерживала во мнѣ человѣческую форму и для меня было радостью, было наслажденіемъ служить вамъ.

А теперь, когда придетъ жрецъ, онъ осудитъ вашу любовь ко мнѣ и потому я не могу болѣе принять свою прежнюю форму. Я должна возвратиться къ цвѣтамъ. Прощайте, благодарю васъ за ваше расположеніе, благодарю за счастье, которое вы мнѣ дали.

Ученый стоялъ, какъ ошеломленный.

Какъ ни убѣждалъ онъ ее, какъ ни умолялъ, послѣ этихъ словъ изображеніе дивной дѣвушки все глубже и глубже погружалось въ стѣну. Краски рисунка, который

она теперь собой представляла, становились все блѣднѣе, блѣднѣе и наконецъ исчезли совсѣмъ, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда...

Съ этого дня ученому ничто не стало мило на свѣтѣ. Онъ забросилъ свои книги, забросилъ свою науку и только лишь воспоминаніе при взглядѣ на піоны, о чудномъ, согрѣвавшемъ такъ недолго его жизнь, существѣ, лишь дума о томъ, что, можетъ быть, въ какомъ-нибудь изъ нихъ незабвенная дѣвушка теперь и находится, поддерживала его существованіе, являлась единственнымъ его утѣшеніемъ въ жизни.

Любуясь ихъ красотой, онъ любовался ею, вдыхая ихъ чудный ароматъ — чувствовалъ какъ бы ея близость...»

Не меньшимъ почетомъ пользуется піонъ и у армянъ, у которыхъ онъ считается цвѣткомъ, отгоняющимъ бѣсовъ и исцѣляющимъ бѣсноватыхъ.

Мнѣніе это сложилось у нихъ на основаніи преданія, будто теща Моисея, будучи тревожима бѣсами, отправилась по совѣту этого послѣдняго на гору, и тамъ Господь указалъ ей на піонъ, какъ на изгоняющее бѣсовъ растеніе.

Вслѣдствіе этого, по словамъ французскаго фолклориста Ролланъ, и выкапываніе изъ земли піона производится у нихъ съ особаго рода торжественностью. Его не просто вырываютъ изъ земли, а за нимъ отправляется священникъ съ крестомъ и св. Евангеліемъ и, обращаясь къ нему, сначала говоритъ: «привѣтствую тебя, трава», а затѣмъ читаетъ надъ нимъ пять псалмовъ и прибавляетъ: «Благословенъ Богъ, даровавшій ради праведнаго Моисея этому растенію цѣлебную силу противъ всѣхъ болѣзней. Молимъ Тебя, Господи, дай и нашему растенію ту же власть противъ бѣсовъ и болѣзней».

Такой же цѣлительной славой пользовался піонъ и въ Европѣ въ среднихъ вѣкахъ. Тогда его прикладывали къ сердцу противъ удушья и подагры. Да и теперь еще его надѣваютъ въ Швейцаріи, въ кантонѣ Ааръ, дѣтямъ отъ судорогъ, въ видѣ вѣнка изъ 77 листьевъ; а если при этомъ у нихъ прорѣзаются зубы, то дѣлаютъ изъ его плодовъ ожерелье и надѣваютъ его на шею. Плоды эти слывутъ у нихъ за орѣхи вѣдьмъ. При этомъ сильнѣе всего дѣйствіе піона считается, если его выкапываютъ изъ земли въ мартѣ и, сверхъ того, въ сумеркахъ.

Кромѣ того, въ Португаліи и Даніи піону приписываютъ способность исцѣлять также отъ падучей болѣзни, которую, какъ извѣстно, простонародье считаетъ родомъ бѣснованья.

Для этого изъ плодовъ его дѣлаютъ родъ ожерелья и заставляютъ носить его на шеѣ въ продолженіе 40 дней. Для бо́льшей же дѣйствительности толкутъ еще ежедневно по одному его плоду и, сдѣлавъ изъ него порошокъ, даютъ принимать больному вмѣстѣ съ водой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи такое ожерелье носитъ названіе четокъ св. Гертруды и считается только тогда цѣлебнымъ, если плоды піона смочены святой водой и нанизаны на красную нить иглой, которая еще не была въ употребленіи.

На языкѣ цвѣтовъ восточныхъ народовъ піонъ обозначаетъ обыкновенно «стыдливость и застѣнчивость», откуда сложилось, вѣроятно, и нѣмецкое выраженіе, когда молодая дѣвушка сконфузилась или покраснѣла: «она вспыхнула, какъ піонъ». Но, съ другой стороны, піонъ служитъ символомъ неуклюжести и глупой гордости, о чемъ у Мантегацца мы находимъ такую сказку:

«Однажды, — разсказываетъ онъ, — богиня Флора получила отъ отца боговъ, Юпитера, очень щекотливое, но чрезвычайно важное порученіе: отправиться на планету Венеру и усмирить вспыхнувшее тамъ среди цвѣтовъ возстаніе. Но, отправляясь въ столь дальнее и продолжительное путешествіе, она не могла на время своего отсутствія оставить земные цвѣты безъ управителя и потому, сойдя съ неба, созвала цвѣты и предложила имъ выбрать изъ своей среды временную ей замѣстительницу или замѣстителя. На обсужденіе этого вопроса она дала 48 часовъ, по прошествіи которыхъ приказала снова собраться и рѣшить выборъ голосованіемъ.

«Цвѣты согласились и разбрелись по лѣсамъ, доламъ и горамъ бесѣдовать о томъ, кого бы имъ избрать.

«Прошло два дня, и, вѣрная своему слову, Флора, усѣвшись на поросшій бархатистымъ изумруднымъ мхомъ пень, стала поджидать, пока не соберутся цвѣты со всей земли.

«И вотъ потянулись дѣти Флоры отовсюду: изъ неприступныхъ безднъ, изъ глубокихъ долинъ, изъ дремучихъ лѣсовъ, съ горъ, изъ рѣкъ, ручьевъ, озеръ и морей, одѣвшись въ свои самые свѣжіе, изящные листья и разукрасившись своими самыми красивыми, душистыми цвѣтами. Никогда еще не было столь многочисленнаго собранія, никогда еще Флорѣ не приходилось видѣть такой чудной картины. Это былъ первый разъ, что она видѣла своихъ прелестныхъ подданныхъ въ полномъ сборѣ.

«Вскорѣ все собраніе было полно, недоставало одной только розы, — той самой розы, которая по всѣмъ правамъ должна была быть избрана замѣстительницей богини Флоры.

Всѣ молчали и терпѣливо ждали; лишь глупый піонъ, увѣренный въ своихъ достоинствахъ, мечталъ уже о томъ, что въ отсутствіи розы онъ, безъ сомнѣнія, будетъ избранъ въ правители.

«Наконецъ, появилась чудная, дивная, ни съ чѣмъ несравнимая красавица-роза, и всѣ цвѣты невольно притихли, пораженные ея величіемъ и красотой. Но піонъ глядѣлъ на нее вызывающе. Его налившіеся, какъ кровью, красные лепестки пыжились, и, надуваясь изо всей мочи, онъ старался перещеголять ее своей величиной.

«Такая дерзость поразила всѣхъ. Всѣ цвѣты переглядывались удивленно между собой, а сама Флора смотрѣла на него съ ѣдкой усмѣшкой. Но не обращая ни на кого вниманія, разгорѣвшись, какъ огонь, піонъ самодовольно продолжалъ смотрѣть на розу съ презрѣніемъ, на остальные цвѣты съ гордостью, а на Флору — съ выраженіемъ твердой увѣренности въ своей побѣдѣ...

«Наконецъ, наступилъ моментъ выборовъ. Всѣ цвѣты, какъ одинъ, подали голосъ за розу, и остался лишь пристыженный піонъ, который одинъ кричалъ: «не согласенъ, не согласенъ!»

«Тогда Флора, снявъ съ головы свой царственный вѣнецъ, торжественно возложила его на голову розы и затѣмъ, обратясь съ презрительной улыбкой къ піону, сказала: «Гордый, глупый цвѣтокъ! Оставайся же въ наказаніе за свое самодовольство и пустоту такимъ толстымъ, надувшимся, какъ сегодня, навсегда, и пусть ни одна бабочка не подаритъ тебя никогда своимъ поцѣлуемъ, ни одна пчелка не возьметъ въ твоемъ вѣнчикѣ меду и ни одна дѣвушка не приколетъ никогда твоего цвѣтка къ своей груди!»

«И какъ сказала богиня, такъ и случилось: піонъ остался толстъ и неуклюжъ и сдѣлался эмблемой пустоты и чванства...»

Разводимый у насъ въ садахъ піонъ встрѣчается въ дикомъ состояніи въ Швейцарскихъ Альпахъ, въ Италіи и Португаліи. Кромѣ того, на югѣ, напр., въ Крыму, попадается въ садахъ еще очень красивый видъ бѣлаго сибирскаго піона (P. albiflora), котораго цвѣты пахнутъ, какъ бѣлые нарциссы. Послѣдній пользуется большой любовью у монголовъ и даурцевъ, которые варятъ его корень въ супѣ и примѣшиваютъ его въ чай поджа-

ренныя сѣмена. У монголовъ онъ носитъ названіе «дохины», а у русскихъ сибиряковъ — «бѣлаго Марьина корня».

Видъ этотъ былъ привезенъ въ Европу впервые сравнительно поздно — въ 1788 г. Чудно пахнущіе цвѣты его очень боятся воды, и потому, если въ дождливое время ихъ не прикрывать, они быстро загниваютъ и чернѣютъ.

Чтò касается китайскаго вида, то онъ носитъ названіе древовиднаго, такъ какъ стволъ его деревенѣетъ. О его происхожденіи китайскіе писатели не сходятся во мнѣніяхъ. Одни утверждаютъ, что онъ былъ выращенъ изъ обыкновеннаго травянистаго вида при помощи особаго рода культуры, другіе же говорятъ и, какъ кажется, болѣе достовѣрно, что онъ былъ сначала найденъ въ какой-то провинціи сѣвернаго Китая, а затѣмъ уже былъ перенесенъ въ южныя, гдѣ его и начали воздѣлывать.

Размножаемый при помощи сѣмянъ, онъ даетъ массу разновидностей, новые сорта которыхъ цѣнятся нерѣдко на вѣсъ золота. Число же его сортовъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ, изъ которыхъ многіе отличаются замѣчательно пріятнымъ запахомъ.

До насъ, къ прискорбію, большинство изъ нихъ не доходитъ, такъ какъ они отличаются чрезвычайной нѣжностью, и потому культивировать ихъ въ открытомъ грунтѣ, какъ нашъ европейскій видъ, очень трудно. Когда нѣкоторые изъ этихъ рѣдкихъ сортовъ были привезены въ Парижъ, извѣстный французскій садоводъ Нуазеттъ платилъ за нихъ отъ полуторы тысячи франковъ и до сотни луидоровъ за экземпляръ, но культура ихъ въ саду не давала хорошихъ результатовъ.

Цвѣтокъ безстрастія и Маргариты Готье — камелія.

Камелія, этотъ чудный по своей формѣ, по красотѣ своихъ какъ бы изъ воска сдѣланныхъ лепестковъ и своихъ гладкихъ, блестящихъ, темно-зеленыхъ толстыхъ листьевъ цвѣтокъ, имѣетъ какой-то безжизненный видъ, видъ какъ бы искусственно сдѣланнаго растенія.

Онъ въ одно и то же время и прельщаетъ и отталкиваетъ.

Его считаютъ всѣ красивымъ, но бездушнымъ — эмблемой холодности и черствости чувствъ, эмблемой тѣхъ красивыхъ, но безсердечныхъ женщинъ, которыя, не любя, завлекаютъ, разоряютъ и губятъ молодежь и которыхъ потому и называютъ его именемъ.

Названіе это, впрочемъ, происходитъ не прямо отъ цвѣтка, а отъ героини извѣстнаго романа А. Дюма-сына: «Дама съ камеліями».

Кто не читалъ въ молодости этого прелестнаго произведенія, кто не увлекался его героиней Маргаритой Готье, не восхищался особенно ея героическимъ, самоотверженнымъ поступкомъ, когда, любя всей душой человѣка, она рѣшается разстаться съ нимъ и бѣжать лишь для того, чтобы только успокоить его престарѣлаго отца, умолявшаго ее не губить будущности его сына?

Ея тяжелая, приведшая къ могилѣ болѣзнь, ея трогательная, вдали отъ любимаго человѣка, на котораго ей хотѣлось хоть разъ еще взглянуть, смерть — все это производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе, и тѣмъ болѣе потрясающее, что если разсказъ этотъ и названъ романомъ, но въ основѣ своей имѣетъ истинную исторію,

гдѣ, скажемъ кстати, нашъ цвѣтокъ игралъ не послѣднюю роль.

Настоящее имя Маргариты Готье, какъ извѣстно, было Мари Дюплесси. Это была выдающаяся красавица, которой увлекался весь Парижъ и которую знали даже и люди, не имѣвшіе къ ней никакого отношенія, по букету чудныхъ камелій, безъ котораго она никогда не появлялась въ дни первыхъ представленій въ театрахъ.

При этомъ камеліи были не всегда одинаковаго цвѣта. Двадцать пять дней въ мѣсяцѣ онѣ были бѣлыя и 5 дней красныя. Какая была тому причина, никто не зналъ, и она такъ и осталась тайной, которую Мари Дюплесси унесла съ собой въ могилу...

Кромѣ камелій, Мари Дюплесси никакихъ другихъ цвѣтовъ не любила и никогда не носила. Цвѣтущими же камеліями постоянно были убраны всѣ ея комнаты, а особенно ея будуаръ.

Такая постоянная страсть къ этимъ цвѣтамъ заставили ея поставщицу цвѣтовъ м-мъ Баржи назвать ее «La dame aux camélias» (дамой съ камеліями) — прозвище, которымъ окрестилъ ее и весь свѣтскій Парижъ и которое затѣмъ перешло и ко всѣмъ богатымъ красивымъ женщинамъ, увлекающимъ свѣтскую молодежь.

Цвѣты эти не покинули Мари Дюплесси и послѣ ея смерти.

Когда она умерла, весь гробъ ея былъ усыпанъ камеліями и обложенъ роскошными вѣнками изъ нихъ. Прелесть и красота этого убранства такъ подѣйствовала на всю собравшуюся на ея похороны многочисленную публику, особенно же на дамъ, что въ продолженіе цѣлаго года послѣ ея смерти среди богатыхъ парижанъ даже вошло въ моду ѣздить на ея могилу на Монмартрское кладбище и украшать ее букетами, вѣнками и цѣлыми растеніями камелій. А одинъ изъ ея друзей, отсутствовавшій во время похоронъ, написалъ въ память ея стихотвореніе и возложилъ его ей на могилу, окруживъ его гирляндой изъ дивныхъ красныхъ камелій.

Когда же увлеченіе публики этой модой стало понемногу охладѣвать, то поправившійся тѣмъ временемъ отъ страшнаго потрясенія, произведеннаго на него полученнымъ имъ отъ бѣдной Мари Дюплесси предсмертнымъ письмомъ, Арманъ Дюваль, тотъ самый юноша, изъ безнадежной любви къ которому она постаралась скоротать свою горькую жизнь, покрылъ всю ея могилу камеліями.

Могила эта представляла собой и лѣтомъ, и зимой сплошь усѣянный бѣлыми цвѣтами партеръ камелій, среди которыхъ виднѣлась только небольшая бѣлая же мраморная плита, на которой было начертано ея имя. Ухаживавшему за могилой садовнику было строго приказано слѣдить за цвѣтами и, какъ только какіе-либо изъ нихъ увядали, сейчасъ же, несмотря ни на какую цѣну, замѣнять ихъ свѣжими...

Среди постоянныхъ посѣтителей этой могилы былъ, какъ говорятъ, и самъ Александръ Дюма-сынъ, а написанный имъ трогательный романъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на знаменитаго итальянскаго композитора Верди, что онъ сочинилъ на его сюжетъ свою извѣстную всѣмъ оперу «Травіата», которая и до сихъ поръ составляетъ одну изъ любимѣйшихъ оперъ всѣхъ странъ и почти никогда не сходитъ со сцены.

О возникновеніи камеліи на землѣ мы находимъ у Мантегацца въ его сказкахъ о цвѣтахъ слѣдующій оригинальный фантастическій разсказъ.

«Однажды, — разсказываетъ онъ, — богъ любви, Амуръ, наскучивъ любовью богинь Олимпа и всѣхъ земныхъ женщинъ, обратился къ своей матери Венерѣ съ просьбой найти ему существо, которымъ бы онъ могъ увлечься.

«Венера сначала удивилась, какъ онъ не можетъ найти на землѣ среди такого множества прелестныхъ смертныхъ ни одной достойной любви, но потомъ, подумавъ, сказала:

«Ну хорошо, если на землѣ нѣтъ женщины, которая бы тебѣ могла понравиться, такъ попробуй, полети въ какой-нибудь другой міръ, на какую-либо другую планету».

«Мысль эта очень понравилась Амуру, и онъ, недолго думая, сейчасъ же пустился въ путь.

«Планета, на которую онъ прилетѣлъ, была Сатурнъ. Въ минуту, когда онъ на нее опустился, на ней раздавался хоръ чудныхъ ангельскихъ голосовъ. Звуки эти неслись съ прелестнаго, прозрачнаго, синяго какъ сапфиръ озера, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими, причудливо-изрѣзанными ледяными холмами и берега котораго были усыпаны блестящимъ, какъ серебро, только-что выпавшимъ снѣгомъ.

«Нигдѣ не было видно, ни яркихъ цвѣтовъ, ни зеленыхъ листьевъ — все было бѣло, какъ снѣгъ, и даже росшія тутъ же на берегу, похожія на папоротники и пальмы, растенія были сдѣланы точно изъ льда и искрились и отливали всѣми цвѣтами радуги, какъ бы осыпанныя пылью милліоновъ мельчайшихъ брильянтовъ.

«Чудные звуки неслись изъ груди многочисленныхъ, сидѣвшихъ среди ледяныхъ скалъ, красивыхъ женщинъ. Женщины эти не походили ни на одну изъ видѣнныхъ имъ на землѣ. Тѣло ихъ было бѣло, пушисто какъ снѣгъ, длинные серебристые ихъ волосы ниспадали имъ до плечъ, а свѣтло-голубые глаза ихъ блестѣли какъ сапфиръ.

«Амуръ былъ пораженъ. Никогда еще онъ ничего подобнаго не видѣлъ. Къ тому же оригинальныя эти существа какъ будто не замѣчали даже царившаго вокругъ нихъ страшнаго холода.

«Странныя эти созданія пѣли:

«Хвала Тебѣ, Господи, великая хвала за то, что Ты далъ намъ тѣло изъ льда. Ледъ умѣряетъ всякія желанія, успокаиваетъ страсти и гаситъ всякое пламя».

«Великая хвала снѣгу, брату льда. Осанна инею, его сыну, осанна творцу льда, который дѣлаетъ душу прозрачной и задерживаетъ всякое гніеніе. Осанна врагу смерти!»

«Пропѣвъ эти строфы, женщины опустили служившія имъ для аккомпанемента ледяныя арфы и устремили свои взоры на Амура, который былъ такъ прекрасенъ, какъ никто изъ тѣхъ, которыхъ имъ до сихъ поръ приходилось видѣть. Но его чудная красота нисколько на нихъ не дѣйствовала. Онѣ любовались имъ, казались имъ поражены, но не увлекались. Напрасно Амуръ, схвативъ колчанъ своихъ чудодѣйственныхъ стрѣлъ, началъ пускать ихъ въ этихъ прелестныхъ женщинъ. Онъ истратилъ ихъ всѣ, но ни одна не поразила ихъ сердца: всѣ остались холодны къ нему какъ ледъ.

«Тогда въ отчаяніи онъ бросился опять къ своей матери Венерѣ, восклицая:

«Мать, мать, куда же ты послала меня? Здѣсь все изо льда: и цвѣты, и деревья, и даже самыя души женщинъ; онѣ не въ состояніи не только любить, но даже и увлекаться. Такое равнодушіе заслуживаетъ примѣрнаго наказанія!.. И въ гнѣвѣ отъ своего безсилія онъ плакалъ и рыдалъ.

«Тогда, возмущенная съ своей стороны такимъ несвойственнымъ женщинѣ бездушіемъ, Венера воскликнула:

«Ты вполнѣ правъ, мой сынъ, успокойся и не печалься, эти безчувственныя существа недостойны быть женщинами, въ наказаніе пусть онѣ сейчасъ же сойдутъ на землю и превратятся въ цвѣты!..»

И вотъ эти-то прелестныя, но бездушныя созданія и превратились въ камелій. Чудныя, бѣлыя, розовыя, ярко-

красныя, онѣ не имѣютъ ни запаха, ни нѣжности. Ни одна дѣвушка не украшаетъ ими себя, ни одинъ чистый юноша не носитъ ихъ въ бутоньеркѣ...»

Камелія — цвѣтокъ японскій и носитъ въ Японіи названіе «ябу-цубахъ», а у китайцевъ «сон-цфа» — «горный чай». Родина ея — острова Кіу-сіу, Сикоко и нѣкоторыя провинціи острова Нипона, гдѣ она растетъ въ видѣ крупнаго кустарника или деревца въ прохладной температурѣ на горахъ, высотой въ 800 и болѣе футовъ надъ уровнемъ моря, и достигаетъ иногда 10 — 20 футовъ вышины.

Ея покрытыя чудными, вѣчно-зелеными, неопадающими листьями вѣтви употребляются въ Японіи, слѣдуя народному обычаю, круглый годъ для украшенія могилъ на кладбищахъ. Когда же наступаетъ время ея цвѣтенія, то въ японскихъ храмахъ устраиваютъ праздникъ фонарей.

Тогда всѣ могилы покрываются цвѣтущими вѣтками камелій и, начиная съ вечера, въ продолженіе всей ночи освѣщаются маленькими фонариками. Праздникъ этотъ длится нѣсколько дней, при чемъ въ это время въ города привозятъ изъ деревень срубленныя деревья камелій въ цвѣту, какъ у насъ на Рождествѣ елки, и продаютъ ихъ на рынкахъ. Это доставляетъ значительный доходъ крестьянамъ.

Замѣчательно, что нѣчто похожее происходитъ и въ нѣкоторыхъ городахъ южной Германіи, особенно на Рейнѣ, гдѣ въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ (2 ноября) могилы на кладбищахъ также освѣщаются ночью зажженными свѣчками и убираются цвѣтущими въ это время цвѣтами. Интересно бы знать, какъ перенесся сюда этотъ древній восточный обычай, цѣль котораго какъ тутъ, такъ и тамъ — показать символически любовь живыхъ къ дорогимъ умершимъ?

Деревьями и кустарниками камелій засаживаютъ въ Японіи также и рощи, окружающія храмы, а равно и сады богатыхъ людей, и когда во время цвѣтенія эти деревья и кусты покрываются тысячами какъ изъ воска сдѣланныхъ, ярко-красныхъ, чисто-бѣлыхъ, розовыхъ и пестрыхъ цвѣтовъ, то зрѣлище это не поддается описанію. Особенно же оригинальными являются тѣ деревья, которыя помощью прививки разныхъ сортовъ на одномъ деревѣ, въ чемъ японцы являются особенно искусными, покрываются цвѣтами всевозможныхъ колеровъ и оттѣнковъ. Культивированныя такимъ способомъ камеліи зацвѣтаютъ нѣсколько позднѣе, но зато цвѣтутъ гораздо дольше.

Камеліи являются не только любимымъ цвѣткомъ Японіи, но также и не менѣе любимымъ цвѣткомъ Китая. Вслѣдствіе этого, между этими двумя странами происходитъ постоянный обмѣнъ и торговля новостями этого растенія, и культурой его въ обширныхъ размѣрахъ занимаются не только спеціалисты-садоводы, но и вообще поселяне, у которыхъ на ровныхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить нерѣдко цѣлыя десятины, занятыя питомниками маленькихъ деревцовъ камелій.

Развитію культуры камелій въ этихъ странахъ содѣйствуетъ еще немало и царствующая тамъ, какъ и у насъ, мода на окраску и форму цвѣтовъ камелій: то всѣ увлекаются ярко-красными сортами, то крупными бѣлыми, то мелкими, то бѣлыми, испещренными красными полосками, и т. д.

Но камелія культивируется здѣсь не только изъ-за своихъ цвѣтовъ, а также и изъ-за побочныхъ продуктовъ. Изъ ея сѣмянъ выжимаютъ масло, которое въ смѣси съ масломъ лавра и герани идетъ на приготовленіе самыхъ тонкихъ японскихъ помадъ; отваръ ея листьевъ, отличающихся, какъ и листья чайной камеліи (C. sasanqua), замѣчательно-пріятнымъ запахомъ, служитъ прекраснымъ эликсиромъ для промыванія волосъ, придающимъ тотъ чудный блескъ и ту шелковитость, которыми, какъ извѣстно, отличаются волосы японокъ; кора корней употребляется, какъ превосходное лѣкарство отъ кроваваго поноса, а само твердое дерево идетъ на вырѣзку и вытачиванье тѣхъ мелкихъ, изящныхъ вещицъ, въ изготовленіи которыхъ такъ искусны какъ японцы, такъ и китайцы; наконецъ старыя деревья идутъ прямо на топливо, какъ это практикуется, напр., въ южныхъ провинціяхъ Японіи, а особенно въ Нагасаки.

Въ Европу камелія была ввезена въ 1738 году іезуитскимъ монахомъ, патеромъ Іосифомъ Камелемъ, жившимъ долгое время въ качествѣ миссіонера на Филиппинскихъ островахъ, и отъ его-то имени растеніе и получило названіе камеліи.

Привезенные имъ два первыхъ экземпляра этого растенія были проданы большому лондонскому любителю растеній, лорду Петре, который поспѣшилъ перенести эти драгоцѣнныя растенія въ свои теплицы въ Сорнденъ-Холлъ; но садовникъ его, который не зналъ условій жизни этого растенія на родинѣ, помѣстилъ ихъ въ черезчуръ теплое отдѣленіе, и оба деревца погибли. Огорченный этогой печальной неудачей, садовникъ этотъ, по имени Джонъ Гордонъ, рѣшилъ, однако, во что бы то ни стало

добыть себѣ еще разъ это растеніе и попробовать культивировать его въ другихъ условіяхъ. Желаніе его осуществилось въ 1740 году. На этотъ разъ онъ помѣстилъ полученные имъ экземпляры въ холодную оранжерею и получилъ блестящій результатъ. Камелія не только хорошо разрослась, но и зацвѣла. Это была чайная камелія (Cam. sasanqua), та самая, пахучіе цвѣты которой подмѣшиваютъ въ чай для усиленія аромата.

По другой версіи, привезенные Камелемъ кусты камелій были поднесены супругѣ короля испанскаго Фердинанда V, которая пришла отъ ихъ цвѣтовъ, какъ и самъ король, въ восхищеніе. Она передала ихъ тотчасъ же опытному садовнику своего загороднаго дворца Буенъ-Ретиро и приказала ему употребить всѣ усилія, чтобы сохранить это растеніе и заставить его цвѣсти.

Садовникъ приложилъ, дѣйствительно, свои старанія, и вскорѣ сады Буенъ-Ретиро наполнились цѣлыми кустами камелій, представлявшихъ въ эпоху цвѣтенія дивную картину.

Но король и королева такъ ревниво оберегали эту новинку, что строжайше запретили вывозить ее за предѣлы Буенъ-Ретиро. Такого же мнѣнія придерживались и ихъ наслѣдники, такъ что прелестный цвѣтокъ, находясь въ дворцовыхъ садахъ Испаніи въ продолженіе болѣе 60 лѣтъ, остальной Европѣ оставался за это время совершенно неизвѣстнымъ.

Настоящая же декоративная камелія (C. japonica) была получена въ Европѣ лишь въ концѣ XVIII столѣтія.

Это была бѣлая, какъ серебро, камелія. Первой, получившей ее, была австрійская императрица Марія-Терезія. Восхищенная этимъ очаровательнымъ цвѣткомъ, она показала его своему мужу, который нашелъ также его прелестнымъ. Растеніе было передано въ оранжереи и вскорѣ тамъ очень быстро разрослось.

Первымъ получившимъ ее частнымъ лицомъ былъ Ванъ-Кассель, основатель Королевскаго Общества Земледѣлія въ Гентѣ, въ Бельгіи; но онъ долгое время, скрывая свое сокровище отъ всѣхъ любителей въ своей громадной жаркой теплицѣ, не сумѣлъ ни развести ее, ни облагородить.

Болѣе счастливымъ былъ другой бельгійскій любитель, Ванъ-Вёстенъ, который, пріобрѣтя этотъ видъ камеліи, довелъ ее до цвѣтенія.

Прелестные цвѣты японской камеліи привели всѣхъ любителей въ неописуемый восторгъ, и теперь каждый ста-

рался какъ-нибудь добыть себѣ черенокъ этого дивнаго растенія и выходить его.

О томъ, какія страшныя деньги приходилось платить любителямъ за эти черенки, нечего и говорить. Среди нихъ особенно выдавался богатый булочникъ въ Гентѣ — Мортье.

Мортье скупилъ всѣ, какіе только имѣлъ возможность пріобрѣсть, экземпляры этого растенія и, тщательно изучая наилучшіе способы прививки, получилъ нѣсколько замѣчательно красивыхъ гибридовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялся розовый varіететь, получившій названіе «Maiden blush», дѣвичьей крови.

Съ этихъ поръ городъ Гентъ сдѣлался поставщикомъ камелій на всю Европу и оставался имъ болѣе 50 лѣтъ.

Всеобщее увлеченіе этимъ прелестнымъ цвѣткомъ не замедлило отразиться и въ современной литературѣ.

Славившійся въ то время бельгійскій поэтъ Норбертъ Корнелиссенъ написалъ въ 1820 году о появленіи камеліи въ Европѣ поэтическую сказку подъ игривымъ названіемъ: «De fatis Camelliae japonicae, lusus poeticus» (О судьбѣ камеліи въ Европѣ, — поэтическая шутка).

Дѣйствіе происходитъ на Олимпѣ, гдѣ боги отличались не меньшими слабостями и увлеченіемъ, какъ и простые смертные. Амуръ насплетничалъ на свою мать Венеру, которая, выйдя изъ себя, приказала игравшимъ роль его нянюшекъ Граціямъ высѣчь его за это до крови розгами изъ розъ. Пусть, сказала она, у него останется подольше воспоминаніе о его неумѣстной болтливости.

Узнавъ о грозившей ему опасности, Амуръ бросился стремглавъ къ богинѣ Флорѣ и сталъ ее умолять или совсѣмъ избавить его отъ такого позорнаго наказанія, или же, по крайней мѣрѣ, какъ-нибудь его ослабить. Тогда Флора призвала къ себѣ Зефира (легкій вѣтеръ) и приказала ему летѣть скорѣе въ Японію и принести оттуда нипонскую розу.

— Ты узнаешь ее, — сказала она, — сейчасъ же. Ея вѣтви покрыты прелестными, блестящими, зелеными какъ изумрудъ листьями; цвѣты похожи на цвѣты дикой розы и пріятно пахнутъ; но растеніе имѣетъ ту особенность, что лишено шиповъ, вслѣдствіе чего тотъ, кто его рветъ, не подвергается опасности исколоть себѣ руки. Боги ее назвали «Anacanthis» (лишенной шиповъ), а люди «сасанква» (Sasanqua).

Недолго думая, Зефиръ пустился въ путь и черезъ нѣсколько часовъ принесъ требуемое растеніе. Оно было все богато покрыто цвѣтами. Когда Флора передала его

Граціямъ, какъ предназначенную для Амура розгу, то онѣ улыбнулись и, придя отъ него въ восхищеніе, украсили себя его цвѣтами. Но, дѣлать нечего, надо было приступить къ выполненію наказанія, и онѣ наказали такъ нѣжно, что на тѣлѣ Амура не оказалось ни малѣйшей царапины.

Узнавъ объ этомъ, Венера страшно разсердилась; но что было дѣлать — шалунъ былъ все-таки наказанъ, какъ она приказала, розгами изъ розъ, но только розы были безъ шиповъ. И вотъ она перенесла весь свой гнѣвъ на растеніе и лишила его свойственнаго ему чуднаго запаха и приказала ему расти всегда лишь въ Японіи.

И съ тѣхъ поръ роза эта оставалась неизвѣстной ни Граціямъ, ни Музамъ, пока не извлекъ ее наконецъ изъ тяжелаго плѣна іезуитъ Камель. Привезя ее въ Европу, онъ, однако, не могъ возвратить ей уже потеряннаго ею запаха, и чудный цвѣтокъ такъ и остался навсегда лишеннымъ этого дивнаго дара боговъ.

Во Франціи камелія появилась въ 1780 году и принималась первое время за чайное растеніе. Первые же ея экземпляры въ цвѣту были присланы сюда лишь въ 1800 году.

Экземпляры эти были получены первой супругой Наполеона I, императрицей Жозефиной, отъ голландскаго негоціанта и въ то же время большого любителя цвѣтовъ, Ванъ-Герда, въ благодарность за оказанное ею покровительство голландской торговлѣ. Одно растеніе имѣло красные цвѣты, а другое бѣлые.

Въ слѣдующемъ году тотъ же Ванъ-Гердъ прислалъ императрицѣ еще большее количество этихъ растеній въ ея любимый ботаническій садъ въ замкѣ Мальмезонъ, и императрица, увлекавшаяся, какъ истинная любительница, рѣдкими растеніями, ухаживала за ними и заботилась о нихъ, какъ о дѣтяхъ. Камеліи принялись у нея прекрасно и ежегодно покрывались обиліемъ прелестныхъ цвѣтовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, у садовника Куртона въ Парижѣ камеліи зацвѣли такъ роскошно, что весь городъ стекался къ нему, чтобы ихъ посмотрѣть. Это были громадныя, въ 25 футовъ вышины, деревья; изъ нихъ самыя крупныя были подарены ему императрицей, которая не только сама наслаждалась цвѣтеніемъ этого растенія, но и всегда старалась распространить любовь къ нему среди другихъ любителей.

Раздавая, однако, свои камеліи любителямъ, императрица Жозефина берегла тѣмъ не менѣе самыя лучшія для себя, и когда, по смерти ея, продано было, согласно

ея завѣщанію, въ пользу бѣдныхъ, все находившееся въ Мальмезонѣ ея имущество, то за камеліи было вы-ручено болѣе 20.000 франковъ, что̀ для того времени представляло сумму очень внушительную.

Большой любительницей и поклонницей камелій была также знаменитая пѣвица Аделина Патти. Сначала она очень увлекалась красными розами и носила ихъ постоянно на головѣ. Но потомъ, получивъ такой громадный успѣхъ въ «Травіатѣ», измѣнила розѣ и осталась уже вѣрной красной камеліи.

Она не только любила прикалывать ее себѣ на груди и украшать ею свою прическу, но являлась всегда въ театръ съ букетомъ камелій, а всѣ комнаты ея роскош-наго помѣщенія во все время цвѣтенія камелій были нерѣдко убраны цѣлыми цвѣтущими деревьями и кустами этого растенія.

Изъ Франціи камелія была перенесена въ Германію, но долгое время считалась тамъ большою рѣдкостью, что лучше всего показываетъ, напр., цѣна букета изъ ка-мелій, поднесеннаго принцемъ Генрихомъ Прусскимъ своей супругѣ въ день годовщины ихъ бракосочетанія. Камеліи этого букета, выращенныя въ теплицахъ маркграфа Ба-денскаго, обошлись по два червонца за штуку.

Въ половинѣ XIX столѣтія появились камеліи и у насъ въ Россіи, и прежде всего, конечно, въ Петер-бургѣ. Особенно увлекалась ими графиня Нессельроде, въ теплицахъ которой былъ собранъ ихъ цѣлый лѣсъ. Когда камеліи эти были въ цвѣту, то посмотрѣть ихъ цвѣтеніе отправлялся въ теплицы Нессельроде весь beau monde Петербурга.

Вообще, цвѣтокъ этотъ пользовался у насъ первое время большою любовью, и нерѣдко, чтобы украсить имъ свое бальное платье, свою прическу, или имѣть сдѣ-ланный изъ нихъ букетъ, на это удовольствіе тратили по 300—400 и болѣе рублей въ одинъ вечеръ.

Но самымъ главнымъ мѣстомъ разведенія камелій въ Европѣ является сѣверная Италія, гдѣ въ мѣстечкѣ Тремезинѣ на озерѣ Комо можно встрѣтить цѣлые лѣса этого растенія. Ихъ хорошему росту и развитію благо-пріятствуетъ здѣсь особенно превосходная мѣстная красно-бурая дерновая почва.

Растущія тутъ прямо на воздухѣ въ благопріятномъ климатѣ деревья камелій достигаютъ громаднаго роста, и, покрываясь въ баснословномъ количествѣ роскошнѣй-шими цвѣтами, представляютъ во время цвѣтенія для посѣщающихъ это мѣстечко туристовъ одну изъ пре-

лестнѣйшихъ картинъ природы, какую только можно себѣ представить.

Главное цвѣтеніе, смотря по погодѣ, начинается съ середины марта или начала апрѣля и длится до мая, и тогда камеліевые лѣса бываютъ такъ обильно залиты своими цвѣтами, какъ вишневые сады у насъ весной. Разведеніе камелій производится здѣсь не только черенками, но и сѣменами, которыя вызрѣваютъ въ этомъ благодатномъ климатѣ прекрасно; но что̀ особенно интересно — это то, что̀, благодаря такому разведенію сѣменами, получается всегда масса гибридовъ, и нѣкоторые изъ нихъ бываютъ замѣчательно красивы.

Кромѣ того, здѣсь производится еще другое, крайне оригинальное размноженіе камелій, при помощи листьевъ, которые втыкаютъ прямо въ землю.

Обыкновенно въ другихъ странахъ такого рода размноженіе требуетъ довольно долгаго времени, но въ Тремезинѣ, благодаря прекрасному климату и особенной ловкости итальянскихъ садоводовъ, оно подвигается очень быстро.

Кромѣ полученія новыхъ разновидностей камелій при помощи посѣва случайныхъ сѣмянъ, ихъ можно получить еще, конечно, какъ у всѣхъ растеній, при помощи спеціальнаго перекрестнаго опыленія, что̀ у камелій особенно легко производить, такъ какъ пыльца ихъ имѣетъ свойство необычайно долго сохраняться свѣжей.

Хагенъ въ Гентѣ, производившій надъ этимъ рядъ опытовъ, носилъ ее въ бумажкѣ 65 дней и при опыленіи ею получилъ очень хорошіе результаты; на основаніи же другихъ опытовъ, она можетъ сохранить свою силу даже и въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Основной окраской камелій, какъ извѣстно, является бѣлый и ярко-красный цвѣта, но садоводы, получивъ всевозможные между этими двумя цвѣтами оттѣнки, не удовольствовались ими и хотѣли во что бы то ни стало добиться еще желтаго и синяго цвѣта, чего имъ относительно перваго отчасти и удалось, такъ какъ такого цвѣта камелію привезъ въ 1860 году изъ Китая англійскій изслѣдователь Форчунъ. Сначала эта камелія долгое время не зацвѣтала, но потомъ, когда зацвѣла, то оказалась махровой разновидностью Cam. sasanqua — и слѣдовательно по величинѣ цвѣтка далеко уступала японской. Что касается до голубой камеліи, то она, несмотря на всѣ попытки, такъ и осталась въ области фантазіи.

Всѣ эти разновидности пріобрѣли камеліи среди любителей садоводства массу поклонниковъ, и ею одно время

стали почти такъ же увлекаться, какъ въ былое время тюльпанами. Торговцы, конечно, не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы нажиться, и стали торговать какъ мнимыми новыми разновидностями, такъ и отводками отъ нихъ разновидностей.

Извѣстный французскій писатель и въ то же время страстный любитель цвѣтоводства, Альфонсъ Карръ, оставилъ описаніе, между прочимъ, одного процесса, который былъ въ Парижѣ, по поводу присланныхъ изъ Америки однимъ разводителемъ двухъ такихъ новыхъ разновидностей камелій, за которыя покупатель заглазно, согласно лишь присланному ихъ изображенію, обязался уплатить 11.000 франковъ. Когда, однако, пришли самые экземпляры этихъ разновидностей и зацвѣли, то оказалось, что рисунки далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и тогда выписавшій ихъ садоводъ отказался уплатить эту громадную сумму. Завязался судебный процессъ, но судъ сталъ на сторону американца, и садоводу пришлось искъ удовлетворить.

Между тѣмъ журналы такъ много писали объ этомъ и публика такъ заинтересовалась этими цвѣтами, что когда растенія эти въ полномъ цвѣту были выставлены въ зимнемъ саду въ Елисейскихъ поляхъ, то туда, чтобы посмотрѣть ихъ, устремился весь Парижъ.

Тогда догадливый садоводъ удвоилъ входную плату и сталъ продавать по дорогой цѣнѣ покрывавшіе эти растенія цвѣты, и выручилъ за нихъ однихъ болѣе 4.000 франковъ, такъ что все вмѣстѣ взятое почти покрыло всю уплаченную имъ по суду сумму.

Другимъ примѣромъ увлеченія любителей камеліями можетъ служить исторія, происшедшая въ 1840 году съ одной разновидностью камеліи, пріобрѣтенной Вершафельтомъ въ Гентѣ за 1.000 франковъ и носившей названіе «Королева Викторія» (Queen Victoria).

Чудная разновидность эта имѣла громадные, въ $2^1/_2$ вершка въ поперечникѣ, цвѣты, совершенно круглые, махровые, замѣчательно правильно сложенные и отличавшіеся удивительно яркой темно-красной окраской съ бѣлой поперечной полоской на каждомъ лепесткѣ — словомъ, представляла въ своемъ родѣ полное совершенство.

Посмотрѣть на чудную разновидность пріѣзжала публика и садоводы отовсюду.

И вотъ Вершафельтъ, чтобы покрыть свои расходы и въ то же время сдѣлать удовольствіе любителямъ, придумалъ родъ безпроигрышной лотереи. Онъ выпустилъ 10 паевъ по 250 франковъ каждый, при чемъ

на каждый пай приходилось по 10 сортовъ камелій, изъ которыхъ одинъ былъ обязательно отводокъ отъ разновидности «Королевы Викторіи». Эти 10 паевъ были тотчасъ же раскуплены. Тогда онъ выпустилъ еще 100 такихъ паевъ, и они были также быстро разобраны. Изъ нихъ 33 были пріобрѣтены самимъ городомъ Гентомъ, 60 — другими бельгійскими садоводами, а остальные разошлись по всему свѣту. Такъ что въ короткій срокъ камелія эта доставила владѣтелю 15.000 франковъ, при чемъ въ его владѣніи остался еще и самый маточный экземпляръ.

Жатва эта однако не могла долго продолжаться: черезъ годъ цѣна на разновидность сильно упала. Ее можно было пріобрѣтать по 3 франка за экземпляръ. Но владѣльцу удалось-таки продать еще и маточное растеніе за 20 фунтовъ стерлинговъ и такимъ образомъ за 1.000 франковъ выручить въ общемъ 21.000 франковъ.

Многія изъ разведенныхъ въ Европѣ камелій такъ здѣсь прижились, что растутъ по десяткамъ лѣтъ прямо въ садахъ, покрываясь ежегодно массой цвѣтовъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и знаменитая камелія, растущая въ саду загороднаго дворца короля саксонскаго въ Пильницѣ, близъ Дрездена.

Камелія эта была привезена изъ Японіи еще въ 1739 году, т.-е. около 175 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ, прикрываемая только слегка на зиму, растетъ здѣсь и ежегодно бываетъ усыпана массой прелестныхъ цвѣтовъ. Стволъ ея имѣетъ болѣе 2 аршинъ въ обхватѣ.

Цвѣтокъ постоянства, вѣрности; эмблема „майской королевы“— незабудка.

„Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ,
И опять незабудками сплошь зарастетъ
Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеной“.

Прелестная, съ нѣжно-голубыми, какъ бирюза, лепестками и ярко-желтой, точно изъ золота сдѣланной, серединкой, незабудка является однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей весенней флоры. Особенно же крупны и ярки бываютъ такъ-называемыя болотныя незабудки, растущія на сырыхъ лугахъ и по берегамъ канавъ. Сдѣланный изъ такихъ чудныхъ незабудокъ букетъ замѣчательно красивъ, а если его развязать и разложить въ видѣ вѣнка на глубокой тарелкѣ съ водой, то прелесть цвѣтовъ еще болѣе увеличится.

Въ такомъ видѣ незабудки очень долговѣчны и, при перемѣнѣ по временамъ въ тарелкѣ воды, могутъ сохраняться совершенно свѣжими и роскошно цвѣтущими по цѣлымъ недѣлямъ.

Свое странное научное названіе «Myosotis», обозначающее въ переводѣ на русскій языкъ «мышиное ушко», этотъ прелестный цвѣтокъ получилъ отъ своихъ покрытыхъ волосками листьевъ, которые, развертываясь изъ почки, сначала имѣютъ дѣйствительно нѣкоторое сходство съ ухомъ мыши.

О возникновеніи незабудки сложилось очень поэтическая древне-греческая легенда:

«Ликасъ и Эгле были самой красивой парочкой изъ всѣхъ пастуховъ и пастушекъ Аркадіи, а ихъ любовь

и вѣрность на побережьяхъ рѣки Алфея вошли даже въ поговорку. Но вотъ однажды Ликасъ получаетъ строгое приказаніе отъ отца немедленно воротиться домой и вступить въ наслѣдство, оставленное ему его умершимъ дядей.

Тогда у бѣдной Эгле зарождается сомнѣніе: какъ бы Ликасъ, разбогатѣвъ, не измѣнилъ ей и, увлекшись какой-нибудь городской красавицей, объ умѣньи которыхъ влюблять въ себя такъ много разсказывали бывавшіе тамъ старые пастухи, не бросилъ ее? Но она не рѣшается открыть ему свое опасеніе и предостеречь его, такъ какъ боится, какъ бы ея недовѣрчивость не обидѣла его, а между тѣмъ сердце ея разрывается отъ горя на части...

«Настаетъ минута разлуки. Ликасъ крѣпко жметъ руку Эгле и нѣжно ее обнимаетъ. Взволнованная до глубины души Эгле не можетъ воздержаться отъ слезъ, и нѣсколько крупныхъ капель изъ ея чудныхъ, свѣтлосинихъ глазъ катятся на лежащую у ея ногъ траву... И о чудо! Каждая изъ этихъ слезъ превращается въ такой же голубой, какъ и глаза, изъ которыхъ она падаетъ, цвѣтокъ. Это были первыя незабудки. Эгле постепенно срываетъ ихъ и молча передаетъ ихъ своему возлюбленному, но Ликасу смыслъ ихъ ясенъ и онъ называетъ ихъ: «не забудь меня».

Въ pendant къ этому, одно нѣмецкое преданіе сообщаетъ, что незабудка возникла изъ слезъ невѣсты, пролитыхъ ею при разставаньи съ ея женихомъ. Видя, какъ это растеніе выросло и расцвѣло, они назвали его «незабудкой» (Vergiss mein nicht) и дали себѣ слово, всюду, гдѣ бы они его ни встрѣтили, срывать его и хранить, какъ память о ихъ взаимной любви.

О дѣйствіи этого цвѣтка на сердца влюбленныхъ Гёте говоритъ:

„Wenn sie ein blaues Blümchen bricht
Und immer sagt: Vergiss mein nicht!
So fühl' ich's in der Ferne.
Und wenn mir fast das Herze bricht,
So ruf' ich nur: Vergiss mein nicht!
Da komm' ich wieder in's Leben".

(Когда она срываетъ голубенькій цвѣточекъ и говоритъ: не забудь меня, то я чувствую это и вдалекѣ. А если у меня сердце разрывается, то только говорю: не забудь меня, и тогда какъ бы вновь оживаю).

Другая легенда по одному варіанту говоритъ, что «незабудкой» назвалъ это растеніе самъ Господь, такъ

какъ оно забыло свое первое, данное ему при его созданіи, имя. Объ этомъ одно нѣмецкое стихотвореніе разсказываетъ такъ:

«Когда Господь однажды сотворилъ цвѣты, и всѣ они, слѣдуя Его зову, собрались въ своемъ пестромъ одѣяніи и спросили, низко кланяясь, какія будутъ ихъ имена, то Господь далъ каждому изъ нихъ свое названіе и приказалъ хорошенько его запомнить.

Но не успѣлъ Господь это сказать, какъ вернулся одинъ изъ маленькихъ цвѣточковъ и со слезами на глазахъ воскликнулъ: «Господи, въ такомъ большомъ собраніи я забылъ свое имя». Тогда, взглянувъ на него строго, Господь ласково сказалъ: «Не забудь меня!».

По другому варіанту сообщается слѣдующее: «Когда Господь создалъ міръ и далъ названіе всѣмъ твореніямъ, то случайно забылъ назвать одинъ маленькій цвѣточекъ, росшій на берегахъ ручья. Тогда забытый цвѣточекъ приблизился къ трону Всесильнаго и просилъ и его не забыть въ Его любви и также дать ему названіе. На это любвеобильный Господь отвѣчалъ: «Тебя Я не забуду, не забудь ты Меня. Пусть отнынѣ имя твое будетъ «незабудка».

И вотъ теперь, когда два любящихъ другъ друга сердца разстаются, то на прощанье они дарятъ другъ другу незабудку—этотъ символъ подразумѣваемой мысли: «не забудь меня».

Какъ иллюстрацію къ сейчасъ высказанному пожеланію, одно австрійское сказаніе сообщаетъ слѣдующее:

«Много лѣтъ тому назадъ пошли женихъ съ невѣстой погулять по берегу Дуная. Вдругъ молодая дѣвушка увидѣла на краю крутого берега неизвѣстный ей до того времени прелестный расцвѣтшій цвѣточекъ и выразила желаніе достать его. Молодой человѣкъ сейчасъ же нагнулся и сорвалъ цвѣточекъ, но въ то время, какъ онъ поднимался, нога его какъ-то скользнула, и онъ, сорвавшись, упалъ въ рѣку. Мѣсто оказалось глубокимъ, а помощи никакой.

Напрасно несчастная дѣвушка выбивалась изъ силъ, призывая на помощь, а юноша боролся съ теченіемъ, стараясь держаться на водѣ — никто не откликался. Вынырнувъ еще разъ изъ воды, онъ успѣлъ только крикнуть своей возлюбленной: «не забудь меня!» и пошелъ ко дну. Когда же нѣсколько дней спустя, нашли его тѣло, то въ судорожно сжатыхъ пальцахъ находилось и злополучное растеніе.

Молодая дѣвушка, горько оплакавъ, похоронила жениха и на могилѣ его посадила это растеніе, которое съ тѣхъ поръ и получило названіе, составленное изъ послѣднихъ словъ безвременно погибшаго въ волнахъ юноши». Эта исторія и послужила темой для извѣстнаго стихотворенія нѣмецкаго поэта фонъ-Платена.

Наконецъ, одно старинное германское преданіе сообщаетъ по поводу названія этого цвѣтка еще слѣдующее сказаніе: «Жили-были нѣкогда въ одномъ лѣсу мальчикъ съ дѣвочкой. Жили они въ уединеніи въ самой его глуши, играли постоянно вмѣстѣ и крѣпко полюбили другъ друга. Когда же они выросли, вдругъ мальчикъ, теперь уже юноша, вздумалъ пойти посмотрѣть на міръ.

Съ грустью проводила своего друга дѣтства дѣвушка черезъ высокій буковый лѣсъ, мимо печально поникшей головкой фіалки, мимо веселаго цвѣтка боярышника на самую его опушку.

Тамъ они увидѣли вдругъ темно-голубой, похожій на большіе синіе глаза, цвѣточекъ, и въ горести разлуки каждый изъ нихъ сорвалъ по цвѣтку и передалъ другъ другу на память, убѣждая помнить другъ о другѣ и срывать его каждый разъ, какъ онъ имъ встрѣтится, въ знакъ того, что они не забыли другъ друга.

И какъ они обѣщали, такъ и исполнили.

Прошли годы, долгіе годы. Онъ все еще не возвращался, а она, состарѣвшись, превратилась уже въ старую сѣдую бабушку. Наступила опять весна, и вотъ прежняя дѣвушка, теперь уже старая бабушка, отправилась опять черезъ высокій буковый лѣсъ мимо печальной фіалки и веселаго боярышника на опушку и вдругъ совершенно неожиданно встрѣтилась тамъ съ какимъ-то старичкомъ, такимъ же сѣдымъ, какъ и она.

Они были другъ другу незнакомы; но на опушкѣ росъ голубой цвѣточекъ. Оба они наклонились, чтобы сорвать его, ихъ старыя руки встрѣтились, и оба старика, заливаясь слезами, узнали другъ друга, узнали, что, несмотря на столько протекшихъ лѣтъ, они остались вѣрны другъ другу, и что ни тотъ ни другая не забыли даннаго ими обѣщанія.

И вотъ съ этихъ поръ нашъ маленькій синій цвѣтокъ и получилъ, какъ говорятъ, свое названіе «незабудки».

Таковъ цѣлый рядъ сказаній о происхожденіи названія этого прелестнаго цвѣтка, но вѣрнѣе всего онъ получилъ имя отъ своего чуднаго синяго цвѣта, напоминающаго цвѣтъ небеснаго свода, тянущагося на без-

конечное пространство, среди котораго настроенный мистически умъ вѣрующаго старался всегда отыскать мѣсто будущаго обитанія своей безсмертной души; такъ какъ не нужно забывать, что въ человѣкѣ вѣчно жива мысль о безсмертіи, какъ исполненіи величайшаго обѣщанія, которое вложено въ его сердце Творцомъ, обѣщанія, исполненія котораго онъ ждетъ и которое никогда не забываетъ. Этимъ-то, какъ мнѣ кажется, лучше всего объясняется даже и то интересное обстоятельство, что этотъ цвѣтокъ носитъ у всѣхъ христіанскихъ народовъ одно общее названіе, «незабудки».

Замѣчательно поэтично еще одно персидское сказаніе, о незабудкѣ, которое повѣствуетъ, какъ однажды утромъ одинъ ангелъ сидѣлъ, плача, у вратъ рая, откуда онъ былъ изгнанъ за то, что полюбилъ дочь земли.

Онъ увидѣлъ эту дѣвушку въ первый разъ на берегу рѣки, когда она убирала свои чудные волосы незабудками, полюбилъ ее и не могъ болѣе съ ней разстаться. И вотъ теперь, въ наказаніе за то, что онъ отдалъ ей свое сердце, онъ былъ удаленъ изъ рая до тѣхъ поръ, пока эта дочь земли не разсадитъ незабудки во всѣхъ уголкахъ міра.

Задача была нелегкая, но, проникнутая сильной любовью дѣвушка согласилась ее исполнить.

И вотъ въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ, во всякую погоду, во всѣхъ климатахъ, день и ночь, она бродила по земному шару, разсаживая этотъ милый цвѣточекъ.

Когда же задача была исполнена, оба появились снова передъ вратами рая и врата предъ ними не закрылись: она, хотя и смертная, была принята безъ смерти, «такъ какъ, сказалъ стражъ обители небесной, ея любовь была выше желанія жить и такъ какъ тотъ, которому она отдалась всей душой, былъ ангелъ, а любовь къ небесному сохраняетъ отъ порчи земной».

«Пусть же», добавилъ онъ, «вкуситъ она сладостей небесныхъ, величайшая изъ которыхъ самоотверженная любовь».

Въ нѣмецкихъ народныхъ повѣрьяхъ незабудка играетъ также роль, приписываемую и многимъ другимъ цвѣтамъ: она доставляетъ клады.

Ребенку ли, слугѣ ли, рыцарю ли случится его найти на дорогѣ, то стоитъ имъ только подойти къ ближайшей скалѣ и дотронуться до нея найденнымъ ими цвѣткомъ, какъ она мгновенно разверзается, и ихъ удивленнымъ взорамъ представляется чудная пещера, вся усыпанная золотомъ, драгоцѣнными камнями и разными дру-

гими сокровищами. Въ то же время оттуда таинственный голосъ говоритъ, что все это можно взять, что все это представляетъ собственность обладателя цвѣтка, но не нужно забыть взять только самаго лучшаго, а самое это лучшее и есть сорванный цвѣтокъ «незабудка».

Но жадный до золота человѣкъ обыкновенно старается только какъ можно больше набить себѣ карманы золотомъ и драгоцѣнностями и, опьяненный неожиданнымъ богатствомъ, выходитъ, упустивъ изъ виду сдѣланное ему предостереженіе не забыть цвѣтка.

«Смотри, не забудь самаго лучшаго», повторяетъ ему таинственный голосъ въ минуту выхода его изъ пещеры. Тутъ только онъ вспоминаетъ о сдѣланномъ имъ промахѣ и, схватившись за голову, спѣшитъ вернуться въ пещеру. Но уже поздно: скала смыкается, и отъ входа въ пещеру не остается и слѣда. А между тѣмъ послѣдствія этого непослушанія, этого невниманія къ словамъ таинственнаго голоса не замедливаютъ обнаружиться: вмѣсто золота изъ кармановъ сыплется соръ, а вмѣсто драгоцѣнныхъ камней валятся голыши....

Другимъ нѣмецкимъ повѣрьемъ является существующій и до сихъ поръ въ Штиріи суевѣрный обычай заговаривать при помощи незабудки душевную скорбь.

Если влюбленному юношѣ, говорится въ одномъ старинномъ альманахѣ, почему-либо нельзя жениться на любимой дѣвушкѣ, а между тѣмъ любовь эта такъ сильна, что онъ не въ состояніи ее перенести, то горю этому можетъ помочь незабудка. Ему стôитъ только вечеромъ, при заходѣ солнца, въ день Іоанна Крестителя, взять локонъ волосъ любимой имъ дѣвушки, какой-нибудь подаренной ею засохшій цвѣтокъ (большею частью, конечно, незабудку) или вообще какую-нибудь подаренную ею на память вещь и, разрывъ землю гвоздемъ отъ гроба, закопать туда эту вещь, приговаривая:

«Любовь, я держу тебя и зарываю. Удались изъ моего сердца вмѣстѣ съ вѣрностью и горемъ».

Обыкновенно такимъ образомъ погребенная любовь, говоритъ далѣе этотъ альманахъ, проходитъ быстро и оставляетъ сердце въ покоѣ. Нерѣдко, однако, въ лѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ она была погребена, вырастаетъ незабудка. Тогда это дурное предзнаменованіе. Это значитъ, что любовь была плохо погребена.

По распространенному же въ южной Германіи повѣрью, незабудки вырастаютъ также на могилахъ некрещеныхъ дѣтей, какъ бы напоминая или, лучше ска-

зать, упрекая родителей въ томъ, что они забыли исполнить этотъ необходимый для всякаго человѣка обрядъ.

Говорятъ также, что цвѣты появились и на могильныхъ холмахъ, подъ которыми были погребены воины, убитые въ битвѣ при Лютценѣ во время тридцатилѣтней войны, и что и тутъ цвѣты эти просили оставшихся въ живыхъ не забывать молиться по той или другой причинѣ за погребенныхъ.

Затѣмъ незабудка считается также во многихъ мѣстностяхъ Германіи волшебнымъ цвѣткомъ, при помощи котораго можно узнать имя суженаго или суженой. Для этого нужно только не искать незабудку, а воспользоваться случайно попавшейся на дорогѣ. Такую незабудку кладутъ на голое тѣло подъ мышку и, не говоря ни слова, идутъ домой. И вотъ имя перваго попавшагося въ это-то время на дорогѣ или перекресткѣ мужчины или женщины и будетъ представлять собой имя суженаго или суженой.

Въ среднихъ вѣкахъ незабудкѣ, кромѣ того, придавали еще нѣкоторое и религіозное значеніе. Ея названіе должно было служить постояннымъ напоминаніемъ о Богѣ. Мысль эта особенно часто получала свое символическое выраженіе на сдѣланныхъ изъ дерева вырѣзкахъ, изображающихъ небесное око, окруженное вѣнкомъ изъ незабудокъ съ надписью: «помни обо мнѣ».

Вообще въ этомъ небольшомъ темно-голубомъ цвѣточкѣ, повидимому, заключается та притягательная сила, отъ которой не въ состояніи отдѣлаться ни одинъ склонный къ сентиментализму человѣкъ. Это цвѣтокъ тоски, образецъ вѣрной любви между мужемъ и женою, и потому въ старинной пѣснѣ поется:

«Вотъ синій цвѣточекъ, его зовутъ незабудкой. Этотъ цвѣточекъ положи къ сердцу и думай обо мнѣ. Если погибнетъ онъ, то погибнетъ и надежда, такъ какъ мы такъ полны любовью, что, повѣрь мнѣ, она никогда у меня не умретъ».

Вслѣдствіе всего этого, незабудка пользуется вообще большой любовью нѣмецкаго народа, и во многихъ мѣстностяхъ Германіи въ народныхъ училищахъ существуетъ обычай отправляться весной всей школой въ лѣсъ за незабудками.

Обыкновенно въ этотъ день занятія въ школахъ продолжаются только до полудня, а затѣмъ вся дѣтвора съ шумомъ и пѣснями подъ руководствомъ учителя отправляется въ ближайшій лѣсъ, въ которомъ особенно обильно растутъ и цвѣтутъ незабудки. Прибывъ

туда, каждый мальчикъ и каждая дѣвочка стараются набрать какъ можно бо̀льшій букетъ этихъ цвѣтовъ и украсить ими себѣ волосы, шапки и петлицы.

Весь день проводится въ пѣніи и играхъ, а вечеромъ, съ закатомъ солнца, вся школа торжественно возвращается домой. Каждый школьникъ съ гордостью несетъ набранный имъ букетъ, который сейчасъ же ставится въ сосудъ съ водой и служитъ въ продолженіе долгаго времени предметомъ восхищенія и воспоминанія о веселой весенней прогулкѣ.

Такія же погулянки устраиваются часто и взрослыми; въ нихъ принимаютъ участіе цѣлыя семьи: и старъ и младъ, и хозяинъ и слуга — словомъ, весь домъ; и прогулки эти представляютъ не случайное явленіе, а совершаются изъ года въ годъ съ незапамятныхъ временъ, и набранныя на этихъ прогулкахъ и засушенныя незабудки бережно хранятся отъ прогулки до прогулки.

Набираютъ цвѣтовъ какъ можно больше, дѣлаютъ изъ нихъ букеты, вьютъ вѣнки и гирлянды и украшаютъ ими самихъ себя и дѣтей. Пьютъ кофе, ѣдятъ пироги, и все общество такъ веселится, что память о прогулкѣ остается радостнымъ воспоминаніемъ на цѣлый годъ. На погулянкахъ этихъ забывается все тяжелое и непріятное, и каждый веселится отъ всей души. Но что̀ особенно радостно — это, что тутъ нѣтъ больше ни хозяевъ ни прислуги. Въ этотъ день всѣ равны, всѣ братья.

Но такой народной любовью пользуется незабудка не только въ одной Германіи, ее любятъ, ею увлекаются и въ другихъ странахъ.

Такъ, въ окрестностяхъ Люксембурга существуетъ маленькая, чрезвычайно быстрая и прозрачная, какъ стекло, рѣчка, носящая поэтическое названье «купанья красавицъ» или «водопада волшебнаго дуба». Послѣднее названье ей дано за то, что ключъ, дающій ей начало, вытекаетъ съ журчаньемъ изъ корней стараго, насчитывающаго много сотенъ лѣтъ, дуба. Берега этой романтической рѣчки съ іюля по августъ бываютъ покрыты безчисленнымъ множествомъ прелестныхъ крупныхъ ярко-голубыхъ незабудокъ, число которыхъ еще болѣе умножается ихъ отраженіемъ въ кристальныхъ ея водахъ. И вотъ въ это-то очаровательное мѣстечко собираются изъ города дѣвушки въ часы свободы, въ дни каникулъ и, украсившись вѣнками изъ незабудокъ, купаются, плещутся и кружатся съ пѣніемъ, какъ какія-нибудь нимфы, и устраиваютъ такимъ образомъ празднество въ честь наядъ заколдованнаго дуба...

Незабудку любятъ и въ Англіи, гдѣ съ ней связано популярное празднество, извѣстное подъ названьемъ празднества «майской королевы».

Празднество «майской королевы», какъ извѣстно, ведетъ свое начало еще съ древнихъ временъ, когда человѣчество болѣе молодое, болѣе поэтичное, чѣмъ въ наши дни, встрѣчало съ радостью и ликованьемъ ежегодно расцвѣтъ природы послѣ тяжелой зимы и устраивало праздникъ въ честь возвращенія весны. Днемъ такого празднества выбиралось 1-е мая, какъ день, когда чаще всего вся природа уже одѣвалась въ свой очаровательный весенній уборъ. Въ древнемъ Римѣ молодые люди наканунѣ этого дня съ полночи уходили за городъ, въ поля и лѣсъ и, нарѣзавъ тамъ вѣтвей, плели изъ нихъ вѣнки и букеты и приносили ихъ въ городъ, чтобы уже къ утру убрать ими двери домовъ и самыя зданія — словомъ, чтобы и городъ обрадовать той желанной весной, которая пока царила только еще въ поляхъ и лѣсахъ. И весь день шли танцы и царило веселье вокругъ большого дерева, посаженнаго въ честь богини цвѣтовъ — «Флоры».

Въ среднихъ вѣкахъ празднество это не утратило своего значенія, но приняло нѣсколько иной характеръ. Его праздновали больше въ украшеніи церквей древесными вѣтвями и въ благодарственныхъ молитвахъ, возносимыхъ Творцу за то, что Онъ сподобилъ снова увидѣть радостные дни обновленія всей природы.

Въ Англіи празднество это, перешедшее вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, особенно торжественно начали справлять въ царствованіе Генриха VIII, когда ежегодно 1-го мая самъ король и королева со всѣмъ своимъ дворомъ, включая сюда даже и кардинала, покидали городскіе дворцы и за первыми весенними цвѣтами отправлялись за городъ. Около этого же времени вошло въ обычай сажать въ деревняхъ и даже въ городахъ майское дерево передъ домомъ самой красивой изъ мѣстныхъ дѣвушекъ и провозглашать ее королевой этой весны — «королевой мая».

Празднество это современемъ сдѣлалось настолько популярно, что сдѣлаться майской королевой являлось завѣтной мечтой каждой красивой дѣвушки.

Въ прелестномъ стихотвореніи англійскаго поэта А. Теннисона, переведенномъ на русскій языкъ Плещеевымъ, мы находимъ слѣдующее описаніе такого трепетнаго ожиданія.

Волнуемая страстнымъ желаніемъ быть избранной «королевой мая», дѣвушка говоритъ своей матери:

„Разбуди меня завтра, родная
Только солнышко въ небѣ блеснетъ,
Всѣхъ-то дней этотъ день веселѣе:
Не бываетъ такого весь годъ.
Разбуди же, смотри! Съ нетерпѣньемъ
Жду давно я веселаго дня:
Королевою майской, я знаю,
Они выберутъ завтра меня!
. . . .
Крѣпокъ сонъ мой, сама я не встану,
Такъ смотри же, погромче кричи,
Чуть въ окно нашей спальни, родная,
Золотые проникнутъ лучи.
Еще много вѣнковъ мнѣ придется
Изъ цвѣтовъ и изъ зелени свить:
Вѣдь я знаю навѣрное: завтра
Королевою майской мнѣ быть!
. . . .
Я хочу, чтобъ сестра моя Ева
Шла со мною на праздникъ весны,
Да и ты приходи: королевой
Меня видѣть вы обѣ должны.
Даже съ горъ отдаленныхъ приходятъ
Пастухи, чтобъ на праздникъ взглянуть,
А я буду на немъ королевой.
Разбуди же меня, не забудь!“

Проходятъ годы, героиня разсказа претерпѣваетъ тяжелыя невзгоды, но и въ самую тяжелую минуту жизни день этотъ является для нея радостнымъ воспоминаніемъ, и она говоритъ своей матери:

„Хорошо было въ маѣ, родная,
Не забыла я этого дня,
Какъ они королевою майской,
Всю въ цвѣтахъ, посадили меня:
На лужайкѣ, подъ деревомъ майскимъ
Танцовали мы долго потомъ,
Пока мѣсяцъ не всплылъ, обливая
Кровли нашихъ домовъ серебромъ“.

Однако, мало-по-малу прелестный старинный обычай этотъ, съ проникновеніемъ въ англійскія народныя массы духа меркантильности и наживы, сталъ въ наше время выводиться и, быть-можетъ, совсѣмъ бы исчезъ, не вздумай его возобновить и поддержать въ школахъ знаменитый англійскій мыслитель Джонъ Рёскинъ. Благодаря его инціативѣ и стараніямъ, теперь празднуется праздникъ «майской королевы» почти во всѣхъ дѣвичьихъ школахъ

Англіи и Ирландіи. Празднованіе это происходитъ съ нѣкоторыми варіантами, но общей чертой является избраніе изъ своей среды «майской королевы» и при томъ не столько за выдающуюся ея красоту, какъ это было прежде, сколько за успѣхи въ наукахъ, а главное за общую любовь къ ней.

Приведемъ для примѣра, какъ празднуется этотъ день въ Уайтлендскомъ колледжѣ, школѣ для дѣвицъ, готовящихся къ педагогической дѣятельности.

Уже съ ранняго утра церковь школы, ея дворъ и всѣ комнаты убраны цвѣтами, присланными съ разныхъ концовъ Англіи прежними питомицами школы. И когда все готово, ученицы съ пѣніемъ: «все вокругъ насъ красуется и веселится», въ торжественной процессіи вступаютъ въ церковь. Королева ими уже избрана, но только имя ея еще хранится втайнѣ.

Во время пѣнія появляется прошлогодняя королева, избранная весною прошлаго года. Сегодня послѣдній день ея царствованія. Она въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, въ одеждѣ и крестѣ, установленныхъ для этого празднества. Она радостно привѣтствуется своими подругами, которыя, ставъ въ два ряда и держа въ рукахъ гирлянды изъ цвѣтовъ, пропускаютъ ее подъ этимъ цвѣточнымъ сводомъ на предназначенное для нея мѣсто. Еще нѣсколько минутъ, еще нѣсколько аккордовъ и, какъ только это шествіе остановится и будетъ пропѣто послѣднее слово гимна, такъ длившемуся ея цѣлый годъ царствованію наступитъ конецъ.

Тогда королева, обратившись къ своимъ вѣрноподданнымъ съ рѣчью, благодаритъ ихъ и выхваляетъ выдающіяся ихъ качества, и одна изъ ближайшихъ подругъ ея снимаетъ съ нея завядшій королевскій вѣнецъ-вѣнокъ и замѣняетъ его вѣнкомъ изъ незабудокъ. Букетъ же изъ незабудокъ даетъ она ей и въ руку. Пусть она не забудетъ годъ своего царствованія, пусть память о томъ, что она носила высокій титулъ царицы за свою добродѣтель, за всеобщую къ ней любовь ея школьныхъ подругъ, останется для нея вѣчной.

По окончаніи этой церемоніи объявляется конецъ прежняго царствованія и провозглашается имя новой избранницы.

Новая королева, при громкихъ кликахъ и всеобщемъ ликованіи, торжественно входитъ на тронъ, и подруги ея проходятъ предъ ней, привѣтствуя ее, и

получаютъ изъ рукъ ея награды — великолѣпно переплетенныя произведенія Д. Рёскина. Награды даются не по конкурсу, а раздаются королевой полновластно. Одной королева даетъ за то, что она всегда оставалась вѣрна своимъ подругамъ, другой за то, что она хорошо знаетъ музыку, третьей за ея веселый нравъ и пріятный характеръ и т. д.

Принимая подарки, подруги цѣлуютъ у своей королевы руку.

Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ обѣдня, а по окончаніи устраивается веселый праздникъ, который длится до вечера и на которомъ первое мѣсто принадлежитъ королевѣ.

Но еще гораздо раньше учрежденія всѣхъ этихъ празднествъ «майской королевы», незабудка пользовалась въ Англіи уже своимъ значеніемъ. Говорятъ, что еще въ 1405 году Генрихъ Ланкастеръ избралъ этотъ цвѣтокъ своей эмблемой и, находясь въ изгнаніи, помѣстилъ его въ цѣпь ордена Подвязки со словами: «souvenez-vous de moi» («не забудьте меня»). Такимъ образомъ, какъ роза является историческимъ цвѣткомъ для дома Іорка, какъ лилія — для Стюартовъ и Бурбоновъ, фіалка — для Наполеоновъ, такъ и незабудка — геральдическій цвѣтокъ для Ланкастеровъ.

По другимъ свѣдѣніямъ, первымъ воспользовавшимся въ Англіи символомъ значенія незабудки былъ одинъ изъ Плантагенетовъ, который, будучи влюбленъ въ жену герцога Бретонскаго, обмѣнялся съ ней въ знакъ ихъ взаимной любви этимъ цвѣткомъ.

По иному, наконецъ, источнику, впервые введшимъ въ Англіи незабудку, какъ эмблему воспоминанія, былъ лордъ Скельсъ, братъ Елизаветы Вудвиллъ, жены Генриха IV, которому, послѣ побѣды на турнирѣ надъ однимъ бургундскимъ рыцаремъ, присутствовавшія придворныя дамы преподнесли золотую цѣпь, украшенную синими эмалевыми незабудками, на память о неизгладимой для всей Англіи отвагѣ, выказанной имъ въ этомъ состязаніи.

Наконецъ, скажемъ еще, что въ Англіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, массовое появленіе незабудокъ на мѣстахъ погребенія считается иногда народомъ за напоминаніе, присылаемое съ того свѣта покойниками, и миссъ Праттъ въ своей статьѣ о битвѣ при Ватерлоо разсказываетъ, между прочимъ, что на другой годъ послѣ этой битвы, незабудки покрыли массами все поле сраженія, особенно на мѣстахъ, упоен-

ныхъ англійской кровью. Цвѣты эти, говоритъ она, какъ бы желали сказать: «Не забывайте своихъ вѣрныхъ сыновъ и братьевъ, положившихъ за васъ свои головы!»

Въ Англіи о незабудкѣ писали много, и почти нѣтъ первокласснаго поэта, который бы не посвятилъ ей какого-нибудь прекраснаго стихотворенія.

Не меньшую роль цвѣтка воспоминанья играетъ незабудка и во Франціи. И здѣсь дарятъ и хранятъ ее на память, и здѣсь посылаютъ ее, какъ знакъ того, что помнятъ о тѣхъ, кому ее дарятъ.

Извѣстный французскій писатель Гекторъ Мало, излагая свои воспоминанія о Крымской кампаніи, гдѣ онъ находился въ качествѣ волонтера, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій интересный случай.

Это было какъ разъ въ день битвы при Альмѣ и Инкерманѣ. Идя въ атаку на страшныя непріятельскія укрѣпленія и думая, что сегодня, быть-можетъ, день его смерти, онъ вспомнилъ, что это былъ также день именинъ его жены и подумалъ, какъ онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ ее поздравить.

Вдругъ у ногъ своихъ въ сыромъ рву, по которому солдаты двигались, онъ видитъ цѣлую полосу прелестныхъ незабудокъ въ полномъ цвѣту. Забывъ объ угрожавшей ему ежеминутно опасности, увлеченный цвѣтами, онъ нагибается и начинаетъ ихъ рвать. Въ это время надъ головой его раздается страшный свистъ и шипѣнье, и, какъ какимъ порывомъ вѣтра, его осыпаетъ комьями грязи.

Онъ поднимается и видитъ всѣхъ своихъ товарищей убитыми или страшно изуродованными. Это былъ залпъ картечью, сдѣланный по нимъ изъ русскихъ батарей. Не нагнись онъ за незабудками, которыя думалъ послать на память женѣ, и его не было бы въ живыхъ, какъ и его сотоварищей...

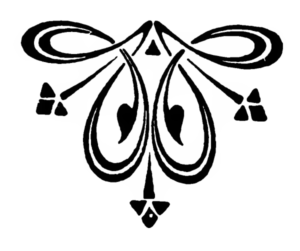
Во Франціи ей посвящено также немало стихотвореній, но особенно мило выражается о ней поэтъ Aimé Martin въ своихъ письмахъ къ Софіи (Lettres à Sophie):

„Pour exprimer l'amour ces fleurs semblent éclore,
Leur langage est un mot — mais il est plein d'appas;
Dans la main des amants elles disent encore:
Aimez-moi, ne m'oubliez pas".

(Цвѣты эти распускаются какъ будто для того, чтобы выражать любовь. Вся ихъ рѣчь — одно слово, но слово, полное прелести. Въ рукахъ влюбленныхъ они говорятъ еще: люби меня и не забывай!)

Въ заключеніе скажемъ, что сокъ незабудки имѣетъ, какъ говорятъ, оригинальное свойство способствовать затвердѣванію стали. Для этого стоитъ только раскаленное докрасна стальное лезвіе или вообще какое-либо стальное орудіе окунуть нѣсколько разъ въ этотъ сокъ и держать въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно не охладѣетъ. Закаленная такимъ образомъ сталь до того тверда, что рѣжетъ желѣзо и точильный камень. Этимъ способомъ, какъ говорятъ, приготовляли сталь для знаменитыхъ толедскихъ и дамасскихъ клинковъ.

Въ Голландіи же изъ этого сока дѣлаютъ сиропъ, который употребляется, какъ прекрасное средство противъ чахоточнаго кашля.

Цвѣтокъ нашихъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, провозвѣстница весны — сирень.

Съ сиренью связано у насъ воспоминанье о веснѣ, о чудномъ маѣ мѣсяцѣ, когда обновленная природа является во всей своей красѣ: кусты и деревья покрыты свѣжей, благоухающей зеленью, луга усѣяны пестрыми цвѣтами, въ лѣсахъ раздается пѣніе цѣлыхъ хоровъ птичекъ, на опушкѣ жужжатъ пчелы и шмели, по цвѣтамъ порхаютъ ярко-расцвѣченныя, только-что выведшіяся изъ куколокъ, бабочки, и человѣку какъ-то дышится легко, какъ-то хочется жить и жить... Какъ правъ поэтъ, восклицая:

„Пока еще не отцвѣли сирени,
И сладкое дыханье ихъ волнуетъ грудь,
Иной разъ хочется пасть на колѣни,
Сказать веснѣ: Не отходи! Побудь..."

Отягощенная крупными кистями своихъ прелестныхъ бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, сирень служитъ теперь лучшимъ украшеніемъ нашихъ садовъ. Чудный запахъ ея чувствуется на далекомъ разстояніи, и какъ-то невольно тянется рука къ ея цвѣтамъ, чтобы сорвать ихъ и, сдѣлавъ изъ нихъ букеты, украсить ими свое жилище.

О возникновеніи этого прелестнаго цвѣтка мы находимъ у Мантегацца слѣдующую поэтическую сказку:

«Былъ апрѣль мѣсяцъ, и земля ждала съ нетерпѣніемъ небесныхъ даровъ. Желая поскорѣе видѣть на кустахъ и вѣтвяхъ деревьевъ первыя птичьи гнѣзда и на поляхъ и лугахъ первые цвѣты, богиня весны отправилась будить солнце, которое, казалось, было погружено еще въ сладкую дремоту.

«Вставай, — сказала она ему, — уже первое апрѣля и съ земли поднимается къ небу шумъ едва сдерживаемыхъ страстныхъ желанiй и печальные вздохи.

«Услышавъ этотъ призывъ, солнце поспѣшило встать и черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденiи богини весны и своей неразлучной спутницы Ирисъ (радуги) спустилось на землю.

Тогда богиня весны, взявъ лучи солнца и примѣшавъ къ нимъ пестрые лучи радуги, начала полными пригоршнями сыпать ихъ на борозды полей, на поверхность луговъ, на вѣтви деревьевъ, въ расщелины скалъ, словомъ, всюду, гдѣ земля только ждала этой всеоживляющей благодати.

«И всюду, гдѣ нисходили эти живительные лучи, — всюду тотчасъ вырастали розовые, красные, блѣдноголубые и темно-синiе, золотистые и снѣжно-бѣлые, крапчатые и полосатые цвѣты, образовывая то звѣздочки, то зонтики, то колокольчики, то чаши, то колосья, то кисти; форма и окраска сливались другъ съ другомъ въ опьяненiи любви — вся земля ликовала среди объятiй и поцѣлуевъ...

«Такъ солнце неустанно цѣлые дни продолжало свою творческую работу и, пронесясь съ богиней весны и радугой черезъ всю землю, достигло крайнихъ ея предѣловъ — Скандинавiи, гдѣ оно спитъ обыкновенно по мѣсяцамъ, гдѣ цвѣты бѣдны и рѣдки, и гдѣ ледъ, оковывающiй землю въ продолженiе долгаго времени проникаетъ въ нее чуть не на цѣлые аршины.

«Тутъ, утомленное, оно хотѣло прекратить уже свою работу, но богиня весны, какъ женщина, какъ существо болѣе сострадательное, увидя эту бѣдную растительностью страну, сжалилась надъ ней и обратилась къ солнцу съ слѣдующей просьбой:

«Всемогущее, богатое солнце, позволь мнѣ одѣть цвѣтами и эти холодныя страны. Правда, что радуга истратила почти что всѣ уже имѣвшiяся у нея въ распоряженiи краски, однако остается еще немало лиловаго. Позволь же мнѣ украсить эти страны хоть лиловымъ.

«Хорошо, — отвѣчало солнце, — такъ сѣйте лиловое!

«И богиня весны, набравъ полныя пригоршни оставшихся крайнихъ лиловыхъ лучей солнечнаго спектра, начала метать ихъ на кусты и на поля Скандинавiи, и куда только попадали эти лучи, тамъ сейчасъ же появлялись цѣлыми сотнями, цѣлыми тысячами чудныя кисти сирени.

«Вскорѣ однако здѣсь оказалось столько сирени, что солнце, обратившись къ богинѣ весны, воскликнуло:

«Ну довольно, довольно, развѣ ты не замѣчаешь, что всюду только и видно, что лиловое!

«Ничего, — отвѣчала богиня, — не мѣшай мнѣ продолжать! Вѣдь этимъ несчастнымъ, окованнымъ въ ледъ землямъ, совершенно чужды и сладострастіе розы, и поцѣлуй душистой фіалки, и опьяняющій запахъ магноліи и туберозы, такъ дадимъ же имъ по крайней мѣрѣ, цѣлые лѣса, цѣлыя моря сирени.

«Но богъ солнца на этотъ разъ не послушался ея и, взявъ изъ рукъ радуги палитру, смѣшалъ остатокъ всѣхъ имѣвшихся на ней семи основныхъ цвѣтовъ и началъ сѣять полученные отъ ихъ смѣшенія бѣлые лучи на кусты и деревца; и въ результатѣ получилась бѣлая сирень, которая, присоединясь къ лиловой, образовала съ ней нѣжный, пріятный контрастъ...»

Итакъ, вотъ почему сирень начинаетъ распускаться съ первыхъ же теплыхъ дней весны, и нигдѣ такъ обильно и роскошно не цвѣтетъ, какъ въ Швеціи и Норвегіи — этой странѣ, поражающей весь міръ своей удивительной физической и моральной силой...

Въ Европѣ сирень — чужестранка. Ея родина Малая Азія — Персія, откуда она попала къ намъ лишь въ XVI столѣтіи. Впервые она была получена въ 1562 году, когда Ангеріусъ Бусбегъ, получивъ ее съ Востока, привезъ ее въ Вѣну изъ Константинополя, гдѣ онъ находился при султанѣ Солиманѣ въ качествѣ посла императора Фердинанда I.

Около этого же времени, повидимому, она попала и въ Англію, такъ какъ при описаніи парка любимаго загороднаго зàмка королевы Елизаветы — Нонсечъ, разведеннаго еще въ царствованіе Генриха VIII, говорится, что тамъ было нѣсколько мраморныхъ бассейновъ, вокругъ одного изъ которыхъ росло 6 кустовъ сирени, отличавшихся замѣчательно пріятнымъ запахомъ... Описаніе это было сдѣлано въ царствованіе Карла II, подарившаго какъ самый зàмокъ, такъ и этотъ паркъ одной изъ своихъ фаворитокъ, которая, приведя его въ упадокъ, продала затѣмъ все, чтò въ немъ имѣлось цѣннаго.

Вслѣдствіе этого, въ XVI столѣтіи сирень являлась въ Европѣ еще большою рѣдкостью, но ея неприхотливость на почву, ея выносливость къ довольно суровой въ то время температурѣ средней Европы и ея чудные душистые цвѣты сдѣлали ее вскорѣ всеобщей любимицей; такъ что лѣтъ черезъ 40 почти уже не было въ Европѣ сада или парка, гдѣ бы она не росла и не росла въ обиліи.

Особенно она пришлась по вкусу въ Германіи: изъ нея дѣлали здѣсь букеты, плели вѣнки, и не встрѣчалось почти дома, гдѣ бы весной она не служила украшеніемъ комнатъ. Дѣти забавлялись ею, какъ и теперь, дѣлая изъ отдѣльныхъ цвѣточковъ, втыкая ихъ одинъ въ другой, крестики, вѣночки, которые потомъ засушивали на память. Съ особеннымъ вниманіемъ затѣмъ всматривались въ цвѣты, отыскивая такъ называемое счастье, т.-е. тѣ цвѣты, которые вмѣсто обычныхъ четырехъ лопастей (отгибовъ) трубки вѣнчика, имѣютъ ихъ пять, шесть, десять и болѣе. Причиной такого особеннаго увеличенія отгибовъ цвѣтка сирени является обыкновенно срастаніе нѣсколькихъ цвѣтковъ вмѣстѣ — способность, свойственная главнымъ образомъ только сирени.

Такіе сросшіеся цвѣты имѣютъ иногда 20, 25, 30 и даже больше отгибовъ. Вотъ ихъ-то и считаютъ за счастье, и потому всякая молодая дѣвушка, получивъ букетъ сирени, первое что̀ дѣлаетъ — это ищетъ эти уродливые цвѣты, и съ чѣмъ бо̀льшимъ количествомъ лопастей она найдетъ цвѣтокъ, тѣмъ больше предвѣщаетъ онъ ей счастье.

Особеннымъ обиліемъ такихъ цвѣтовъ отличается бѣлая сирень; у лиловой они гораздо рѣже, и потому найти подобный уродливый цвѣтокъ среди лиловой считается гораздо болѣе интереснымъ. Найдя такой цвѣтокъ, счастливцы обыкновенно или засушиваютъ его и хранятъ въ книжкѣ, или же прямо съѣдаютъ.

Объ этомъ гаданіи среди молодежи можно часто встрѣтить ходящее по рукамъ, принадлежащее перу какого-то неизвѣстнаго автора, слѣдующее стихотвореньице:

„Помнишь, другъ, какъ разъ весною
Въ ароматный, майскій день
Обрывали мы съ тобою
Расцвѣтавшую сирень.

* *
*

О пяти листочкахъ вѣнчикъ
Ты искала межъ цвѣтовъ
И чуть слышно, точно птенчикъ,
Щебетала много словъ:
Все четыре, все четыре,
Все не вижу я пяти,
Значитъ, счастья въ этомъ мірѣ
Мнѣ, бѣдняжкѣ, не найти“.

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ, наконецъ, найденъ былъ счастивый цвѣтокъ о пяти отгибахъ и какъ онъ принесъ счастье, и все заключается слѣдующими строфами:

„И съ тѣхъ поръ лишь, какъ я узнаю,
Что въ саду цвѣтетъ сирень,
Я съ любовью вспоминаю
Нашъ счастливый майскій день...“

Но бываетъ также, что цвѣты сирени, вмѣсто четырехъ отгибовъ, имѣютъ всего три. Тогда, наоборотъ, цвѣты эти считаются несчастьемъ, и ихъ всячески избѣгаютъ. Словомъ, въ этомъ отношеніи сирень имѣетъ нѣчто общее съ клеверомъ и кислицей, которыхъ листья считаются также счастьемъ, когда количество ихъ больше трехъ.

Такіе счастливые, составленные изъ четырехъ лопастей листочки этихъ растеній часто дѣлаются изъ эмали и золота и служатъ украшеніемъ брошекъ, колецъ, браслетовъ, вообще разныхъ дамскихъ ювелирныхъ украшеній, а изображенія ихъ также то и дѣло помѣщаются на писчей бумагѣ, конвертахъ, портмоне и разныхъ бездѣлушкахъ и принадлежностяхъ дамскаго туалета.

Въ Англіи сирень, страннымъ образомъ, считается только цвѣткомъ горя и несчастья, что происходитъ вѣроятно, отъ ея лиловаго, переходящаго въ блѣдный, какъ бы трупный оттѣнокъ, цвѣта.

Старая англійская пословица даже говоритъ, что тотъ, кто носитъ сирень, никогда не будетъ носить вѣнчальнаго кольца. И потому послать сватающемуся жениху вѣтку сирени — значитъ, отказать въ рукѣ той дѣвушки, за которую онъ сватается. Къ этому вѣжливому способу тамъ нерѣдко и прибѣгаютъ.

Въ Англіи долгое время была только лиловая сирень, и про появленіе бѣлой сложилось такое сказаніе.

Говорятъ, что когда, будто, одинъ богатый лордъ обидѣлъ одну довѣрившуюся ему молодую дѣвушку и она умерла съ горя, то всю ея могилу провожавшіе ее друзья усыпали цѣлыми горами сирени.

Сирень эта была лиловая, а когда на другой день пришли ее посмотрѣть, то были несказанно удивлены, увидѣвъ, что она стала бѣлой.

Это была первая бѣлая сирень въ Англіи. Кусты ея показываютъ и теперь на кладбищѣ мѣстечка Вей въ Хартсфорширѣ.

Цвѣты сирени обладаютъ замѣчательно пріятнымъ нѣжнымъ запахомъ горькаго миндаля. Запахъ этотъ происходитъ, какъ предполагаютъ, какъ и у другихъ пахнущихъ миндалемъ цвѣтовъ, отъ присутствія въ нихъ минимальнаго количества синильной кислоты, того страшнаго яда, котораго $^{5}/_{100}$ грамма достаточно, чтобы отра-

вить человѣка, и присутствіе котораго въ количествѣ $^1/_{10}$ на кубическій метръ воздуха является смертельнымъ для дышащихъ этимъ воздухомъ насѣкомыхъ и даже высшихъ животныхъ.

По новымъ изслѣдованіямъ французскаго химика Буркело, синильная кислота встрѣчается не только въ цвѣтахъ, но и въ листьяхъ сирени. Чтобы извлечь ее отсюда, достаточно послѣдніе только прокипятить минутъ 20 въ крѣпкомъ алкоголѣ, прибавивъ туда немного углекислой извести. Предположить ея присутствіе въ этихъ листьяхъ было крайне трудно, такъ какъ она не проявлялась даже и запахомъ, а между тѣмъ количество ея въ нихъ вовсе не незначительно: изъ одного килограмма свѣжихъ листьевъ получается 126 миллиграммовъ кислоты.

Этимъ, вѣроятно, объясняется и цѣлебное дѣйствіе этихъ листьевъ, которые въ русской простонародной медицинѣ прикладываютъ часто для заживленія долго незаживающихъ ранъ. Дѣйствіе ихъ въ этомъ случаѣ бываетъ поразительное, и намъ не разъ приходилось слышать о заживленіи такихъ ранъ, леченіе которыхъ не поддавалось научной медицинѣ. Листья накладываютъ на рану свѣжіе, предварительно хорошенько обмывъ ихъ, и мѣняютъ по мѣрѣ того, какъ они увядаютъ.

Замѣтимъ кстати, что этотъ страшный ядъ встрѣчается еще въ корѣ и цвѣтахъ черемухи, въ свѣжихъ листьяхъ вишни и персика, въ цвѣтахъ и ядрышкахъ косточекъ абрикоса, вишни и персика и даже въ сѣмечкахъ яблока. Но въ особенно сильной дозѣ онъ находится въ горькихъ миндаляхъ, десяти штукъ которыхъ иногда достаточно бываетъ, чтобы причинить смерть даже взрослому. Присутствіе его обнаруживается также въ сѣмячкахъ рябины, кизиля, боярышника и даже въ сѣмячкахъ и цвѣтахъ нашей дикой таволги (Spiraea Ulmaria), растущей въ канавахъ и по берегамъ небольшихъ ручьевъ, пріятный сильный запахъ которой напоминаетъ нѣсколько запахъ цвѣтовъ сирени.

Научное названіе сирени — Syringa vulgaris происходитъ отъ греческаго слова syrinx — трубка, дудочка, такъ какъ, если извлечь изъ куска вѣтки или ствола сирени находящуюся въ нихъ мягкую пробковую сердцевину, то можно сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ свистка или дудки, а дудка по древнему сказанію была изобрѣтена миѳологическимъ богомъ Паномъ, сдѣлавшимъ ее изъ тростника, въ который превратилась бѣжавшая отъ страха его ласкъ и преслѣдованій красавица

нимфа — Сиринксъ. Объ этомъ превращеніи въ своихъ прелестныхъ «Метаморфозахъ» Овидій повѣствуетъ такъ:

„Inter Hamadryadas celeberrima...
Najas fuit. Nymphae Syringa vocabant
. . . .
Panaque, quum prensam sibi jam Syringa putaret
Corpore pro Nymphae calamos tenuisse palustres;
Dumque ibi suspirat, motos in arundine ventos
Effecisse sonum tenuem, similemque querenti...“

(У подножія зеленѣющихъ холмовъ Аркадіи среди лѣсныхъ нимфъ жила знаменитая нимфа по имени Сиринксъ Возвращаясь однажды съ горъ, повстрѣчалъ ее богъ Панъ... Нимфа пустилась бѣжать, но была остановлена теченіемъ водъ рѣки Ладоны. И взмолилась она къ своимъ сестрамъ-водамъ этой рѣки, чтобы онѣ, принявъ другой образъ, пропустили ее. Въ это время нагоняетъ ее Панъ, хочетъ обнять, но вмѣсто Сиринксъ обнимаетъ болотный тростникъ, въ который она превратилась, и который, колеблемый вѣтромъ, испускаетъ свистящіе, похожіе на жалобу звуки...)

По-французски, сирень называютъ Lilas, откуда производится и названіе цвѣта — лиловый. Слово это персидское и обозначаетъ просто: цвѣтокъ. На Востокѣ, откуда, какъ мы знаемъ, и происходитъ сирень, она служитъ эмблемой грустнаго разставанія, и потому влюбленный вручаетъ тамъ ее обыкновенно своей возлюбленной лишь тогда, когда они расходятся или разстаются навсегда.

Въ Германіи ее называютъ часто вмѣсто Flieder — ея настоящаго названія — Hollunder (бузина), смѣшивая ее такимъ образомъ съ этимъ растеніемъ и приписывая ей вслѣдствіе этого массу сказаній, повѣрій и цѣлебныхъ значеній, относящихся до бузины.

Здѣсь можно встрѣтить нерѣдко очень крупные, старые кусты сирени, но особенно замѣчательна своей необычайной величиной сирень берлинскаго госпиталя «Charité».

Сирени этой болѣе ста лѣтъ. Посаженная въ 1801 году, она до того разрослась, что три куста ея занимаютъ пространство въ 100 шаговъ въ окружности и 35 въ діаметрѣ.

Они окружены прекрасной металлической оградой и походятъ теперь уже скорѣе на большія деревья съ нѣсколькими толстыми стволами и множествомъ очень крупныхъ вѣтвей. Нижнія изъ этихъ послѣднихъ, стелясь по землѣ, даютъ отъ себя многочисленные побѣги, изъ которыхъ образуются новые крупные кусты.

Весной, когда эта сирень покрывается тысячами тысячъ чудныхъ лиловыхъ кистей, зрѣлище представляется неописуемое. А упоительный запахъ ея такъ силенъ, что чувствуется по всей окрестности. Жаль, если эта вѣковая сирень будетъ уничтожена, какъ это одно время думали сдѣлать, нуждаясь въ мѣстѣ, для постройки новаго больничнаго барака.

За послѣдніе годы, не довольствуясь тѣмъ прелестнымъ украшеніемъ, которое представляетъ намъ естественное цвѣтеніе сирени на открытомъ воздухѣ, весной, садоводы ухищряются заставить цвѣсти бѣлую сирень зимой на Пасхѣ и даже къ Рождеству, выгоняя ее для этого въ теплицахъ особеннымъ, придуманнымъ ими для этого способомъ. Выгнанная такимъ образомъ сирень расцвѣтаетъ на небольшихъ кустикахъ, посаженныхъ въ горшки, и представляетъ собой одно изъ лучшихъ украшеній нашихъ комнатъ, тѣмъ болѣе, что цвѣтетъ довольно долго и особеннаго ухода, кромѣ постояннаго поддержанія земли влажной, — ничего не требуетъ.

Желающіе заставить цвѣсти сирень зимою могутъ сдѣлать это легко и сами. Для этого достаточно осенью взять деревцо съ образовавшимися уже на немъ почками и, посадивъ его въ горшокъ съ землей, поставить его въ прохладномъ мѣстѣ и дать ему зимой немного промерзнуть; а за мѣсяцъ до Рождества окунуть его вѣтки въ теплую воду, съ температурой въ + 30° R., и, продержавъ въ ней около 6 — 8 часовъ, поставить въ теплое и свѣтлое мѣсто близъ печки.

Подъ вліяніемъ этой теплоты почки начнутъ развиваться и дадутъ цвѣты и листья. Конечно, это не будутъ такіе роскошные, покрытые обильно цвѣтами экземпляры, какіе мы видимъ на окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ или вообще зимой у садоводовъ-спеціалистовъ, но тѣмъ не менѣе обязательно все наше деревцо будетъ въ цвѣтахъ и будетъ цвѣсти довольно долго. Говорятъ, что такого же цвѣтенія можно достигнуть и еще проще: нарѣзавъ даже зимою вѣтокъ сирени и помѣстивъ ихъ на нѣсколько часовъ въ прохладное темное помѣщеніе, откуда потомъ ихъ вынимаютъ, окунаютъ на 2—3 часа въ теплую + 30° R, воду, и затѣмъ ставятъ близъ печки въ бутылку съ водой.

Но, конечно, главное значеніе для насъ, русскихъ, особенно сѣверянъ и жителей средне-русскихъ губерній, сирень имѣетъ не въ зимнее время, когда она можетъ служить наслажденіемъ лишь для немногихъ зажиточныхъ людей, а весною въ саду, гдѣ она является нашей лучшей весенней красой...

Здѣсь связано у насъ съ ней воспоминаніе о старинныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, о старинныхъ дворянскихъ гнѣздахъ, въ которыхъ она составляла всегда необходимую принадлежность садовъ и парковъ, и гдѣ густыя купы ея, разсаженныя передъ главнымъ фронтономъ домовъ, служили ихъ лучшимъ украшеніемъ весною.

Покрытая въ это время тысячами кистей своихъ бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ, она, подобно цвѣточному морю, заливала весь садъ, и упоительный запахъ ея разносился по всей окрестности. Прибавьте къ этому чудное пѣніе соловья и теплую майскую лунную ночь, и вы можете себѣ представить всю прелесть такого стариннаго сада.

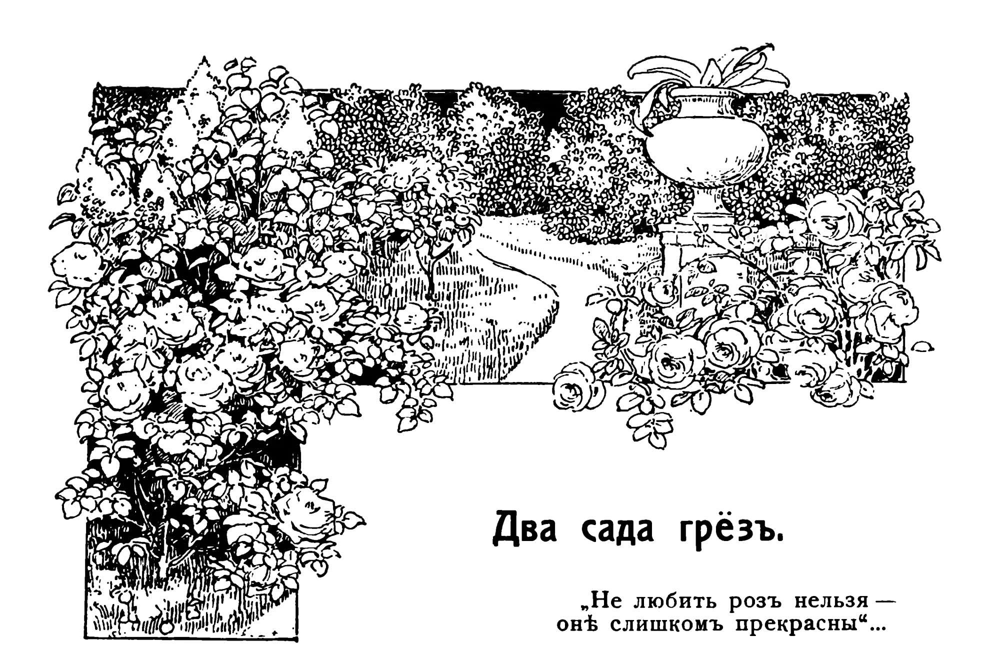
Вспомните только дивную картину Максимова «Все въ прошломъ», гдѣ погруженная въ дорогія воспоминанія о миломъ далекомъ, старушка сидитъ на креслѣ, подъ кустомъ цвѣтущей сирени. Кто знаетъ: не играетъ ли, быть-можетъ, эта сирень даже какой роли въ ея воспоминаніяхъ, напоминая ей многое пріятное изъ дней ея молодости? Кто знаетъ: не здѣсь ли на скамеечкѣ подъ такой же цвѣтущей сиренью, произошло первое признаніе ей въ любви, не эти ли цвѣты ощипывали они вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ, ища въ нихъ счастья?

„Заглохшій старый садъ, пріютъ былыхъ свиданій...
Все время унесло, и лишь былыя тѣни
Въ мечтаньяхъ предо мной изъ прошлаго встаютъ...“

Или не помните ли другую такую же прелестную картину Полѣнова «Бабушкинъ садъ»? И здѣсь опять цвѣтущая сирень, напоминающая, быть-можетъ, также многое той древней старушкѣ, которая бредетъ, опираясь съ одной стороны на палочку, а съ другой на руку молодой дѣвушки.

Словомъ, сирень, служившая постояннымъ украшеніемъ садовъ нашихъ дѣдовъ, является для насъ какъ бы близкимъ, роднымъ растеніемъ, и, встрѣчая гдѣ-нибудь ея цвѣтущій кустъ на чужбинѣ, мы невольно переносимся мыслью на родину, въ свой старый родной уголокъ, какъ это прекрасно выражено въ стихотвореніи высокопоставленнаго поэта К. Р.:

„Растворилъ я окно...
И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
Благовоннымъ дыханьемъ сирени...
Объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,
Гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
И, не зная земныхъ огорченій,
Заливается цѣлую ночь на пролетъ
Надъ душистою вѣткой сирени“.

Два сада грёзъ.

„Не любить розъ нельзя —
онѣ слишкомъ прекрасны"...

Что можетъ болѣе располагать къ мечтанію, что можетъ перенести въ волшебные сады Востока, какъ не роза — этотъ цвѣтокъ грезъ, цвѣтокъ неподражаемаго изящества и красоты, особенно теперь, когда число ея варіететовъ и гибридовъ достигаетъ цѣлыхъ тысячъ!

Собрать ихъ, соединить ихъ и представить въ возможной полнотѣ этотъ калейдоскопъ безчисленныхъ переливовъ, тоновъ, оттѣнковъ окраски, запаха и формы розы являлось всегда мечтой розомановъ, но осуществленіе подобныхъ садовъ грёзъ стало возможнымъ лишь за послѣднее время.

И вотъ однимъ изъ подобныхъ эдемовъ является теперь парижскій городской садъ розъ.

Прелестное это учрежденіе возникло недавно, не болѣе 8 лѣтъ тому назадъ.

Снабдивъ Парижъ возможно большимъ количествомъ растительности и, охраняя тщательно всѣ находящіеся, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, старинные парки и сады, городское управленіе Парижа задумало устроить этотъ садъ, гдѣ бы парижане могли безвозмездно наслаждаться облагораживающей душу красотой цвѣтовъ, гдѣ бы были сосредоточены всевозможные сорта существующихъ нынѣ розъ.

Мѣстомъ устройства розарія былъ избранъ прелестный уголокъ Булонскаго лѣса — прежнее владѣніе графа д'Артуа, носившее поэтическое названіе «Каприза д'Артуа» и возникшее еще въ 1711 году.

Владѣніе это видѣло многое. Служа при Людовикѣ XIV мѣстомъ сбора королевскихъ охотниковъ, при Людовикѣ XV оно сдѣлалось мѣстомъ свиданій, мѣстомъ пиршествъ. Здѣсь-то задавались и знаменитые пиры въ честь Лещинскаго, отца жены Людовика XV, Маріи Лещинской. Но тотъ видъ, который имѣетъ теперь находящійся въ немъ замокъ, онъ пріобрѣлъ лишь тогда, когда владѣтелемъ его сдѣлался графъ д'Артуа — второй братъ короля Людовика XVI, истратившій на его убранство и коллекціи цѣлые милліоны и превратившій его въ настоящій музей рѣдкостей.

Во время революціи замокъ этотъ былъ отнятъ у короля и подвергся грабежу взбунтовавшейся черни, потомъ пріобрѣтенъ былъ Наполеономъ I и былъ нѣкоторое время резиденціей его сына — короля Римскаго, а затѣмъ былъ купленъ однимъ антрепренеромъ и превратился въ публичный садъ.

Въ концѣ концовъ онъ перешелъ во владѣніе знаменитаго пэра Англіи — лорда Сеймура. Здѣсь у Сеймура бывала королева Викторія и Наполеонъ III съ императрицей Евгеніей, для наслѣдника которыхъ принца Наполеона лордъ Сеймуръ устроилъ здѣсь даже залъ для фехтованія.

По смерти лорда, замокъ подвергся продажѣ съ аукціона и былъ пріобрѣтенъ вмѣстѣ со всѣмъ прилежащимъ къ нему чуднымъ паркомъ городомъ Парижемъ.

Устроенный здѣсь садъ получилъ названіе «бездѣлушки» (Bagatelle). И парижскія садоводства приложили всѣ свои старанія, чтобы создать что-нибудь изящное.

Старанія ихъ не остались тщетными, и когда розы въ цвѣту, то садъ представляетъ, дѣйствительно, нѣчто очаровательное, волшебное.

Вотъ, что пишетъ о немъ посѣтившій его одинъ изъ журнальныхъ корреспондентовъ.

«Я поклялся не покидать Парижа, не простившись съ его чуднымъ уголкомъ, съ городскимъ садомъ розъ, носящимъ названіе «Bagatelle» — бездѣлушки.

И вотъ, въ 8 часовъ утра, я былъ уже у рѣшетки знаменитаго владѣнія д'Артуа. Роскошныя, массивныя, какъ бы не забывшія еще своего былого величія ворота были заперты. Они открылись при мнѣ и я имѣлъ дѣтскую радость, какъ этого мнѣ и хотѣлось, быть посѣтителемъ, для котораго они, проснувшись и какъ бы потягиваясь еще отъ сладкаго сна, медленно повернулись на своихъ петляхъ.

Еще пустыя аллеи, повидимому, нисколько не были удивлены моему раннему посѣщенію и любовно протягивали мнѣ свои вѣтви. Я шелъ съ важностью и увѣренностью хозяина. Сторожъ, принявъ меня, вѣроятно, за кого-то знакомаго, вѣжливо поклонился.

Мнѣ казалось, что я у себя, что я только-что вышелъ изъ своей любимой комнаты, находящейся вонъ тамъ въ нижнемъ этажѣ маленькаго дворца, той комнаты, изъ которой передъ удивленными глазами зрителя развертывается такой чудный видъ на паркъ, на садъ розъ...

О волшебное, вѣчно новое зрѣлище, зрѣлище, захватывающее васъ всего и прелесть котораго нѣтъ словъ передать! Я чувствую уже свою слабость изобразить перомъ тѣ потоки мыслей, которые вызываетъ во мнѣ, отражась, какъ въ чистомъ кристаллѣ, видъ послѣдняго земного рая, рая, который, къ счастью, нами еще не потерянъ...»

Чтобы почувствовать всю чарующую его прелесть,— обернитесь спиной къ зданію старой оранжереи. Разъ здѣсь, намъ остается только широко раскрыть глаза, смотрѣть и любоваться.

Передъ нами, подобно лакомому блюду, подобно шахматной доскѣ изъ красокъ, разстилается полный дивнаго благоуханія садъ розъ съ его узорчатыми квадратами, съ его въ мавританскомъ вкусѣ расписными газонами, узкими симметрическими аллеями съ его бархатными зелеными лужайками, окаймленными высокими штамбами розъ, гнущимися подъ тяжестью своихъ обильныхъ цвѣтовъ и окруженныхъ у своего подножія прелестными группами низкихъ розовыхъ кустовъ...

Глядишь и такъ и чудится тебѣ, что находишься передъ какимъ-нибудь торжественнымъ собраніемъ цвѣтовъ, передъ парадомъ флоры или смотромъ розъ въ честь Венеры, мраморное изображеніе которой такъ и просится на мѣсто находящейся здѣсь бронзовой группы оленя, преслѣдуемаго сворой собакъ.

Въ глубинѣ виднѣется изящная, въ итальянскомъ стилѣ, прозрачная крытая аллея — пергола, которой каждый столбикъ, каждая прекладинка исчезаютъ въ тысячахъ, то ползущихъ вверхъ, то спускающихся внизъ, вьющихся розъ. Подобно сталактитамъ, свѣшиваются здѣсь цѣлыми кистями блѣдно-зеленыя ихъ вѣтви, покрытыя изящными листьями и пучками прелестныхъ душистыхъ лепестковъ, въ которыхъ съ жадностью пьютъ сладкій нектаръ безчисленные пчелы и шмели...

Одинъ я не нахожу силъ достаточно насладиться — одиночество меня опьяняетъ...

Деревья образуютъ вокругъ квадратной стѣны родъ рамки различныхъ оттѣнковъ и переливовъ зелени, переходящей постепенно въ зелень газоновъ. Все неподвижно, все полно глубокихъ думъ... И только птицы, порхая то туда, то сюда, пересѣкаютъ быстро воздухъ, щебечутъ и прыгаютъ то на траву, то съ вѣтки на вѣтку.

Вонъ зябликъ съ своей бѣлополосатой грудкой, вонъ лазоревка-синичка, черноголовая малиновка, вонъ нашъ старый другъ снѣгирь, вонъ дроздъ съ своимъ оранжевымъ клювомъ.

Бѣлые хлопья тополей несутся подобно нѣжнымъ пушинкамъ лебедей и, по временамъ, отцвѣтшая роза роняетъ свой чудный уборъ на газонъ, который ночью тысячи ея сестеръ уже усѣяли своими разныхъ цвѣтовъ и тоновъ лепестками — этимъ благоухающимъ пепломъ своей красы...

Дивные цвѣты! Изъ чего вы только сдѣланы? Изъ какого бархата, изъ какого шелка, изъ какой чудной матеріи?

Есть розы красныя, какъ кораллъ, и всѣхъ нѣжныхъ оттѣнковъ тѣла: цвѣта локтя, цвѣта ногтей, цвѣта румянца, цвѣта уха и вздрагивающихъ ноздрей; цвѣта алыхъ губъ, цвѣта крови — всѣхъ оттѣнковъ пурпура и розы.

Другія — лиловыя, винно-красныя, темныя, какъ малина, или желтыя, какъ сѣра, и палевыя, какъ абрикосъ. Однѣ веселыя, смѣющіяся, другія — печальныя, полныя грусти. Однѣ дерзкія, вызывающія, другія — мечтательныя, поэтичныя. Однѣ, образуя кисти, пучки, покрыты такими чудными, такими вкусными на видъ плодами, что такъ и хотѣлось бы ихъ попробовать. Другія напоминаютъ прелесть тѣлъ Рубенса, яркость красокъ Фрагонара и блѣдные тона Корреджіо.

И мысль переносится къ ихъ дивнымъ сестрамъ — уроженкамъ ярко освѣщенныхъ солнцемъ странъ: розамъ Италіи, Испаніи, розамъ Востока, розамъ Персіи, такъ прекрасно воспѣтымъ Лоти, розамъ Испагани, которыя падаютъ, подобно хлопьямъ снѣга, въ теплыя воды бассейновъ и на фарфоровый полъ изъ лазуревыхъ черепицъ, прежде чѣмъ превратиться въ ту драгоцѣнную душистую эссенцію, которую бережно хранятъ въ хрустальныхъ съ золотомъ сосудахъ.

Онѣ не могутъ быть красивѣе этихъ — особенно же благодарнѣе и великодушнѣе, ибо любезность розы — единственна въ мірѣ. Эти дивные цвѣты жертвуютъ

собою, приносятъ въ даръ безвозмездно всѣмъ свое благоуханіе, свою красоту. Кажется, какъ будто каждая изъ нихъ говоритъ: «я ваша на мгновеніе, которое въ то же время и вся моя жизнь».

Но возможно ли ихъ всѣхъ слушать, возможно ли отнестись къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ, когда ихъ такъ много?

И въ самомъ дѣлѣ, какую изъ нихъ взять, какой дать предпочтеніе? Не знаешь, куда глядѣть, что вдыхать, чѣмъ любоваться. Хотѣлось бы ихъ всѣхъ обнять, зарыться въ нихъ, заснуть и умереть...

Но это невозможно, надо идти мимо и предоставить каждую изъ нихъ своей участи.

А какъ, о Боже, участь ихъ различна! Сколькихъ изъ нихъ жизнь пройдетъ безслѣдно, сколько изъ нихъ засохнутъ, не будучи даже и сорваны. Сколько такихъ, до которыхъ никто не дотронется, никто не вдохнетъ ихъ запаха, сколько такихъ, которыми даже никто и не полюбуется! Однѣ, можетъ быть, будутъ сорваны и пойдутъ на праздничный букетъ или украшеніе обѣденнаго стола, другія украсятъ собой свадебную шкатулку, а третьи будутъ вплетены въ вѣнокъ покойника!

Спрашивается, какую участь избрали бы онѣ, если бы ихъ объ этомъ спросили? Но объ этомъ никто съ ними не совѣтуется, а между тѣмъ онѣ отвѣчаютъ, когда ихъ спрашиваютъ. Онѣ говорятъ о любви, о смерти, о быстролетности поцѣлуя, о погребальномъ склепѣ, о кладбищѣ.

Большая часть изъ нихъ полна страсти. Есть, однако, и безстрастныя, которыя кажутся, будто дали обѣтъ безбрачія и превратились въ кармелитокъ сада.

Здѣсь вы можете встрѣтить и язычницъ и христіанокъ; и розъ вакханокъ и розъ — участницъ духовныхъ процессій. Тутъ есть розы и для алтаря, и для празднествъ, есть розы и для влюбленныхъ, и для поэтовъ. И это все однѣ и тѣ же розы. Онѣ цвѣтутъ для всѣхъ.

Для выраженія всѣхъ радостей, для утѣшенія всѣхъ горестей до сихъ поръ не нашлось ничего лучшаго розы.

Розы играютъ такую роль въ жизни человѣка, что кажется, если бы онѣ вдругъ исчезли почему-либо, то жизнь наша оказалась бы поблекшей, обезцвѣченной.

Онѣ — радость, онѣ выраженіе нашихъ чувствъ, сердца и разума. При одномъ словѣ: «роза» какъ-то дышется легче, какъ-то все представляется въ болѣе яркомъ свѣтѣ, и когда упиваешься ихъ запахомъ, то какъ бы находишься уже въ предвкушеніи блаженства. Онѣ должны бы быть

во всякомъ домѣ, какъ талисманъ, какъ даръ богу «счастья».

Продолжая свою прогулку, я наклонился, чтобы прочесть названія, помѣщенныя около каждаго изъ ихъ сортовъ и, читая ихъ, мнѣ казалось, что я произношу имена дорогихъ умершихъ, для которыхъ эти розы служатъ какъ бы живымъ памятникомъ.

Вотъ подъ этой небольшой розой покоится прахъ Великаго Князя Николая Николаевича, рядомъ этотъ кустъ бѣлыхъ пышныхъ розъ осѣняетъ память полковника Вильямсона, а въ тѣни этихъ букетовъ изъ розовыхъ розъ спитъ вѣчнымъ сномъ Селина... Мнѣ стало даже завидно...

Въ это время раздался какой-то шумъ. Желая узнать, въ чемъ дѣло, я пошелъ по его направленію и увидѣлъ двухъ садовниковъ, срубавшихъ старое, двухсотлѣтнее громадное дерево. Оно еще стояло, но уже было мертво. Часть вѣтвей его уже была срублена и лежала связанною въ пучкахъ.

Двѣсти лѣтъ, сколько времени! Чего-чего оно только не было свидѣтелемъ. И вотъ пришелъ конецъ. Еще взмахъ — другой топора и его не станетъ больше...

И съ грустью удалился я, думая, что въ теченіе времени жизнь столѣтняго дерева не дольше жизни розы, распустившейся и осыпавшейся въ одно утро...»

Такова картина этого прелестнаго городского сада, этого сна на яву...

Еще болѣе грандіознымъ, еще болѣе, если это только возможно, очаровательнымъ является садъ, или лучше сказать, паркъ розъ извѣстнаго розомана Ж. Граверо въ Аи (Ау), расположенный въ исторической долинѣ розъ, простирающейся отъ Буръ-ла-ренъ до Фонтене-о-розъ, долинѣ, служившей съ давнихъ временъ мѣсторожденіемъ большинства самыхъ чудныхъ, самыхъ изящныхъ гибридовъ розъ.

Садъ этотъ, дѣйствительно, нѣчто волшебное, дѣйствительно въ полномъ смыслѣ «Садъ грёзъ».

Въ эпоху цвѣтенія розъ въ него совершается чистое паломничество.

Посмотрѣть это чарующее глаза зрѣлище, упиться неописуемой прелестью розъ, ихъ дивнымъ запахомъ, несутся всѣ: и вѣнценосный любитель, и простой смертный.

Количество имѣющихся тамъ розъ громадно — цѣлыя сотни тысячъ, милліоны. Это наиболѣе полная изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ коллекцій розъ.

Чтобы собрать ихъ, потребовался не только трудъ полуторадесятка лѣтъ и крупный капиталъ, но и цѣлыя спеціальныя экспедиціи съ цѣлью собиранія всѣхъ существующихъ на свѣтѣ дико-растущихъ видовъ розъ (шиповника).

Теперь, за небольшими исключеніями, здѣсь все это собрано. Остаются лишь два-три вида, которыхъ достать почти невозможно.

Садъ занимаетъ собой около 2 десятинъ и заключаетъ два отдѣла: научный съ приблизительно 1.000 видовъ и разновидностей дикихъ розъ, и садовый со всѣми имѣющимися и когда-либо имѣвщимися варіететами и гибридами садовыхъ розъ, которыхъ число доходитъ до 6.000 сортовъ. Число это ежегодно, даже ежемѣсячно, все болѣе и болѣе увеличивается.

Этотъ садъ имѣетъ форму треугольника, или, лучше сказать, римской цифры V. Трельяжи, крытыя аллеи-перголы, всѣ увитыя чудными вьющимися розами, группы всевозможныхъ сочетаній розъ, украшенныя то бюстами, то изящными статуями, чередуются одна за другой.

Въ центрѣ находится прелестный партеръ съ знаменитой статуей Фальконе «Купальщица», залитой дивными сортами розъ и окруженной цѣлымъ рядомъ портиковъ и гирляндъ вьющихся розъ.

Въ разныхъ многочисленныхъ уголкахъ сада, которые всѣ такъ очаровательны, что не знаешь, какому изъ нихъ дать предпочтеніе, помѣщаются бесѣдки, павильоны, красивый бассейнъ для поливки сада, весь увитый розами музей, библіотека, хижина — павильонъ для садовниковъ и, наконецъ, единственный въ мірѣ театръ розъ.

Сцена на воздухѣ и всей ея декораціей служатъ лишь окружающія ее деревья и дивныя розы.

Здѣсь въ извѣстные дни, при волшебномъ электрическомъ освѣщеніи, даются сцены изъ балета, который исполняется первыми знаменитыми балеринами Парижа, и гдѣ главную роль всегда играетъ «роза».

На представленія эти съѣзжается весь beau monde Парижа и попасть на нихъ считается верхомъ счастья.

Волшебная красота, всюду разлитая роскошь красокъ, дивный, наполняющій весь садъ, ароматъ, не поддаются никакому описанію.

«Это — заключенная въ стѣны древняго замка заколдованная принцесса «Спящая красавица», говоритъ посѣтившій этотъ садъ знаменитый французскій романистъ Тёріе.

Чтобы добраться до нея, нужно прорваться сквозь

тѣнистые лѣса, безконечныя поля. Но что за прелесть, что за очарованіе, когда наконецъ до нее доберешься!

Розы разстилаются пышнымъ ковромъ по землѣ; вьются гирляндами, аркадами, портиками по проволокамъ; обвиваютъ колонны, ограды, зданія, бесѣдки; убираютъ своды на безконечномъ разстояніи, тянущихся крытыхъ аллей и такъ и манятъ въ свою таинственную глубь.

Здѣсь видите вы всѣ переливы бѣлыхъ цвѣтовъ, начиная съ розы Banksiae и кончая тѣлесно-бѣлой Souvenir de la Malmaison; всѣ желтые оттѣнки, начиная отъ лососеваго цвѣта Gloire de Dijon, сѣро-желтаго Maréchal Niel, и кончая темно-шафраннымъ Rêve d'or (золотой сонъ), и матовымъ-золотымъ Chromatella. Видите нѣжно серебристо-розовые La France рядомъ съ карминно-красными Gloire de Bourg-la-reine, ярко-вишневыми Marie Henriette, блестяще-розовыми Coupe d'Hebé и кончая темнымъ пурпуромъ Empereur de Maroc.

И изъ всѣхъ этихъ полуоткрытыхъ вѣнчиковъ, этихъ нѣжныхъ губокъ розъ разносится ароматъ столь же разнообразный, какъ и ихъ форма и оттѣнки: то запахъ мускуса, напоминающій собой сады Востока, то нѣжное, томное, душистое дыханіе, — какъ ароматъ виноградной лозы въ цвѣту; то сладострастное, — какъ поцѣлуй, то легкое, — какъ весенній вѣтерокъ.

Тутъ опьяняются и зрѣніе, и слухъ; и въ яркихъ лучахъ лѣтняго солнца всему этому гимну запаховъ и красокъ, — и гудѣнье пчелъ, шмелей и златокъ служитъ какъ бы гармоничнымъ аккомпаниментомъ...

Счастливъ тотъ, кто хоть разъ въ жизни насладится этой чудной картиной природы, — хоть разъ насладится этимъ праздникомъ для глазъ и души.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
29	4	сверху	и, ожившіе	а, ожившіе
41	8 и 12	снизу	городъ Э	городъ Эксъ
65	1	„	окрасятъ	украсятъ
75	7	„	вскрыкнувъ	вскрикнувъ
82	3	сверху	учредилъ	утвердилъ
103	1	„	сохранило	сохраняло
103	13	„	которымъ	которыми
109	27	„	изъ лавръ	изъ лавровъ
116	8	снизу	празднествъ Вакха	празднествъ, Вакха
128	19	„	обставленными	обставленное
135	14	сверху	достигала	достигали
135	8	снизу	тульпоманія	тульпоманіи
161	4	„	тина	тина ?
167	22	„	на волѣ	на водѣ
175	11	снизу	сообщаетъ	сообщаютъ
180	16	снизу	отвѣтилъ	отвѣчалъ
239	20	„	Воскресеній	воскресеній
247	5	„	продолжаетъ	продолжалъ
249	14	сверху	любилъ ее	— любилъ ее
284	1	снизу	слѣдующими строфами	слѣдующей строфой.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Акваріумъ любителя. 3-е изд. 754+XVI стр. съ 263 рис. и 2 табл. in 8°. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Новыя акваріумныя рыбы и растенія. (2-й т. Акв. любителя) 378+VI стр. съ 124 рис. и 1 табл. in 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Водяныя растенія для акваріумовъ. 280 стр. съ 53 рис. и 1 табл. in 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Дѣтскій акваріумъ. Руководство для ухода за акваріумомъ для дѣтей. Съ 73 рис. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Наши садовые цвѣты, овощи и плоды. Культурно-историческіе очерки 336 стр. съ 129 рис. in 12°. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Нашъ садикъ. Разсказъ о цвѣтахъ, ихъ происхожденіи и уходѣ за ними самихъ дѣтей. 56 стр. in 12° съ иллюстр. (Приложеніе къ журналу „Мірокъ“).

Золотая рыбка и ея варіететы. Разведеніе и содержаніе ея въ прудахъ и акваріумахъ. Опытъ монографіи. 114 стр. in 8° съ 12 рис. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР., РУМЯНЦЕВСКАЯ ПЛОЩ., Д. № 1/3;
МОСКВА, КАЛАШНЫЙ ПЕР., Д. 10.

РАСТЕНІЕ.

Популярныя лекціи изъ области ботаники д-ра Ф. КОНА, профессора Бреславльскаго университета. Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія подъ ред. акад. С. И. КОРЖИНСКАГО и главнаго бот. Императорскаго СПБ. ботаническаго сада Г. И. ТАНФИЛЬЕВА, съ 302 политипажами въ текстѣ. Два тома. Цѣна 7 р. 50 коп., въ переплетѣ 9 руб.

ИЗЪ ЖИЗНИ РАСТЕНІЙ.

Популярно-біологическіе очерки для самостоятельныхъ и школьныхъ экскурсій. I. Въ хвойномъ лѣсу. Сост. С. П. АРЖАНОВЪ. Съ 75 рис. въ текстѣ. СПБ. 1912 г. Цѣна 50 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ РАСТЕНІЙ.

Популярно-біологическіе очерки для самостоятельныхъ и школьныхъ экскурсій II. Въ лиственномъ лѣсу. Сост. С. П. АРЖАНОВЪ. Съ 67 рис. въ текстѣ. СПБ. 1913 г. Цѣна 60 коп.

ЧУВСТВУЮТЪ-ЛИ РАСТЕНІЯ.

Соч. Р. Г. ФРАНСЭ. Перев. съ нѣм. С. А. ПОРѢЦКАГО, подъ ред. акад. И. П. БОРОДИНА. Съ 18 рис. въ текстѣ. Цѣна 60 коп.

ГЕРБАРІЙ.

Руководство къ собиранію и засушиванію растеній для гербарія и къ составленію флористическихъ коллекцій. Сост. П. В. СЮЗЕВЪ. Съ 13 рис. въ текстѣ. СПБ. 1912 г. Цѣна 50 к.

РУССКІЯ ЛЕКАРСТВЕННЫЯ РАСТЕНІЯ.

Атласъ и ботаническое описаніе. Съ указаніемъ на врачебное примѣненіе, дѣйствіе, собираніе и культуру этихъ растеній. Съ 140 хромолитогр. табл. и 19 политип. въ текстѣ. Составилъ В. К. ВАРЛИХЪ проф. Императорской Военно-Медицинской Академіи. Изд. 2-е просм. и дополн. СПБ. 1912 г. Цѣна 12 руб. въ переплетѣ 14 руб.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР., РУМЯНЦЕВСКАЯ ПЛОЩ., Д. № 1 3;
МОСКВА, КАЛАШНЫЙ ПЕР., Д. 10.

КОМНАТНОЕ САДОВОДСТВО.

Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе. Приспособленіе комнатъ для культуры въ нихъ растеній. Практическое руководство для любителей и садоводовъ. Сочиненіе М. ГЕСДЕРФЕРА. Переводъ со многими дополненіями для Россіи А. СЕМЕНОВА. 2-ое исправленное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1905 г. Цѣна 5 руб., въ перепл. 6 руб. 25 коп.

КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО.

Практическія указанія по культурѣ комн. растеній. Съ 3 табл. и 86 рис. Сост. Н. Е. СЕМЕНОВЪ при участіи членовъ Общества Любителей Природы, подъ редакціей И. И. МАМОНТОВА. С.-Петербургъ. 1909 г. Цѣна 80 коп.

ПАЛЬМЫ.

Выращиваніе и содержаніе пальмъ въ жилыхъ комнатахъ. Сост. В. А. ВИШНЯКОВЪ, Съ 32 рис. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 руб. 60 к.

МНОГОЛѢТНИКИ,
наиболѣе красивые и пригодные для садовой культуры.

48 таблицъ въ краскахъ по акварелямъ В. МЮЛЛЕРА. Съ пояснительнымъ текстомъ и совѣтами относительно культуры М. ГЕСДЕРФЕРА. Переработано въ примѣн. къ условіямъ культуры въ Россіи В. Л. КОМАРОВЫМЪ. Изданіе 2-ое, просмотрѣнное. Цѣна 7 руб. 50 коп., въ полукожаномъ переплетѣ 9 руб.

О ВЫГОНКѢ ВЪ ЦВѢТЪ ВЪ КОМНАТАХЪ

гіацинтовъ, тюльпановъ, нарциссовъ, тацетовъ, жонкилій, крокусовъ, сциллъ и безвременниковъ Г. Н. ШУЛЬГИНА. Съ 36 рис. Изданіе 2-е, дополн. С.-Петербургъ. 1908 г. Цѣна 45 коп.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР., РУМЯНЦЕВСКАЯ ПЛОЩ., Д № 1/3;
МОСКВА, КАЛАШНЫЙ ПЕР., Д. 10.

РОЗЫ,
годныя для содержанія въ комнатахъ и ихъ культура.

Сост. Г. Н. ШУЛЬГИНЪ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С.-Петербургъ. 1912 г. Цѣна 80 коп.

АЛЬБОМЪ РОЗЪ.

20 таблицъ въ краскахъ. Описаніе 300 лучшихъ сортовъ розъ. С.-Петербургъ. 1911 г. Цѣна 3 руб.

КУЛЬТУРА РОЗЫ
въ открытомъ грунту и подъ стекломъ.

Изданіе 3-е, вновь обработанное и значительно дополненное. Съ 74 рис. въ текстѣ. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 руб.

КУЛЬТУРА КРАСИВОРАСТУЩИХЪ ОРХИДЕЙ ДЛЯ РѢЗКИ И ДЕКОРАЦІЙ.

Руководство для садовниковъ и любителей. Сост. Ф. ЛЕДИНЪ. Съ рисунками. Переводъ П. КАМЕНОГРАДСКАГО. СПБ. 1904 г. Цѣна 70 коп.

КАКТУСЫ.

Содержаніе ихъ въ комнатахъ. Составилъ Н. И. ЛЯПУНОВЪ. Съ 3-мя таблицами изображ. кактусовъ. СПБ. 1912 г. Цѣна 50 коп.

ВЫГОНКА СИРЕНИ.

Составилъ Н. И. КИЧУНОВЪ. Съ 9 рисунками. СПБ. 1907 г. Цѣна 40 коп. Ученымъ Комитетомъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія признанъ удовлетворительнымъ для подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР., РУМЯНЦЕВСКАЯ ПЛОЩ., Д. № 13;
МОСКВА, КАЛАШНЫЙ ПЕР., Д. 10.

ЦВѢТНИКИ и ПАРТЕРЫ.

Устройство ковровыхъ клумбъ, рабатокъ, арабесокъ, цвѣточныхъ и лиственныхъ группъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Съ 118 рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Составилъ И. КИЧУНОВЪ. С.-Петербургъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 75 к.

БУКЕТЫ, ВѢНКИ, ГИРЛЯНДЫ
и аранжировка различныхъ украшеній и издѣлій изъ живыхъ цвѣтовъ.

Руководство для любителей и садовниковъ. Сост. И. К ШМИДТЪ въ Эрфуртѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. И. КИЧУНОВА. Съ 200 рис. 2-е изданіе. СПБ. 1912 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к.

ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ ОРАНЖЕРЕЙ, ТЕПЛИЦЪ
и другихъ культиваціонныхъ помѣщеній.

О. ШНУРБУША. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Г. МИХАЙЛОВА, подъ редакціей и съ дополненіями Н. И. КИЧУНОВА. Съ 137 рис. въ текстѣ. СПБ. 1907 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

УДОБРЕНІЕ ВЪ САДОВОДСТВѢ.

Г. ГЕРДТЪ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Н. И. КУЧУНОВА. СПБ. 1892 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ перепл. 2 руб. 25 коп.

ДАЧНЫЙ САДЪ.

Разбивка и обсадка небольшихъ садовъ и парковъ деревьями, кустами и цвѣтами. Популярное руководство по декоративному садоводству. Съ 8 планами садовъ и 144 рисунками П. И. КАМЕНОГРАДСКАГО. Изданіе 2-е, переработанное и значительно дополненное. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. Въ папкѣ 2 руб.

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Ф. ДЕВРІЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВАС. ОСТР., РУМЯНЦЕВСКАЯ ПЛОЩ., Д. № 1/3;
МОСКВА, КАЛАШНЫЙ ПЕР., Д. 10.

КРАСИВОЦВѢТУЩІЯ ГРУНТОВЫЯ РАСТЕНІЯ, ЛУКОВИЧНЫЯ и НѢКОТОРЫЯ МНОГОЛѢТНІЯ.

Ихъ культура въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. Составилъ Н. И. КИЧУНОВЪ. Съ 34 рис. въ текстѣ. СПБ. 1909 г. Цѣна 50 к.

КУЛЬТУРА ГОЛЛАНДСКИХЪ ГВОЗДИКЪ.

Составилъ Н. И. КИЧУНОВЪ. Съ 36 рис. СПБ. 1908 г. Цѣна 45 к.

КУЛЬТУРА ГЕОРГИНЪ.

Съ 6 рисунками. Сост. Н. И. КИЧУНОВЪ. СПБ. 1908 г. Цѣна 20 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ

къ выгонкѣ нѣкоторыхъ раннихъ цвѣтовъ для цѣлей промышленныхъ и любительскихъ.

Сост. ученый садоводъ А. МИХАЙЛОВЪ. СПБ. 1911 г. Цѣна 50 к.

КРАСИВЫЕ ДЕКОРАТИВНО-ЦВѢТУЩІЕ КУСТАРНИКИ.

М. ГЕСДЕРФЕРА. Переводъ съ нѣмецкаго со многими измѣненіями и дополненіями для Россіи, подъ редакціей Р. РЕГЕЛЯ. Съ 40 полит. и 24 табл. въ краскахъ по аквар. Г. БЕКМАНА. СПБ. 1906 г. Цѣна 6 руб., въ перепл. 7 руб.

ХВОЙНЫЯ ДРЕВЕСНЫЯ ПОРОДЫ

съ болѣе подробнымъ обзоромъ видовъ, зимующихъ въ грунту въ средней Европѣ.

Введеніе къ познанію хвойныхъ древесныхъ породъ для садовниковъ, любителей ландшафтнаго садоводства и лѣсоводовъ. Со 100 рисунками. Проф. д-ра фонъ-ТЮБЕФЪ. Переводъ, съ разрѣшен. автора, Г. КОРКУШКО и М. ПОПОВА подъ редакціей проф. В. ХМѢЛЕВСКАГО. СПБ. 1902 г. Цѣна 2 руб.

Полный каталогъ книгоиздательства А. Ф. ДЕВРІЕНЪ высылается по требованію безплатно.

